

ПЯТЫЕ
ТЫНЯНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
И МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

ЛАТВИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ПЯТЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тезисы докладов
и материалы для обсуждения

Рига „Зинатне” 1990

83. 3К7
П 994

Р е д к о л л е г и я :

В. А. Марков (зам. отв. ред.), *Е. А. Тоддес*, *Ю. Г. Цивьян*,
М. О. Чудакова (отв. ред.)

Редактор тома *Е. А. Тоддес*

П $\frac{4402000000-107}{М 811 (11)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-7966-0799-5

© Латвийская академия наук,
Институт философии
и права, 1990

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник, выпускаемый к Пятым Тыняновским чтениям, содержит материалы, связанные с изучением архива и творчества писателя и ученого (З.Н.Поляк, Е.А.Тоддес, В.В.Эйдинова), его связей с современниками (Л.Ф.Кацис, П.М.Нерлер, Р.Д.Тименчик), рукописного наследия участников ОПОЯЗа - публикации писем Б.В.Томашевского и Б.М.Эйхенбаума.

Второй важный массив предполагаемых докладов и сообщений относится к темам и персонажам истории русской литературы XIX-XX вв., зафиксированным так или иначе опоязовскими изучениями, - А.А.Шаховской, Кюхельбекер, Тютчев, Брюсов, Пастернак, Мандельштам и др.

Наконец, мы печатаем материалы о неvyšедших, оставшихся рукописными, прекратившихся периодических изданиях.

Теперь публикации документов, относящихся к этому времени, теряют свое внутреннее эмфатическое звучание - последовательное изучение истории советского общества становится наконец обыденным делом, лишаясь неестественного для науки статуса подвига честного человека.

У многих материалов этого сборника - иная модальность, чем у материала предшествующего, - при полной пресметственности научного языка. Вчера для одних собственные высказывания звучали в условном наклонении, для других - в нереальном, для третьих - в повелительном. Сегодня значительная часть наших научных высказываний переводится, мы надеемся, в наклонение изъявительное.

Первый тираж этого сборника вышел (в количестве 4-х экземпляров) накануне Пятых Тыняновских чтений (20-22 июня 1990 года, Резекне-Даугавпилс).

Последний год все увеличивает число потерь в культуре и в нашей жизни. Уходят люди, имена которых были особенно

значимыми в минувшей эпохе, - и те, кто просто были, как Наталья Роскина, неотъемлемой частью широкой гуманитарной среды 60-х - 70-х годов.

Весной 1989 года мы простились с Вениамином Александровичем Кавериним, в ноябре того же года скоростижно скончался Натан Эйдельман. (О них обоих - в Пятом Тыняновском сборнике).

В декабре 1989 года наша страна потеряла Андрея Дмитриевича Сахарова.

В феврале 1990 года умер Давид Самойлов, в мае - Венедикт Ерофеев.

В июле 1990 года пришло известие о смерти С.Параджанова.

15 июля сего года в ленинградской больнице скончалась Лидия Яковлевна Гинзбург. За две недели до этого она была еще полна интеллектуальных сил и живого интереса к событиям общественной и научной жизни; коллеги успели рассказать ей и о Пятых Чтениях. Выполняя еще один скорбный долг, мы включаем во второй (основной) тираж данного сборника некролог по автору, быть может, самых заметных публикаций в Тыняновских сборниках.

Редколлегия Тыняновских сборников благодарит за содействие в подготовке программы Чтений и большую практическую помощь членов оргкомитета Пятых чтений А.Л.Осозата и Ингу Боже, которая приняла также участие в корректуре данного сборника.

1. ТЕЗИСЫ И ЗАМЕТКИ

ИЗ МАРГИНАЛИЙ К "МЕДНОМУ ВСАДНИКУ"

I.

Один из черновиков связанной с "Медным всадником" неоконченной поэмы в "онегинских строфах" (редакторское название - "Езерский") позволяет заметить у позднего Пушкина интерес к приему перемещения литературного героя из центра одного произведения на сюжетную периферию другого: "Он на углу Галерной жил При гр < афе > Нулине служил" (V,415)¹. На примере давно отмеченной² образной смежности между "Медным всадником" и "Домиком в Коломне" видно, что этот повышающий смысловую емкость, экономящий речевые средства и усиливающий правдоподобие прием употребляется поэтом не "в чистом виде" (как у Бальзака или Золя), а осложняется принципиальной авторской установкой на многовариантность прочтения "Медного всадника"³. Явная автоотсылка к другому произведению отчасти нейтрализуется невозможностью *полной* идентификации героев. В черновиках предмет увлечения Езерского описывается следующим образом: "...Она С своею матерью одна Жила в домишке...". Здесь же указывается местонахождение этого жилища

1. Ссылки даются по изданию : Пушкин. Полн. собр. соч.-Т.I. - XVI. - < М. ; Л. >, 1937 - 1949.

2. См., напр. : Ходасевич В.Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. - 1915. - № 3. - С.41-44.

3. Ср. : < <... "Загадочность" мы понимаем как некоторое объективное свойство данной художественной структуры, как результат осуществления определенного авторского задания и, следовательно, как средство эстетического воздействия на читателя. Отсюда вытекает, что мы не собираемся "расшифровывать" поэму и считаем "загадочность" полноправным стилевым компонентом > > (Тодес Е.А. К изучению "Медного всадника" // Пушкинский сборник. - Рига, 1968. - С.93).

: "...Влюблен Он был в Коломне, по соседству" (V, 413) 4. Мысль читателя должна, пройдя по кругу вопросов ("Уж не те ли это вдова с дочерью, которых судьба столкнула в свое время с бредущейся кухаркой? Кстати, уж не герой ли данного сочинения скрывался под обликом той кухарки? Или это было до него?" и т.д.), с сомнением прийти к отрицательному заключению ("Вроде бы ту звали Парашей, а эта - "лифляночка" или "немочка"). Образ вдовы с дочерью приобретает объемность, хотя автор сдерживает обещание избавить нас "от мешанской родословной", намек на информацию в данном случае все же редуцирует энтропию.

В "Медном всаднике" для достижения того же эффекта используется иной набор элементов : имя возлюбленной героя вызывает прямые ассоциации с "Домиком в Коломне", а перенос места ее жительства ближе к заливу эти ассоциации слегка приглушает (вариант текста 1833 г. ; в варианте 1836 г. сигнальный топоним все же назван : сам герой "живет в Коломне, где-то служит" - V, 138). Но некоторая скупость характеристики Евгения уже отчасти компенсирована вселением его в атмосферу, давно "обжитую" читателями "Домика в Коломне".

II.

История появления в 3-м томе "Современника" (1836) слегка переделанного отрывка из "Езерского", озаглавленного в этой публикации "Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы)", прояснена пока недостаточно. По мнению О.С.Соловьевой, стихотворение явилось своеобразной заменой "Медному всаднику", в котором << переделать отмеченное ца-

4. См. также : Соловьева О.С. "Езерский" и "Медный всадник". История текста // Пушкин. Исследования и материалы. - Т.3. - М. ; Л., 1960. - С.341.

рем, не искажая самой сути замысла, оказалось невозможным. Убедившись в этом, Пушкин отказался от дальнейшей переработки "Медного всадника" и занялся подготовкой для "Современника" отрывка из "Езерского" > > 5. Однако предложенная исследовательницей версия не является единственно возможной.

В счете, поданном Пушкину писцом 14 августа 1836 г. ("Медный всадник", переписанный для удобства работы над его переделкой, соседствует здесь с материалами, напечатанными осенью в 3-м томе "Современника"), фигурирует крупный пушкинский долг по несохранившемуся счету, поданному в июле 6. Можно предположить, что среди переписанных в июле сочинений была и "Родословная моего героя" (цензурное рассмотрение материалов тома шло тогда весьма интенсивно, см. : XVI, 143-144).

Замечено, что Пушкин старался создать у читателей каждого издания, где ему приходилось печататься, особое представление о пути своей поэзии 7. Это обстоятельство необходимо учитывать, пытаясь понять, имеет ли заглавие "Родословной моего героя", кроме собирательного, еще и узкий, конкретный смысл. По словам поэта, он, "архивы роя", извлек оттуда "всю родословную героя, О ком затеял свой рассказ". На наш взгляд, эти строки отправлялись в набор в ожидании соответствующих стихов "Медного всадника" : "Начну свое повествованье, Печален будет мой рассказ", а весь отрывок "Езерского" в "Современнике" призван был служить необязательным предисловием, предлагающим расширенную социологическую характеристику героя "Медного всадника", готового появиться в этом же или

5. Там же. С. 335.

6. Литературный архив. - Т.1. - М. ; Л., 1938. - С.34.

7. Подробнее см.: Лотман Ю.М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема примечаний к тексту) // Пушкин и его современники. - Псков, 1970. - С.104.

(как быстро пойдет переработка) одним из ближайших журнальных номеров 8.

III.

Рассматривая в 1829 г. вызвавшую было сомнение реплику действующего в комедии Н.И.Хмельницкого "Арзамасские гуси" чиновника Побродяжкина о наводнении 7 ноября 1824 г. ("А кто несчастию причина? Блаженной памяти покойный государь Петр Алексеевич! был умный царь, Да к морю чересчур подъехал близко, Как в яме строиться, когда есть материк? Вот то-то, матушка, и был велик, А выстроился низко"⁹), Санкт-Петербургский цензурный комитет не нашел в этих стихах ничего непозволительного: "они показывают только в смешном виде те поспешные заключения людей недалекого образования и ума, которые нередко бывают в откровенной беседе семейного круга"¹⁰. Тем не менее именно сходные инвективы героя "Медного всадника" вызвали в декабре 1833 г. (поэма, находясь на высочайшем рассмотрении, отсутствовала у автора с 6 по 12 число) цензурные затруднения¹¹. По сообщению Н.М.Смирнова, за-

8. Отметим мнение А.Л.Осповата, вопреки исследовательской традиции допустившего, что не поддавшаяся моментальной переработке рукопись "Медного всадника", возможно, откладывалась автором не навсегда, а ненадолго (Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. "Печальную повесть сохранить..." М., 1987. С.64).

9. Стихотворная комедия конца XVIII - начала XIX в. М.; Л., 1964. - С.433. Этот текст, опубликованный в альманахе "Букет" (СПб., 1829; ср.: Северная пчела. - 1829. - № 51) и, надо думать, известный Пушкину, был впервые подключен к историко-литературному контексту "Медного всадника" в 1-м издании указанной книги А.Л.Осповата и Р.Д.Тименчика (М., 1985. - С.11-12).

10. < Сгасов В.В. > Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. - 1901. - № 9. - С.645.

11. Ср.: Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества: 1826-1837. - М., 1987. - С.280.

прещение ряда строк Николай I мотивировал так : "книга печатается для всех, и многие найдут неприличным, что Пушкин заставляет проходящего грозить изображению Петра Великого, и за что, за основание < столицы > на месте, подверженном наводнениям"¹². Недавно было высказано предположение о том, что Бенкендорф, возвращая 12 апреля 1833 г. рукопись автору, связал нежелательность ее немедленной публикации с приближающимся открытием Александровской колонны¹³. Не отрицая этой возможности, заметим, что доминирующая причина неудовольствия достаточно адекватно приведена Смирновым. В этом нас убеждает не привлекавшая пока внимание исследователей "Медного всадника" статья "Северной пчелы", в которой мы склонны видеть весьма оперативную реакцию государственного пропагандистского аппарата на знакомство с поэмой¹⁴. По логике С.М.Усова, автора этой газетной статьи, истинная причина несчастья 7 ноября 1824 г. кроется в крайней беспечности столичных жителей, пренебрегавших мерами предосторожности : постепенным переносом жилых домов, расположенных в низинах, и постоянным наблюдением за направлением морского ветра.

12. Богаяевская К.П. Из записок Н.М.Смирнова // Временник Пушкинской комиссии. 1967-1968. - Л., 1970. - С.7 (конъектура "столица" предложена во 2-м издании указанной книги А.Л.Осповата и Р.Д.Тименчика - М., 1987. - С.35).

13. Ашимбаева Н., Рогинский А. "...В вибрациях его меди" // Даугава. - 1986. - № 12. - С.111. Ср. : Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. Указ. соч. Изд. 2-е. - С.42-50, 331.

14. Усов С. Замечания о причинах наводнений в С.Петербурге // Северная пчела. - 1833. - № 289. - 16 декабря. - С.1147-1148.

К ГЕНЕЗИСУ "ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО"

В первых строках собачьей эпистолярной, которую читает Поприщин, содержится известная сентенция : "Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете". К этой фразе Поприщин дает специальный комментарий : "мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню". В первоначальном варианте значилось : "<...> переведенного с немецкого Лабзиним. Заглавия не могу припомнить". Как и следовало ожидать, в лабзинских переводах сходная сентенция не обнаруживается : Гоголь сигнализирует цитату, но скрывает ее источник.

Объектом цитации здесь, возможно, является следующая фраза : "Способность сообщать другому свои мысли и чувства есть без сомнения один из путей к счастью". Это - первая фраза очерка Петра Андреевича Габбе "О способности говорить и молчаливости", напечатанного в прибавлении к 21-му номеру "Московского телеграфа" за 1825 г. (подпись : Петр Г.б.е.). Немецкая фамилия автора и немецкий эпиграф из Шиллера, предпосланный очерку, могут быть поставлены в связь с поприщинской отсылкой к немецкому источнику. Остается, однако, вопрос : почему Гоголь в 1834 г. вспомнил о давнем опусе малоизвестного Габбе? Ответ : потому, что осенью 1833 г. Габбе сошел с ума.

История помешательства Габбе известна нам только из "Записок" его сослуживца и друга Н.В.Веригина (Рус. старина, 1893. Кн. 4. С.131-134). Факты, сообщаемые Веригиным, таковы: 1) с 1833 г. опальный Габбе (полную его биографию см. в работе: *Рогинский А.Б.* П.А.Габбе : биографический очерк // Рус. филология : сб. студенческих научных работ. - Вып. 2. - Тарту, 1967. - С.83-110), отставной штабс-капитан, служащий в сомнительной для дворянина должности управляющего именьями генерала Л.А.Нарышкина, часто бывает в Одессе, где гостит у На-

рышкина как друг дома ; на правах нарышкинского друга и сослуживца он становится вхож в дом генерал-губернатора Новороссийского края графа М.С.Воронцова ; 2)летом 1833 г. он сопровождает Е.К.Воронцову, О.С.Нарышкину и графиню Шуазель в морском путешествии из Одессы в Алупку ; во время плавания он безраздельно владеет вниманием спутниц ; 3) в Крыму он посещает старую княгиню Голицыну, которая "слушала короткий рассказ Габбе о его бедах и, узнав, что в саратовском имении Нарышкина об нем ежемесячно губернатор обязан был доносить шефу жандармов гр. Бенкендорфу для доклада государю и наблюдать за ним чрез земскую полицию, вскрикнула : - Да знаете ли вы, почему об вас так хотят знать, знаете ли вы, чей вы сын! - Габбе на это восклицание <...> не отвечал ни слова" ; 4) после беседы с княгиней Габбе стал "то задумчив, то рассеян" ; 5) "на третий или четвертый день по возвращении из путешествия в дом Нарышкина, Габбе рано утром вошел в зал графа Воронцова, где служители убирали комнаты. <Далее в печатном тексте строка отточий.> После небольшого спора камердинер подозвал к себе несколько служителей и нежданного гостя со всей вежливостью вывели под руки из дома" ; 6) в тот же день Габбе покинул дом Нарышкина и переехал в гостиницу, а через два дня "из гостиницы выехал Габбе на долгой линейке, разряженный в какое-то пестрое платье и в женской шляпке, увязанной лентами и цветами ; на линейке сидели певчие, они пели сочиненную помешанным поэтом песнь на французском языке, в которой выражалась любовь его к графине Воронцовой. В то же время с линейки разбросал он по улице на русском, французском и, кажется, еще на английском языках какие-то листки <далее - отточия до конца строки>. Полиция представила их генерал-губернатору графу Воронцову, а автора возвратила в гостиницу с обязательством хозяина гостиницы не выпускать из номера постояльца впредь до приказания". По распоряжению Воронцова и Нарышкина Габбе был вывезен в Николаев, а в феврале 1834 г. по решению императора отправлен в Германию без права возвращения в Россию.

В архиве Веригина (РО ИРЛИ, ф.613) интересующая нас часть "Записок" отсутствует : восстановить купюры пока не удалось. Но сам факт цензурных изъятий в данном контексте достаточно красноречив. По свидетельству Веригина, Габбе с детства пользовался вниманием императрицы Марии Федоровны и великого князя Константина Павловича. Показательна и сугубая осторожность тех, кто соприкоснулся с делом Габбе : Нарышкин обещает Веригину прислать "возможно < выделено в тексте > подробное описание болезни Петра Андреевича" и присылает нечто малоинформативное (Веригин, указ. соч., с.132) ; издавна знавший семью Габбе генерал К.Ф.Толь, получив от Габбе из Николаева письмо, переправляет его Бенкендорфу, категорически отрицая всякое знакомство с Габбе (Рогинский, указ. соч., с.109). Все это заставляет сделать единственное предположение : после разговора с княгиней Голицыной Габбе решил, что в жилах его течет царская кровь. Эту новость он и объявил в Одессе.

В таком случае перед нами история о том, как отставной офицер 10-го класса влюбился в жену генерал-губернатора и вообразил себя отпрыском русских царей. Позволительно усмотреть сходство с историей о том, как чиновник 9-го класса влюбился в дочь директора департамента и вообразил себя испанским королем. Оба скандальных эпизода, описанные Веригиным : беспардонное вторжение в дом возлюбленной и появление в странном платье перед народом - также находят соответствие в гоголевском сюжете.

Судя по всему, история с Габбе была табуирована для письменной передачи, но остается возможность устного распространения. Что до информантов Гоголя, уместно предположить посредничество пушкинского круга. Единственным другом Габбе среди литераторов был Вяземский ; согласно Веригину, он познакомил Габбе с Пушкиным. Внимание Вяземского к судьбе Габбе несомненно ; кроме того, именно Вяземский мог указать собеседникам любую из немногих публикаций Габбе. С другой стороны, очевиден интерес, который могла представить для Пушкина эта

новелла о самозванстве и безумии, объединившая его старых и нового знакомых (здесь мы вновь вынуждены довериться свидетельствам Веригина) - в качестве главных действующих лиц. Поэтому можно допустить передачу сюжета по цепочке Вяземский - Пушкин - Гоголь ; наиболее вероятное время передачи - декабрь 1833-апрель 1834 гг.

А.Л.Осват

ТЮТЧЕВ - ПЕРЕВОДЧИК ЛЮДВИГА I БАВАРСКОГО

12\24 октября 1829 г. И.А.Потемкин, глава русской миссии в Мюнхене, отослал вице-канцлеру К.В.Нессельроде вырезку из местной газеты с текстом стихотворения баварского короля Людвига I "An Russland Kaiser. In Sommer 1828" ; к ней был приложен поэтический перевод ("Императору Николаю I"), исполненный вторым секретарем миссии Тютчевым. В 1935 г. этот перевод опубликовал К.В.Пигарев, который, однако, не стал воспроизводить немецкий оригинал, "так как смысл его в общем довольно точно передан" Тютчевым ¹. В дальнейшем приведенное суждение и не конкретизировалось, и не оспаривалось ; текст же стихотворения Людвига I доньше не введен в оборот тютчеведения.

Коснемся вкратце обстоятельств, связанных с его появлением. Как следует из заглавия, оно написано летом 1828 г. - т.е. еще на первом этапе русско-турецкой войны ², когда бавар-

1. Пигарев К. Ф.И.Тютчев и проблемы внешней политики царской России //Лит. наследство. - М., 1935. - Т.1921. - С.180.

2. В новейшем издании "Библиотеки поэта" стихотворение Людвига ошибочно характеризуется как отклик на "победоносное завершение" войны ; см. : Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. - Л., 1987. - С.376 (комментарий).

ского короля, сразу и решительно принявшего сторону России ³, несомненно вдохновляли ее военные успехи (особенно на кавказском театре, где 5\17 июля И.Ф.Паскевич взял Карс, а 16\28 августа - Ахалцих). Торопя события, Людвиг славословит русского императора как безусловного победителя "мусульманского тигра" ; в финале стихотворения Николай I предстает орудием Бога, осуществляющим заветную мечту христиан :

[35] Und Stambul endet,

Стамбул исходит,

[36] Konstantinopel lebet

Константинополь

wieder auf.⁴

воскресает вновь...

(перевод Тютчева)

Между тем кампания оказалась отнюдь не быстротечной, и решающий перелом произошел лишь через год - после того, как 8\20 августа 1829 г. русские войска без боя вступили в Адрианополь (древнюю столицу Турции), путь на Стамбул был открыт. Спустя два дня, 10\22 августа в письме из Баад-Брюденау, Людвиг сообщил баварскому министру внутренних дел Э. фон Шенку текст интересующего нас стихотворения, оговорив, что оно должно быть напечатано "как только падет Константинополь" ⁵. Шенк, уже располагавший информацией о мирных предложениях Порты, в ответном письме (от 15\27 августа) запрашивал, будет ли дозволено опубликовать это "превосходное" произведение (впрочем, известное ему с прошедшей зимы) в том случае, если падение Константинополя вообще не состоится (S.107). 18\30 августа в письме из Аугсбурга Людвиг уточнил свои условия : дав санкцию на предварительную публикацию "в

3. См., напр., комментарий А.Опица к "Путевым картинам" Гейне : Heine H. Historisch-kritische Gesamtausgabe der Werke. - Hamburg, 1986. - Bd 72. - S.916-917.

4. Здесь и далее текст цитируется по изд. : Gedichte Ludwigs des Ersten, Konigs von Bayern. Dritter Theil. - Munchen, 1839. - S.150-151.

5. Briefwechsel zwischen Ludwig I von Bayern und Eduard von Schehk 1823-1841. - Munchen, 1930. - S.105. Далее все отсылки на это изд. даются в тексте.

альманахе Котты”, он потребовал, чтобы до тех пор, пока не падет турецкая столица, стихотворение не включалось в состав его авторского сборника (S.109)⁶. 214 августа–сентября был подписан Андрианопольский мир между Россией и Турцией, а 7/19 октября 1829 г. И.Ф.Котта привез в Мюнхен экземпляры изданной им “Карманной книжки для дам на 1830 год (S.119), где наконец увидел свет стихотворный панегирик Николаю I. Тут же последовала републикация в мюнхенской газете, по тексту которой и был сделан тютчевский перевод. Последний, таким образом, может быть датирован довольно коротким временным отрезком : 7/19 — 12/24 октября 1829 г.

По мнению К.В.Пигарева, депешей от 12/24 октября Потемкин хотел “обратить внимание” на Тютчева “петербургского начальства”⁷. К этому надо прибавить, что, по всей вероятности, посланник преследовал вполне определенную цель. Летом–осенью этого года по соответствующим российским инстанциям двигалось дело о присвоении Тютчеву чина 9 класса (его имя фигурирует в рапорте “О награждении следующими чинами <...> служащих в ведомстве Коллегии иностранных дел”, поданном герольдмейстером А.Званцевым товарищу министра юстиции Д.В.Дашкову 2/14 августа 1829 г.⁸, и со стороны благоволившего к своему второму секретарю Потемкина было совершенно естественно воспользоваться удачной возможностью для того, чтобы лишний раз и как бы невзначай представить Тютчева в весьма выгодном свете. (Производство Тютчева в титулярные советники состоялось 31 октября / 12 ноября 1829 г.⁹.)

Скорее всего Потемкин инспирировал работу и над переводом, но не исключено, что инициативу мог здесь проявить сам Тютчев, который весной или летом 1829 г. написал стихотворе-

6. В конце концов Людвиг должен был отказаться и от этого условия. В 1839 г. стихотворение вошло в собрание его стихотворений. См. примеч. 4.

7. Тютчев Ф.И. Лирика. - М., 1966. - Т. II. - С.348. (комментарий)

8. РО ИРЛИ, Р.1, оп.27, №. 80, л.2.

9. См. : Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф.И.Тютчева. - М. ; Л., 1933. - С.28.

ние на аналогичную тему - "О наша крепость и оплот..." < "Олегов щит" > (его публикация в московском журнале "Галатея" буквально на несколько дней опередила публикацию Людвига в "Карманной книжке для дам..."). В своем переводе Тютчев действительно сохранил общую смысловую канву оригинала, его композицию (четыре строфы -девятистишия) и схему рифмовки (AbAbCdCCd; некоторое нарушение допущено переводчиком в третьей строфе - *AbAbAcDDc*), но при этом во многих местах обошелся с немецким текстом достаточно вольно. В рамках короткого сообщения продемонстрируем это только на примере второй строфы [стихи 10-18].

Ein Gherub mit dem hel'gen Flammenschwerte,
Gesegneter, bist du von Gott ernannt,
Damit dem Wutherich die Strafe werde,
Geracht dein lang verhohtes Vaterland.
Verlassen ist der Erbfeind von dem Glucke,
Es schwind't die Finsterniss, es siegt das Licht ;
Das Reich der Tucke
Kommt nie zurucke,
Zurucke kehrt des Korans Herrschaft nicht.

Подстрочный перевод:

Ангел со святым пылающим мечом,
Блаженный, Бог тебя назвал,
Чтоб извергу < тирану > было наказание
И отмщенье твоему давно осмеянному отечеству.
Кровного врага покинуло счастье,
Редее тьма, свет побеждает ;
Царство коварства
Никогда не вернется,
Нет возврата владычеству Корана.

Перевод Тютчева:

Тебе, Тебе, послу Его велений, -
Кому сам Бог вручил свой страшный меч, -
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о Царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою -
Владычеству Корана не восстать...

Обратим внимание на два пункта в списке разночтений. Во-первых, Тютчев полностью исключил из своего перевода (по-видимому, по конъюнктурным соображениям) стих [13] немецкого оригинала, отразивший нелестную репутацию России в европейском общественном мнении накануне войны ; этот стих, между прочим, вводит в атмосферу, окружавшую Тютчева в первые годы его мюнхенской жизни. Отметим и, так сказать, обратный случай - стих [17] русского перевода ("Луна покрылась тьмою"), не имеющий соответствия в оригинале. Это одна из метонимических конструкций, использовавших элементы турецкого герба (полумесяц в центре щита), а в русской политической лирике 1828-1829 гг. все подобные обороты обладали специализированной семантикой : "Луны Оттоманской поруганный щит..." (анонимный автор "Северной пчелы"), "Тень крыльев Орла над померкшей Луной!" (Хомяков) ¹⁰. Рассматривая тему "Олегова щита" у Пушкина и Тютчева, мы уже говорили, что на столь однородном фоне очень заметен семантический сдвиг, осуществленный в тютчевском стихотворении "О наша крепость и оплот...", - "Вдруг из-за туч луна сверкнула..." ; он указывает на принципиальную двусмысленность этого текста ¹¹. Как кажется, убедит-

10. Сказанное характеризует и политическую поэзию времен Крымской войны ; см., напр., изд. : С нами Бог! Вперед!.. Ура!.. Собр. стихотворений на нынешнюю войну, изданное В.Дементьевым. М., 1854.

11. См. : Осповат А.Л. "Олегов щит" у Пушкина и Тютчева (1829) // ТГЧ, с.63.

тельное подтверждение данного вывода предоставляет перевод из Людвиг Баварского - в "подносной" текст, рассчитанный на однозначное прочтение, Тютчев от себя вводит именно то распространенное клише, которое так решительно отвергнуто в его собственном стихотворении.

Е.А.Тоддес

ВОКРУГ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

I

Известна запись Кюхельбекера (1820) в альбоме С.Д.Пономаревой, впервые опубликованная Н.С.Тихонравовым (Библиографические записки. 1858. №8. Стлб.237) и воспроизведенная И.Н.Медведевой (Звенья. 1936. Т.VI. С.128). Текст начинается английским изречением, источник которого, по видимому, не был до сих пор указан: "I was well, would be better, took physic and died" (Я был здоров, хотел быть еще более здоров, принял лекарство и умер; в недавней перепечатке из "Библиогр. записок" перевод неточен, см.: Наше наследие. 1988. №VI. С.95). Эта фраза представляет собой цитату из любимого философа Кюхельбекера - швейцарца Франсуа Рудольфа Вейсса, из его "Философских, политических и нравственных принципов". Фраза содержится в главе VII - "О счастии" первой части этого сочинения¹, значение которого для Кюхельбекера было показано Тыняновым. Контекст ее в позднейшем (но современном Кюхельбекеру и стилистически архаичном) переводе: "Весьма легко было бы приноровить к потерянному счастию некоторых людей следующую Англинскую эпитафию: Я был здоров, я желал быть еще здоровее, призвал

1. Principes philosophiques, politiques et moraux. Par le Colonel De Weiss. Tome premier. A Genève, 1806. P. 53-54.

врача и умер”². В “Кюхле” (“Петербург”, концовка гл. IV) есть сцена, где поэт, влюбленный в С.Д.Пономареву, вписывает в ее альбом эту сентенцию.

II

В статье “Кюхельбекер о Лермонтове” Тынянов цитирует письмо Кюхельбекера к племяннице Н.Г.Глинке от 11 апреля 1844 г.³ Оригинал письма утрачен вместе со значительной частью архива Кюхельбекера, находившейся у Тынянова и оказавшейся во время войны вне его надзора. Но в ряде подобных случаев рабочие копии и выписки, сделанные исследователем и сохранившиеся в его бумагах, позволяют дополнить печатный текст (см. ТМ-88, с.17). Приводим выписку Тынянова из указанного письма, выделяя курсивом текст, не вошедший в статью:

”Перечитывал я Лермонтова совершенно⁴ убедился, что этот человек, как нельзя более ошибался в роде данного ему таланта. - *Он в своих пьесах à prétention особенно метит в Элегии-Сатирики, - и тут везде подражатель и Пушкину и Грибоедову и Жуковскому и автору Ижорского*⁵, то направление одного, то слог другого, то couple de vers третьего, - *везде преувеличивания, - оригинального ровно ничего; что именно*

2. Основания философий <!>, нравственной и политической. Сочинение Полковника Вейсса. Перевел с Французского десятого издания Георгий Реслер. М., 1837. Ч.1. С.98.

3. Литературный современник. 1941. №7 - 8. С.149 - 150; то же: Памятники культуры... Ежегодник. 1974. М., 1975. С.150 (публикация З.А.Никитиной). Далее указываем страницы обоих этих изданий. Цитаты из письма, приведенные в статье Тынянова, ошибочно введены в последнее издание дневника поэта: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С.418.

4. Так в источнике; в печатном тексте - “и” перед “совершенно”.

5. Ср. о Лермонтове как таланте “эклектически-подражательном” в дневниковой записи от 6 марта 1844 г. Комментируя в статье эту запись, Тынянов использует слова Кюхельбекера о себе из рассматриваемого письма - “автор Ижорского” (146; 146).

показывает, что он горячился весьма хладнокровно. Но Лермонтов точно человек с большим талантом, где вовсе того не подозревает: в стихотворениях, которых предметом не внутренний мир человека, а мир внешний, да еще в своей драме, *хотя и она испещрена подражаниями и Отелло⁶ и Горю от ума и Ижорскому*. К созданиям первого разряда высокой красоты принадлежит особенно его пьеса: Дары Терека, которая в своем роде истинный chef d' oeuvre. - *Все же надобно сказать, что Лермонтов, уступая Пушкину, Грибоедову и Баратынскому, занимает первое место между молодыми поэтами, которые появились на Руси после нас. Если бы Бог дал ему жизнь подольше - он стал бы вероятно еще выше, потому что узнал бы свое призвание и значение в мире умственном. Пришлось теперь к слову: хочешь ли знать, кого считаю самым оригинальным и чуть ли не первым из Русских поэтов? (Я его теперь изучаю и вместе с Мишей⁷ учу наизусть) - Ивана Андреевича Крылова. - Право! Грибоедов его ученик по слогу⁸: - почти каждая, каждая его басня в своем роде совершенство. - В наш эксцентрический век это покажется страшным старожеством⁹.*

6. Ср. в статье Тынянова (147; 148).

7. М.В.Кюхельбекер (1839 - 1879) - сын поэта.

8. Это мнение о Крылове было развито в дневнике 27 мая 1845 года. В архиве Тынянова имеется черновая рукопись статьи (последних лет жизни) "Грибоедов и Крылов" (ЦГАЛИ, ф.2224, оп.1, ед. хр. 99).

9. ЦГАЛИ, ф.2224, оп.1, ед. хр. 176.

Омри Ронен

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИХАМИ ЭПОХИ
"ПРОМЕЖУТКА"

1. "Сон в летнюю ночь" (Пей и пиши...)

Тынянов с удивлением заметил о Пастернаке : "У него даже есть апухтинский романс :

"Век мой безумный, когда образумлю
Темп потемнелый былого бездонного? "

"Традиции, вернее, точки опоры", о которых писал Тынянов, здесь не ограничиваются "музыкальной эмоцией". Романс Апухтина "Ночи безумные, ночи бессонные", оборачивающийся у Пастернака заклинанием "в сон погруженных горнистов Самсонова" (ср. в "Мазурских болотах" Вал. Парнаха: "А ныне отходили вы ко сну Так медленно в тяжелые болота"), привлекал уже Анненского строкой "В прошлом ответа ищу невозможного" ("Весь я там в невозможном ответе"). В концовке ст. Пастернака поиски ответа в прошлом, воспоминания о том, что казалось трубами страшного суда, прерывают "звуки дневные, несносные, шумные":

После в Москве мотоцикл тараторил,
Громкий до звезд, как второе пришествие.
Это был мор. Это был мораторий
Страшных судов, не съезжавшихся к сессии.

Мемуары Н.Вильмонта содержат ключ к биографическому смыслу этой строфы : после ночной попойки Пастернак был вызван на "аудиенцию" к Троцкому. "Прислан был за ним мотоцикл с коляской (такие были времена)". "Мор" и "мораторий" в этом реальном контексте представляются

характерным для поэтики пастернаковских шарад каламбурным осмыслением титула Троцкого : наркомвоенМОР (ср. явную паронимическую аттракцию *сон / Самсонов*).

2. "До свиданья, друг мой, до свиданья"

Поэтические подтексты и богатый цитатный инвентарь Есенина недостаточно исследованы. Тынянов Есенина недооценил, но сделал очень точное наблюдение: "нутро" много литературнее "мастерства". Разительный пример "нутряной" литературной памяти являют предсмертные стихи Есенина. Главным их подтекстом служат не стихи Плещеева "Ни слова, о друг мой, ни вздоха", о которых с легкой руки Собинова, спевшего романс Чайковского на вечере памяти Есенина, гневно упоминал Маяковский, а проникновенная масонская похоронная песнь "Тихо спи, измученный борьбою", переведенная с немецкого Аполлоном Григорьевым.

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

Ср. :

До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья
И тебя в сияньи узрим мы!

Впрочем, и Маяковский, кажется, безотчетно пародировал тот же масонский гимн Григорьева, когда писал:

Вы ушли, как говорится, в мир иной.
Пустота... Летите, в звезды врезываясь.

Ср.:

Тихо спи, измученный борьбою,
И проснися в лучшем и ином!

.....

В той стране надзвездной, лучезарной...

3. "Стихи о советском паспорте"

Это хрестоматийное стихотворение обычно будоражит воображение школьников двусмысленными строками :

Я

достаю

из широких штанин

дубликатом

бесценного груза.

Вопрос с парты "Что за бесценный груз в штанах?" пронизательнее, чем кажется. Вольная шутка Маяковского восходит к письму И.С.Тургенева, которое поэт мог прочесть в том самом номере 5 "Нового мира" за 1926 г., где были напечатаны его стихи "Сергею Есенину" :

< < - Чорт бы его побрал - был, кажется, в Люцерне, в Базеле, в Келе, в Мангейме, в Майнце, - постепенно потерял зонтик, шинель, шкатулку, палку, лорнетку, шляпу, подушку, ножик, бумажник, три полотенца, два фуляра и две рубашки и теперь скачу в Лейпциг с чемоданом, *saco di notte* *пачпорт*ом в кармане и х...м в штанах и только! И смех и горе! > >

Существует известный французский эвфемизм *passerpartout*, а также народная этимология слова "мандат" ("К мандатам почтения нету!"), которую использовал А.Н.Толстой в "Московских ночах" (Новый мир. 1926. № 4. С. 14-15). К этому же вольно-заумному жанру относится эпиграмма

Маяковского на Адуева с замещением напрашивающейся непечатной рифмы : "Я скандалист, я не монах. Но как под ноготь взять Адуева? Ищу у облака в штанах, Но как в таких штанах найду его?"

К.Ю.Постоутенко

АНАЛИЗ ОДНОГО ПОДТЕКСТА

("Онегинский" пласт в "Блистательном Санкт-Петербурге"

Николая Агнивцева)

Изучение так называемого "петербургского текста" русской культуры, ведущееся как в общеметодологическом плане (1), так и в плане изучения составляющих его мифологем (2), обещает чрезвычайно интересные результаты. Простого накопления ярких ассоциаций, однако, уже недостаточно. Методы, примененные нами в данной работе, не являются, конечно, идеальным средством дешифровки многослойной поэтической семантики начала века. Тем не менее относительно большое количество выявленных таким образом реминисценций разного рода, их качественная однородность побуждают к дальнейшим поискам в этом направлении.

Вопрос о семиотических потенциях метра, ставший предметом оживленных и плодотворных дискуссий современного стиховедения (некоторый суммарный материал см. в работах (3; 4), нуждается ныне в четкой историко-литературной адаптации. В частности, бесспорное (хотя и не требующее привычной абсолютизации) положение, гласящее, что "каждый стихотворный размер несет с собой ассоциацию с теми стихотворениями, которые писались им прежде" (5, с.405), настоятельно требует перехода от общих описаний "семантических ореолов" стихотворных размеров к конкретному изучению эволюции их подвижной мотивной структуры. Несомненно, наибольшие

трудности здесь сулит четырехстопный ямб. Отсутствие в общей номенклатуре работ по семантике метра его характеристики лучше всего указывает на то, что результирующая "нейтральность" самого распространенного в русской поэзии размера - не более чем равнодействующая разнонаправленных, зачастую противоположных сил (см. (6, с.284)). Некоторые наиболее явные тенденции можно назвать уже сейчас. Для XVIII века это - традиция торжественной оды (закрепленная канонической строфикой и классицистическим культом "общих мест"¹). Для XIX века (но в несравненно меньшей степени) это - влияние "Евгения Онегина", реализация которого в силу изменившихся установок гораздо слабее. Разумеется, и эти, и многие другие влияния находились и находятся в противоречивых, динамичных взаимоотношениях, то подавляя, то дополняя друг друга. Наше непосредственное внимание будет привлечено к "онегинской" составляющей четырехстопного ямба.

Основной поэтической реакцией на появление "Евгения Онегина" можно считать появление ряда "романов в стихах", не слишком соблюдающих виртуозную строфику образца, но изобилующих ритмико-синтаксическими переключками с ним, переходящими порой в прямые цитаты. Кроме того, появилось небольшое количество произведений, наследовавших онегинскую

1. Чтобы в самой общей форме продемонстрировать, сколь сильна одическая инерция даже в таком удаленном во времени и стилистике цикле, как "Блистательный Санкт-Петербург", укажем лишь на наиболее характерные примеры. К ним относится постоянная зарифмованность имени Елизаветы ("Это было в придворной карете С князем Павлом в былые года, Это было при Елизавете И не будет уже никогда"; ср.: "Сержанты томно танцевали С императрицей менуэт - Любила очень веселиться Веселая императрица Елисавет."), вызывающая в памяти аналогичные рифменные штампы в поэзии середины XVIII века, а также многократно повторенное в одноименном стихотворении словосочетание "екатерининский канал", являющееся отражением в "Петербургском тексте" стандартной одической формы типа "екатерининских щедрот". Есть и более поверхностные отсылки: "И, забыв о Фелице своей, Сбросив с плеч тяготившие годы, Старый мастер сверкнул перед ней Всею мощью Державинской оды!..".

семантику посредством точного копирования строфы (здесь преобладали жанровые коннотации). В поэтической ситуации начала XX века, моделировавшей своим разнообразием всю эволюцию русской поэзии за полтора века, реализовались и тот, и другой вариант. И здесь четкая строфическая и жанровая ориентация оказалась доступной немногим (Вяч. Иванов, Игорь Северянин); гораздо большее распространение получили спорадические микроцитаты. На них мы и остановимся поподробнее.

То, что из тридцати восьми стихотворений, входящих в "Блистательный Санкт-Петербург" (Берлин, 1923), лишь десять не написаны четырехстопным ямбом, а ргiогi свидетельствует о высокой реминисцентной плотности текста. Локализация книги в географическом культурном пространстве, заявленная не только названием², создала питательную среду для привлечения именно петербургских ассоциаций - под этим углом зрения и является читателю Агнивцева "Евгений Онегин".

Общая ориентация книги, как было сказано, побуждает к поиску тех цитат, которые, так сказать, географически "входят" в петербургскую тему. Именно таким является в пушкинском романе в стихах двестише "Быть может, на берегах Невы Подобных дам видали Вы". Многочисленные переформулировки от Д.Д.Минаева до В.В.Маяковского превратили эти строки в сгусток разнообразных ассоциаций, далеко уведящий от первоисточника, но не покидающий вверенного ему участка. Соответствующий катрен Агнивцева ("Ужели белой ночью в мае Вы не бродили у Невы? Я ничего не понимаю, Мой боже,

2. Как и во многих аналогичных случаях, специфическую семиотическую роль здесь играет рифма. Нечасто прибегая в своей не слишком аккуратной рифмовке к диссонирующему звучанию неточных рифм, Агнивцев стремится не употреблять вовсе того рифменного созвучия, которое, по новейшей классификации, именуется "мужским закрытым неточным" (7, с.8). И однако именно этот рифменный тип неизменно используется для напоминания о Петербурге: рифмы вдруг Петербург и вокруг Петербург употреблены по три раза, и лишь однажды имя города встречается в иной рифмующей паре (пург Петербург).

как несчастны Вы!..”), удовлетворяющий этому требованию, не имеет другой связи с пушкинскими словами (исключая рифму, и тут маркирующую ситуацию), но связан с ними чем-то неуловимым. Подобный эффект достигается тождеством модальностей высказываний (ужели \ \ может быть), смягчающим их противопоставленность друг другу (видали \ \ не бродили). Другой аналогичной отсылкой, восходящей, правда, не к “Евгению Онегину”, можно считать заключительную строку первого четверостишия пушкинского “Памятника”. В “Блистательном Санкт-Петербурге” это словосочетание один раз появляется почти в неизменном виде: “Был день и час, когда уныло Вмешавшись в шумную толпу, Краюшка хлеба погрозила! Александрийскому столпу” (здесь любопытна тень антитезы “Евгений – Медный всадник”). От прозрачной перифразы (“И, стариков своих не выдав, Неколебимы средь толпы Варламов, Ходотов, Давыдов – “Александринские” столпы...”) словосочетание теряет свою цитатность, неощутимую во всех остальных употреблениях (“Александринского театра Чеканный высится массив”; ср.: “И неразрывные с тобой Александринские афиши”).

Вынужденно оставляя без внимания некоторые менее интересные цитаты (“Ах, это все чрезмерно странно, Как Грандисоновский роман”), обратимся в заключение к отражению имени поэта в призывании его потомка-интерпретатора. Как известно, Пушкин крайне отрицательно относился к попыткам внесения его имени в текст, стремясь сохранять внеположность к персональному миру “Евгения Онегина” и избегая излишних прояснений. Легко вспомнить, что на одну из иллюстраций А.Нотбека в “Невском альманахе”, изображавшую Пушкина в беседе со своим персонажем, поэт отреагировал резкой эпиграммой (“Вот, перешед чрез мост Кокушкин, Опершись ж... о гранит, Сам Александр Сергееч Пушкин С мосье Онегиным стоит”) Эта эпиграмма сыграла в дальнейшей истории подражаний “Евгению Онегину” странную роль: она как бы сигнализировала об отмене запрета, и в результате некоторые

пародийные тексты, прямо или косвенно продолжая пушкинскую иронию, использовали скрытую цитацию эпиграммы (см. в "Евгении Онегине нашего времени" Д.Д.Минаева: "Герой наш смел был, как Якушкин, И все дуэли отвергал, Жаль, Александр Сергеич Пушкин Его совсем оклеветал") Контекст Агнивцева еще ближе пушкинскому четверостишию: "Ах, Петербург, красавиц "мушки", Дворцы, каналы, Невский твой! И Александр Сергеич Пушкин У парапета над Невой"³. И в этом случае, верный своим принципам, Агнивцев старательно маскирует цитату то размывающей перифразой ("Александр Сергеич Пушкин, Камер-юнкер и поэт"), то отвлекающим параллелизмом ("Николай Васильич Гоголь, Сочинитель "Мертвых душ").

Глубина и многослойность "петербургского текста" Николая Агнивцева лишь приоткрыта нами - это предопределено узостью постановки вопроса. Но если надежды на точное описание механизмов передачи традиции (хотя бы в самых простых, будь то рифма или ритмико-синтаксическое клише (см. 8, с.198)) не останутся тщетными, на пересечении стиховедения и истории литературы можно рассчитывать на новые находки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды по знаковым системам. Т.18: Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984.

2. *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* "Печальну повесть сохранить..." М., 1987.

3. *Гаспаров М.Л.* Тынянов и проблема семантики метра // ПТЧ.

3. Возможно, Агнивцев также ощущал себя нарушителем предустановленного правила: "Александр, Сергеич, Вы ли Вы ли это?.. Тот, чье имя Я в своих стихах не смею до конца произнести?!..."

4. *Постолуенко К.Ю.* Г.А.Шенгели о семантике метра (в печати).

5. *Гаспаров М.Л.* "Тучки небесные..." - семантический ореол неудачливого стихотворного размера // Литература и искусство в системе культуры. М. 1988.

6. *Руднев П.А.* Рец. на: М.Л.Гаспаров Очерк истории русского стиха. М. 1984 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. №5.

7. *Гаспаров М.Л.* Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л. 1984.

8. *Гаспаров М.Л.* Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М. 1986.

Т.Л.Никольская

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ ОПОЯЗа В ГРУЗИИ

Распространение идей ОПОЯЗа в Грузии в первую очередь было связано с деятельностью грузинских футуристов. Ядро этой группы, образовавшейся в 1922 году и просуществовавшей до начала тридцатых, составляли поэты С.Чиковани и Н.Чачава, критики В.Жгенти и Л.Асатиани, прозаик Д.Шенгелая, художник И.Гамрекели, кинорежиссер Н.Шенгелая. В своих изданиях - сборнике "H₂SO₄" (1924), газете "Дроули" (1925), журналах "Литература да схва" (1925), "Мемарцхенеоба" (1927 - 1928) футуристы уделяли много внимания теории, в том числе проблемам заумного языка, киноискусства, конструкции художественного произведения. В разработке этих вопросов грузинские футуристы часто опирались на работы В.Шкловского и Ю.Тынянова.

Связь с опоязовской филологией наиболее четко и последовательно прослеживается в фундаментальной статье Л.Асатиани "Проблемы поэзии" (подзаголовок - "Поэзия и

заумь"; 1928), в основу которой положена статья В.Шкловского "О поэзии и заумном языке". Тезисы Шкловского о "вызывании эмоций звуковой и произносительной стороной слова"¹ и о существовании в языке зауми в скрытом состоянии Л.Асатиани иллюстрирует примерами из грузинской словесности, причем он пытается найти грузинский эквивалент почти каждому примеру скрытой зауми, приводимому Шкловским. Так, соответствие Валентину из очерков И.Гончарова "Слуги старого времени", выписывающему в тетрадь непонятные звучные слова, такие, как "конституция и проституция", "нумизмат и кастрат", Асатиани видит в офицере из рассказа И.Чавчавадзе "Письма проезжего" (1861). Хвастаясь образованностью перед приказчиком, офицер произносит набор звучных иностранных слов: "цивилизация, ассоциация, аргументация, интеллигенция, кассация". Асатиани замечает, что для офицера главную роль играет аллитерационная, произносительная сторона, в то время как значение слов затушевывается².

Другие примеры зауми Асатиани берет из народной грузинской поэзии, в частности, из "Сказания об Амиране", "Ростомиани". Аналог игровым присказкам русских детей Асатиани находит в детских присказках, популярных в Имеретии. Вслед за Шкловским, указывающим на заумь в заговорах и заклинаниях, Асатиани приводит образцы зауми, содержащиеся в древнегрузинских заговорах от укуса змеи, болезни глаз. Тягу поэтов к несуществующему языку, выражающему эмоции души, Асатиани иллюстрирует на примере стихотворения И.Чавчавадзе "Глас сердца" и высказывания Н.Бараташвили об особом языке, предназначенном для выражения тайны. В заключение статьи Асатиани приходит к выводу, что, хотя заумные стихи современных поэтов представляют собой не более чем лабораторный эксперимент, заумь, понятая не как самоцель, а как одно из средств

1. Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Поэтика.- Пг., 1919.- С.16.

2. Асатиани Л. Литература и другое.-Тбилиси, 1934.-С.31 (на грузинском яз.).

поэтической речи, всегда существовала и будет существовать. Именно к зауми обращается устное народное творчество, и поэтому она применима в художественной прозе и поэзии³.

В своей поэтической практике грузинские футуристы одновременно использовали опыт русских футуристов-заумников, в частности Крученых и Хлебникова, заумные элементы грузинского фольклора и опоязовские работы. Так, например, на творчество Н.Чачава, которого современный исследователь назвал грузинским аналогом А.Крученых⁴, определенное влияние оказала статья О.Брика "О звуковых повторах"⁵. С.Чиковани, пропагандировавший идеи ОПОЯЗа, опирался в "оркестровых стихах" на народную мегрельскую поэзию, некоторые особенности поэтики грузинского поэта XVIII в. Бесики (В.Габашвили), корневое склонение Хлебникова⁶. Отметим, что ориентация на опоязовские работы имела место и в творчестве Крученых периода "41"⁷. Другой член этой группы И.Терентьев, к которому обращались, по его словам, за советом грузинские футуристы⁸, в брошюре "17 ерундовых орудий" (Тифлис, 1919) писал о разделении языка на практический и поэтический, в котором слова, близкие по звучанию, близки и по смыслу, что совпадало с основным положением статьи Л.Якубинского "О звуках стихотворного языка", опубликованной в первом "Сборнике по теории поэтического языка" (Пг., 1916).

3. Там же. С.39.

4. Курдиани М. Футуризм и другое. // Грузинский язык и литература в школе.- 1987.- № 1-4.-С.125 (на грузинском яз.)

5. Сообщено профессором А.Гацерелия, которому выражаем глубокую благодарность.

6. См.: Кипиани М. Футуризм в Грузии и поэтический путь С.Чиковани.- Тбилиси, 1979.- С. 15-17; Kurdiani M. Appunti sulla zaum' // Il verri.- 1983.- № 29-30.- Р. 58-61.

7. См.: Циглер Р. Поэтика Крученых поры "41". Уровень звука // L'avanguardia a Tiflis.- Venezia, 1982.- Р.240.

8. См.: Терентьев И. Леф Закавказья // Леф-1923,- № 2.

Таким образом, связь грузинских футуристов с опоязовскими теориями шла по многим каналам.

В своем первом сборнике "Н₂ SO₄" грузинские футуристы провозгласили приоритет нового искусства - кино над другими искусствами, и в первую очередь над исчерпавшим свои возможности театром. Из театральных режиссеров они признавали лишь В.Мейерхольда и С.Эйзенштейна, в постановках которых присутствовали кинематографические элементы. Противопоставляя актеров кино театральным, футуристы особо выделяли две наиболее близкие им школы киноактеров: к одной они относили Чарли Чаплина и Макса Линдера, к другой - Эмиля Янингса, Конрада Фейда, И.Мозжухина. Проблемам киноискусства было уделено много места и в журнале "Литература да схва", призывавшего перенести в литературу принцип кинематографического отображения. Этот призыв получил практическое воплощение в поэзии одного из лидеров грузинского футуризма Н.Шенгелая, уделявшего главное внимание ритмической организации и динамике стиха. Сделавшись кинорежиссером, Шенгелая широко использовал ритм в киномонтаже⁹; он блестяще продемонстрировал искусство смены ритмов в фильме "Элисо", ставшем классикой левого кино Грузии. Об этом фильме высоко отозвался В.Шкловский, отметивший оправданность эксцентризма и инверсий хорошим режиссерским темпераментом и знанием быта¹⁰.

В середине двадцатых годов в грузинской прессе проходили дискуссии о формализме. Одним из ведущих защитников этого направления был В.Жгенти, пропагандировавший в журналах "Мемарцхенеоба", "Мнатоби" газете "Заря Востока" и в других изданиях опоязовские идеи. Так, в статье "Левый фронт грузинской литературы" он писал, что литературоведческий анализ произведения в первую очередь

9. См.: Амираджиби Н. Литература и кинематограф // Советское искусство, -1965- № 8-С. 35 (на грузинском яз.).

10. См.: Шкловский В. За столбы // Советский экран.-1928.-№ 3; Советская школа актерской игры // Советский экран.-1928.-№ 47- С.4.

подразумевает преимущественный анализ литературной формы. Одним из отличительных принципов грузинского футуризма Жгенти считал создание художественной конструкции "путем применения определенных строительных приемов"¹¹. Однако в отличие от русских формалистов Б.Жгенти упорно пытался соединить формализм с марксизмом, "все его действия были направлены на утверждение этого тезиса"¹².

В 1928 году была опубликована статья Л.Скородумова "К психофизиологии литературного приема"¹³, методологической основой которого послужило положение Тынянова о конструктивном соотношении приемов-элементов. В другой статье "Психофизиология элементарных форм литературы"¹⁴ Скородумов на материале ритмизованной прозы двадцатых годов рассматривает вопрос семантики метра, важность которого показал Тынянов.

Из представителей ОПОЯЗа наиболее длительные контакты с грузинской творческой интеллигенцией, в частности с грузинскими футуристами, имел В.Шкловский¹⁵, который в 1927 году работал в тбилисском Госкинпроме. Ю.Тынянов, впервые посетивший Грузию в 1933 году, познакомился в Тбилиси с кинорежиссером Н.Шенгелая, сопровождавшим его в поездке по Кахетии. В этот приезд Тынянов познакомился и с литературоведом А.Гацерелия, ставшим его верным учеником¹⁶. Стиховедческие принципы Тынянова были положены в основу

11. Заря Востока.- 1927.- № 1571.

12. Цицишвили Г. Путь критика // Жгенти Б. Сильна единством: Статьи.- М., 1984.- С.8.

13. На рубеже Востока.- 1928.- № 3-4.- С.132-144.

14. На рубеже Востока.- 1928.- № 6.- С.184-192.

15. Начиная с 1917 г. Шкловский многократно бывал в Грузии.

16. Гацерелия принадлежит очерк "Юрий Тынянов" (Наше поколение.- 1938.- № 7), некролог в газете "Литература и искусство" (1944.- № 2), а также воспоминания о Тынянове (Литературная Грузия.- 1975.- № 12.- С.85-89; 1976.- № 1.- С.83-87).

монографии Гадерелия "Грузинский классический стих. Ритм. Рифма. Строфа. Размеры" (1953).

М.Б.Мейлах

ΜΥTHOΠOESIS OBERIUTIANA

Заметки к построению обэриутской (мифо)поэтики

Ухищрения в заглавии этих заметок, которые легко могут показаться претенциозными, продиктованы желанием избежать, хотя бы в названии, терминов, давно уже одиозно звучащих в расхожем употреблении. Тем не менее в творчестве Введенского и Хармса мифологические прозрения в мир того, что приходится называть архетипической образностью, достигают не только нетривиальной, но и почти неправдоподобной степени проникновения. Ограничимся некоторыми замечаниями о Введенском, чей корпус может, в частности, служить примером чрезвычайно концентрированного и углубленного поэтического преломления мифа *éternel retour* (особенно многоуровневая обратность, в том числе в ее семантической, выводящей непосредственно в область абсурда проекции). Другим примером могут служить образы, отождествляющие *воду со временем* - от метафизической образности моря ("Значение моря", № 16, "Кончина моря", № 17, а также №№ 9, 10 и мн. др.)¹ и сквозного выявления временной темы через образы реки, ручья, потока, водоема, залива, прибоя, волн, снега, росы и росы смерти - таково одно из объяснений слова *потец*² (с.б, 115, 134, 150, 176-178 и др.; мотив пересечения реки в загробном странствии представлен плаванием по Лете, (с. 150), - до прямого отождествления со временем: *Глядите вся вода сутки* (с.

1. Ссылки по изданию: **Введенский А.** Полн. собр. соч./Под ред. М.Мейлаха.-Т. 1-2.-Анн Арбор : Ардис, 1979 - 1984.

2. Мифообразующий неологизм Введенского, которым он обозначает холодный пот, выступающий на лбу мертвеца:

93, ср. "Сутки" с их сквозной "водяной" образностью), - откуда роль воды в эсхатологической образности Введенского, в частности, в связи с мотивом утопленничества (№№ 8, 9, 14).

К числу наиболее общих мифопоэтических мотивов относится символика растительного цикла, от ее нетривиального преломления в мотиве вознесения на небо цветов в прологе поэмы "Кругом возможно Бог" (с. 77) или в мотиве их связи со звездами (с.47), до остранения семантики плодородия в образе украшения растениями живота женщины в эротико-эсхатологической сцене из "Четырех описаний" (с. 113). Достаточно необычно, в его последовательном проведении, систематическое отождествление со временем собственно растений - кустарников (с. 122 и 74), деревьев (с. 178) и т.п., и в еще большей степени - животных: эсхатологическая, со змееборческими импликациями, семантика орла (с. 16, 100 и мн. др.), эротически-эсхатологическая - червя (с. 102), эсхатологически-потусторонняя - медведя (с. 8, 9), временная, в широком смысле, - ласточки (с. 132). Сквозной мотив Введенского - апокалиптические конь и всадник с их богатейшей в мировых мифологиях амбивалентной семантикой, в том числе пограничности между двумя мирами; из других образов, связанных с засмертным существованием, укажем мотив бородатого покойника с растущей бородой (с. 19) и собственно "Потец", который можно по праву назвать индивидуальным мифом Введенского (№ 28), подобно тому как в большой мере им индивидуально выявлен обширный пласт мифологической образности, преломившейся у него в форме "двуступенчатой эсхатологической ситуации".

Еще одна сфера индивидуального мифотворчества Введенского отражена в образах потусторонних ангелов-вестников *Кумира, Зумира, Чумира и Тумира* из "Четырех описаний" (№ 23), которые не столь уж далеки от мифопоэтических шаманских медитаторов между двумя мирами. Область мифологизмов, связанных с проблемой тождества личности, обнаруживает у Введенского параллели с научно-культурологическим

мифотворчеством века (Я и Оно Фрейда, Я и ты Мартина Бубера). Из числа крайне нетривиальных мифопоэтизмов назовем утверждение амбивалентности, в том числе хтоничности музыки (см. с. 49, 94, 125, 130 и, особенно, 144); определение моря как родины ночей, ночи как извлеченной из моря, а дня как кузена ночи ("Две птички, горе, лев и ночь", № 9, с. 46); просвечивающее за "Уроком зверей" из пьесы "Елка у Ивановых" соответствие с индоевропейским представлением о скоте как воплощении душ умерших (с. 161, ср. с. 80, - *коровы они же быки* и т.д.); или же близкое гюрджиевской мифологии соположение соответствующих мотивов - луны, бодрствующей и растущей за счет "сна человечества" (с. 96, ср. 112), особенно интересное в связи с тем, что реминисценция этой мифологемы Гюрджиева выявлена О.Роненом у Мандельштама³. Поразительным проникновением в реконструированную лишь недавно в работах Топорова мифологическую образность грибов в связи с основным мифом о Громовержце, наказывающем своих сыновей⁴, выглядит наделение в пьесе "Потец" сыновей грибами (с. 135, там же сравнение их с зонтами - с. 189).

К широким пластам мифопоэтической образности примыкает, по крайней мере, одной из своих сторон, еще одна мотивная область творчества Введенского - речь идет об элементах поэтики безобразного, гиньоля, фарса, всевозможных "сниженных мотивах". Упомянем, наконец, черты характерной диалогичности его творчества, эксплицированную вопросно-ответную форму многих его произведений, сюжетообразующего диалогизма загадывания-отгадывания с установкой на выяснение истины (тот же сакраментальный вопрос "что такое есть потец", №28).

3. **Taranovsky K.** . Essays on Mandel'stam - Harvard University Press, 1976.-P. 6.

4. В частности, см.: **Топоров В.Н.** Семантика мифологических представлений о грибах. Balcanica.- М., 1979.-С. 268.

О СТИЛЕ ТЫНЯНОВА ("ПОДПОРУЧИК КИЖЕ")

Прозаические произведения Тынянова принято сопоставлять (начиная с известной статьи Б.Эйхенбаума) с теми или иными его теоретическими работами, выстраивая при этом теоретико-художественные "пары", свойственные синтетическому творчеству автора.

Так, рассказ "Подпоручик Кижэ" более всего связывается с деятельностью Тынянова в кино (Г.Козинцев, И.Сэпман, Е.Тоддес) и киноведении, в частности, с разработкой проблем кадра, монтажа, приема зеркальности (М.Ямпольский).

Представляется, что Тынянова-прозаика "вела" не только теоретическая идея, особо актуальная для него на данном отрезке творчества, - но и самая принципиальная и доминантная для него идея конструктивности и, соответственно, - функциональности художественного произведения. В этом смысле рассказы Тынянова, и в первую очередь "Подпоручик Кижэ", оказываются связанными со всем массивом его работ - теоретических, историко-литературных, литературно-критических. Тыняновская идея конструктивности выливалась в прозе в органичный для его писательской природы структурный принцип. Сохраняя инвариантность, тыняновский "строевой" (стилевой) принцип в разные периоды творчества реализовывался в разных вариантах, - и сходных с прежними, и отличных от них. Суть этого принципа обнаруживает себя сочетанием двух тенденций: с одной стороны, - *дифференциацией, дробностью, атомарностью*; а с другой, - *собираением, интеграцией, осуществляемых законом синекдохи*. И если в двух первых романах закон этот проявлял себя заменами естественного порядка (состояние - человек: "Кюхля"; ситуация - человек: "Смерть Вазир-Мухтара"), то в "Кижэ" он получает иную функцию - замены алогичной, аномальной, замены-нонсенса (буква - человек, другая буква - исчезновение человека).

Стиль гротесковой синекдохи пронизывает собой все уровни поэтики рассказа, начиная от словесного и кончая сюжетно-композиционным. В последнем случае чрезвычайно показательны, например, соотношения вводных и финальных "кусков" в главах текста, где складываются замены сложного - второго, третьего и т.д. порядка (ситуация - государство; государство - эпоха; эпоха - вечность; жизнь, смерть).

Идя на рубеже 20-х - 30-х годов по пути укрупнения и заострения специфической для него стилевой закономерности, Тынянов отвечал не только на свои внутренние творческие потребности: он "слышал" потребности литературы (в частности - прозы), ищущей в это время формы, которые бы создавали образ "не той" - деформированной, ложной, враждебной человеку жизни (Замятин, Платонов, Булгаков и др.).

М.О.Чудакова, О.П.Лебедушкина

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО Б.Л.ПАСТЕРНАКА к Ф.А.СТЕПУНУ

В Библиотеке редких книг и рукописей Йельского университета в Нью-Хевене (США) в фонде Ф.А.Степуна хранится письмо Пастернака Степуну от 6 мая 1960 - последнее из известных его писем к этому адресату (письма от 30 мая и 10 июня 1958 г. опубл. Р.Герра: Русский альманах, Париж, 1981, с. 475-477), скорее всего - вообще последнее письмо поэта. Оно писалось в тот самый день, когда Пастернак особенно плохо почувствовал себя: его сердце уже было поражено глубоким инфарктом, еще не распознанным врачами, но, в сущности, уже тщательно описанным в письме.

Историко-литературный интерес письма главным образом - в отклике на статью Степуна о "Докторе Живаго":

"Дорогой мой Федор Августович, только на днях, более чем с годичным опозданием прочел Вашу статью в N.Rundschau. Сколько души и понимания Вы мне подарили! Страшно горжусь

Вашим признанием и такой одухотворенной, захватывающей поддержкой.

Пишу Вам лежа в постели. Я захворал надолго чем-то если даже и не угрожающе опасным, то крайне болезненным". Описав подробно свое состояние, Пастернак добавлял: "Если Бог даст я выздоровею, я вернусь к Вашей статье и напишу Вам".

Речь идет, таким образом, не об известной и перепечатанной недавно (Лит. обозрение, 1990, № 2) статье Степуна в "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1959, кн. LVI, с. 187-206), а о ее немецкой версии ("Die Neue Rundschau", 1959, № 70, с. 145-161), меньше привлекавшей к себе вниманис. Между тем, в ней присутствуют мысли, совсем не отразившиеся или отразившиеся в более стертом виде в русской статье Ф.Степуна о романе. Приведем лишь один пример: "Пастернак воюет не с большевизмом, который, как бурная волна исторического океана накрыл сейчас Россию, но с самим этим океаном; если мы будем употреблять это слово в общепринятом смысле - с историей как таковой".

Секретарь Ф.А.Степуна профессор Н.Stammler в нашей беседе 6 апреля 1990 года (г.Лоуренс, штат Канзас), подтвердил, что Степун "писал почти всегда в двух версиях, немецкой и русской, за исключением работ, специально написанных для немецких издательств".

Немецкая статья Степуна о Пастернаке называлась "Boris Leonidowitsch Pasternak. Der << Fall >> Pasternak". В отличие от статьи в "Новом журнале", она адресована европейскому читателю.

Письмо Б.Л.Пастернака и русский перевод статьи Ф.А.Степуна публикуются в "Пастернаковском сборнике" (М.; в печати).

О СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ СКАЗА

Характерно, что многие течения, приговоренные критикой, продолжают жить и развиваться. Характерно продолжающееся и расширяющееся развитие сказа.

Ю.Тынянов

Сказ как способ речевой организации произведения характеризуется единством принципиальных установок. Во-первых, сказ воплощает "чужое" (неавторское) сознание, "чужую" речь. Во-вторых, реализует это чужое сознание посредством имитации устной и неофициальной - собственно разговорной речи рассказчика (в отличие от разновидностей неавторского слова, развивающихся на основе литературно-письменного повествования). Поскольку разговорная речь требует непосредственного контакта общающихся, изображаемый монолог представлен в сказе как осуществляемый в момент его восприятия (ср. с литературно-письменным повествованием, в котором неизбежна пространственно-временная отграниченность процесса ведения речи от ее восприятия). Сказ рождает иллюзию сиюминутного, непосредственного общения субъекта высказывания с аудиторией.

"Сказовый взрыв" в современной русской литературе - с начала 60-годов - не был вызван сменой носителей "языковой" нормы в самой действительности (как это имело место в послереволюционное десятилетие). Стиливая доминанта сегодняшних сказовых форм - возвращение к повседневному, бытующему речевому поведению (а в целом - "живому" обыденному сознанию), не находившему адекватного отражения в "нормативной" литературе 40-50-х годов. Отличительной тенденцией развития современного сказа является последовательное расширение сферы его реализации. Важнейшие виды, формы воплощения сказового способа сегодня :

Собственно художественная проза. Сказовой прозе 60-80-х свойственно чрезвычайное многообразие "речевых жанров"

(М.Бахтин) - художественно осваиваемых типов "непосредственного говорения" (и шире - социального взаимодействия общающихся). Ср., например, сказ "просторечный" ("Бухтины вологодские", "Просветление" В.Белова, "Сказание об одной семье" В.Исакова ; "городской сказ" - "Зеркало" Евг.Попова) и формы, воссоздающие разговорную литературную речь ("Экзамен на здравый смысл" Г.Тропольского, "Колечко" М.Веллера и т.п.) ; сказ, ориентированный на повествование о минувшем событии и - разыгрывающий спонтанную беседу ("Колыбельная" В.Белова, рассказы "Как его фамилия...", "Ты все понимаешь" В.Голявкина) и т.д. Вместе с тем современной сказовой прозе присуща определенная содержательно-смысловая общность. Рассказчик здесь становится, как правило, носителем авторитетной, ценностно-значимой позиции - ср. с "ущербной", нередко пародируемой речью-правдой рассказчиков 20-х годов. См. "Варвара" В.Крупина, "Зимние вечера такие долгие" Г.Немченко, "Крапивное семя" В.Колыхалова, "Жизнь прожить" В.Астафьева, "Из колена Аввакумова" Ф.Абрамова и другие.

"Сценические" монологи. Традиционный для русской литературы жанр (ранний Чехов, Н.Лейкин, И.Горбунов) необыкновенно популярен сегодня. Подобные монологи, преимущественно юмористического или сатирического содержания, характеризуются демонстративным противопоставлением смысловых позиций субъекта говорения и автора. Рассчитанный нередко на непосредственно-устное бытование, "сценический сказ" плодотворно использует коммуникативную функцию разговорного слова. Изображаемая речевая деятельность оказывается, по существу, формой "сию минуту" разыгрываемого действия - "собеседования" рассказчика с окружающими. См. монологи-инсценировки А.Хайта, М.Задорнова, А.Инина и т.п. Зачастую текст таких монологов эксплуатирует наработанное поэтикой сказа в "большой литературе", однако несомненно и глубоко творческое освоение художественных возможностей этого жанра сегодня, - например, монологи-импровизации М.Жванецкого.

Сказ стихотворный, "песенный". Стихотворный сказ известен русской литературе (Некрасов, Маяковский, отчасти Твардовский, сегодня - В.Антонов), однако уникальная форма сказа-песни - явление 60-80-х годов. В сказовых песнях-монологах А.Галича, Ю.Визбора, Ю.Алешковского и прежде всего В.Высоцкого ("Песня о госпитале", "Разведка боем", "Песня певца у микрофона" и т.п.) ярко проявилась тенденция стилового развития современного искусства слова - обращение к "живой" речи народа как к основе речи художественной (и - внимание к точке зрения "рядового человека"). Стихотворный сказ - наиболее специфическая форма реализации "сказовой энергии". Условность стихотворной речи усиливается здесь условностью "необработанного" спонтанного говорения.

Наконец, сказ "документальный". Главная его особенность - бытование за гранью собственно художественной прозы и - развитие именно в современной литературе. Здесь правомерно говорить не о воссоздании обыденного устного монолога, но - о фиксации его (хотя и не "буквальной" - момент отбора неизбежен) - как средства достоверного свидетельства очевидца о каких-либо реальных событиях. См. "У войны не женское лицо", "Последние свидетели" С.Алексиевич или "голоса-исповеди" в "Блокадной книге" А.Адамовича и Д.Гранина, в повестях "Чернобыль" Ю.Щербака, "Дивись-гора" В.Личутина и т.п. В сопоставлении с "документальным" сказом отчетливее выявляются специфические цели и возможности художественного воссоздания разговорного монолога в литературе. Многообразие жанров и форм бытования сказа обусловлено его способностью выполнять различные функции - быть средством сообщения и формой "непосредственного" общения, выражением сознания и характерологических свойств самого говорящего.

ТЕКСТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей.

Г.Лейбниц

Мы живем не в мире вещей, а в мире текстов, и существуем лишь благодаря тому, что производим бесчисленные тексты. Исходное понятие текста связано с речемыслительной деятельностью человека. Минимальные тексты - это предложения, состоящие из одного слова ("Вечереет", "Довольно!" и т.д.). Максимальные тексты (гипертексты) репрезентируют некий универсум : мир как текст, культура как текст и т.п. Представляет интерес проблема эволюции и модальности текстов. Два момента текстообразования - эволюция семиотической картины мира (или ее фрагментов) и способы знаково-символического представления реальности - тесно между собой связаны.

1. *Тексты-архетипы.* Священные тексты, например ведические, мыслились как изначально существующие. Это сакральная онтология знаковых систем. "В начале было Слово...". Слово наделялось абсолютной креативной силой. Однако тексты-архетипы - это относительно поздний продукт.

2. *Мифомышление как текст.* Здесь лежит действительное начало текстообразования. Универсальный принцип мифомышления - "все есть все", логика оборотничества. Тут еще не различаются социум и космос, слово и вещь, идея и действительность, субъект и объект, одушевленное и неодушевленное, часть и целое, сущность и явление и т.п. Окружающий мир мыслится, переживается и ритуально присваивается как единый, унимодальный текст. У древних греков (Парменид), уже в рамках философской рефлексии, - своеобразная функция отклика на эти первичные ментальные структуры : Слово и мысль бытием должны быть.

Одно и то же мысль и то, о чем мысль существует. Позднее эти древние пласты проработает Гегель : тождество мышления и бытия. Поистине философия есть рационализированный миф.

3. *Автоматизированные тексты.* Наиболее ярко эта парадигма представлена в науке Нового времени. Галилей говорил, что перед нами - великая Книга природы, и написана эта книга на математическом языке, который мы должны изучить. Будучи развитым и усовершенствованным в ньютоновской физике, математический аппарат описывал функционирование некоторого Автомата, отвечающего принципам строгого детерминизма ("демон Лапласа"). Не является ли таким автоматом (частичным и вероятностным) любая культура, воспроизводящая себя в пространстве-времени, которое отпущено ей Историей?

4. *Анонимные тексты.* Известно, что категория авторства в искусстве и литературе возникла относительно поздно. Анонимность - одна из атрибутивных черт фольклора. В теологизированных обществах творческий процесс обставлялся строгим ритуалом. Рукой художника водила, так казалось, некая высшая сила, и личность исполнителя играла тут чисто функциональную роль. Длительное время в литературе использовались предзаданные мифологизированные сюжеты. Далее, согласно О.М.Фрейденберг, идет период, когда в сюжетные схемы вносится личная авторская трактовка. Начиная с эпохи Возрождения сюжет выступает как самостоятельный авторский прием. Анонимность текстов - художественных, научных, поведенческих - сохраняется как неустранимый их элемент и сейчас. Разве можно учесть все влияния, отблески, скрытые цитаты и т.п., которые наличествуют в любом произведении? Ведь оно входит в Метатекст всей литературы, искусства, в общий поток человеческого самосозидания, где креативность и репродуктивность никогда не выступают в чистом виде.

5. *Тексты нормативные и девиантные.* Нормативность задается балансом сил созидания и разрушения, вырабатывается в процессе конфронтации "архаистов" и "новаторов" (термины Ю.Н.Тынянова), легитимистов и инсургентов. Исторически менялись и нормативные установки, и девиантные формы, т.е. различные отклонения социокультурного плана. Но есть там и тут свои инварианты. Одной из таких вечных девиантных форм является карнавальность. Она возникла в глубинных пластах мифомышления, где мы находим фигуру трикстера - своеобразного антигероя архаических времен, плута и озорника, но с большим креативным зарядом. Нетрудно провести линию карнавальности через дионисийский культ, плутовской роман средневековья,

раблезианство, ярмарочный балаган, комедийный жанр, пародию до современных романов в стиле "черного юмора". Все это деформации некоторых нормативно-маркированных поведений и продуктов, или "сдвиг систем", если взять выражение Тынянова.

6. *Тексты нативные и остраненные.* Нативный - значит естественный, природный. Остранение - это действие некоторых операторов (система тропов и т.п.), переводящих данный текст (языки обычного общения) в какой-то другой, художественный. Искусство есть прием, т.е. некоторая технология, а в целом - "сумма технологий". Искусство работает на интенционалах, если переходить на язык логики и семиотики. Их когерентность с реальной действительностью - вопрос особый, это область экстенционалов. Истина плюралистична по своей модальности. Есть истина факта, истина научно-теоретическая, истина человеческая, истина историческая, а для кого-то истина откровения. Есть "истина искусства" (В.Набоков). Значит, остранение - это переход к новым истинам, к новому измерению сознания и бытия. Созидаются возможные миры - неожиданные, непредсказуемые, - заполняются "экологические" ниши в тех космических пространствах и временах, где обитают Музы. Выстраиваются новые тексты и соответствующие им системы кодирования человеческих сущностных сил.

7. *Тексты необходимые и случайные.* "Существуют случайные вещи - я и мир" (Гегель). Выше нет ничего - значит, все тексты несут на себе печать незавершенности, эфемерности, случайности. Литература, искусство - это один Великий Эксперимент. Повторы, клише, эпигонство - энтропия креативного начала. "Одно неведомое нужно" (Гете. "Фауст"). Но что более изменчиво, своенравно, неповторимо, чем случай? Только рандомизированная реальность дает полноту бытия, и в ней же выпадают в осадок кристаллы вечности и бесконечности. Предмет искусства? Это символы вечности, торжество духовного начала в очеловеченном мире, онтология Красоты.

8. *Тексты глубинные (бытийные) и событийные.* Современное мышление - научное и художественное - это мышление глубинное. Поскольку мышление диалогично по своей природе, то речь идет о глубине диалога. Археология культурного сознания раскрывает нам единый текст, проекциями которого выступают наука, искусство, стиль жизни. Э.Шредингер, один из основоположников современного естествознания, писал : "Общие

мировоззренческие черты и еще больше общие стилистические черты можно найти во всех областях культуры : в политике, в искусстве, в науке". Примеры глубинных интенций в науке и искусстве известны : это физика элементарных частиц, современная космология и ее начало начал - Большой взрыв, молекулярная биология, психоанализ, генеративная грамматика (Н.Хомский), творческий авангард, работающий на грани искусство\не-искусство, литература\не-литература. В связи с последней дихотомией уместно вспомнить идеи Тынянова о подвижности граней между литературой и "бытом".

9. *Тексты дектические.* Согласно модели, предложенной Ю.С.Степановым, развитие языка и семиотических средств искусства проходит три стадии - семантическую, синтаксическую и дектическую (прагматическую). Последняя связана с появлением эгоцентрических слов, которые акцентируют роль субъекта. При этом говорящий может выступать от имени любого объекта - живого или неживого, земного или небесного, реального или воображаемого. Особенно это характерно для лирической поэзии. Так осуществляется переход от "объективных" текстов к текстам "субъективным". Литература, искусство в целом становятся средством самораскрытия личности, самовыражения автора. Когда-то Виктор Гюго говорил: "Наука - это мы, искусство - это я". Вторая часть программы реализуется в полной мере XX веком. Кстати, и наука сейчас все чаще апеллирует к "наблюдателям", системам отсчета (не только физика, но и рецептивная эстетика), подчеркивает роль отдельных событий в критических ситуациях (синергетика), ставит вопрос о признании невозпроизводимых экспериментов и т.п.

10. *Тексты неосинкретические.* В современной литературе наблюдаются тенденции, которые можно квалифицировать как "спуск в основания", - неомифологизм, магический реализм, антитеатр и т.п. Здесь сходятся вместе история и современность, глубокая архаика и реальность, рациональное и иррациональное, объективное и экзистенциально-личностное, высокое и низкое, быт и бытие - "все есть все". Это неравновесный, турбулентный мир, хаотичный в своей сложности, логика абсурда - способ существования потрясенного, взорванного сознания. Интеллектуальный апокалипсис.

Что же дальше? Какие тексты сможет еще выстроить и пережить человек?

II. МАТЕРИАЛЫ

З.Н.Поляк

О НЕНАПИСАННОМ РАССКАЗЕ ТЫНЯНОВА
"ПАСТУШОК СИФИЛ"

В архиве Тынянова имеется набросок-программа рассказа, заглавие которого в черновых записях слегка варьируется: "Пастушок Сифилис" - "Пастушок Сифилус" - "Пастушок Сифил"¹. Сохранился также план собирания материала. Судя по этим текстам, в центре рассказа должна была стоять фигура Ореста Кипренского. Приводим тексты (в прямых скобках - зачеркнутое Тыняновым):

"Пастушок Сифил[ус]

Герман был немец
Пушкин

Осип Иванович Швальбе был немец. Отец его... Пропах кислым клеєм... Первые уроки... Масло... Разыгрался обыкновеннейший случай: - Ба-ба,- сказал незнакомец, хлопнув рукой по плечу или же по спине Осипа Швальбе. Осип знал, что будет далее, и ему было стыдно за это. Далее все, конечно, оказалось как всегда: незнакомец был профессор живописи, он пошел на квартиру к отцу Осипа. И та-та-та и та-та-та. Осип Швальбе стал живописец... класса.

Колонны-женщины; натурщицы-колонны (им холодно, фижмы), холодный разврат классических зал. <Нрзб > Академия. Актер Рамазанов, уязвленный женщиной:

- Ну, пойти играть свои мементы мори.

Пастушок Сифил[ис] (перевод первой части, не стихами, а сценарно).

1. В списке неосуществленных замыслов Тынянова, приведенном Н.Л.Степановым, указан последний вариант заглавия (ГЖЗЛ. С. 134). Об этом замысле Степанов ничего не сообщает.

Работа, теория живописи; масло. Женские носы, еле видны угри у ослепительных красавиц. "Женщина" и "Италия" 40-х годов. "Кваль куор традести". Отели, красавицы, бламанже и плевки. Итальянка с волосами на животе. "Дьявол". Сошелся. Болезнь. Убийство. Бегство.

Возвращение. Все постарели, обрюзгли. В кабаке.

- Святое искусство, - сказал бледный и с красными глазами Нестор Кукольник. Он встал, покачнулся. - Мы все теперь знаменитые. <Нрзб> Кипренский! - Ого! (Брюллов). Дурачества 30 - 40-х годов. Кончить не на смерти, а на П<етер>б<ур>ге и Кипренском живом. Или поэмой?"²

"Пастушок Сифилис

1) Литература о Кипренском.

2) Теория живописи тех времен.

3) Италия по Батюшкову и письмам.

4) Масло etc.

5) Медицина в то время; сиф<илис>.

6) Брюллов <нрзб>.

7) Поэма о Сифилисе - испанская XVI в. - спросить Рейтца"³.

Имя Кипренского еще при жизни обросло легендами и слухами. Современные исследователи признают, что и сейчас личность Кипренского изучена мало. Сохранившиеся источники не подвергались специальному анализу.

Считается, что Орест Адамович Кипренский (1782-1836) был внебрачным сыном помещика, бригадира Алексея Степановича Дьяконова. Он был записан, однако, сыном крепостных - Адама Швальбе и Анны Гавриловой, в семье которых провел свое раннее детство. Получив при рождении вольную, фамилию Кипренский приобрел позднее, когда

2. ЦГАЛИ. Ф. 2224. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 15-16.

3. ЦГАЛИ. Ф. 2224. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 6.

шестилетним мальчиком был отдан в воспитательное училище Академии художеств. (Одни авторы связывают эту фамилию с названием села Капорья, близ которого он родился, другие - с названием растения "кипрей", третьи - с именем богини любви Киприды, что должно было намекать на обстоятельства его рождения).

Сведения о А.С.Дьяконове и А.К.Швальбе весьма скудны. Сначала Швальбе был дворовым человеком, затем, после смерти Дьяконова, получил вольную и стал приказчиком наследника Дьяконова - его племянника Г.И.Жукова. Едва ли не больше, чем исторические сведения, говорит о личности А.К.Швальбе его портрет, написанный О.Кипренским в 1804 году. Вот какое описание этого портрета дает современный искусствовед: "Крепкий старик Швальбе изображен прямо, в фас... Мягкий свет выделяет лицо, обрамленное снизу белоснежной дугой шейного платка. Упорный, строгий взгляд умных темных, с резким бликом глаз устремлен нам навстречу. Взлохмаченная копна седых волос на голове, широкие черные брови, чуть обвисший, но твердо сжатый рот. Все выдает натуру крепкую, энергичную, говорит о характере деятельном, решительном. Но, приглядевшись, можно заметить и другое - отпечаток тревоги, настороженности и грусти в широко открытых глазах... беззащитную растрепанность, неухоженность волос... О чем повествуют эти детали? Отцу художника во время создания портрета было немногим более шестидесяти лет, и только последние четыре года он находился вне крепостного состояния. Но многолетняя привычка давала о себе знать, к тому же заботы о будущем семьи, не очень радостные заботы"⁴.

Другое описание кажется нам несколько ближе тому образу, который угадывается между строк тыняновского наброска: "Кипренский раскрывает в портрете незаурядный характер человека, способного к вспышкам гнева и великодушию, умеющего гнуть спину перед сильным и проявлять власть над

4. Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский.- М., 1988.- С. 55.

другими. Художник не ослабляет суровых, может быть отрицательных сторон в характере своей модели, не осуждает и тем более не морализирует. Он показывает сложность человеческой природы, в которой темное и светлое, жестокое и человеческое образуют одно противоречивое целое”⁵.

Итак, по-видимому, именно Орест Адамович Швальбе-Кипренский (так он был записан при поступлении в Академию художеств)⁶ появляется в первой строке тыняновского наброска: ”Осип Иванович Швальбе был немец”.

Замена имени (Орест - Осип) легко мотивируется. Отчество Швальбе-отца (Карлович) имело русский вариант - Карпович⁷. Аналогичная замена могла произойти и с отчеством сына: Адамович - Иванович⁸. Русские имя и отчество и немецкая фамилия давали сочетание, типичное для немца, проживающего в России. Ирония ситуации состоит в том, что в действительности Кипренский - сын русского помещика и крепостной крестьянки - вовсе не немец. Но для Тынянова здесь важнее не кровное происхождение героя, а его самоощущение, истоки характера. Пушкинский эпиграф⁹, освещающий весь рассказ, - одновременно - и загадка, и ключ к нему.

В этом рассказе Тынянова могли быть синтезированы два типа сюжетов, характерных для его замыслов: ”иностранец в

5. Алексеева Т.В. О. Кипренский // История русского искусства.-М., 1963.-Т. 8. Кн. 1.- С. 403. В другой работе этот же автор находит в образе Швальбе что-то ”интригующее, ускользающее, неопределенное”, он ”загадочно грозен” и напоминает ”таинственный персонаж гоголевского ”Портрета” (Алексеева Т.В. Исследования и находки.-М., 1976.-С. 85).

6. Следует уточнить, что в официальных бумагах, относящихся к поступлению Кипренского в АХ, он везде значится как ”Кипрейский” - см.:Алексеева Т.В. Указ.соч.-С. 397.

7. Зименко В.М. Указ. соч.-С. 21.

8. Об острающей игре на превращении европейских имен в русские у Тынянова см.: Тоддес Е.А. Неосуществленные замыслы Тынянова // ПТЧ- С. 32.

9. В тексте ”Пиковой дамы”: ”Германн - немец <...>” и ”Германн был сын обрусевшего немца <...>”.

России" и "русский в Европе"¹⁰. Биографический материал жизни О.Кипренского был с этой точки зрения очень удобным: художник много лет провел в Италии. Фабульный центр рассказа ("Дьявол". Сошелся. Болезнь. Убийство. Бегство") также связан с итальянскими реалиями жизни Кипренского.

В письме Николаю I, подводя итоги своей деятельности на благо России, художник намекает на неприятные обстоятельства своего возвращения из Италии: " < ... > возвратившись оттуда, был завистью посланными врагами покрыт некою тению"¹¹. Сущность обвинений, предъявленных Кипренскому официальными лицами, курировавшими русских художников в Италии, и общественным мнением, до сих пор остается непроясненной. Среди версий - и политическая неблагонадежность, и скандальная история с итальянской девочкой Мариуччей (ставшей впоследствии женой художника), которую Кипренский отнял у пьяницы-матери и поселил в своем доме. Рассказывали о Кипренском и совершенно криминальную историю. Современные биографы живописца не сомневаются в том, что легенда, согласно которой Кипренский будто бы убил и сжег свою вероломную натурщицу-возлюбленную, - ложь недоброжелателей. Тынянов, вероятно, придерживался иного мнения. Одним из источников, несомненно, должны были быть "Записки" известного гравера Ф.И.Иордана ("Русская старина", 1891, март - июль)¹².

Вот что сообщает Ф.И.Иордан о жизни Кипренского в Италии: "Утром он из первых в кофейной; модель у него имелась почти ежедневно. Выходя после завтрака, он запасался белым хлебом; собаки за дверьми кофейной ждали его, и будучи ими сопровождаем до студии, он бросал им куски хлеба, и их

10. Тоддес Е.А. Указ. соч.- С. 31.

11. Поздние письма О.А.Кипренского. Публикация Е.Н.Петровой (Сов. искусствознание.- М., 1985.- Вып.19.- С. 338).

12. Ф.И.Иордан (1800-1883) окончил АХ и в 1829 г. вместе с другими пенсионерами Академии отправлен за границу. В Италии находился одновременно с Кипренским. С 1871 года - ректор АХ.

драка веселила его. Проработав день, он отправляется бывало обедать и старается отыскать хорошее вино, которое он требует по половине фульсты, и к концу вечера, когда он едва может говорить от вина, перед ним стоит целая батарея этих полуфульст. Но Боже избави, если прислуга, которая знает его слабость к вину, посоветует ему взять целую фульсту, он входит в обиду, давая ей знать, что он не пьяница и что пьет по малой полуфульсте; если же де понадобится, он спросит другую полуфульсту.

Раз возвращаюсь я поздно из театра, желая что-нибудь закусить, вхожу в трактир. Все столы пусты, прислуга, облокотившись на свои руки, спит. Иду к нашему русскому столу, стоит лампочка, и в полутьме вижу Кипренского, с целую полубатареей полуфульст, в руках он держит приподнятый стакан красного вина перед лампочкою, восхищается его цветом. Говорил он едва внятно, и язык от вина ослаб. Всего удивительнее, что этот же человек, первый из художников, завтракает на другой день веселый, шутит с прислугою и собачки ждут его за дверями кофейной. Он был довольно красивой наружности, с красивыми вьющимися волосами, в говоре слышен был у него свист; он был занят своею наружностью. О нем рассказывали ужасную историю: будто бы он имел на содержании одну женщину, которая его заразила, и будто болезнь и неблагодарность этой женщины привели его в исступление, так что однажды он приготовил ветошку, пропитанную скипидаром... (наложил на нее) и зажег. Она в сильных мучениях умерла.

Зная мягкий характер Кипренского, я не мог верить, чтобы он мог сделать столь бесчеловечный поступок, разве под влиянием вина, будучи не в своем виде. Однажды я воспользовался случаем и, оставшись один с Кипренским, решился спросить его об этой ужасной истории. Он прехладнокровно ответил мне, что это варварство было делом его прислуги. Она его (т.е. слугу) заразила, и что он, этот слуга,

умер от сифилиса в больнице, почему и не могли судом его / Кипренского / оправдать, а прислугу наказать.

После этого происшествия, Кипренский отправился, с целью рассеяться от угрызений совести, в Париж”¹³.

Как видим, Ф.И.Иордана не убедили объяснения художника. А Тынянова? Писателя интересовала тема клеветы, слухов, злословия в судьбе исторической личности. Virtuозный анализ ее значения мы находим в статье ”Сюжет ”Горя от ума”. Однако в сохранившейся программе рассказа ”Пастушок Сифил” ”ужасная история” обретает черты не сплетни, а истинного происшествия. Нет ли здесь противоречия с известной нам позицией Тынянова-исторического прозаика? ”Но я должен быть уверенным, что знаю людей. В споре Катенина с Пушкиным по поводу ”Моцарта и Сальери”, что нельзя так, здорово живешь, обвинять исторического человека в убийстве, я на стороне Катенина”¹⁴. Здесь, быть может, одна из причин того, что этот замысел остался неосуществленным...

Другие возможные источники:

1) Кипренский О.А. Письмо из Рима. - Сын Отечества. 1817. № 42.

2) Дневник Кипренского за границей. 1817 г. - Старые годы. 1908. Июль - сентябрь.

3) Биография Кипренского и воспоминания о нем С.И.Гальберга. - Художественная газета. 1840. № 13.

4) А.А.Иванов. Его жизнь и переписка. 1806-1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880.

5) Мальцев И.С. Письмо к редактору. - Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 1.

6) Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818-1828. - Приложение к ”Вестнику изящных искусств”. СПб., 1884.

13. Русская старина.-1891.-Июль.-С. 28 - 29.

14. Тынянов Ю. Как мы пишем // ТЖЗЛ.-С. 199.

7) Толбин В.О. О.А.Кипренский - Сын Отечества. 1856.
№ 35.

С.И.Гальберг находился в Италии одновременно с Кипренским, а затем, после отъезда художника, поддерживал с ним переписку. Кипренский высоко ценил талант Гальберга и его человеческие качества. В письме графу Д.Н.Шереметеву он рекомендует Гальберга как "необыкновенный талант, просвещенного человека, моего друга, скромнейшего из людей"¹⁵.

Дневник, который С.И.Гальберг вел с момента отъезда из России, и его письма показывают его как вдумчивого и внимательного наблюдателя: "Теперь я в Риме, вижу Рим, говорю - вот я в Риме! и меня это не радует. Рим, какой он теперь, не может радовать сердца: великолепные его развалины - признаки его могущества, которое уже не существует, - признаки народа павшего и низко павшего. Непонятно, невероятно, как город, некогда обладавший миром, мог превратиться в пустыню, в кучу развалин... Это другой народ, чуждый Риму, который живет среди его развалин, иначе он почтил бы памятники своей народной славы, славы предков своих. Нет! Это не потомки древних римлян, это какие-то новые люди-варвары, которых встречает чужестранец в тесных, грязных улицах нового Рима. Они с равнодушием проходят мимо сих развалин, с холодностью показывают их любопытному пришельцу из земли дальней и спешат протянуть руку для получения милостыни"¹⁶.

Эти первые впечатления путешественника перекликаются с картиной Италии, построенной на контрастах, в программе рассказа Тьяннова.

Третий пункт тыняновского плана - "Италия по Батюшкову и письмам". Батюшков был знаком с О.Кипренским еще до первой поездки художника в Италию, по Петербургу. В статье "Прогулка в Академию художеств" мы находим

15. Поздние письма О.А.Кипренского.- С. 331.

16. Цит. по кн.: Мроз Е. Самуил Иванович Гальберг.- М.; Л., 1948.-С. 5.

восторженный отзыв поэта о портретах Кипренского, а в поэтическом послании А.И.Тургеневу (май 1813 г.) - строки о дружеском обращении художника с Гнедичем и Крыловым:

Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И, кистию чудесной
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов...

Зимой 1819 года, направленный на дипломатическую службу в Италию, К.Н.Батюшков выполняет поручение президента Академии художеств А.Н.Оленина - навестить русских пенсионеров Академии, стажирующихся в Италии, и сообщить об их успехах. Отзыв Батюшкова о Кипренском таков: " <... > он делает честь России поведением и кистию: в нем-то надежда наша!"¹⁷. Данный пункт плана подразумевает также письма Батюшкова из Рима и Неаполя от февраля - августа 1819 г. А.И.Тургеневу, Н.И.Гнедичу, Н.М.Карамзину, В.А.Жуковскому.

Еще одно лицо, упомянутое в перечне для сбора материала, - Карл Павлович Брюллов. Возможно, что в сюжете рассказа должно было отразиться соперничество двух мастеров. Кипренскому довелось пережить свою славу, в глазах современников талант Брюллова затмил достижения предшественника. Судя по программе рассказа, Брюллов должен был появиться на его последних страницах, в кругу друзей Кипренского. Поэтому и литература, которая могла попасть в поле зрения Тынянова, должна была включать сведения не только о молодых, но и о зрелых годах Брюллова:

17. Батюшков К.Н. Соч.-М., 1989.-Т. 2.-С. 531.

1) Архив Брюлловых, принадлежащий В.А.Брюллову. Сообщ. Ив.Кубасов. СПб., изд. "Русской старины", 1900.

2) Воспоминания кн. Григория Григорьевича Гагарина о Карле Брюллове. СПб., 1900.

3) Железнов М.Н. Заметки о К.П.Брюллове. - Живописное обозрение. 1898. № 27-33.

4) Заметки и воспоминания художника-живописца М.Меликова. - Русская старина. 1896, июнь.

5) Львова Е.Н. Записки. - Русская старина. 1880, август.

6) Мокрицкий А. Воспоминания о Брюллове. - Отечественные записки. 1855. № 12.

7) Рамазанов Н.А. Воспоминания. - Москвитянин. 1852. Т. 4. № 16.

8) Ростовская М. Воспоминания о К.П.Брюллове. - Москвитянин. 1852. Т. XIX.

9) Струговщиков А.Н. Михаил Иванович Глинка в 1839-1841 гг. - Русская старина. 1874, апрель.

10) Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году Владимиром Давыдовым. Ч. I и II. СПб., 1840.

О поэме итальянского ученого XVI века¹⁸, которую Тынянов собирался использовать в качестве "параллельного текста", монтажным способом включая цитаты из нее в свой рассказ, следует сказать особо.

Джироламо Фракасторо (1478-1533), учившийся вместе с Николаем Коперником, близко связанный со многими выдающимися деятелями итальянского Возрождения, воспитанник, а затем преподаватель Падуанской академии, занял видное место в науке своего времени. В историю медицины, главным образом эпидемиологии, он вошел двумя сочинениями - поэмой "Сифилис, или О галльской болезни" (*Syphilis seu de morbo Gallico. Venezia. 1530*) и "О контагии..." (основной его труд).

18. Тынянов называет поэму "испанской"; очевидно - неточность; это подтверждается авторским примечанием о необходимости уточнить сведения посредством консультации со специалистом.

Сам ученый, сравнивая оба эти труда, замечал: " < ... > я в молодости, в виде забавы, написал кое-что латинскими стихами в трех книгах, посвященных Петру Бембо. Я удалился тогда из города, где свирепствовал мор, в свою деревню Кафию, где я располагал большим досугом. Но так как для поэзии < ... > не все подходит и не все достижимо, то тогда мне показалось нужным отказаться от продолжения начатого мною. Теперь же, если мы снова станем рассматривать вопрос о лечении, то ценность нашего труда будет не поэтической, а главным образом медицинской"¹⁹.

Герой поэмы - пастух Сифил (имя взято из народных преданий), наказанный богами за дерзость. Подобно мифологическим героям он бросает вызов богу Солнца, сжигающему поля, и упрекает его в зависти: на небесных пажитях только Телец и Овен, тогда как у царя Алкифоя тысячи овец. Сифил уговаривает других пастухов воздать божеские почести царю, вслед за чем боги насылают мор²⁰.

Русского перевода поэмы не существует. Судя по программе рассказа Тынянов предполагал осуществить свой перевод отрывков.

В тексте программы совмещены наброски чернового типа, диалоги персонажей, заметки автокоммуникативного характера, композиционные наметки.

Программа подсказывает несколько вероятных фабульных узлов рассказа.

1) Детство героя в семье Адама Швальбе. Здесь угадывается понимание героем неестественности, двойственности своего положения, некоторая напряженность в отношениях с названным отцом. Уже здесь намечена эротическая тема,

19. Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении: В трех книгах. / Под ред. акад. К.М.Быкова.- М., 1954.- С. 141-142.

20. Фракасторо Дж. О сифилисе.- М., 1956.- С. 67 (примеч. В.П.Зубова). Это изд. представляет собой перевод не поэмы, а новооткрытых в XX веке работ Фракасторо на ту же тему.

дальнейшее развитие которой связано с мотивами болезни, преступления, смерти.

2) Обучение в Академии художеств. Здесь развивается эротическая тема. Благодаря ассоциации "колонны-женщины; натурщицы-колонны" возникает ощущение условности, искусственности женского образа, которое тут же корректируется реалистическими деталями ("им холодно, фижмы") и подытоживается отточенной формулой "холодный разврат классических зал". "Любовь" и "смерть" сходятся во фразе об актере Рамазанове²¹.

3) Герой в Италии. "Работа, теория живописи, масло", - этот пункт программы соответствует пунктам 2 и 4 плана сбора материала. Натурализм "итальянской" картины контрастирует с романтизмом живописи Кипренского. "Кваль куор традести" - очевидно, обозначение женщин легкого поведения - то же, что "нимфы радости" из парижских писем К.Н.Батюшкова, о которых поэт с изумлением сообщает своему корреспонденту : "<...> их бесстыдство превышает все. Не офицеры за ними бегали, а они за офицерами"²².

Здесь главный мотив рассказа достигает апогея : роман с дьявольски обольстительной итальянкой, "дурная болезнь", преступление. Здесь - и кульминация, и развязка. Развязка трагедии? Нет, скорее - фарса²³.

21. Александр Николаевич Рамазанов (1792-1828) был комическим актером петербургских театров, учителем танцев в Академии художеств. Его сын, Николай Александрович Рамазанов (1818-1867) - скульптор, друг К.П.Брюллова, был знаком с Кипренским. Он автор воспоминаний и статей о русских художниках, часть которых была собрана в его книге "Материалы для истории художеств в России" (М., 1863) . В круг источников Тынянова могла входить также публикация : Рамазанов Н.А. Дневник и записки // Русский художественный архив.-1892.-№ 1,2,3 / 4.

22. Батюшков К.Н. Указ. соч.- С. 273.

23. Хронология, указанная Тыняновым, вызывает сомнения. Почему речь идет о 40-х годах? Ведь если фабула придерживается фактов биографии Кипренского, то должны быть названы 20-е годы, время первой поездки художника в Италию. Этот момент остается непроясненным.

4) Действие следующей части рассказа разворачивается в Петербурге. Ироническая интонация усиливается. Кипренский должен быть показан глазами кружка Кукольника. Происходит снижение темы.

Одним из наиболее вероятных источников петербургской, завершающей части рассказа могли быть "Литературные воспоминания" И.И.Панаева, в частности, те их страницы, где с присущей автору иронией описаны Нестор Кукольник и его окружение. Несколько цитат наглядно демонстрируют лексические и интонационные переключки. "-Господа! - произнес он, - от души рад с вами сблизиться. Вы любите искусство, а искусство - моя святыня, которой я обрек себя на служение..."²⁴.

"Известно, что Кукольник почти всех своих героев заставлял красноречиво пророчествовать и любил сам пророчествовать о себе на дружеских сходках" (С. 71) .

"Представители трех искусств (Кукольник, Брюллов и Глинка. - З.П.) сходились только для того, чтобы весело проводить время и, разумеется, толковать между прочим о *святыне искусства и вообще о высоком и прекрасном*" (курсив Панаева) (С. 72).

"За этим ужином происходили дружеские и всяческие излияния, выступала на сцену *святыня искусства* (курсив Панаева) и раздавались вдохновенные и пророческие речи хозяина дома" (С. 77).

"На Кукольника я даже начал посматривать несколько с юмористической точки зрения. Он в это время стал беспрестанно появляться в различных кафе и ресторанах, окружаемый толпами любознательных офицеров различных полков" (С. 135).

"Раз вечером я застал его у Доминика председательствовавшим за круглым столом, за которым сидели разные офицеры. Перед поэтом стояла бутылка пива и бутылка

24. Панаев И.И. Литературные воспоминания. - М., 1988. - С. 68. Далее страницы по этому изданию указываются в тексте.

портера. Он мешал пиво с портером и ораторствовал. <...> он значительно постарел, обрюзг²⁵, и лицо его приняло неприятный оттенок” (С. 136).

”<...> Кукольник говорил без умолку, но не совсем связно” (С. 137).

За фразой Тынянова ”Дурачества 30-40-х годов” стоит образ жизни, мировосприятие той богемной среды, о которой пишет И.И.Панаев. Иллюстрацией здесь могут служить воспоминания литератора А.Н.Струговщикова, редактора ”Художественной газеты” в последний (1841) год ее издания, приятеля К.П.Брюллова и М.И.Глинки : ”Раз как-то мы были порядочно навеселе, когда спустились в зал оркестра, но остались тут не долго и вышли на простор. Посредине площадки, вокруг которой мы уселись, откуда ни возьмись, остановилась чья-то левретка. Продрогшая, согнувшись в дугу и поджав заднюю лапу, она дрожала, как осиновый лист. Не успел ее заметить К.Брюллов, как очутился перед ней и до того комично и вместе отчетливо передразнил ее, что раздался общий хохот. Паясничество и фарс, к которым он привык на их родине, в Италии, давались ему в совершенстве. Он и согнулся, как левретка, и дрожал, как она, и выражал глазами то тоскливое беспокойство, которое напоминает во взгляде собачонок взгляд испуганной газели.

”Вот этого музыкой не передашь”, - сказал сквозь хохот Глинка”²⁶.

Эта атмосфера дружеской игры, ”дурачеств” передана и в мемуарах М.И.Глинки : ”Мне гадко было у себя дома, зато сколько жизни и наслаждений с другой стороны : <...> широкое приволье между доброй, милой и талантливой *братией* (курсив Глинки. - З.П.) . Так называли мы общество, образовавшееся еще с 1835 или 1836 года у Кукольника и слившееся потом в одну искреннюю, добрую, дружную семью.

25. Ср. у Тынянова : ”Все постарели, обрюзгли. В кабаке”.

26. Михаил Иванович Глинка в 1839-1841 гг. Воспоминания А.Н.Струговщикова // Русская старина.-1874.-Апрель.-С. 705.

<...>. Мы же все, т.е. Нестор Кукольник, я, рыцарь Коко (Ник.Фед.Немирович-Данченко, родственник Кукольников) и рыцарь Бобо (Влад. Ив.Богаев, усердный чиновник) помещались на диване ; у каждого из нас было свое место и оставалось еще, где дать пристанище тем из приятелей, которые, запоздав, желали ночевать у нас. К.Брюллов и Яненко более других пользовались этим приглашением..."²⁷.

5) Финал рассказа намечен в двух вариантах. В одном ("Кончить не на смерти, а на Петербурге и Кипренском живом") важно подчеркнуть желание писателя завершить историю Кипренского не на чужбине²⁸, а в России, как бы обрывая нить его судьбы и оставляя финал открытым. Другой вариант концовки - цитация поэмы Д.Фракасторо "Сифилис, или О галльской болезни", включение "чужого слова".

В обоих вариантах должна была сохраниться, на наш взгляд, ироническая и трагикомическая тональность, присущая замыслу рассказа "Пастушок Сифил".

Е.А.Толлес

ЕЩЕ О ЗАМЫСЛЕ "ПАСТУШКА"

В рукописях Тынянова, находящихся в составе домашнего архива В.А.Каверина, имеется ряд упоминаний о замысле "Пастушка" и один связный набросок. Все упоминания содержатся в перечнях тем предполагавшейся (в основном неосуществленной) новеллистической прозы. В одном из таких перечней (в блокноте с черновиком предисловия и оглавлением "Архаистов и новаторов") есть пункт: "Кипренский (сифилис, убийство...). Название: "Пастух" (исправлено из "Пастушок").

27. Глинка М.И. Записки.- М. ; Л., 1930.- С. 228.

28. О смерти О.Кипренского в Италии в 1836 году сохранилось несколько мемуарных свидетельств. Среди них - упоминавшиеся выше "Записки Федора Ивановича Иордана" (Русская старина.- 1891.- Июль.- С. 29-30).

Далее здесь варьируется имя (в отличие от других планов не в суффиксальной, а в корневой его части): Сафилис, Сюфилис ("Пастух Сюфилис"). Другой подобный перечень (того же времени), состоящий из 16 пунктов (некоторые из них названы в ПТЧ, с. 32), открывается записью: "1. Пастушок (Кипренский)".

В блокноте 1929 - нач. 1930 г. содержится следующий перечень:

"Преступники etc.

1. Алябьев - бандит
2. Держ < авин > - шул < лер >
3. Крылов - " -
4. Панкр < атий > Сум < ароков > - фальшивомо-
< нетчик >
5. Баратынск < ий > - взломщик
Ф. Вийон Д. Лондон
Д. Дефо
О. Генри
Котошихин
Монс
6. *Кипренский* (выделено Тыняновым - Е.Т.)
7. Грановский (?) Некрасов
(Достоевск < ий > ?)"

Ненумерованные записи, особенно те, что расположены правее, фиксируют более далекие для автора возможности или даже просто указывают "прецеденты". Впрочем, Котошихин может связываться с замыслом "Обезьяны и колокола", а В.И. Монс фигурирует в "Восковой персоне" - не только как придворный, но и как стихотворец.

Объединение под одним (7-м) номером двух-трех имен показывает, что здесь "семантический ореол" азартных игр превалировал над собственно personalia.

Однако самое существенное - "сверхтема", которая обозначена в заголовке и мыслилась, вероятно, в плане таких общих противопоставлений, как *Dichtung und Wahrheit*, или - в опоязовской терминологии - "искусство и быт"; конкретным признаком должно было выступать "криминальное" (выбор, ведущий к пушкинской теме "гений и злодейство").

Замысел "Пастушка" приближался к стадии последовательной текстуальной реализации. Приводим текст сохранившегося фрагмента:

"Пастушок"

Герман был немец
Пшк

1. Отец

Адам Швальбе был немец.

Отец его Иосиф Швальбе выехал из Саксонского городка, потому что налоги там усилились и больше нельзя было торговать цыгарами прибыльно, как ранее.

Опустив желтые усы в пиво, отец говорил теперь в Шустер-клубе на Гороховой:

-Nпа - ну.

Это слово, nпа = ну, значило, что дела идут у него нехорошо, а именно: рядом, на третьей линии Вассили-Остров открыл лавку другой немец и изобразил табашный лист, чтобы привлечь покупателей.

Родина уже далеко = далеко, братья там уже старики и забыли меня давно = давно.

Нужно взять еще одну кружку желтого пива, нужно стукнуть по столу и спросить еще немного горького моченого гороху. У меня нет чахотки, и я сейчас запою здесь тонким детским голосом, глядя на эти дивные картины, на страшную русскую охоту с таким красным русским выстрелом, - не правда ли? - и на турецкий, совсем сказочный пейзаж, где у дамы или

девушки, где у этой девчонки, такие действительно зеленые толстые груди, - не правда ли? - сейчас я запою:

Schön ist die Jugend,
Sie kommt nicht mehr.

2.

Банки с младенцами стояли на полках в кабинете Академии Наук, на Васильевском Острове.

Цыгарная лавка Иосифа Швальбе была неподалеку от Академии Наук, и Адам по воскресеньям, надевая новые длинные панталоны и синий сюртучок, уходил туда смотреть младенцев.

У Адама была большая голова желтого цвета, взрослые глаза и худенькое тело, такими изображали обычно немецкие иллюстраторы тогда детей.

Младенцы были белые, жирные, нежного цвета, и доступ к ним для живых детей был закрыт. Но сын сторожа, Иван, был товарищ Адама, и когда посетители расходились, Иван приходил помогать отцу. Вместе с ним приходил и Адам. Они помогали более взглядами, нежели руками, осматривая шкапы, и случалось, подбирали утерянные посетителями носовые платки и другую подобную мелочь, радостно отдавая все это сторожу. Адам больше притворялся, что нагибается. Он смотрел на младенцев со страхом и любопытством. Постоянный обзор Невы, ее отесанных берегов и плававшая в жирном солнце глазунья куполов, весь ложный приневский мир получал свой смысл и значение, если в его центре стояли - белые, переходящие в лимонный цвет младенцы. Адам припоминал странные вещи, - как однажды сползло ночью одеяло с толстой, старой Христины - и она показалась ему беспорядочной кучей колонн, неожиданно крепких и белых, каких-то круглых вышек, словом, напомнила чуть отретушеванные чертежи какого-то

храма, из которых отец делал картузы для табака, и которые он потихоньку таскал из лавки. От этого белого цвета начинало биться сердце”.

(Архив В.А.Каверина)

Как и в набросках, прокомментированных З.Н.Поляк, здесь фигурирует семья Швальбе; использовано также имя Осип - Иосиф. Развернута метафора "колонны-женщины" (ср. позднее в "Малолетном Витушишникове", гл. 2 и 37). Однако с кем должен быть идентифицирован Адам - с биографическим Адамом Швальбе, т.е. отцом Кипренского, или с самим Кипренским, имя которого в этом случае оказывается замещено отцовским, - сказать достаточно трудно.

Зато определенно можно говорить о предшествовании приведенного текста - "Восковой персоне". Ср. Иосиф Швальбе в шустер-клубе и адмиралтейский кабак в 7-й главке "Персоны" с пьющими и поющими петербургскими французами и немцами ("...сидел немец и пел немецкую песню"; в стилизованных примечаниях к 1-му изданию повести строчки из песни пояснены так: "Немецкие стихи Вилима Ивановича Монса; немецкая песня, сочиненная им"). Очевидна и связь с темой и описанием кунсткамеры (ср. особенно: "Золотые от жира младенцы, все лимонные, плавали ручками в спирту, а ножками отталкивались, как лягвы в воде. А рядом - головки, тоже в склянках"). Столь же очевидны стилистические различия, но в стиле первой главки "Пастушка" уже намечен переход к сказу.

К.Ю.Рогов

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЗГЛЯДОВ А.А.ШАХОВСКОГО

В записи Кюхельбекера, ставшей отправной точкой классической статьи Ю.Н.Тынянова, среди "славян-романтиков" (младодархаистов) названы сам Кюхельбекер, Катенин, Грибоедов и

Шаховской¹. Однако в самой статье - и это закрепилось в исследовательской традиции - речь идет лишь о первых трех. Характерны колебания Тынянова, называющего Шаховского то "старшим", то "младшим" архаистом². Причины в целом ясны: во-первых, Шаховской стоял у истоков "Беседы", во-вторых, в центре концепции Тынянова стоит вопрос о "высоком" стиле и жанре и о соответствующем им поэтическом языке - жанр комедии наименее характерен в этом отношении (так, в понимании Грибоедова как младоархаиста на первый план выходят его общекультурные и эстетические взгляды, эксперимент в области поэтического языка - "Давид", но не семантика жанра "Горя от ума"). Действительно, если обращение к полемическим выступлениям Шаховского, в которых идеология сатирических жанров применена к современной общественно-литературной ситуации, утверждает представление о нем как о "беседчике"³, то изучение "позитивной" программы Шаховского кон. 10-20-х гг. - прежде всего теории и практики "высокой" комедии - вводит его в орбиту идей и устремлений младоархаистов⁴. Ссылки на непостоянство, изменчивость взглядов Шаховского, непосредственно восходящие к враждебной ему мемуарной традиции⁵, отражают

1. Литературные портфели. Т.1.- Пг., 1923. - С.74-75.

2. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // ПиЕС. - С.36,58.

3. См.: Гозенпуд А.А., А.А.Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения.-Л., 1961. ; Альтшуллер М. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество "Беседа любителей русского слова")// Апп Арбог, 1984. - С.138-141.

4. Тынянов указал в статье "Архаисты и Пушкин" лишь на их близость в полемике кон. 10 - нач. 20-х гг. В статье же "Аргивяне", неизданная трагедия Кюхельбекера" Шаховской упоминается в контексте общей проблемы "театр архаистов" ; в программе предполагаемых работ по этой теме значилась и статья о Шаховском (ПИЛК, с.431). Касается взаимоотношений посетителей "чердака" Шаховского Ж.Бонамур (Bonamour J. A.S.Griboedov et la vie littéraire de son temps. - Paris, 1965. - P.92-94), есть ряд замечаний и в других работах. Однако "чердак" и проблема взаимоотношений Шаховского с младоархаистами требуют специального подробного исследования.

5. Образ комика-протeya, погруженного в закулисные интриги, активно разрабатывается в кружке Оленина после разрыва с Шаховским в 1808 г. (ср. письмо

"внешнюю" (полемиическую) точку зрения. В то же время сам Шаховской всегда подчеркивал связь своих идей, разделенных даже и тридцатилетним сроком. "Новое" для него имеет ценность, только если может быть представлено как *истинно* "старое". Так, например, если с "внешней" точки зрения "переход в романтики" - результат "переменчивости", то, в интерпретации Шаховского, он лишь следует своей программе сближения русского театра с театром "древних" (воссоздание формы трилогии и т.д.). Наличие такой "внутренней" точки зрения провоцирует установку на конфликт с современниками и апелляцию "через их головы" к "потомству", что сближает Шаховского с другими младоархаистами. В биографии Шаховского, на наш взгляд, прощупывается своеобразный "узел", когда формируются наиболее принципиальные для его взглядов антитезы, все же последующее может рассматриваться как различные варианты их интерпретации.

1801-1802 гг. были в биографии Шаховского поворотными. Период службы в Преображенском полку, увлечения салонной культурой и светским вольтерьянством завершается с решением стать профессиональным драматургом, перейдя на службу в дирекцию театров (до него тот же пост занимали И.А.Клушин и В.В.Капнист). Поворот во взглядах сам Шаховской связывает со знакомством с графом Ксавье де Местром, братом знаменитого Жозефа, и рисует в духе традиционного "прозрения души"⁶. Встреча эта, скорее всего, должна быть отнесена к началу осени

Оленина А.Н. Языкову Д.И. // ОР ГПБ, ф. 542, №155 ; частично опубл. в кн. : Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и "арзамасское братство". - Л., 1974. - С.31), затем в журнале А.Лукницкого "Северный Меркурий" (1811) ; см. также иносказательные памфлеты, принадлежащие, очевидно, П.А.Корсакову, в журнале "Русский Пустынный" (1817).

6. См. письмо его к П.М.Бакуниной, опубл. А.А.Ярцевым под назв. "Вступление в мое наземное поприще" (Русский архив. - 1896, № 3).

1801 г., когда оба они оказываются в Москве на коронации Александра I, причем Местр останавливается у А.П.Шаховской, дальней родственницы А.А.Шаховского⁷. Правдоподобно, что Местр советует Шаховскому бросить службу : он сам мечтал об этом. Правдоподобен и общий смысл разговоров с де Местром, как его передает Шаховской : "этическая" критика понятия "ум" и осмысление занятий словесностью в "высоком" плане⁸.

С интервалом в несколько дней, в апреле 1802 г., Шаховской увольняется из гвардии и поступает на службу в дирекцию, а уже 19 мая директору театров А.Л.Нарышкину дан рескрипт, позволявший ему "отлучиться в чужие края к целительным водам на шесть месяцев" вместе с сыном и "находящимся при театральной дирекции Надворным Советником Князем Шаховским"⁹. Свой человек у Нарышкиных, Шаховской, очевидно, еще до отставки обсудил перспективы службы. Судя по объявлениям об отъезжающих и докладами по дирекции, около 20 июня отъезд состоялся¹⁰. Шаховской отправился в Париж набирать актеров для петербургской французской труппы. Первоначально, видимо, предполагалось, что он вернется вместе с Нарышкиным, съехавшись в Швейцарии, но обстоятельства изменились : Нарышкин вернулся в середине декабря 1802 г., а Шаховской "Большим Постом", т.е. не раньше середины февраля 1803 г.¹¹

В биографиях Шаховского обычно указывается на отсутствие данных об этой поездке, кроме "Театральных воспоминаний" князя ; при этом из поля зрения странным образом выпадает весьма важное свидетельство Шаховского 1842-го г. Он пишет

7. См. стихотворение С.Н.Марина "Поход в Москву" и коммент. к нему. - Марин С.Н. ПСС//Летописи Гос. Лит. музея. - Кн. 10. - М., 1948. - С.70, 363.

О Местре в эти годы см., в частности: Bonnefon P. X. de Maisire. Lettres inédites // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* - 1909. - № 4.

8. "Вступление в мое наземное поприще". - С.358.

9. Санкт-Петербургские ведомости. - 1802. - № 45. - С.1135.

10. ЦГАДА. Ф.39, оп.3 / III. № 56434.

11. См. рассказ Шаховского "Три женитьбы вопреки рассудку. Листки из литературной летописи XIX в." (Библиотека для чтения. - 1834. - Т.7, № XI. - С.88),

здесь, что попал в Париже в 1801 г. <!> ”в общество лучших тогдашних литераторов, вот их имена : сочинитель ”Путешествия молодого Анахарсиса” Аббат Бартеlemi ; трагики : Дюсис, Легуве и Арно, секретарь и друг Луциана Бонапарта ; комики Андрие, Пикар, Дюваль, старик Дефорше и молодой Этьен ; драматик и актер Монвель, сочинитель Марсолое, легкий стихотворец Виже, просвещенный творец музыки Мегюль и переводчик Горация Дарю * . Из иностранцев я один был всеми приглашен в это дружески-литературное общество ; в нем-то перевернулись совершенно мои представления о театре. Новые, но не новейшие парижские литераторы перестали думать, что вне Парижа нет спасения”. Шаховской ”освободился и очнулся”. ”Это может показаться невероятным, однако же случилось со мной : любознательность и воображение их уже не ограничивались стенами Парижа ; они, сохраняя национальную гордость, излечились от презрения к чужому творчеству : вникли в греков, познакомились с Шекспиром , Тассо, Лопе де Вега, Кальдероном, Сервантесом. ...Словом, французы, мои собеседники, сообразовали сделаться Европейцами и <...> разфранцузили и меня”. Шаховской познакомился и с Ж.-Л.Жоффруа, ”наследником и учеником Фрерона”. ”Веря насмешкам Вольтера и проклятиям Вольтерьянцев, я бранил Фрерона., не читая его журнала”. Теперь же Шаховской ”с большим трудом приобрел 117 томов сего издания, начатого Фрероном и продолженного Жоффруа” (т.е. ”L'Année Littéraire”) и привез их с собой в Россию. В результате Шаховской ”принялся за греков и возвратился из Франции совершенно

* ”Андрие и Дарю были тогда народными Трибунами, а Бартеlemi и Дюсис уезжали для поправления их здоровья в полуденную Францию”. - Прим. Шаховского.

русским драматургом, страстно желающим обрусить все, что найдется хорошего в чужих театрах”¹².

Современник свидетельствует, что рассказ о пребывании в Париже относился к числу излюбленных тем Шаховского¹³ : очевидно, с годами он все более “обкатывался” в применении к определенным идейным установкам. В отношении фактической стороны дела возникает подозрение, что Шаховской пользовался какими-то печатными материалами. Это объясняет сугубо формальные характеристики писателей и смещение всей поездки в 1801 г. не только номинальное, но и фактическое : Ш.А.Демутье в 1801 г. умер, Ф.Г.Андрие был к моменту приезда Шаховского уже изгнан из Трибуната. Показательна и путаница с Ж.-Ж.Бартелми : он умер в 1795 г., но в 1801 г. издан “Voyage de M.l'abbé Barthelemy en Italie”¹⁴.

Появление Шаховского в Париже вызвало острый интерес, что вполне вписывается в общественно-политическую ситуацию 1802 г., когда взаимоотношения России и Франции представляются ключевыми для судеб Европы¹⁵. 1 сентября “Gazette de France” просто упомянула о миссии Шаховского (приглашение актеров в Петербург). Но страсти разгорались, поскольку эта миссия имела явный успех. 31 октября в докладе префектуры

12. “История театра кн. А.А.Шаховского. Вместо предисловия. Письмо к редактору” // Пантеон русского и всех европейских театров. - 1840. - Ч.2. - С.65-66. Его “Театральные воспоминания”. // Репертуар русского и пантеон всех европейских театров. - 1842. - № 5. Кроме упомянутых здесь и далее источников, укажем на краткое примечание Шаховского об ужасе, произведенном в нем посещением бывшей площади Революции, где “действовала Гильотина”, - в его кн. “Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. Воспоминания в разностопных стихах” (СПб. 1830. - С.48).

13. Смирнов П.А. Воспоминание о князе А.А.Шаховском // Репертуар и Пантеон театров. - 1847. - Т.1. - С.112.

14. В “Письме к редактору” “Пантеона...” Шаховской сообщает, что подробно описал поездку в одном из писем к Н.М.Бакуниной. - об этом письме, как и о судьбе большей части архива Шаховского, ничего не известно.

15. Подробнее см. в кн. : Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion Française face à l'inconnue Russie (1799-1894). - P., 1967.

полицейскому говорится, "что русский князь Шаховской (Schakowskoi) прилагает все возможные усилия, чтобы вывезти с собой первых лиц главных театров Парижа, что он раздает с этой целью золото пригоршнями, девица Филис из театра Фидо согласилась, и третьего дня она отправляется в Россию". Вновь возникает эта тема в рапорте от 16 октября, где приводится также слух, что композитор Боальдьё и драматург Б.-Ж.Марсолье поддались на уговоры ¹⁶. Но кульминацией всего эпизода стали написанные на этот сюжет водевили. Первый, "Le depart pour la Russie", был поставлен 14 декабря в театре "Водевиль". Нам известно лишь краткое содержание ("La Courrier des Spectacles" от 24 frimaire, an XI) и любопытные сведения о ходе представлений в документах полиции. О первом сказано, что "начало было встречено аплодисментами, продолжение в общем не понравилось. С особым раздражением освистана скучная (fastidieu) похвала русскому императору". Ш.Корбе отмечает в связи с этим, что часть парижского общества сопротивлялась растущей волне "александромании" (alexandrolâtrie) ¹⁷.

Более известен представленный 22 декабря водевиль Ш.Моро де Комманьи "Allons en Russie" ¹⁸. Вокруг посланника петербургских театров Флибура (Flibourg), вербующего "артистов", возникает ажиотаж, мода и даже "эпидемия" отъездов в Россию, где "ценят талант" и "платят деньги". Флибур наивен и часто принимает корысть и бездарность за энтузиазм и искусство. Водевиль полон намеков на театральную жизнь Парижа, а роль Шаховского-Флибура не выходит за рамки традиционного ампула восторженного простака. Плодовитый и неудачливый дра-

16. Aulard A. Paris sous le Consulat. Recueil des documents pour l'histoire de l'esprit publique à Paris. - Т.3. - Р.,1906. - P.233,361,404-405.

17. Aulard. P.479-480; в следующем донесении отмечено, что куплеты, вызвавшие "аплодисменты и свист", были на втором представлении исключены, - Ibid. P.485; Corbet - P.60.

18. Корбе пишет, что было два водевиля под этим заглавием, нам известен текст одного : [C.F.Moreau de Commagny, 1783-1832]. Allons en Russie, vaudeville épisodique, en un acte et en prose, par M.M.M. ... et Henrion, auteurs des Amours de la Halle... - P. - An XI. О нем см. также : von Mohrenschildt, D.S. Russia in the Intellectual life of XVIII century France. - N.Y., 1972. - P.257.

матург Пилларден (от pillard - фр. плагиатор) советует Флибуру, какие пьесы выбрать для репертуара. Водевиль высмеивает моду на Россию : туда стремятся корыстные и бездарные люди. Очевидно, в "моду на Россию", даже на сугубо бытовом уровне, довольно ясно просматривался антибонапартистский оттенок. Этим можно, на наш взгляд, объяснить, что Карамзин, с энтузиазмом отмечавший знаки растущего европейского значения России, о миссии Шаховского приводит два иронических отзыва, близких по смыслу к водевилю ¹⁹. Интересно в этом отношении и то, что предложение Шаховского принимает известный драматург А.Дюваль, впавший в опалу после того, как роялисты устроили обструкцию Наполеону на представлении его драмы "Эдуард в Шотландии". Дювалю, некоторое время уже отсутствовавшему, советуют вновь уехать из Парижа. "Эта мысль улыбалась мне тем более, что за несколько дней перед тем я встречался в одном обществе с русским князем (prince Shikaskoye), который приглашал меня ехать с ним в Санкт-Петербург". Поэтому Дюваль вновь "отыскал князя", который должен был отправляться через несколько дней", и дал согласие ²⁰. Обращаясь впоследствии мыслью к своему путешествию в Россию, Дюваль всегда с нажимом противопоставлял просвещенный и покровительствующий искусствам русский двор, напоминая двор Людовиков, и "двор" Наполеона ²¹. Таким образом, пребывание Шаховского в Париже приобретало определенный политический подтекст.

19. Вестник Европы. - Ч. VI. - 1802. - С. 342-343 ; Ч. VII. - 1803. - С. 172. Подробнее о политических воззрениях Карамзина в этот момент и о его отношениях к легитимистским и проэмигрантским взглядам. см.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. - М., 1987. - С. 280-288. Отзывы Карамзина о миссии Шаховского - новый штрих к истории их взаимоотношений, оттеняющий несомненно легендарную версию В.Л.Пушкина, по которой причиной "вражды" Шаховского был отказ Карамзина печатать в "Вестнике Европы" его стихи (Библиографические записки. - 1859. - Т. 2.- С. 309-310 ; там же см. о критичности Шаховского по отношению к "Истории" Карамзина).

20. Duval A. Oeuvres completes. - Paris, 1822. - Т. 4. - Р. 428-429 ; см. также "Театральные воспоминания" Шаховского, с. 16.

21. Duval. - Т. 5. - Р. 7-18, 429 и др.

Дополнительный свет на всю атмосферу этой поездки проливает еще одно свидетельство Шаховского (1834 г.): "Сослуживец и приятель мой, граф П.А.Ш * * *, с которым мы были в Париже неразлучно, и где он часто заставлял меня чувствовать болезнь по родине..., сговорился возвращаться вместе со мною в Россию, но непременно захотел ехать через Брюссель". И далее: "Товарищ мой открыл мне, что он затащил меня в Брюссель, надеясь, по слухам, отыскать в нем и наказать писателя Массона, оклеветавшего наше отечество... Он удостоверился, что клеветник уехал в Питтих. Мы поскакали за ним туда, однако ж не нашли его и там..."²². Речь идет о П.А.Шувалове (1776-1823), молодом генерале, герое недавней итальянской кампании. 1 мая 1802 г. он был уволен "на 2 года в чужие края для излечения болезни"²³. Возможно, знакомству Шаховского с парижскими литераторами помогла именно близость с П.А.Шуваловым - сыном А.П.Шувалова, знакомого Вольтера, автора послания "К Нинон" и статьи о русской литературе, опубликованной в "L'Année littéraire" Э.К.Фрерона (именно так характеризует П.А.Шувалова и Дюваль). Не менее важно, что Шувалов участник суворовских походов, т.е. "бил французов". "Рыцарский" патриотизм, связывающий любовь к отечеству с комплексом "личной чести", сочетается с европейскими манерами и образованностью (упомянутый восторженный отзыв о нем Дюваля заканчивается рассуждением о сходстве французов с русскими)²⁴.

22. Шаховской А.А. Три женитьбы..., с.85 и 88.

23. Санкт-Петербургские ведомости. - 1802. - № 37 ; см. также "Journal de Paris". - Ап X. - № 297 (27 messidor), где он упомянут (M.le Comte Schomvaloff, general-major).

24. Duval. - Т.5. - P.395-396 ; если свидетельство Шаховского о том, что он приехал в Петербург вместе с Дювалем ("Театральные воспоминания"), точно, то надо полагать, что вместе с Шуваловым и Дювалем он доехал до Берлина, затем продолжал путь с Шуваловым до Мемеля, где они вновь съехались с Дювалем, который устроил здесь чтение своей комедии на русскую тему "Беньовский", желая проверить, насколько точно он воспроизвел местный колорит. Отсюда Шаховской и Дюваль отправились уже в Петербург.

Добавим к этому, что в Париже Шаховской, видимо, постоянно бывает в доме русского посланника А.И.Моркова, где царит откровенно антибонапартистская атмосфера ²⁵. А если вспомнить еще и о беседах с Жоффруа, то орбита идейно-политических взглядов, в которой оказывается Шаховской во время поездки, вычерчивается весьма рельефно.

Атмосфера, в которой традиционные культурные "мифы" ("le mirage russe" ²⁶) и мифы, приобретающие популярность в этот момент (противопоставление "южной" и "северной" культур), обостряются современными политическими обстоятельствами (прежде всего, прорусскими настроениями роялистов), характеризует пребывание Шаховского в Париже и проясняет эпизод, описанный им в письме к Э.П.Мещерскому (1833 г.) : "Приглашенный в Париже еще до императорства Наполеона на завтраки тогдашних словесников, я, всходя по лестнице к Александру Дювалю, встретился с поэтом Андрио, который мне сказал : вот наша участь : вы всходите, а мы сходим" ²⁷. Представление о

25.См. "Театральные воспоминания", с.17. Морков упоминает о Шаховском в письме С.Р.Воронцову от 21 ноября (3 декабря) 1802 г. : M-r le grand chambellan Narishkin m'a decoché ici un des ses subalterns, un prince Chakovskoy, pour enrôler des sujets pour nos théâtres. Il s'en est acquitté non en prince, mais en amateur passionné pour son métier. Il a engagé des très-bons sujets, dont quelques uns sont déjà en route. Mais il n'a pas apporté un sol d'argent avec lui, et j'ai dû lui en faire avancer sur des lettres de change qu'il a tirées sur la direction des spectacles" (Архив Князя Воронцова. Кн. XIV. - М., 1879. - С.287). Кстати, Морков был чрезвычайно не удовлетворен тем, что не получил от Александра разрешения на официальные демарши по поводу книги Массона ; не исключено, что на этом фоне именно в его доме зародилась идея "личной мести".

26.Lortholary A. Les "Philosophes" du XVIII siècle et la Russie. Le mirage russe en France au XVIII siècle. - Paris, 1951.

27.Русский архив. - 1908. - Кн. I. - С.44. Из цитаты следует, что Шаховской бывал у Дюваля. Знаменитые литературные "воскресные завтраки" (déjeuner dominicaux), прекратившиеся за несколько лет до того, возобновились только в 1803 г., однако именно литераторов этого круга и упоминает Шаховской : Андрио, Пикар, Дюси (о "завтраках" см.: Duval. - Т.6. - P.71-86; Saint-Beuve C.-A. Causeries du Lundi.- Paris, 1854, t.9. - P.441-444 ; Stenger G. La Société Française

сменяемости периодов подъема и упадка в истории отдельных наций и государств, укоренившееся благодаря Монтескье, было в этот момент особенно актуально в связи с популярностью параллели "Франция - Римская империя" (ср. настойчивые обращения к ней Карамзина в "Вестнике Европы" 28). Каламбур Ф.-Г. Андрие (1759-1833) имел, таким образом, конкретный исторический контекст. Двадцатипятилетний Шаховской, только что вступивший на новое поприще и преисполненный энтузиазма (ср. отзыв о нем Моркова и фигуру Флибура в "Allons en Russie"), оказывается здесь в роли представителя "новой культуры". Характерно, что в этой ситуации все путешествие начинает осмысляться не как "путешествие в Афины", но скорее как своеобразное "возвращение на родину". Этот акцент замечен во всех высказываниях Шаховского о его поездке, и есть основания предполагать, что сложилась подобная схема очень рано. Так, в написанной им вскоре после возвращения (1803 г.) комедии "Коварный" юный герой-патриот граф Вельский заявляет: "Я бы очень хотел видеть чужие края, может быть, для того только, чтобы еще больше чувствовать цену моему отечеству" 29. Риторическая функция французских воспоминаний в идейных построениях Шаховского очевидна. Антитеза 'книжное - действительное', наиболее принципиальная и устойчивая для архаиста Шаховского, реализуется здесь в виде имплицитного (обычно) противопоставления 'русская галломания - французская русомания'. Весь пара-

pendant le Consulat.- Paris, 1905. - Ser.4. - P.233-235). Таким образом, определенно можно говорить о двух литературных адресах Шаховского в Париже: Жоффруа и круг посетителей "завтраков". Значимо здесь отсутствие каких-либо упоминаний о других знаменитых литературных салонах и кружках, прежде всего, Жанлис и де Сталь.

28.См., например, 1803, ч.7, с. 241, 305-307; ч.9, с.213 и др.

29.Режиссерский список в ЛГТБ. - Л.7 об. Комедия шла на сцене единственный раз, 16 декабря 1804 г., и провалилась. Основанием для более точной датировки может служить фраза С.Н.Марина в письме М.С.Воронцову от 19 ноября 1803 г.

"Шаховской написал прекрасную комедию на Российском театре, написана во всех правилах" (Марин С.Н., с.299).

докс об "обрусении" в Париже является как бы "галломанией наоборот". Довольно яркий пример в этом отношении находим в автобиографическом рассказе "Три женитьбы...", где хозяйка дома, парижанка Клотильда говорит автору : "Позвольте прежде попотчевать вас Русским чаем, который я получила прямо из Петербурга ; я уверена, что во всем Париже нет лучшего. Я без ума от всего русского, и скоро получу кусок русского сафьяна" ³⁰. Указания на то, что моды "à la russe" действительно имели какое-то место во Франции в 1801-1802 гг. ³¹, не отрицают того факта, что весь эпизод строится не как реальное воспоминание, но как полемическая калька галломании (точнее - сатирических штампов ее изображения). Такой парадокс ("обрусение" в Париже) вполне укладывается в схему конфликта "центра" и "периферии" культурного пространства ³² : Шаховской как бы "вывозит" парижскую точку зрения на весь европейский культурный ареал.

Важнейший в воспоминании Шаховского мотив - обращение к "древним" под влиянием парижских впечатлений. Показательно, что он называет двух писателей, с которыми, как сам же признается, в Париже не встречался (Ж.Ф.Дюси и Ж.-Ж.Бартеlemi), - имена их важны как указание на определенные традиции, влияние которых действительно ощутимо в его творческих поисках (так, даже в 1828 г. в предисловии к комедии "Аристофан", которой он придавал особое значение, Шаховской писал, что следовал Бартеlemi в "цели" своей комедии : "оживить" Грецию для современников ³³). Вскоре после возвращения

30.См. "Три женитьбы вопреки рассудку...", с.77.

31.См., например, Corbet, p.39.

32.Лотман Ю.М. Арханглы-просветители . ВТЧ.

33.Шаховской А.А. Аристофан, или Представление комедии Всадники. Историческая комедия в древнем роде... - М., 1828. "От Сочинителя", с.III. В этом замысле Шаховского, как во всем его творчестве, "старые модели" проецируются в новую литературную ситуацию : ориентируясь на довольно традиционный жанр комедии об историческом лице со свойственной ей задачей "оживления подлинника" (revivre le original), он проецирует ее на традицию исторического романа

из Франции Шаховской сближается с кругом А.Н.Оленина, где концентрируются "античные" интересы русской культуры XIX в. Разделяет он и общий энтузиазм, вызванный дебютами Озерова. Связь озеровского "Эдипа в Афинах" с переделкой Дюси была очевидна и для современников. Через Дюси обращается Шаховской и к Шекспиру : в "Драматическом Вестнике" помещена его подробная рецензия на "Короля Леара" Гнедича, основывавшегося на переделке Дюси. Рецензия эта характерна, в частности, тем, что, разобрав английские источники сюжета, Шаховской соглашается в то же время с мнением, что Шекспир подражал - и не совсем удачно - Софоклу ³⁴.

С середины 800-х гг. Шаховской довольно последовательно в своих декларациях (и менее последовательно на практике) ориентируется на "древних", в чем, очевидно, сказывается его общение с Жоффруа и интерес к Фрерону. В № 44 "Драматического Вестника" помещена заметка, в которой осуждается состояние французской словесности после революции и обещается, что в журнале будут помещаться сведения о парижских спектаклях от Жоффруа. В № 10 Шаховской критиковал римскую трагедию. Это было достаточно обычно, но у Шаховского намечается так же противопоставление Софокла Эврипиду, и предпочтение, со ссылкой на Расина, отдается первому ³⁵ (иерархия эта закреплена и в известных "Стихах к портрету Расина" Буало : Расин "оживил" Софокла и "превзошел" Эврипиду). С именем Эврипида связывалось введение в трагедию любовной интриги и "тогательного" элемента. Вопрос о Софокле и Эврипиде тесно связан с историей отношений Шаховского и Озерова. Очевидно, именно в сторону Озерова направлен выпад в статье Шаховского о рим-

типа Бартеlemi, но толкует ее с оглядкой на новую - "вальтерскоттовскую". Это следует, на наш взгляд, охарактеризовать скорее не как "эклектизм", а как своеобразное культурное "одноязычие" : "новое" воспринимается, если может быть интерпретировано сквозь призму "старого".

34.Драматический Вестник.-1808. - Ч.1. - С.34-35. В 1815 г. Шаховской перевел также "Абюфара" Ж.Ф.Дюси.

35.Там же, с.76,105.

ской трагедии против тех сочинителей, "которые, занимаясь одною красотою стихов и блеском некоторых явлений, не стараются о составлении хорошего плана, о ясном видении, быстром ходе и естественной развязке пьес, без которой, несмотря на красоту слога, никакое драматическое творение не может иметь прочного успеха". (Эта инвектива "зеркальна" по отношению к выпадку Н.Бутырского в хвалебной рецензии на "Эдипа в Афинах" против трагигов, забывающих, что кроме "трагических положений" необходима еще "гармония стихов"^{36.})

Важнейший мотив расхождения Шаховского с Озеровым и ссоры с Олениным и Гнедичем - спор о системах декламации - также уходит корнями в парижские впечатления. Включившись в полемику вокруг дебютов м-ль Жорж, Шаховской протестует не столько против "напевной" декламации, сколько против "неравенства выражения (diction), то похожего на плачевное пение, то на приятельский разговор", и противопоставляет ему "величественную простоту трагического разговора", примеры которой он "еще слышал из уст Монвеля"^{37.} О своем общении с Монвелем, о его декламации и сделанном Шаховскому признании, что он перенял этот "естественный говор" у Оффена, "изгнанного" за него из Парижа в Россию, Шаховской подробно рассказывает в "Театральных воспоминаниях" (антитеза Франция - Россия вновь предстает как противопоставление "ложной" и "истинной" традиций). То же "неравенство выражения", но уже на стилистическом уровне, стало главным объектом критики А.С.Шишкова на "Дмитрия Донского" Озерова^{38.} Последний же, напротив, в письме Оленину замечает, что его не удовлетворяет "манера Гоффена", и формулирует свою позицию так : "Везде, где должно занять ум, возбудить внимание зрителей и поражать вообра-

36.Северный Вестник. - 1805. - Ч.7. - С.31.

37.Драматический Вестник. - Ч.1. -С.68.

38.ОР ГБЛ, ф. 218, ед.х. 564 ; Сидорова Л.П. Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В.А.Озерова "Дмитрий Донской" // Записки ОР ГБЛ. - М., 1956. - Вып.18 ; Медведева И.Н. В.А.Озеров // Озеров В.А. Трагедии. Стихотворения. - Л., 1960.

жение, там сочинители стараются красотою, согласием и звучностью стихов прельстить слух, и такие стихи должны быть произносимы..., чтоб сохранен был необыкновенный язык стихотворства. ...В тех же местах, где ... сочинитель считает, что зритель должен забыть все и следовать за действующим лицом и, так сказать, уличить себя в нем, там употребляются простые и обыкновенные выражения и обороты, следовательно, и актер должен произносить сии стихи почти так, как прозу” 39. Речь здесь, понятно, идет не только о декламационной и стилистической норме, но об отношении трагического мира к зрителю и, в конечном итоге, о разном понимании функции “античности” по отношению к современной культуре. Шаховской был не грекофилом, а скорее – сторонником “древних”. На него не оказали, очевидно, особого воздействия идеи Винкельмана, и античность не была для него конкретным эстетическим и мировоззренческим идеалом, а лишь материализацией “универсального”, исходной точкой традиции. Она выступает в качестве “коренной” культуры, противостоящей эпохам ее “порчи” и питающей традицию 40. В результате, в дальнейшем ей оказывается, в представлении Шаховского, близким все, что противостоит французской культуре XVIII в. и может рассматриваться как “древнее” : Шекспир, Кальдерон, действо Дм. Ростовского (и вообще христианство) 41. Завершает схему признание генетического родства русской и греческой культуры (напрямую говорится об этом в статье 1825 г. 42) и тезис о христанском духе лучших творений греков

39.Русский архив. - 1869. - С.128.

40.О толковании слова “коренной” см.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в нач. XIX в. как фактор русской культуры // Уч. зап. ТГУ. - 1975. - В.358. - С.209.

41.См. его статьи “Описание трагедии “Кающийся грешник” (Театральный альманах. Спб., 1830), “Летопись русского театра” (Пантеон ... , 1840. - Ч.2, кн.2,3,5), “Обзор русской драматической словесности...” (Репертуар..., 1842, № 1-3).

42.Шаховской А.А. Нечто о театральной музыке //Русская Талия. - Спб., 1825. - С.109.

(статьи нач. 40-х гг.). Истоки подобного восприятия античности у Шаховского становятся, на наш взгляд, более ясны в контексте его свидетельства о влиянии на него традиции Фрерона - Жоффруа, убежденных сторонников "древних", идеологов-традиционалистов ⁴³. Именно архаичность, "укорененность", а не "национальный колорит" и не "античный идеал", как таковые, характеризует прежде всего для Шаховского то, что может рассматриваться как "истинное".

Через несколько месяцев после возвращения в Россию Шаховской пишет комедию "Коварный", где, как справедливо указал А.А.Гозенпуд, уже налицо в своих основных чертах его идейно-полемическая концепция ⁴⁴. Имеющие общий историко-литературный контекст, писавшиеся в пору весьма тесного личного общения, комедии Шаховского и Крылова 800-х гг. демонстрируют существенную разницу в подходах. Если у Крылова ("Модная лавка", "Урок дочкам") источником "заблуждения" является "мода", укоренение "ложных обыкновений", которые и рождают комическую ситуацию, проникая в мир провинции ("степи"), то у Шаховского в качестве такового источника однозначно выступает сентименталистская и преромантическая литература ⁴⁵, а последствия рассматриваются не только с точки зрения нарушения норм "разума", но и морали. Кроме того, традиционная идеология сатирических жанров у Шаховского постоянно актуализируется "применением" ее к известным лицам и общественно-литературным явлениям и провоцирует, таким образом, восприятие ее как нежанровой. Именно это создает отчетливый "консервативный дух" сатиры Шаховского. Очевидно, здесь также сказывалось влияние наиболее радикальной антипросвети-

43.Об Э.К.Фрероне и его журнале см. : Van Tieghem P. L'Année Littéraire (1754-1790). - Geneve, 1966. Представление о литературных взглядах Жоффруа дает собрание его театральных рец. : Cours de littérature dramatique. - T.1-5. - Paris, 1819.

44.Гозенпуд, с.9.

45.О различном отражении мольтеровских "Смешных жеманниц" в "Новом Стерне" и "Уроке дочкам" см. : Альтшуллер, с.142-143.

тельской традиции Фрерона - Жоффруа и их полемического опыта. Сочувственное знакомство с этой традицией проясняет еще один существенный для всего творчества Шаховского, но, сколько нам известно, не становившийся предметом обсуждения факт - влияние на него непопулярного в России Ш.Палиссо. В статье о греческой комедии в "Драматическом Вестнике" (№ 11) Шаховской, не решаясь еще целиком оправдать Аристофана, все же отходит от традиционного набора резко негативных характеристик ; так, осуждая "Облака", он оправдывает нападки на Клеона во "Всадниках". В целом осудив Аристофана, Шаховской отсылает читателя и к противоположной точке зрения, изложенной в "разговоре в царстве мертвых между Аристофаном и Брюмуа" Палиссо (т.е. во втором диалоге его "Dialogues historiques et critiques"). В этом диалоге Аристофан открывает автору много-томного "Греческого театра" П.Брюмуа истинный смысл и назначение этого театра, о котором тот никогда и не подозревал 46. Он говорит, что комедия никогда не играла "роли столь блестящей и почтенной", как в его время ; из "новых" лишь Мольер "достоин быть рожденным" в Греции (с.225). Комедия, которой Аристофан "дал план", основывалась на государственном устройстве и служила государству. Он напоминает, что Платон назвал его "самым верным историком афинских нравов" (р.228). "Если бы извлекли пользу из моей Комедии, в соблюдении больших предосторожностей, то избегли бы своей участи" (р.229). Текст этот, полемичный по отношению к теории "высокой" комедии XVIII в., явился одним из главных источников концепции комедии у Шаховского в 10-20-е гг. : полностью оправдывая Аристофана, он говорит, во-первых, о связи его комедии с государственным строем Афин и о ее политическом значении (сравнивает даже с английскими оппозиционными журналами), во-вторых, о ее историческом значении как главного источника сведений о

46. Palissot Ch. Oeuvres. - Liège, 1777. - Т.6 (далее ссылки в тексте с указанием страницы). Заметим также, что Д.И.Хвостов указывал на влияние "Дунциады" Палиссо на "Расхищенные шубы" Шаховского (Литературный архив. - М. : Л., 1938. - С.375).

быте и нравах Греции (отзыв об Аристофане Платона, цитируемый Палиссо, приведен им уже и в статье 1808 г.) и, в-третьих, о непреходящем значении ее как прообраза и воплощения самой сути комедийного жанра ⁴⁷. Очевидная связь идей Шаховского с концепцией Палиссо несколько по-новому освещает, на наш взгляд, полемику арзамасцев против Шаховского, в частности, отождествление его с Аристофаном, а также параллель с Палиссо, устанавливаемую блудовским "Видением..." Все эти ассоциации предстают не как полемические проекции, придуманные арзамасцами, но как обоюдное "разыгрывание" ситуации, совокупность многократных отражений "образцового" текста, придающих литературному процессу единство и многозначность ⁴⁸.

Важно также отметить, что идея "исторического" значения Аристофана, тесно связанная у Шаховского с пониманием жанра "комедии нравов" (комедия пишется не только для современников, но и для потомков, для которых она есть "живая картина нравов" прошедших времен), была развернута в апологию Аристофана еще одним из парижских знакомых Шаховского - Ш.Г.Этьенном (1778-1845 гг.), сформулировавшим в 1811 г. тезис о том, что комедия, точно следуя современным нравам, "становится чем-то вроде нравственной истории нации" (тезис этот приобретает в России популярность на рубеже 10-20-х гг. - несколько раз его приводит Вяземский) ⁴⁹. Проблема 'комедия -

47. Предисловие к "Полубарским затеям" (Сын отечества. - 1820. - Ч.61, № 13) и др. выступления 10-20-х гг.

48. Катенин в 1820 г. писал: "Имя Аристофан часто употребляют, говоря об одном из наших писателей, и двояко: ученые, коротко знающие греческий театр, пятиактные эскиловы трагедии, барельефы пиров Гомеровых, знающие наверно, что Аристофан уморил Сократа, хотя сим словом сказать учтиво нечто весьма жесткое; другие, напротив, видя в Аристофане только первого древнего комика, сравнивают с ним для высочайшей похвалы". (Цит. по: Катенин П.А. Размышления и разборы. - М., 1981. - С.175).

49. Discours de reception de M.Étienne, prononcé dans la séance publique du 7 novembre 1811, en venant prendre séance à la Place de M.Laujon. - Paris, Didot, 1811.

история' (ср. традиционную классицистическую дистрибуцию 'история - трагедия: современность - комедия'), подходы к которой намечает Шаховской в 810-е гг., тесно связана с проблемой "нравописания". Понимание "нравописания" как такого взгляда на "современность", при котором она проецируется в "прошлое" (предстает "прошлым для будущего"), сближает Шаховского кон. 10 - нач. 20-х гг. с Загоскиным, нравописательными очерками Одоевского (см. особенно его "Введение" к отделу "Современные нравы" в "Московском телеграфе", а также различные аллюзии и отсылки к творчеству Шаховского 50).

В целом пафос сатирического творчества Шаховского предстает как попытка превращения полемики, памфлета в "высокий жанр", что требовало отыскания "высокого" образца среди "древних" (Аристофан) и осмысления "общества" как арены вечной борьбы "истинного" и "ложного". Аристофановская программа Шаховского подразумевала, что то, что для современников выглядит как "личность", как "памфлет", в исторической перспективе (с точки зрения "потомков") предстанет как "высокая сатира".

Характеризуя "архаизм" Шаховского и влияние на него французской антипросветительской традиции, необходимо отметить, что представление о типологической общности культур -

Вяземский П.А. Записные книжки (1813-1848). - М., 1963. - С.113; вошло затем в кн. : "Фон-Визин" (Спб., 1848. - С.46) ; без указания автора это выражение процитировано в рец. на "Ревизора" (Современник. - 1836. - Т.2. - С.293).

50.Московский телеграф. - 1825. - № 1. Авторство Одоевского устанавливается на основании черновика, хранящегося в ОР ГПБ (ф.539, оп. 2, № 21) : "Введение к статьям о нравах и модах". Проблема взаимоотношений Шаховского и Одоевского заслуживет, на наш взгляд, внимания в контексте более общей проблемы взаимоотношений Шаховского с младоархаистами. Ср. неизменно комплиментарные отзывы о Шаховском в статьях и демонстративные отсылки к его комедиям в нравописательных очерках Одоевского 20-х гг., участие Шаховского в "Мнемозине" и письмо в связи с этим к Одоевскому (Русский Архив. - 1864. - С.806-808). Любопытно, что один из немногих литературных домов, которые Шаховской посещает в перв. пол. 30-х гг. в Петербурге, - дом Одоевского (Русский архив. - 1878. - № 4. - С.441).

одно из важнейших в мировоззрении Шаховского. В письме к Э.П.Мещерскому в 1833 г. он вспоминает : "гораздо больше 20-и лет назад, просматривая с А.Н.Олениным хронологические таблицы Блера, мы придумывали составить по ним, на нашем языке, летописные листы ... <... > Сличая между собой снимки с памятников различных земель и веков, мы заметили всегдашнюю общность одежд современных и сближенных просвещением народов..."⁵¹. "Универсальное" заметно превалирует над "местным" (национальным) и "временным", "чужие" тексты принципиально переводимы на язык "своей" культуры. Так, в 1808 г. Шаховской написал комедию "Полубарские затеи", в которой подражал "Мещанину во дворянстве". В своем позднем сочинении он довольно любопытно мотивирует это обращение к Мольеру тем, что именно в 1808 г. интересуется, "отчего наша торговля не входит в силу, как иностранная". Некий "умный" сибирский купец объяснил ему, что главная причина в "коллежском ассесорстве", т.е. в стремлении купцов стать дворянами, почему и не создаются прочные "торговые дома"⁵². Возникновение этой темы в 1808 г. правдоподобно, если учесть актуальность в 800-е гг. идеи о тесной связи торговли и просвещения (так, знаменательно, что в чч.V-VI "Драматического Вестника" Д.И.Языков публикует сочинение "О сношениях Ганзейского союза с Росиею"). Притом Шаховской считает характерной чертой именно русских "мещан во дворянстве" их страсть к "домашним театрам" и основывает на этом свое переложение Мольера (см. упоминавшееся уже "Предисловие к "Полубарским затеям"). Аналогичным образом "русский водевиль", образцы которого Шаховской дает в 1810-е гг., является калькой популярного во Франции жанра маленькой комедии из жизни исторических лиц⁵³. Подобные анекдоты составляют содержание водевилей Шаховского

51.Русский архив. - 1908. - Кн.1. - С.41.

52."Еще письмо о Петре Великом кн. А.А.Шаховского" // РО ГБЛ, ф. 231 / III, п. 12, ед. х.6, л.4 об.; не ранее 1843 г.

53.Об этом жанре см. : Kadler E.H. Literary figures in French drame (1789-1834). - The Hague, 1969.

(о Климовском, о Ломоносове), но в то же время он связывает их с традицией русской комической оперы XVIII в. ("своя" традиция). В целом его поиск здесь явно созвучен усилиям издателей "Друга Просвещения" и С.Глинки по созданию антологии русских исторических анекдотов в параллель популярной французской традиции (Рейналь, Бергу и т.д.).

Представление о замкнутости, "непереводимости" национальной культуры не было близко Шаховскому в 800-810-е гг. Показательно в этом смысле его отношение к А.С.Шишкову. Шаховской несомненно испытал его влияние. Так, в 1808 г. он противопоставляет "бедный и почти непоэтический" французский язык "богатому и стихотворческому" русскому⁵⁴. 1808-1812 гг. вообще период их наибольшего сближения (ссора Шаховского с "оленинцами", избрание его в академию, создание "Беседы"). Однако Шаховскому, несомненно, всегда был чужд пафос отрицания античности. С другой стороны, собственно в творчестве своем, в слоге Шаховской никогда не пытался реализовать установки Шишкова (ср. известное замечание Ф.Ф.Вигеля, что в слоге Шаховского "никогда славянского ничего не было"). Этот вопрос получает неожиданное развитие в поздних воспоминаниях Шаховского о его встречах с русским дипломатом и знатоком-филологом А.Я.Италинским во время путешествия Шаховского по Италии в 1816 г. Италинский, по его воспоминаниям, считает санскритский язык "праотцем" греческого, славянского, латинского и германского и "очень справедливо", "называя их сыновьями

54.Драматический Вестник. - Ч.1. - С. 106. В 1812 г. с возвышением Шишкова Шаховской связывает совершенно определенные надежды относительно и своей собственной судьбы, о чем свидетельствует содержание его письма Шишкову от 12.V.1812, хранящегося в ЛОААН (ф.8, оп.5, № 66). См. также о связи "Коварного" с выходом книги Шишкова - Альтшуллер, с.139.

одного отца, разрушает пристрастное к родине предположение покойного Президента покойной нашей Академии” 55 (т.е. предположение Шишкова о первенстве славянского). В то же время, в 810-е гг. радикализуется и ориентация Шаховского на ”древних” (Эсхил, Аристофан). Причем внимание направлено именно на то, что в XVIII в. считалось ”недостатками” античной драматургии, признаком ”грубости”. Именно античность выступает воплощением ”архаики” и противостоит ”ложной” традиции французского XVIII в.

Многое во взглядах и биографии Шаховского остается не совсем ясным, но ”парижский эпизод” устанавливает более адекватную, на наш взгляд, перспективу его литературной биографии, поясняет истоки и некоторые черты его ”архаизма”, а главное, позволяет увидеть во взглядах Шаховского в этот важный период его литературной деятельности (нач. 800-820-е гг.) если не последовательность, то во всяком случае внутреннюю целостность.

С.И.Панов

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ”МЕЛОЧИ” ОСТАФЬЕВСКОГО АРХИВА

I. ”Зане”

Архив князей Вяземских (основной корпус хранится в ЦГАЛИ, ф. 195), особенно материалы творческой деятельности, эпистолярий и коллекция П.А.Вяземского, представляют собой ценнейший источник по истории литературно-общественной жизни России XIX в. Несмотря на сравнительно хорошую изученность материалов Остафьевского архива, целый ряд документов этого собрания еще не введен в научный оборот, в их числе несколько полемических статей и заметок, относящиеся

55. Шаховской А.А. / Письмо к митрополиту Иннокентию о филологических трудах Г.П.Павского / // РО ГБЛ, ф.231 / III, п. 12, ед.х.7, л.11 (датируется предпол. 1842-1843 гг.)

к концу 1800-1820-м гг. и связанные с литературной борьбой "архаистов и новаторов". К ним относится и анонимная статья "Зане"¹.

Статья имеет подзаголовок: "Посвящено А.С.Ш." (т.е. Александру Семеновичу Шишкову) - и представляет собой яркий образец памфлетной публицистики предарзамасского литературного кружка. Различные аспекты и стадии полемики карамзинистов и шишковистов, арзамасцев и беседчиков обстоятельно рассмотрены в работах Ю.Н.Тынянова, В.В.Виноградова, Н.И.Мордовченко, М.И.Гиллельсона, Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, М.Г.Альтшуллера, В.Э.Вацуро и др. ; остановимся кратко лишь на тех событиях, которые непосредственно предшествовали созданию статьи.

Ожесточенные споры, вспыхнувшие после выхода "Рассуждения о старом и новом слоге российского языка" (1803) Шишкова, достигли особенного накала в 1810-1812 гг. В 1808 г. Шишков издает "Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика", развивая в предисловии критические нападки на карамзинистов, со стороны которых с возражениями выступил Д.В.Дашков (Цветник, 1810, №№ 11, 12), который оспорил теоретические положения Шишкова (соотношения "славянского" и русского языков, языкового и литературного стилей и др.) и подверг критике его переводческую практику. В это же время другие будущие арзамасцы выступают с полемическими стихотворными произведениями: К.Н.Батюшков пишет "Видение на берегах Леты", П.А.Вяземский - ряд эпиграмм, В.Л.Пушкин - послание "К В.А.Жуковскому", метившее, по словам Д.И.Хвостова, "не в бровь, а в глаз на почтенного Ариста Шишкова". В послании утверждалось полное неприятие всей архаистической литературной программы и прямо

1. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, е.х. 5610. Текст представляет собой писарский список на двух листах (4 стр. текста); филигрань на бумаге соответствует № 178 - 1811г.- в таблице : Клепиков С.А. и Кукушкина М.В. Филигрань "Pro Patria" <...> // Сб. статей и материалов БАН СССР по книговедению <в. 1>-Л., 1965.

заявлялось о необходимости продолжения полемики не как стилистического спора, а как спора о путях развития русской культуры и просвещения:

Нам нужны не слова - нам нужно просвещение (сопряженность этих аспектов понималась, конечно, с самого начала, но тут вопрос был поставлен особенно резко и сопровождается острыми личными выпадами) .

Дашкову и Пушкину Шишков отвечал в "Рассуждении о красноречии Священного писания", прочитанном им в Российской Академии 3 декабря 1810 г., и в "Присовокуплении" к нему. Своих оппонентов он представил людьми, "не читающими ничего твердого", способными лишь написать "десятка два бранных против Славенского языка стишков"; более того, он обвинил их в сомнительной нравственности и отпадении от веры; Пушкин был назван человеком "с поврежденным сердцем и помраченным умом".

Дашков откликнулся незамедлительно и уже 19 апреля представил в цензуру рукопись "О легчайшем способе возражать на критики"; вместе с тем карамзинисты развернули широкую кампанию устной дискредитации Шишкова, пытаясь привлечь на свою сторону общественное мнение. Искали они пути и организационного сплочения. Противовесом официально утвержденной Беседе любителей русского слова (открытие состоялось 14 марта 1811 г.), по их мнению, могло стать Вольное Общество Любителей словесности, наук и художеств, новые лидеры которого (А.Е.Измайлов, Н.И.Греч, Дашков и др.) занимают антишишковские позиции. Дашков вовлекает в Общество практически всех находящихся в Петербурге будущих арзамасцев.² Они возлагают также надежды на периодическое издание Общества, т.к. "Цветник" прекратился, а "Вестник Европы" под редакцией М.Т.Каченовского окончательно

2 См. об этом и о позиции А.Е.Измайлова : Проскурин О.А. Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге // Известия АН СССР. Серия лит. и языка.- Т. 43.-1984.- № 1.

определился как журнал, не входящий в острую полемику с Шишковым.

Рукопись Дашкова пролежала в цензуре почти пять месяцев и 6 сентября была запрещена, "по несогласию его, г. Сочинителя, исключить или исправить в оной некоторые непозволительные выражения", однако это решение было пересмотрено, и 12 сентября тот же И.О.Тимковский одобрил рукопись (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, д. 109, д. 104, л. 113). Книга появилась в начале ноября, и В.Л.Пушкин сообщал Вяземскому, что "Шишков не знает, с кем заговорить, и могу Вас уверить, что он в хороших руках", имея в виду действие в обществе острокритической брошюры Дашкова (письмо от 22.11.1811, подлинник по-французски). Вскоре вышли и "Два послания" В.Л.Пушкина: уже напечатанное "К В.А.Жуковскому" и новое "К Д.В.Дашкову", также направленное против "раскольников-славян". Продолжая уличать Шишкова в невежестве, Дашков и Пушкин отвергали предъявленные им обвинения в неблагочестии и непатриотизме: "Позволено ли мне спросить, по какому праву думает он, что я менее привержен к вере моих предков, что менее его почитаю священные книги и что хочу ослабить власть их? Такое обвинение не есть дело писателя, тем более, что оно совершенно несправедливо..." ("О легчайшем способе...", с. 24-25); те же мысли поэтически сформулировал и Пушкин, переадресовав ряд упреков самому Шишкову:

Невежда может ли отечество любить?

Иной тип полемики продемонстрировал Каченовский, который в своем "Вестнике Европы" (1811, №№ 12-13) разобрал "Разговоры о словесности" Шишкова. В рецензии он не раз комплиментарно отзывался о заслугах автора, солидаризируясь с ним в общекультурных вопросах и высказав критические замечания лишь по некоторым частным проблемам (правда, в том числе и по весьма важной: о различии русского и славянского языков), ни в чем не выходя за рамки чисто научного спора и соблюдая уважительную дистанцию между собой и Шишковым, который ответил Каченовскому

"Прибавлением к Разговорам о словесности" (1812). Выявившаяся в ходе дискуссии (а Каченовский отрецензировал и "Прибавление" Шишкова - "Вестник Европы", 1812, №№ 6 - 7) позиция Каченовского окончательно разделила его с карамзинистами (ср. письмо В.Л.Пушкина П.А.Вяземскому 11.08.1811, замечание из письма этого же времени К.Н.Батюшкова Н.И.Гнедичу по поводу "московских беседчиков", одним из вождей которых назван Каченовский: "Эти люди Карамзина не ставят ни в грош" и т.п.). Тем настоятельней была потребность в своем печатном органе; надежды возлагались на журнал Вольного Общества "Санкт-Петербургский Вестник", который начал выходить с 1812 г. В.Л.Пушкин сообщал П.А.Вяземскому 11 января 1812 г.: "Шишков написал ругательную критику на Каченовского (...) Он, сказывают, собирается и меня с Дашковым бомбардировать, но мы сами зубасты - "Санкт-Петербургский Вестник" печатается недаром. Достанется всем сестрам по серьгам". Буквально через несколько дней появилось "Прибавление к разговорам о словесности", а 25 января критика на эту книгу, "присланная от неизвестного", уже читалась в Вольном Обществе и была в экстренном порядке включена в первый номер "Вестника", состав которого утвердили более месяца назад (ОР научной библиотеки ЛГУ, архив Вольного Общества, № 204, л. 124; номер журнала вышел с датой "31 января"). "Неизвестный" рецензент (а им, без всякого сомнения, был Дашков, может быть, лишь воспользовавшийся советами друзей) остроумно обыграл анонимность "Прибавления", написанного якобы неким знакомым Шишкова. Сатирический эффект усиливался тем, что, обличая автора в грубом невежестве, рецензент апеллировал к "авторитету" самого Шишкова.

Таким образом, ни одно выступление противника не оставалось со стороны карамзинистов без ответа, причем эти ответы приобретали все более резкие и памфлетные тона. К весне 1812 г. Шишков издал свое "Рассуждение о любви к Отечеству", в котором повторил, "что Вера, воспитание и язык

суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству” (с.52), т.е. “неблагодетельные” противники его языковой концепции, сторонники модного воспитания и образования на французский манер являются антипатриотами. Ответом карамзинистов и должна была стать статья “Зане”. Почти законченная, она, тем не менее, не увидела света: этому помешало, вероятно, стремительное возвышение Шишкова (с середины апреля он стал государственным секретарем) и резкое изменение общественной ситуации перед началом Отечественной войны; кроме того, скандал в связи с чтением Дашковым знаменитого “приветственного слова” Д.И.Хвостову в Вольном Обществе (14 марта 1812 г.) привел к исключению Дашкова из числа членов и отходу будущих арзамасцев от работы в Обществе, что практически закрыло для них путь в “Санкт-Петербургский Вестник”.

Статья “Зане” подводит итог двухлетней полемике, суммируя многочисленные обвинения в адрес Шишкова. В ней нет уже рассуждений и споров, остались одни инвективы, призванные окончательно уничтожить противника. Статья вся соткана из положений, ранее высказанных в работах Дашкова (и отчасти в перекликающихся с ними посланиях В.Л.Пушкина), и написана, вероятно, им же весной 1812 г., когда Дашков постоянно общается с Батюшковым, Д.Н.Блудовым, А.И.Тургеневым. Приехав в начале июля в Москву, он мог показать статью Пушкину и Вяземскому, для которых, очевидно, и был сделан список, хранящийся в Остафьевском архиве.

Зане

(Посвящено А.С.Ш.)

Кто любит свое Отечество, кто истинно привержен к вере, тот не укоряет других без всякого основания в предательстве и неверии: зане сие противно закону Божию и законам Гражданским. Но тот еще менее вправе делать такие

укоризны, кто сам заслужил оные, кого почтеннейшие духовные люди называют кощунном и невеждою.³

Кто выдает себя за ревнителя веры, кто, воспалась ложным усердием, клеветает на сограждан своих, тот недолжен говорить, что "Св. Иоанн окончивает благовествование свое самым огромнейшим преувеличением, какое токмо о делах Христовых сказано быть может"⁴ : зане в Евангелии нет и не может быть преувеличения.

Кто всегда, кстати или некстати, твердит о добродетели и проливает слезы "о множестве сетей, расставленных в светских писаниях к помрачению ума и уловлению невинности"⁵, тот обязан подавать пример в правоте, кротости, смирении, а не совращать других с прямого пути : зане дела и творения проповедника не должны противоречить его учению.

Кто имеет заслуженную или незаслуженную честь быть Членом какой-нибудь Академии, тот не должен делать ее участницею в своих ссорах и обманом помещать в ее изданиях

3. Это, одно из самых любопытных, мест статьи не удалось удовлетворительно прокомментировать. Обратим внимание на интересное совпадение: в статье "Мысли и замечания" (Вестник Европы.- 1811.- № 11.- С. 222 ; извлечения из "Путешествия из Парижа в Иерусалим" Ф.Р.Шатобриана) читаем : "Мореходцам на суше легко сделаться кощунными...". Слово "мореходец" имело основание ассоциироваться с Шишковым не только благодаря морскому прошлому вице-адмирала (см. прим. 13).

4. Ср. : Перевод двух статей из Лагарпа...- СПб., 1808.- С. 142 ; говоря о художественных тропах и предлагая их русские названия (эта тема подробно обсуждалась рецензентами работ Шишкова), в качестве примеров гиперболы ("преувеличения") Шишков привел в том числе - после процитированных слов - цитату из Евангелия от Иоанна: "суть же и ина многа, яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мноу всему миру вместити пишемых книг" < гл. 21 ; 25 > .

5. Ср. : Рассуждение о красноречии Священного Писания...- СПб., 1811- С. 93 ; этим же местом возмущался Дашков в "О легчайшем способе..." (СПб., 1811, с. 6).

нелепые ругательства⁶ : зане сие предосудительно чести Академии.

Кто одними происками доставил себе первенствующий голос в каком-нибудь ученом обществе, тот не должен ставить вничто своих сочленов и самовластно отдалять от оногo тех, на коих имеет личные неудовольствия⁷ : зане глас народа, а не глас единого, есть глас Божий.

Кто сам не знает Славенского языка, тот не может укорить других в мнимом презрении оногo⁸ : зане добрая совесть нужнее всяких познаний.

Кто худо знает по руски и бесполезными сочинениями своими не токмо не делает чести своему времени, но еще заводит вредные в Словесности расколы, тот не должен бы судить о старом и новом слоге и хулить хороших писателей : зане Квинтилиан и Лагарп, коим подражать весьма трудно, хорошо знали свой язык и не по Письмовнику образовали ум свой⁹.

6. Речь идет о Российской Академии, членом которой Шишков был с 1796 г., а с 1813 стал ее президентом ; "Рассуждение о красноречии Священного Писания" было помещено в ч. 5 "Сочинений и переводов, издаваемых Российской Академиею".

7. Имеется в виду Беседа Любителей русского слова и, возможно, скандальный эпизод несостоявшегося приема в нее Н.И.Гнедича, см. : Державин Г.Р. Сочинения. Т. 6.-СПб., 1876.-С. 232-236.

8. В плохом знании "славянского" языка, в употреблении им самим галлицизмов постоянно упрекали Шишкова карамзинисты ; характерен комментарий Д.И.Хвостова к басне Измайлова "Шут в парике" : "Замысел весь клонится на показание, что сам вице-адмирал Шишков смешивает часто неудачно с славянскими оборотами и речениями французские..." (Лит. архив.-М. ; Л., 1938.-С. 375) . Ср. у Дашкова : О легчайшем способе..., с. 10, 33 и др. // Цветник. 1810.-№ 12.-С. 423, 445, 449 и др.

9. Ср. выпад Дашкова в адрес "мнимых наших Квинтилианов, которые ничему не учившись в молодости и привыкнув писать на удачу, обо всем судят" (О легчайшем способе..., с. 56, прим., а также мн. др.) . Ср. слова Славенофила (т.е. Шишкова) в "Видении на берегах Леты" Батюшкова: "Я также член; Кургановым писать учен..." Между прочим, эта насмешка не далека от истины,

Кто дурно перевел Лагарпа, тот не должен сердиться на учтивые критики, в которых показывают погрешности его перевода : зане бранью нельзя исправить своих ошибок.

Кто совсем не знает Грамматики, не имеет понятия о здравой Логике, никогда не слышал о Риторике и Эстетике, кто пишет одне полемические сочинения будучи весьма плохим Диалектиком, тот не может быть хорошим писателем : зане¹⁰

Кто всеми суждениями своими о церковных книгах обязан Ломоносову и все свои Парадоксы взял из Сумарокова¹¹ ; кто, не имея ни одной своей мысли, только что повторяет чужие слова¹², тот по крайней мере не должен бы выдавать их за свои собственные : зане воздатите Кесарева Кесареви.

Кто, усыпляя слушателей своих длинными, нескладными речами, не знает просодии, не знает даже меры Стихов, тот не может писать стихов, и еще любовных¹³ : зане дурные стихи еще хуже дурной прозы.

т.к. Н.Г.Курганов преподавал в Морском кадетском корпусе, в котором учился Шишков.

10. Окончание этого абзаца в тексте статьи отсутствует. Ср. в "Санкт-Петербургском вестнике", 1812, № 1 об авторе "Прибавлений к Разговорам о словесности" : "... он не прошел еще всего курса Грамматики" (с. 122, об отступлениях от логики - там же, с. 123, ср. в послании В.Л.Пушкина "К В.А.Жуковскому").

11. На авторитет Ломоносова Шишков постоянно ссылался, развивая свои воззрения ; нередко он обращался к Сумарокову, ср. высказывание Дашкова : "Г-н сочинитель Рассуждения, подражая Сумарокову в его страсти к словопроизводству, давно уже занимается оным..." (О легчайшем способе..., с. 69 ; ср. также его негативные оценки проводимым Шишковым сопоставлениям Сумарокова с Вольтером и Корнелем - Цветник.-1810.-№ 12.-С. 433, 437 и сл.)

12. Ср. у В.Л.Пушкина : "Славянские слова таланта не дают " ; "Слов много затвердить не есть еще ученье" ; "И, бедный мыслями, печется о словах!" ; у Дашкова : "... язык может образоваться не словами, но творениями хороших писателей..." (О легчайшем способе..., с. 60).

13. Возможно, намек на стихотворение Шишкова "Песня некоторого мореходца, изъясняющего любовь свою..." (СПб., б.г.)

Кто окружил себя слепыми поклонниками и безграмотными Сеидами, кто снедается завистью, видя заслуги и дарования награжденными¹⁴, кто всеми средствами гонит противников своих, тот не будет никем истинно почитаем : зане добродетели, а не лета дают право на всеобщее уважение¹⁵.

Кто дерзнул переправлять драгоценнейший остаток Славянской древности, кто ничему не учась обо всем судит, кто изуродовал Тасса и, не зная по аглински, переводил с аглинского Гомерову Илиаду¹⁶, тот не должен приниматься за перо, не принеши наперед всенародного покаяния в сих преступлениях : зане дурной пример хуже невежества и заразительнее для неопытных юношей¹⁷.

14. Традиционная интерпретация нападков Шишкова как результата его зависти к Карамзину ; в статье, возможно, содержится намек на встречу Карамзина с императором в Твери в марте 1811 г.

15. Ср. характеристику Шишковым его оппонентов: "Несколько журналистов, неизвестных ни именами своими, ни трудами ; несколько молодых людей, научившихся превратно видеть вещи. Между тем, ежели послушать их, то они превеликие просветители..." (Рассуждение о красноречии Священного Писания. СПб., 1811.- С. 69-70). Тема молодости, "незрелости" его противников не раз поднималась Шишковым, что было обыграно рецензентом "Прибавления к Разговорам...", назвавшим мнимого автора "каким-то молодым, неопытным человеком" (Санкт-Петербургский вестник.- 1812.- № 1.- С. 122). Ср. образ Шишкова как "седого деда" и т.п. в сатирической поэзии карамзинистов.

16. Имеются в виду переводы Шишкова : "Ироическая песнь о походе на Половцев..." // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею.- Ч. 1.- СПб., 1805 ; Гомеровой Илиады песнь ХУІ // Там же.- Ч. 2.- СПб., 1806 (ср. : Егунув А.Н. Гомер в русских переводах ХУІІІ-ХІХ веков.- М. ; Л., 1964.- С. 133-135) ; Тассовы бдения.- СПб., 1808 (позднее он же перевел: Освобожденный Иерусалим, поэма Торквата Тасса. Ч. 1-2.- СПб., 1818-1819). Критические замечания о переводах Шишкова см. у Дашкова : О легчайшем способе..., С. 29, 44, 54 и др. ; ср. : Санкт-Петербургский вестник,-1812.- № 1.- С. 132. Характерны текстуальные схождения со статьей "Зане" : ср. о "Слове о полку" : "...древность сего драгоценного остатка Славенского стихотворства..." (О легчайшем способе..., с. 29, прим.) и т.п.

17. Ср. : О легчайшем способе..., с. 30, прим.

Кто в пасквилях восставал против учтивых безименных критик¹⁸, тот не должен из подтишка писать в 3 лице возражений против возражений¹⁹: зане : хитрость, которую извиняем в Вольтере²⁰, непростительна в писателе весьма посредственном ; и неизвестный защитник нелепостей может легко подвергнуться достойному посмеянию ...

(продолжение вероятно будет вскоре)

Н.А.Богомолов

К СЕМАНТИКЕ СЛОВА "ДЕКАДЕНТ" У МОЛОДОГО БРЮСОВА

В традиционном русском словоупотреблении, восходящем еще к середине девяностых годов прошлого века, слово "декадент" выполняло множество функций, наполнялось самой различной семантикой в зависимости от задания автора, но смысл его употребления самими "декадентами" остается

18. Рецензия Дашкова в "Цветнике" была подписана "-въ" ; отвечая на нее, Шишков предлагал "мимоходом взглянуть, каким образом сии безыменные критики (столько еще остается в них стыда, что они скрывают имена свои) толкуют о языке и словесности" (Рассуждение о красноречии..., С. 95) ; в брошюре "О легчайшем способе...", подписанной полным именем, Дашков сам называет себя автором рецензии в "Цветнике" (см. с. 1, ср. с. 10) . Ср. выражения в "О легчайшем способе...": "Отвечать бранью на учтивую, благонамеренную критику..." (с. 8) ; о "пасквилях" - там же, с. 11.

19. На грамматическую нелепость заглавия работы Шишкова "Прибавление к Разговорам о словесности, или возражения против возражений, сделанных на сию книгу" указывалось, в частности, в "Санкт-Петербургском вестнике", -1812,- № 1, с. 122, прим.

20. Многие полемические сочинения Вольтера выходили анонимно или под псевдонимами ; ср. письмо А.С.Пушкина П.А.Вяземскому от 1 сентября 1822 г., замечание Дашкова в "Цветнике",-1810,- № 12,- с. 431, прим.

неопределенным. Мы предлагаем читателю несколько отрывков из текстов Брюсова, относящихся к разным жанрам, как художественным, так и нехудожественным, которые, как нам представляется, помогут определить эту семантику более точно. Более полная интерпретация данной совокупности текстов - задача последующей разработки. Все тексты хранятся в Отделе рукописей ГБЛ, фонд 386 (В.Я.Брюсова), номера картонов, единиц хранения и листов указываются непосредственно после фрагмента в скобках.

23 октября 1892 г. запись в дневнике : "Вчера был у Красковых, пригласил их участвовать в спектакле. У них сеанс. Мрак и темнота. Я сидел рядом с Ел. Андр., а Вари не было (уехала в театр) . Сначала я позволил себе немного. Вижу, что при < нят? > благополучно. Становлюсь смелее. < ... > И поцелуи, и явленья. Стол подымается, звенят, вещи летят через всю комнату, а я покрываю чуть слышными, даже вовсе неслышными поцелуями и шею, и лицо, и нак < онец > губы Ел.Андр. Она мне помогает и в том, и в другом" (1. 12, л. 3) .

В тетради, помеченной "Спиритические сеансы 1893 года," 5 февраля записано : "...Взято несколько нот на рояли, которая во время сеанса оставалась закрытой. Среди сеанса стуками было сказано "пишу" и было слышно движение карандаша. По окончании сеанса на бумаге оказалось написано непосредственно : " (на этом запись обрывается - 2. 6, л. 6) .

6 февраля в дневнике : "Вчера был на сеансе. С Ел. Андр. стал нагло-дерзок. Это хорошо. Щупал ее за ноги, чуть не за пизду. Хватать ее за грудь для меня уже шутки" (1. 12, л. 26 об) . В одной из предыдущих записей сказано : "Грубые выражения < 1 слово неразб. > нарочно" (Там же, л. 19 об) .

17 марта в тетради записей сеансов :

"Участвовали : А.А., М.И., Е.А., В.А., Я, С.Л.Ю.

Реом < юр > - 2°. Бар < ометр > 737. При начале сеанса снег. Начали в 9 ч.; кончили в 11 ч.

По просьбе (выраженной через писание с дощечкой) вещи расположены на разных столах. Коробка с муз < ыкальной >

машинкой, свистком, погремушками etc. поставлена на рояль так, чтобы ее нельзя было достать рукой, не выходя из цепи. Так же положена гитара.

Качания стола начались не сразу и усиливались постепенно. Прежде чем мы сдвинулись с первоначального положения, было что-то сброшено с камина. Тут же начались такие же прикосновения, как и в предыдущий сеанс (по рукам, по щеке, по волосам) ; Л. ощутил прикосновение детской руки.

Потом столик передвинулся к окнам, около которых на ломберном столе лежала запечатанная аспидная доска. Определенно было слышно писание по этой доске. В то же время у рояли (на противоположном конце комнаты) слышен был тихий звук свистка. Потом такой же звук повторился еще раз.

Столик передвинулся к рояли. Над головами пролетела одна коробка. (В ней лежали карандаши, которые и стучали, ударяясь в стенки) ; однако она не упала и по окончании сеанса оказалась на том же месте, где была поставлена. Затем на пол была сброшена гитара ; ее подняли и опять уложили на рояль. Тогда стол передвинулся к камину. < ... >

На досках и в коробках написано ничего не было.

На бумаге (лежавшей на большом столе) оказались черты, сделанные красным карандашом.

В порт-сигаре г. С. оказался цветок ландыша, несколько как будто увядший или примороженный ; поставленный в воду, он скоро оправился и распустился. В квартире ландышей не было" (2. 6, л. 13-15) .

В дневнике 18-го числа : "Вчера зашел за границы. Щупал на сеансе Е.А. за ноги до колен и выше юбок. Нет! это слишком" (1. 12, л. 31) .

30 марта в тетради записи сеансов :

"В начале сеанса движения стола были очень порывистыми и быстрыми. Когда стол отодвинулся к окнам, он был перевернут вверх ножками и стал быстро раскачиваться ; некоторые пытались его удержать, но это оказалось

невозможным. Затем столик передвинулся к столу и к нам был брошен дверной ключ. Затем начались прикосновения, как и в прежних сеансах ; по словам Ланга, его тянули из цепи. < ... > Доски на этот раз не были завязаны и запечатаны, а заклеены с обеих сторон. Внутри были написаны С-ым вопросы, их никто, кроме него, не знал. На них были получены ответы.

Вопросы : - Вернуться?

Когда?

Почему?

Ответы : - Скоро

Вернут...

..... (непонятно) .

Между другой парой заклеенных досок, где было написано : "Христос Воскрес!"

никакого ответа написано не было.

Приблизительно через 1 / 4 часа сеанс был возобновлен. Начались явления прикосновениями. Потом из-под В.А. был выдернут стул. Л. несколько раз заявлял, что его тянут по направлению к дивану и что он чувствует тяжесть в веках, желание заснуть. Наконец он перешел на диван и лег там. В комнате раздался шорох ; был пододвинут к дивану стул, точно на него кто садился. Л. был несколько испуган и думал возвратиться, но его стул уже исчез, не оказался на месте, между тем диван стучал ножкой и несколько раз ударялся о стену, как бы для выражения неудовольствия. Тогда Л. возвратился и опять лег на диван. За столиком и в комнате явления прекратились. Около дивана послышался некоторый шум и потом звук поцелуя. Ощущения Ланга записаны им самим в тот же вечер и прилагаются здесь. Сидевшие же за столиком слышали поцелуи и слова, произносимые Л. Следует отметить, что иногда и то и другое (поцелуй и слова Л.) раздавались одновременно. Разговор был более длинным, чем он описан у Л. Сначала он обратился с вопросом

Кто ты?

Потом как бы отвечал.

Благодарю, что ты пришла.

Потом еще раз произнес "Милая Елена" , и лишь после этого начал прощаться. < ... >

Мой первый транс

Уже несколько раз, во время предыдущих сеансов, я чувствовал внутреннее желание удалиться от общего столика и прилечь на диван. Дерганье за рукав в одном направлении (к дивану) , приподняtie моего стула только укрепляло мое намерение, но я еще не решался заявить это нашему обществу. Наконец сегодня я почувствовал такое неотразимое влечение прилечь и чувствовал такую усталость, что боялся заснуть за столиком, свалившись на моих соседей и предупредил это, удалившись на диван. Только я лег, всем слышно, подвинулось ко мне кресло. На кресло кто-то сел (шаги были всем слышны) и положил на мою голову свою руку. Рука в высшей степени странная, несколько мягкая и несколько холодная; ее кожа показалась мне тканью, никак не кожей. Потом я начал ощущать странные прикосновения другой какой-то руки, мягкой, похожей на женскую. Она была теплая. Прикосновения шли сверху вниз и были похожи на обычные движения гипнотизера. Затем меня начали целовать в лоб, губы, щеку. Горячее дыхание обдавало мое лицо. Я чувствовал затем прикосновение цельной фигуры, которая сидела рядом со мною на диване, близко наклонившись ко мне, ласкала меня. Потом я услышал непонятный шепот, он становился для меня яснее, и наконец я понял приблизительно следующие фразы:

"Зачем ты не приходил раньше; я тебя ждала; ведь другие не понимали мои требования; но зачем ты не поступил так, как сам хотел?"

Я спросил: "Кто ты?"

"Елена, твоя Елена", - ответило мне.

"Приходи завтра опять ко мне. Ну, до свидания, мой дорогой Саша!"

Во время поцелуев, прикосновения и разговора диван со мною двигался или летал по комнате, при чем я ясно чувствовал, что чьи-то сильные руки держали его за ножки. Когда остальные говорили о посторонних вещах и мешали мне с Еленой, моя грудь страшно болела, непонятною для меня до сих пор болью, но Елена меня тогда только более ласкала, словно утешая меня. Поцелуи были всем слышны. Полного транса, кажется не было, так как я, хотя не внятно, но все таки слышал посторонние разговоры. После транса был сильно взволнован, но чувствовал себя совершенно здоровым. Александр Ланг. Москва." (2.6, л. 17-20; запись А.А.Ланга сделана на отдельном листке, вклеенном в тетрадь).

Комментарий в дневнике за 30 марта: "Нового мало. Хватаю за пизду Е.А., но это уже не ново" (1.12, л. 33).

В рабочей тетради Брюсова, которую он вел в 1893 г., есть прозаический отрывок "Поэт наших дней". По расположению в тетради его можно датировать первой половиной мая (Е.А.Маслова умерла 18 мая):

"Я пришел к убеждению, что мне надо умереть.

Теперь мне ясно, что я не гениальный человек и все, чем я отличаюсь от людей толпы, каждый из них мог бы сам развить в себе. От природы я не получил ничего лишнего. После этого, конечно, мне не <че> го существ <овать> .

Впрочем, этот вывод можно было предвидеть давно. Родители мои еще до моего рождения порешили, что их ребенок будет человеком необыкновенным, а когда я 3 лет уже выучился читать, меня прямо сочли феноменом. Воспитание и хорошие способности помогали мне постоянно стоять выше сверстников. Благодаря этому, я окончат <ельно> привык считать себя гением. Эта <мысль?> всегда была со мной и с годами только приобрела более определенные очертания: я решил, что я великий поэт. Ради этого я исковеркал всю свою душу. Я не позволял себе мыслить иначе, чем образами, я заставлял себя поклоняться красоте, любить и ненавидеть. Понемногу я дошел до того, что я ясно видел улыбки звезд, слышал ропот упрека в

шелесте листьев, и разговаривал с созданиями моей мечты. Мир фантазии стал для меня реальным миром, а окружающая действительность – сном прозы и лжи. Понятно, что и моя внешняя жизнь была через это рядом непонятных и странных поступков. Впрочем, я мало обращал на нее внимания, уединившись в самообожание, и не замечал событий моего общественного существования. Я был в это время студентом, подавал большие надежды профессорам, не сходил с товарищами, а в общест-во людей являлся только за новыми впечатлениями. Своих произведений я не печатал, с одной стороны презирая толпу, а с другой надеясь удивить мир неожиданным творением, которому бы не было равных” (2.7, л. 14-14об).

После смерти Елены работа над повестью была продолжена. Однако мы предлагаем обратиться к более позднему ее варианту, известному под названием ”Декадент (Лирическая повесть в XII главах)”, под черновым текстом которой стоят даты <18>92- <18>94 г., и дата завершения этого черновика: 3 ноября <18>94 г.

Герой повести, молодой поэт Альвиан, характеризуется так: ”... я с ранних лет привык считать себя гением. В своих детских играх я воображал себя великим изобретателем. Впоследствии, когда ребяческие грезы приняли более определенную окраску, я сознательно сделал себя рабом своего таланта. Было время, когда я заставлял себя мыслить образами, мечтать, слышать в шуме леса рокот упрека. Вообще я жил деланной жизнью, не учился, а запасался сведениями, не влюблялся, не ссорился, а искал впечатлений. Так заманчивой показалась мне теперь жизнь среди людей, которые мало знают меня, вдали от поклонников и друзей, от всего, что окружало меня за последнее время. Почему не отдожнуть с месяц? Манили меня, конечно, и те явления, на сеансах, о которых говорил Пекарский, да хотелось и посмотреть предмет его любви, а после – почему нет? – и отбить его” (34. 17, л. 2; далее цитаты по данной единице хранения без указания листов).

Пекарский вводит Альвиана в семью Кремневых (или Камневых - окончательно фамилия не выбрана, и мы ее не унифицируем), где тот знакомится с героиней своего будущего романа:

"Привыкнув к сеансам, я старался разгадать, в чем заключается секрет явлений. Я ни на минуту не сомневался, что здесь обман, мне хотелось раскрыть его.

Подозрение падало, конечно, более всего на Нину, считавшуюся медиумом, и на ее жениха Бунина.

Нине было 26 лет и она как-то держалась в стороне от молодежи. Вряд ли ее можно было назвать хорошо образованной, хотя она кончила гимназию и теперь училась пению. <...> На лице ее были уже первые следы увядания, которые иногда покрывались розовой пудрой. Все знали, что в ее жизни было много девических романов, т.е. поклонников. Мажорет, бэбэ, это-то и помешало ей в свое время выйти замуж. <...>

Раза два я нарочно садился с ней, но не мог заметить ничего подозрительного. Когда кто-то касался моих волос, я протягивал руку, но хватал только воздух, а рядом раздавался мелодичный голос Нины:

- Альвиан Александрович, где ваша рука?

Мои тщетные попытки мне, наконец, так надоели, что я решился оставить загадку нерешенной и самому пошутить с другими. На одном из сеансов, когда у меня уже вполне было решено исчезнуть с горизонта Камневых, я невольно сел около Женечки, зная, что она не станет искать мою недостающую руку.

Начал я с того, что сам управлял стуками стола, сперва кто-то оказывал мне сопротивление, потом перестал. Пододвинув столик к раскрытому ломберному столу, где нарочно для сеанса были разложены разные вещи, я положил себе в карман свисток, карандаш и еще что-то. Потом постепенными движениями перевел столик, а за ним и все общество, на другой конец комнаты и оттуда бросил карандаш на ломберный стол.

Получилось совершенно такое впечатление, как если бы кто сбросил карандаш со стола, когда мы были в двух саженях от него.

- Каково! на таком расстоянии,- воскликнула М <ария > В <асильевна >. - Какие явления-то начинаются! <... >

Ободряемый успехом, я уже решался и на более смелые предприятия, но когда хотел снять какую-то книгу с полки, женская рука поймала мою руку. Впрочем, ее тотчас выпустили, а Нина тихонько засмеялась.

Этот смех и темнота придали мне дерзости. Я взял руку Нины и пожал ее; мне отвечали пожатием. Тогда я обнял Нину за талию и привлек к себе; навстречу моим губам попали ее губы. Поцелуй был беззвучный, неслышимый.

Явления все усиливались; моя дерзость тоже. Мне было жаль, когда Нина прямо шепнула мне "довольно". Столик стукнул 3 раза, что означало "прощайте".

Все встали из-за стола, пораженные сильными явлениями. Сам Камнев тотчас составил вокруг себя кружок из наиболее пожилых участников сеанса и начал им разъяснять значение сегодняшнего вечера.

Стали догадываться, что я обладаю медиумической силой. Меня расспрашивали, нервен ли я и не вижу ли приведений. Я сказал, что страшно нервен и рассказал два необыкновенных случая из своей жизни, чем окончательно привел в восторг М.В. и мне стали пророчить будущее Эглингтона и Юма.

За ужином М.В. разъясняла мне великое значение спиритизма. Ее теория была очень проста: она везде видела спиритизм. Греческие мифы и русская сказка объяснялись спиритизмом. Одиссей у входа в Аид устраивал сеанс. Аэндарская волшебница была медиумом. Даже в скинии Моисеевой удавалось найти какое-то отношение к спиритизму.

С Ниной мы вели себя прекрасно и после сеанса делали вид, что между нами ничего не произошло".

Несколько более подробно герой рассказывает о способах производства "явлений" далее: "Все явления, происходившие у

Евдокии Пеладино, были записаны и в наших протоколах. С помощью фосфора я устраивал искры, а видевшие уверяли после, что в воздухе блуждала огненная рука и лились потоки света. Ввиду единогласия так и записывали в протоколе. Столик не раз вырывался и уходил один на другой конец комнаты. Между заклеенными аспидными досками писались ответы по-английски на мысленные вопросы кого-нибудь из присутствующих. Рояль играла, когда мы все были со столиком на противоположном конце комнаты. В запечатанной коробке появлялись букетики ландышей. Гитара звенела над головами, свисток свистал по всем углам. Впрочем, в темноте трудно угадать направление звука; мне случалось свистать над самым столом, а все клялись, что это у потолка.

Много помогал мне своими видениями Пекарский. В своей простоте он действительно видел пред собой то голову факира, то светящийся меч, то саван. Часто он всех приводил в трепет, говоря замогильным голосом:

- Господа! я чувствую: кто-то стал позади меня.

И всем начинали тоже мерещиться видения, змеи, ленты и руки.

Особенного труда мне стоило писание между запечатанными досками. Прежде их связывали веревкой - тогда я просто развязывал ее и завязывал снова, написав что-нибудь вроде: - *Tots is out of my way*, - опустошая все самоучители английского языка. Когда доски стали заклеивать облаткой, я срывал ее, а в кармане у меня уже была новая. Наконец, прибегли к сургучу, но я догадался пользоваться вместо грифеля тонкой пластинкой алюминия, которая проходила между сложенными досками. <...> Спиритические тетради Кремневых представляли замечательный интерес. Я создал целый мир духов. Каждый из них писал своим почерком и своим слогом; некоторые по-французски, по-итальянски, даже по-санскритски. Духи рассказывали о своей прошлой жизни, клеветали друг на друга, ссорились между собой. Иногда начинал писать один дух, а другой вырывал у него карандаш и продолжал по-своему.

Некая Елена растянута и скучно повествовала о своих победах. Какой-то виконт по-французски рассказывал анекдоты, иной раз достаточно двусмысленные. Астроном Валерьян городил необыкновенную чепуху о жизни на других планетах. Солидный Алексеев излагал свою теорию мироздания. Пустынник XIII века писал полууставом и сыпал сентенциями”.

Наконец, последний текст, непосредственно касающийся круга описываемых событий - стихотворение “Сладострастие”, написанное 18 февраля 1893 г. (ср. дневниковую запись 18 февраля):

Мне созвездья были близки
И в томлении желанья
Я безумно ждал записки,
Золотой мольбы свиданья.
 Отдаваясь сладострастью,
 Жадно пил я наслажденье,
 Истомленный жгучей страстью,
 Не сдавался утомленью.
Целовал я рифмы бурно,
Прижимал к груди хорей,
И ласкал рукой Notturmo,
И терцин ерошил змеи.
 Но в дыханьи ласки каждой
 Тратил я огонь фантазий,
 И теперь затихла жажда,
 Не манит альков Аспазий,
Как забытая невеста
Непонятна гладь созвучий,
И улыбка анапеста
Только раны сердца мучит.

К третьей строфе на полях приписана цитата-пояснение: “Где вздохи я сливал в хорей, А поцелуи в анапест. К.Фофанов”.

Это стихотворение записано в тетради “Мои стихи. Часть IV. Лирические стихотворения 1892 г. и начала 93 г. (до 6

мая)”, где впервые появляется слово ”символизм”. На л. 30 записано стихотворение ”Леле” со ссылкой на дневниковую запись 23 октября, процитированную нами в начале, а с л. 33 начинается раздел ”Символизм”, первая часть которого называется ”Леля”, а первое стихотворение - ”Из Римбо” с раскрытой на полях цитатой из Вл. Соловьева.

А.Г.Мец

ЭПИЗОД ИСТОРИИ АКМЕИЗМА

25 апреля 1914 г. ¹ состоялось заседание Всероссийского Литературного общества (ВЛО), на котором с декларациями и с чтением стихов выступили акмеисты. Оно стало последним общим (хоть и не в полном составе ²) выступлением группы ; Европа стояла накануне Мировой войны.

Источником сведений о заседании являются три газетных отчета ³, которые приводятся ниже.

< Аноним >. Литературное общество. - Петербургский курьер. 1914. 27 апр.

< < Последние заседания литературного общества неизменно посвящаются всестороннему ознакомлению с новейшими течениями в русской литературе.

В пятницу, 25 апреля, выступил ряд виднейших представителей отколовшейся от символистов группы, именующих себя акмеистами.

Вступительный чисто-теоретический доклад об ”аналитическом и синтетическом искусстве” сделал Н.Гумилев.

1. Все даты в статье даны по старому стилю.

2. Нарбута в это время не было в Петербурге ; причина отсутствия Ахматовой нам неизвестна.

3. Помимо этих отчетов нам известна еще краткая заметка в хронике ”Известий книжных магазинов Вольф”, 1914, № 6.

Интересным было выступление Сергея Городецкого, уже не в первый раз возвещающего оригинальные "манифесты" акмеистов.

- Пришедшие на смену предыдущим поколениям акмеисты, - говорит Сергей Городецкий, - с полным правом могли повторить историческую фразу : "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет". Состояние русской литературы было до крайности плачевным. Поняв всю ответственность исторически возложенной на них миссии, акмеисты с места в карьер приступили к "очистительной" работе, и вот теперь, полтора-два года спустя они имеют полное право сказать, что для очищения русской литературы ими сделано очень и очень много.

Чтобы поставить русскую литературу на должную высоту, акмеистам придется еще много работать, поле их деятельности безгранично широко. Но, избрав единственно верный путь, они "наведут порядок" в русской литературе.

- Есть, - скромно считает С.Городецкий под громкий смех всего собрания, - лишь две личности, которые могли бы очистить литературу : ваш покорный слуга и Алексей Толстой.

Часть собрания громко возмущается, другая часть добродушно хохочет над этими новоявленными пророками.

Гораздо интереснее было послушать несколько действительно талантливых стихотворений, прочитанных самими авторами : С.Городецким, М.Зенкевичем, О.Мандельштамом и другими.
< ... > > >

X X
X

Агасфер ⁴. В "Литературке". - Воскресная вечерняя газета. 1914. 27 апр.

4. Псевдоним Иосифа Яковлевича Воронко ; он был членом ВЛО.

< < Последнее очередное собрание Всероссийского Литературного Общества <...> можно назвать одним из наиболее оживленных. Чувствовался задор, энергия, живучесть той свежей массы, которая ворвалась в "Литературку" вместе с молодежью.

Надо ведь сознаться, - "старики" были бессильны сами в поползновении оживить общество, была инициатива, желание, но не было силы, физической и духовной возможности, нужно было расшевелить, взбудоражить братьев-писателей, и это сделала молодежь.

Права ли она, ошибается ли, - вопрос другой, - но Литературное Общество оживилось... Даже развеселилось ; кряхтя и охая, засмеялись старички и старушки, расхохоталась возмужалость, загудела молодежь, когда Н.Гумилев десятиэтажным штилем начал давить реализм, издеваться над символизмом и превозносить, как манну небесную, акмеизм...

Весело было, и весело потому, что жалко было молодого г.Гумилева, так неудачно строившего свои доказательства в докладе "Искусство аналитическое и синтетическое".

Стыдно было, что такой серьезный вопрос остался туманным, непродуманным и, в конце концов, замятым... Конечно, с другой стороны, нельзя же было требовать от г. Гумилева серьезных вещей...

Не менее смехотворным было выступление молодых людей, г.г. Зенкевича и Мандельштама, - последний буквально провалил все "дело", начатое было г. Гумилевым

В итоге "отец" акмеизма - Сергей Городецкий вызвал бурю заявлением, что, мол, до сих пор русская литература и, в частности, поэзия "была велика и обильна, но порядка в ней не было, а мы, мол, (акмеисты) пришли теперь и уже навели кой-какой порядок". Утюжил г.Городецкий Леонида Андреева, валял Ф.Сологуба, чистил А.Ремизова и С.Ценского, хвалил А.Толстого и т.д., и было весело.

Да и кому неизвестно, кем и чем только до сих пор не был г.Городецкий, - не перечить, - простится ему и его новое самозванство.

Весьма дельное отеческое внушение сделал А.М.Редько, отвечавший злополучным акмеистам. <... > > >

Х Х

Х

< Аноним > Акмеисты, футуристы, стилизаторы и пр. -
День. 1914. 27 апр.

< На этот раз поэты-акмеисты сдержали свое слово ⁵, данное совету Литературного общества, и явились к докладу Н.Гумилева почти в полном составе.

Акмеизм, представленный, кроме докладчика, Сергеем Городецким, Мих.Зенкевичем и О.Мандельштамом, выступил в полной боевой готовности и дал генеральное сражение символистам, реалистам, стилизаторам и футуристам. К сожалению, никто из них "боя" не принял : символисты, футуристы и стилизаторы блистали своим отсутствием, а реалисты-критики, которым особенно достается не только, впрочем, от акмеистов, но и символистов (доклад А.Н.Чеботаревской ⁶), хранили молчание, прерванное один лишь раз просьбой : вместо теоретических рассуждений о композиции и эйдолологии, дать несколько живых образцов акмеистической поэзии.

Таким образом, доклад г. Гумилева (искусство аналитическое и синтетическое) особенных споров не вызвал, и выступления Городецкого, Зенкевича и Мандельштама лишь дополнили докладчика, который устанавливает следующее : футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их аналитического метода ; метод акмеизма синтетичен и, наконец, как общественное явление, акмеизм выступил на смену боваризму ⁷

5. Подразумевается случившееся на заседании ВЛЮ 7 марта 1914. Об этом см. ниже.

6. Состоялся 21 марта 1914 г. См.: Чеботаревская Ан. Критика на критику // Дневники писателей.- 1914.- № 2.

7. Термин "боваризм", образованный от названия романа Г.Флобера и стоящий у Гумилева в связи с мыслимой им функцией этого романа в культуре XIX века,

XIX века (мечта о преображенной жизни). При этом символисты не обладают способностью "действовать" на нас и без особого напряжения воли поняты быть не могут - что, естественно, нервирует читателя, восстанавливает его против поэта. Что же касается футуризма, то он представляет очень благодарный материал с точки зрения экспериментальной психологии, но, разумеется, к поэзии, к действительным отношениям между людьми, никак не относится.

Талантливый Михаил Зенкевич выступил с декларацией культурных прав акмеизма. Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот "неореализм акмеизма" не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев. Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри, наибольшей готовности ко взрыву, а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, - вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре. Атлантами этой новой мировой культуры будут великие страны Азии и одной из первых наша Россия ⁸.

Сергей Городецкий был куда менее теоретичен. Дело обстоит очень просто : акмеисты приняли призыв "земля наша ве-

по-видимому, заимствован у Анненского (Анненский И. Книги отражений. - М., 1979. - С. 101.). И в несколько более раннем выступлении, на диспуте в Психоневрологическом институте 8 февраля, Гумилев говорил, что "...символизм есть в сущности боваризм, стремление к недоступному. Символизм бежит от жизни и действия, в то время как мы все стремимся к жизни и действию" (Жизнь студентов Психоневрологического института. - 1914. - 12 февраля ; отчет указан на Р.Д.Тименчиком). На этом же диспуте с критикой "реалистического романа" выступил С.Городецкий. О проблеме романа с точки зрения нарождающегося акмеизма писал В.А.Чудовский (Аполлон.-1913.-№ 2 ; цитируется нами ниже).

О методе Флобера и "Госпоже Бовари" Мандельштам позднее писал как о проводниках "буддизма" и теософии (статья "Деятельный век").

8. Эта часть отчета (от слов "Если хотите") представлена, по свидетельству М.А.Зенкевича, частью текста его "Декларации..." (концовкой) ; об этом нам сообщил Р.Д.Тименчик.

лика и обильна, но порядка в ней нет". Акмеисты пришли и "кой-какой порядок уже навели".

Эффект получился неотразимый - собрание "засмеялось смехом", какого давно не слышали стены Литературного общества.

А затем следовала декламация акмеистических стихов, за которые особенно горячо благодарили Сергея Городецкого > > .

Генеалогия ВЛО, как считали основатели общества ⁹, велась от "Союза взаимопомощи русских писателей" при "Русском литературном обществе" (1896-1901). Возобновилось оно как "СПБ Литературное Общество"(1907-1911) и прямое его продолжение ВЛО (1912-1914). Сколько-нибудь очерченной программы общество не имело. Вот образчик "целей общества", провозглашенных на одном из этапов его существования (1907) : "1) сближение, общение и объединение деятелей всех отраслей литературы на почве литературных интересов ; 2) всестороннее содействие развитию и процветанию литературы". Намечалась также и "разработка вопросов чисто профессионального характера". Деятельность общества определялась его советом, председателем которого (1913, 1914) был Ф.Д.Батюшков.

Правление ВЛО, как отмечено в вышеприведенных отчетах, стремилось "оживить" деятельность общества, предоставляя на своих заседаниях место для докладов "о новейших течениях в русской литературе". Так, в 1913 г. в ВЛО были прочитаны доклады : Ф.Д.Батюшкова "О поэзии Валерия Брюсова", Д.С.Мережковского "Религиозное народничество", М.П.Неведомского "Вступление к беседе о новейшей русской литературе", Г.И. Чулкова "Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет". В 1912-1914 г.г. расширился состав общества. Из литераторов символистического круга его членами стали Ф.К.Сологуб, Д.С.Мережковский,

9. Все приведенные ниже сведения о ВЛО почерпнуты из "Отчетов Всероссийского Литературного Общества".

З.Н.Гиппиус, Вл.В.Гиппиус, В.И.Гедройц, Д.В.Философов, Е.А.Зноско-Боровский, С.Л.Рафалович, В.А.Чудовский, В.А.Пяст, Б.Верхоустинский, С.М.Городецкий, Ан.Н.Чеботаревская. Н.С.Гумилев и О.Э.Мандельштам были избраны членами ВЛО 18 апреля 1914 г.

Акмеисты уже выступали в ВЛО 15 февраля 1913 г. и были встречены, в общем, доброжелательно ¹⁰. Второму выступлению акмеистов в ВЛО предшествовал "раскол Цеха", отмеченный А.Ахматовой в заметке "К истории акмеизма" ("Книги. Архивы. Автографы". М., 1973. - С.73) и в "Листках из дневника" : "<...> но в зиму 13-14 года, после разгрома акмеизма, мы стали тяготиться "Цехом" и даже дали Гумилеву и Городецкому составленное Осипом и мной прошение о закрытии "Цеха" <...>". "Разгром акмеизма" у Ахматовой - формула, сводящая результаты полемики об акмеизме зимой 1912-1913 г.г. (прошедшей в Петербурге под знаком этой полемики). Согласно ряду архивных источников, кризис коснулся (по-разному) каждого акмеиста. В одном из поздних текстов Ахматова пишет о кризисе акмеизма в это время и мотивирует его ¹¹. К апрелю 1914 г. относится размолвка Гумилева и Городецкого (см.ниже), связанная с деятельностью Цеха поэтов ; Нарбут и Зенкевич испытывают в это же время тяготение к футуризму ; акмеизм ставится Нарбутом под сомнение.

Г.Иванов писал о Мандельштаме, что "... в 1913 году он до того бурно увлекался кубо-футуризмом, что едва не перешел в их группу <...> Тогда же он начал писать - задолго до Пастернака и во сто раз хуже - собственного "Лейтенанта Шмидта" рублеными рифмами Маяковского. Но опомнившись и возвратившись в лоно "Цеха", он уничтожил его вместе с нелепой поэмой "Старцы" (Новый журнал. 1955. № 43).

10.Отчеты об этом заседании указаны : "Литературное наследство", т.92, кн.3, с.415 и прим. 16 настоящей статьи.

11.За сообщение об этом, как и за другие, отмеченные выше, приношу свою благодарность Р.Д.Тименчику.

"Раскол Цеха" и кризис "акмеизма", о которых писала Ахматова, по-видимому, не был событием единовременным, но так или иначе проявлялся и в течение зимы 1913-1914 г.г. Так, вероятно, настроения Ахматовой и Мандельштама были известны В.Пясту, который в своей лекции 7 дек. 1913 выделил их (вместе с И.Северяниным) как поэтов "вне групп"¹². Несколько позже в своем обзоре Пяст писал о Мандельштаме как о << приписанном к "акмеизму">> ("Отклики..." <прилож. к газ. "День">. 1914. № 1).

Но через месяц, 16 января 1914 г. Гумилев, Городецкий и Мандельштам "ломали копыя в защиту акмеизма" в прениях по лекции Г.Чулкова "Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет" (День, 17 янв.). Еще через месяц, на 14 февраля, было первоначально назначено выступление акмеистов в ВЛО; оно было перенесено на 7 марта, но состоялось лишь 25 апреля.

О происшедшем на заседании ВЛО 7 марта 1914 г. сообщалось в газетном отчете:

<< Совершенно исключительной вышла последняя "пятница" Литературного Общества - и по небрежному отношению Н.Гумилева к той обязанности, которую он взял на себя, обещав Совету прочитать доклад об искусстве аналитическом и синтетическом, и по бесцеремонности некоторых "акмеистов", которые должны были иллюстрировать теоретические и принципиальные споры об акмеизме, побеждающем символическую поэзию, своими стихотворениями, и, наконец, по "оригинальности" метода расправы с символистами Сергея Городецкого, выступившего с "критикой критики" акмеистического творчества.

Перед собранием Литературного общества должна была пройти целая плеяда акмеистов - Гумилев, Мандельштам, Анна Ахматова, Мих.Зенкевич. И та задача, которую поставил себе Сергей Городецкий, - доказать "зубоскальство и провинциальную

12. Содержание лекции отразилось в тезисах (Речь, 7 дек.), отчетах (Речь, 9 дек. . День, 8 дек. и др.), архивных материалах, в числе которых - запись дневника И.Евдокимова ("Лит. наследство", т.92, кн.3, с.426, 427); см. также: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. - Л., 1985. - С.218.

обывательщину”, преподнесенные критиками акмеизма, вместо истинного слова суждения и разбора, - должна была явиться достойным завершением акмеистического парада.

Увы! Ни докладчик Гумилев, ни его иллюстраторы из “цеха поэтов” не только не явились засвидетельствовать, что символизма больше не существует, но не предупредили даже об этом совет Литературного общества, и извиняться за “невыполненную программу” пришлось, разумеется, Ф.Д.Батюшкову.

Таким образом, весь “вечер об акмеизме” был сведен к тому, что г. С.Городецкий, указав на воспитательное значение акмеизма для некоторых “потерявших образ и подобие человеческие” футуристов и на скромность, как на заслуживающую особой признательности черту акмеистов, - отчитывал своих критиков, явивших образец “искусства непонимания”.

И при этом не обошлось без “крепкого словца”, правда, не по адресу критики, а по адресу того ныне сметенного литературного течения, на место которого воцарился акмеизм.

В литературный спор г. Городецкий впутал... провокацию, и не какую-нибудь, а “величайшую”, т.е. самого Азефа. И “несуразные стены” помещения Литературного общества, как выразился поэт-акмеист, наполнились возгласами негодования и протеста.

Отстоять акмеизм, - полагает г. Городецкий, - значит, ошельмовать символизм. И линия мышления намечается у Сергея Городецкого такая : символизм, дуализм - двуличие - Азеф. Символизм в этике есть зыбкость нравственных устоев. Отсюда : величайшим символистом современности является ... Азеф ¹³.

<...> Слышались требования взять слова об Азефе-символисте назад, но г. Городецкий не пожелал отказаться от авторства и, еще раз “проанализировав метод символизма”, заявил, что “символисты напрасно волнуются”.

13.Об этих словах Городецкого узнал Блок (Блок А. Записные книжки. - М., 1967. - С.215 ; “Лит. наследство”, т.92, кн.3, с.413). В другом отчете (Бирж. ведомости. Утр. вып. 1914. 8 марта) перечислены выступившие в прениях по докладу Городецкого В.Пяст, А.Кремлев, К.Лонгинович.

Расхлебывать так неудачно заваренную кашу пришлось опять-таки Ф.Д.Батюшкову, который предложил отложить прения до следующей пятницы, ¹⁴ когда явятся, может быть, г. Гумилев и другие акмеисты и поединок пройдет под знаком исключительно принципиальных и критических рассуждений, без уклонения в сторону провокации.

И все же Сергей Городецкий доставил многочисленному собранию большое удовольствие, когда читал свои стихи. <...>
> > (День. 1914. 9 марта).

Сведения из этого отчета и хроника несостоявшихся выступлений в ВЛО в феврале-марте 1914 г. наиболее определенно указывают на время "расхождения" между Гумилевым (и солидарными с ним Мандельштамом и Зенкевичем) и Городецким, завершившегося, после взаимных объяснений, временным примирением (см. : Неизвестные письма Н.С.Гумилева. Публикация Р.Д.Тименчика .- Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - 1987. - Т.46, вып. 1. - С.70-71) как раз накануне выступления в ВЛО 25 апреля.

Возвращаясь к дате 25 апреля 1914 г., отметим, что на заседании ВЛО каждый из акмеистов выступил вначале с программным словом "об акмеизме". В отчетах в большей или меньшей степени отразилось содержание выступлений Гумилева, Городецкого, Зенкевича. О выступлении Мандельштама лишь в одном отчете (в "Воскресной вечерней газете") имеется неясная по смыслу реплика о том, что он "буквально провалил все "дело", начатое было г. Гумилевым".

Не мог ли Мандельштам выступить здесь с "Утром акмеизма"? Текст статьи дает некоторые основания для такого предположения. В нем имеется фрагмент, по смыслу близкий "Декларации культурных прав акмеизма" (см. прим. 8) Зенкевича. Здесь : "Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри <...>, а снаружи подвергнуть его давлению, во

14.Общее выступление акмеистов, как говорилось выше, удалось осуществить только через полтора месяца - 25 апреля.

много раз превышающему давление воздушного столба над землей - вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре". В "Утре акмеизма" : "Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает". Существенно также сходство с новым тезисом Гумилева о том, что "футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их аналитического метода" (из отчета в газ. "День"), тезисом, который был выработан, по-видимому, зимой 1913-1914 г.г. (ранее, как известно, Гумилев считал наследником символизма акмеизм 15). В "Утре акмеизма" : "Футурист, не справившись с сознательным смыслом, как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников" (т.е. символистов).

Реплику корреспондента о том, что Мандельштам "буквально провалил все "дело", начатое было г. Гумилевым," можно отнести к первому абзацу "Утра акмеизма", который мог быть понят как призыв к прекращению дискуссий о "мироощущении художника".

Еще одно место в статье связано с прошедшей на уже упомянутом заседании ВЛО 15 февр. 1913 г. дискуссией о реализме (неореализме) акмеизме и сопутствовавшей полемике в периодической печати 16. В "Утре акмеизма" : "Он (художник -

15.Наследие символизма и акмеизм // Аполлон.-1913.-№ 1.

В частности, Гумилев писал : "... надо, чтобы оно (течение - акмеизм. - А.М.) приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом".

16.Львов-Рогачевский В. Символисты и наследники их // Современник. - 1913. - № 7 ; Символисты и адамысты // День. - 1913. 23 февр. ; Ховин В. Небокопы. - Спб., 1913. - С. 13. М.Неведомский, кажется, первым употребил термин "неореализм" в отношении творчества акмеистов (в частности, другим явлением неореализма он назвал "Ночные часы" Блока) в статье "Еще год молчания" (За семь дней. - 1913 - № 1. - С. 12).

А.М.) не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства” (ср. в стих. “Адмиралтейство” : “...Но создал пятую свободный человек”). В “Декларации...” Зенкевича полемика с этим тезисом также уделено место : “Если хотите, назовите акмеиста неореалистом...”.

Высказанные выше предположения связаны с вопросом о времени написания статьи Мандельштама. “Утро акмеизма” имеет авторскую дату - “1912 г.”, проставленную, однако, через полтора десятка лет после ее создания (см. : *Мандельштам О. Слово и культура.* - М., 1987. - С. 298). Последнее обстоятельство обязывает к критической оценке ее точности (о степени точности авторских дат под стихами см. : *Мец А.* О составе и композиции первой книги стихов О.Э.Мандельштама *Камень.* - Русская литература. - 1988. - № 3. - С.182) ; мемуарные свидетельства также не дают твердой опоры для датировки. Некоторое значение здесь приобретают данные анализа тем и мотивов статьи, к которым обращаемся ниже.

Одним из важных для акмеистической концепции Мандельштама, связанным с восприятием средневековой культуры, является универсальное качество “тяжести” (“веса”), которое заложено функционально в существе строительного материала (“камня”) и (двойственно) соотнесено с состояниями “страха” и “паденья”. Впервые мотив “тяжести” встречается в стих. 1911 г. “Когда подымаю, опускаю взор...”, написанном еще в “символический” период : “Есть в тяжести радость .- И в паденьи есть .- Колебаний сладость .- Острой стрелки мечь!” К 1912 г. относится стихотворение с центральным образом “камня” : “Паденье - неизменный спутник страха...” (ключевое для понимания этого

В.Львов-Рогачевский писал и позднее : “Выступление адамистов-акмеистов, это признание победы реализма” (*Современник.* - 1914. - № 2. - С.III). Симптоматична фраза В.Нарбута в его письме М.Зенкевичу от 7 июня 1913 г. : “А мы (Нарбут имеет в виду себя и Зенкевича - А.М.) - и не акмеисты, пожалуй, а - натуралисты-реалисты” (ГЛМ, ф. 247, роф. 6147).

образа) ; здесь "самый страх есть чувство пустоты", в "заговоре" против которой поэт видит жизненную задачу "суших" ("Утро акмеизма"). Снова отметим здесь точку схождения с Гумилевым. В его статье "Наследие символизма и акмеизм" (Аполлон, 1913. № 1) : "Для нас иерархия в мире явлений - только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки неизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия - все явления братья".

О "чувстве граней" ("Утро акмеизма") писал также и В.А.Чудовский, тогда же заявивший о своей причастности к акмеизму ¹⁷ : "В предвзятой, неизменной "экзотике" не может быть того, что мы называем акмеистической *полнотой*."

И вот перед новой эпохой, начало которой исповедуем мы, лежит большая и прекрасная задача < ... > создать новый, *акмеистический*, т.е. вершинный роман < ... > .

В искусстве мы прежде всего требуем определенных *граней*, а современный историзм грани отрицает" (Аполлон. - 1913. - № 2. - С.76-77).

Глагол "быть" ("существовать"), дважды акцентированный в отглагольных существительных "бытие" и "небытие" в формуле "высшей заповеди акмеизма" (главка IV "Утра акмеизма"), выражен знаком "=" в законе тождества (читается : А есть А) ¹⁸, о котором поэт говорит в главке V. Из этого, по-видимому, и извлечена возможность его (закона) художественного истолкования. Как "поэтическая тема" здесь может подразумеваться традиция поэтических конструкций типа "Есть... есть..." в русской поэзии ("Есть наслаждение и в дикости лесов, \ Есть радость на приморском берегу..." Батюшкова, "Певучесть есть в морских вол-

17.О замысле В.Чудовского написать статью о стихах Мандельштама имеется свидетельство в записи дневника С.П.Каблукова от 2 декабря 1912 г. (ГПБ, ф. 322).

18.Как убедительно показала Э.Русинко, источником формулы закона тождества в контексте философствования об оппозиции бытие\небытие в "Утре акмеизма" послужила, по-видимому, книга А.Бергсона "Творческая эволюция" (Rusinko E. Acmeism, postsymbolism, and Henry Bergson .- Slavic review. - 1982. - Vol. 41, N 3. - P.508).

нах, \ Гармония в стихийных спорах..." у Тютчева ; он дает немало таких примеров), которую наследовал и Мандельштам (среди нескольких стихотворений - уже цитировавшееся "Когда подымаю..."). Быть может, безразлично для датировки статьи упомянуть в связи с законом тождества университетский экзамен по логике, который поэт сдал 5 сентября 1913 г., - ведь включение "нового материала", осваиваемого при подготовке к университетским экзаменам, в творческие тексты отмечено у Мандельштама мемуаристами многократно.

Кроме отмеченных выше, "Утро акмеизма" содержит легко распознаваемые параллели со стихотворениями "Я ненавижу свет...", "Notre Dame", "Бах", статьями "О собеседнике" и "Франсуа Виллон". Все эти тексты созданы раньше мая 1913 г.

Одна из наиболее ясных корреспонденций с "чужим текстом" - выражение "слово как таковое", которое повторяется в "Утре акмеизма" трижды (но только в главке I), причем в одном случае - в кавычках, в качестве цитаты. Как указала И.Паперно в своем докладе "Поэтическое слово у Мандельштама и учение о Логосе" на I-м международном симпозиуме в честь поэта (Варг, 1988), выражение "слово как таковое" было введено Андреем Белым в его статье о книге А.А.Потебни "Мысль и язык" (Логос. 1910. № 2). Вполне вероятно, что Мандельштаму эта статья была известна со времени ее появления в печати (ср. особенно сближение имен Потебни и Белого как вызвавших к жизни "русскую науку о поэзии" в статье Мандельштама "Литературная Москва. I" [1922]), но кажется несомненным, что выражение "слово как таковое" актуализировалось лишь после выхода из печати "Декларации слова, как такового" А.Крученых (с послесловием Н.Кульбина) в конце апреля 1913 г., и в "Утре акмеизма" оно является объектом полемической цитации 19

19. По выходу в свет "Декларации..." Крученых, маем 1913 г., впервые датировал "Утро акмеизма" Н.И.Харджиев (в кн. : Мандельштам О. Стихотворения. - Л., 1973. - С.255). Как попытку взаимодействия с акмеистами следует оценить переключившуюся со статьей С.Городецкого "Некоторые течения в современной русской поэзии" (Аполлон, 1913, № 1) фразу из "Декларации..." : "Художник уви-

(здесь для нас не является существенным вопрос о возможных источниках этого выражения у Крученых, и возникающие гипотезы мы не рассматриваем). Справедливость такого вывода, как кажется, сильно подкрепляется тем, что в той же главке объектом полемики становится "футурист" (в единственном числе - что у Мандельштама служит указанием на персонификацию), "не справившийся с сознательным смыслом". И по поэтической практике, и по теоретическим выступлениям, и по факту введения в полемику выражения "слово как таковое" - лишь имя Алексея Крученых удовлетворяет условиям персонификации "футуриста".

Однако линия "Декларации слова, как такового" имела свое продолжение - в статье Крученых "Новые пути слова" (сб. "Трое", сентябрь 1913) : "Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах, является его подчиненность смыслу

до сих пор утверждали :

"мысль диктует свои законы слову, а не наоборот".

Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский.

Через мысль шли художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению.

< ... >

дел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена", что сразу же было отмечено В.Хлебниковым в его письме Крученых от 31 августа 1913 г. Это отмечено в ст. : Мейлах М. Об именах Ахматовой : I. Анна // Russian literature. - 1975. - № 10\11. - P.36-37. В плане соответствующих черт поэтики Н.Гумилева и "заумного языка" Крученых (в том числе фрагментов его "Декларации...") факты сведены Р.Д.Тименчиком в ст. : "Замётки об акмеизме. 2" (Russian literature. - 1977. -Vol. 5, iss. 3) ; как раз в мае 1913 г. Гумилев писал А.Ахматовой : "попробовал однажды писать в стиле Гилеи..." (цит. соч., с.281).

В искусстве мы заявили :

СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА

слово (и составляющие его - звуки) не только куца я мысль, не только логика, но, главным образом, заумное (иррациональные части, мистические и эстетические)" (с.22,25) 20.

Следующий шаг сделан Крученых в его статье "О художественных произведениях" (в сб. "Слово, как таковое". - М., 1913; вышел в октябре) :

"Мы же думаем, что язык должен быть прежде всего языком и если уж напоминать что-нибудь, то скорее всего пилу или отравленную стрелу дикаря.

< ... >

Из вышеизложенного видно, что до нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой "душе" (загадки духа, страстей и чувств), но плохо знали, что душу создают баячи, а так как мы, баячи будетляне, больше думали о слове, чем об затасканной предшественниками "Психее", то она умерла в одиночестве и теперь в нашей власти создать любую новую... захотим ли? ...! Нет!..

пусть уж лучше поживут словом как таковым, а не собой" (с.10-11).

В последующие месяцы эта линия творчества Крученых, которую назовем "теоретической", укореняется и получает резонанс. Виктор Шкловский использует выводы Крученых (из цит. выше статьи) в своем докладе "Место футуризма в истории языка" 23 дек. 1913 г. (в "Бродячей собаке") : < < "Тугой язык"

20.Цитируемые места, где построения Крученых связаны со "словом", "мыслью", "смыслом", "логикой" и противопоставляемым им "заумным", как кажется, наиболее соответствуют предполагаемому объекту полемики в "Утре акмеизма".

Крученых и "полированная поверхность" Владимира Короленко > > 21

Другой - полемический - отклик положения Крученых вызвали в лекции Г.Чулкова 16 января 1914 г. (о выступлении Гумилева, Городецкого и Мандельштама в прениях по этой лекции говорилось выше). В тезисах этой лекции : "Слово, как таковое. Смерть Психеи".

Наконец, в начале февраля 1914 г. вышла брошюра Н.Кульбина "Что есть слово (II-я декларация слова, как такового) 22, в которой зафиксировано соучастие в работе над ней Мандельштама :

"В слове - идея (первое лицо человека и вселенной - сознание).

Разгадка слова - в букве.

Буква - элемент слова, как такового.

Она - символ, содержащий идею слова (имя), фоническую форму и начертательную.

Слово - имя * (наречение).

Тело слова - буква * *

Значение каждой буквы - своеобразное, непреложное.

Каждая буква - уже имя.

Словесность - творческое сочетание имен.

Словесное творчество - брачная борьба диссонирующих элементов слова, удовлетворяющая созвучным разрешением или дающая эстетическую неудовлетворенность.

Результат этого творчества - словесные ценности.

21.Из тезисов в повестке - см. : Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы "Бродячей собаки" // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983- Л., 1985. - С.221.

22.Датирована автором: "27 января 1914 г."; указано, что она является приложением к книге "Буква, как таковая" А.Крученых и Н.Кульбина.

* Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом.

* * Это положение выработано мною совместно с А.Крученых : который говорит об обязательности слова.

Словесность – совокупность словесных организмов * * *, словесных неделимых” 23.

* * * В книге К.Эрберга “Цель творчества” есть ценная строка: Словесность – организация слов. Очень ценны мнения Д.Бурлюка об организации слова.

23. Соучастие Мандельштама в работе над “теорией” “слова как такового” – факт не случайный. Укажем еще на “слово-имя” как художественную тему (со своим смысловым развитием) в ряде стихотворений : “Мы напряженного молчанья не выносим...” (1912) ; “И поныне на Афоне...” (1915) ; “Как тельце маленькое крыльшком...” (1922). Ср. в статье “О природе слова” : “На самом деле, никогда не было так, чтобы кто-нибудь крестил вещь, называл ее придуманным именем”.

М.Кузмин в докладе о современной русской прозе 13 марта 1914 г. за службу “освобождения слова” приписывал, наряду с футуризмом, и акмеизму (Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Указ. соч.-С.233); ср. в тезисах доклада В.Пяста 8 февр. 1914 (см. прим. 23) : “Постепенное освобождение искусства слова от посторонних ему задач. Критика достижений и устремлений русских поэтов будет-лян. Умерла ли Психея” (афиша).

10 сентября 1913 г. Мандельштам сдал экзамен “Введение в языкознание” И.А.Бодуэну де Куртэнэ.

Примечательные соответствия дает более поздний текст Хлебникова :
“Слово живет двойной жизнью.

То оно просто растет как растение, плодит друзу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть “всевеликим” и самодержавным; звук становится “именем” и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй, вечной игрой цветет друзой себе подобных камней.” (“О современной поэзии”.- Пути творчества. Харьков. 1920. № 6-7. С.70). Здесь, помимо “имени”, обращает внимание и другое соответствие – слово-камень, вызывающее. понятно, ассоциацию с именем автора “Камня”; тогда здесь вероятно поэтически замечательная рефлексия, связанная с темой и участниками дискуссии, о которой идет речь. В статье Хлебникова есть и другая переключка с Мандельштамом – “дерево слов” (у Мандельштама “дерево слова” в “Листьев сочувственный шорох...”; 1910).

Последний эпизод в этом сезоне, связанный с "теорией" Крученых, – скандальный диспут на вечере "О новом слове" 8 февр. 1914 г. в Тенишевском училище под председательством И.А.Бодуэна де Куртенэ²⁴. На этом диспуте Мандельштам не выступил с чтением стихов, хотя его выступление было объявлено в афише; причиной мог быть манифест "Идите к черту" в сборнике кубофутуристов "Рыкающий Парнас" (вышел в первых числах февраля), содержащий оскорбительные для акмеистов выпады. Вероятно, публикация этого манифеста и положила предел попыткам акмеистов к сближению с кубофутуристами²⁵ и одновременно привела к осознанию необходимости вновь заявить о себе как о действующей группе; напомним, что первоначально выступление акмеистов в ВЛО намечалось 14 февраля, но к этому времени, вероятно, еще не был преодолен внутренний кризис.

Кратко суммируем изложенное. Анализ мотивов 1-й главы "Утра акмеизма", как представляется, достаточно ясно обна-

24. Со вступительным словом Н.Кульбина, докладами Викт.Шкловского "Воскрешение вещей" и Вл.Пяста "О будущем в прошлом".

О диспуте см.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Указ. соч.-С.226; Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М.Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С.136-137; < Аноним >. Скандальный диспут // Речь. 1914. 10 февраля; Бодуэн де Куртенэ И.А. Слово и "слово" // Отклики... [прилож. к газ. "День"]. 1914. № 7; Его же. К теории "слова, как такового" и "буквы, как таковой" // Там же. 1914. № 8. По поводу "теории буквы, как таковой" см.: Никольская Т.Л. Взгляды Тынянова на практику поэтического эксперимента. ВТЧ.С.

25. Еще незадолго до выхода манифеста, 10 января 1914 г., Хлебников выступал с чтением стихов в собрании Цеха поэтов (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. I. // Russian literature. - 1974. - № 7\8. - [Прим. 15]).

В свете приведенных выше фактов об отношении акмеистов к кубофутуристам вряд ли был случаен тезис лекции Д.Бурлюка "Пушкин и Хлебников", прочитанной 3 ноября 1913 г. в Тенишевском училище: "Почему: Акмеисты, эго-футуристы, Мезонин поэзии - вызывают недоумение, если именуются футуристами" (афиша).

руживает связь с "теорией" "слова как такового" А.Крученых, притом более вероятно, что время написания статьи относится не к моменту выхода "Декларации слова, как такового", а к периоду дискуссии вокруг "теории" Крученых. Имеющиеся сведения о взаимоотношениях акмеистов и кубофутуристов дают основания для датировки этой главки (и, следовательно, ныне известной редакции "Утра акмеизма") февралем-мартом 1914 г. (что не исключает возможности существования более ранней редакции статьи). Представляется несомненным, что 25 апреля 1914 г. в ВЛО Мандельштам выступил с чтением "Утра акмеизма" как манифеста.

Р.Д.Тименчик

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К МАНДЕЛЬШТАМОВСКИМ ТЕКСТАМ

1.

Стихотворение "На страшной высоте блуждающий огонь..." (впервые обнародованное в газете "Вечерняя звезда" 6 марта 1918 г.) было напечатано анонимно под заглавием "Умиравший Петрополь" в варшавской русской газете "Свобода" 23 октября 1921 г. с примечанием "от редакции": "Печатаемое стихотворение, принадлежащее перу одного из молодых поэтов наших, случайно стало нам известно по типографному оттиску, завезенному одним приезжим лицом из России". Кто это лицо, по-видимому, можно установить, ибо 30 октября 1921 г. в той же газете помещено стихотворение О.Воинова (Олег Владимирович Воинов впоследствии был кинорежиссером в Германии и умер, как сообщил нам Г.Г.Суперфин, в 1970 году) с посвящением "Н.А.З-ой":

Вы дыханье города родного
Принесли мне с книжечкой стихов...

Адресат послания - почти несомненно, Надежда Александровна Залшупина-Данилова (сестра художника С.А.Залшупина, умершего в Париже в 1931 году) , сотрудница издательства З.И.Гржебина, покинувшая в это время Россию (о ее альбоме с автографами Гумилева, Ахматовой, Кузмина и др. см. : *Чертков Л.* Листки из альбома / / Континент. 1982. № 31) .

2.

Стихотворение "Поговорим о Риме - дивный град..." в эпоху военного коммунизма стало основой для полупарадии, полупарафразы - стихотворного фельетона "Питер", напечатанного 22 октября 1920 г. за подписью "Сириус" в газете "Новая русская жизнь", издававшейся в Хельсинки :

Поговорим про Питер - дивный град,
Он утвержден Зиновьевым в коммуне.
Послушаем, оратор на трибуне,
"Неделя вши", "готовься, Петроград".

На Клинском рынке тщетно ждут царя,
Но нет, в Эстонии замолкли пушки.
В "Трудармии", в "Астории", в "Чекушке"
Творят закон герои октября.

Красуется повсюду серп и молот,
Хоть не работают они давно.
Последнее полено сожжено,
О, темени Лассаля жуткий холод.

Стихотворение снабжено примечаниями : "Слова "Готовься, Петроград" заимствованы из приказа Троцкого в дни наступления Юденича на Петроград" ; "На Невском около Городской думы стоит громадный бюст Лассаля, своим безобразием портящий весь вид этой красивой улицы. Бюст этот виден отовсюду. Нас всюду преследует жуткий холод при виде

изображения человека, "темя" которого прикрывало идеи, ныне столь уродливо и страшно воплощенные".

Публикатор, "Сириус" - несомненно, поэт Б.Н.Башкиров, он же "Борис Верин", покинувший Петроград в апреле 1920 г. (а не "осенью", как сказал в своих показаниях следователю ЧК Гумилев ; см. : Огонек. 1990. № 18. С. 14; Тименчик Р.Д. По делу № 214224 // Даугава. 1990. №8). Он часто выступал как меценат по отношению к петербургским поэтам (о чем рассказано в воспоминаниях В.А.Рождественского и И.Одоевцевой) . По-видимому, у него бывал и Мандельштам, и это именно его салон описан в воспоминаниях А.Лурье о Мандельштаме (*Ахматова А.* Поэма без героя. М., 1989. С. 350). Остается открытым вопрос, является ли Б.Н.Башкиров единоличным автором пародии или это продукт коллективного сочинительства.

3.

В очерке Мандельштама "Возвращение" (последняя публикация - Юность. 1987. № 9) персонаж при равнодушном попустительстве автора и вводя в заблуждение некоторых комментаторов путает издателя тифлисского "Кавказского журнала" (1920) Н.И.Мазуркевича со сравнительно известным петербургским стихотворцем, юмористом, автором текстов популярных романсов В.А.Мазуркевичем. До революции Н.И.Мазуркевич издавал "Кавказский журнал" в Пятигорске, банальными афоризмами обратив на себя внимание столичных журналистов (Журнал журналов. 1915. № 20. С. 8) .

Впоследствии Н.И.Мазуркевич некоторое время выступал как журналист в эмиграции (в Софии, Пряшеве, Белграде - пока в последнем не был заклеен как аферист) и издал по меньшей мере две книжки своих стихов (В полусне. София. 1923 ; Отыграла метель. <Пряшев?> 1925) .

ПИСЬМА Б.В.ТОМАШЕВСКОГО К С.П.БОБРОВУ

Публикация, вступительная статья и примечания
К.Ю.Постоутенко.

... К нему можно было бы применить слова
Буало о Малербе (Enfin Malherbe vint...):
"Наконец пришел Томашевский".
Б.М.Эйхенбаум (1957)¹

Когда Б.В.Томашевский впервые начал осмыслять теорию стиха? Бессознательно - в стихах, писавшихся с раннего детства: дошедшие до нас произведения 16 - 17-летнего юноши поражают не столько безукоризненной правильностью, сколько изощренным рационалистическим автокомментарием; чуть позднее, с 1908 года, в письмах к неизменному корреспонденту тех лет А.А.Попову педантично указываются погрешности последнего против стиховых норм. Наука о стихе представляется Томашевскому тех лет нормативным катехизисом, сводом незыблемых правил, о чем патетически говорится в письме Попову от 25 декабря 1909 г.: "Вопрос о метрике такой, где нет мнений"². Но в это же время начата, по собственному признанию Томашевского, его "первая научная работа"³ - исследование четырехстопного ямба русских поэтов⁴. Поставив под статьей "Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над

1. ЦГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л.1.

2. ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 13. Л. 12 об.

3. ЦГАЛИЛ. Ф. 328. Оп. 2. Ед. хр. 1645. Л. 1.

4. Возможной прелюдией к выбору темы может служить следующее заявление Томашевского из несохранившегося письма, процитированное А.А.Поповым в ответе от 29 января 1908 г.: "Положительно 4х-стопный ямб - самый родной мне размер. Им я владею с большей легкостью, чем каким-либо иным. <... > Меня так и подмывает отказаться от иных размеров, кроме этого." (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 38. Ед. хр. 42. Л. 1).

стихом "Евгения Онегина" даты 1909-1916⁵, он принуждает нас отнести первые сохранившиеся опыты именно к 1909 году⁶. Нельзя, конечно, полностью исключить возможности того, что первые записи в тетрадах, размечающие систему пиррихийев в стихах Пушкина, Лермонтова, Майкова, Веневитинова, Рылеева, Блока, переводах Мея, Мина и Брюсова⁷, были сделаны еще в той стихологической системе, "где нет мнений". Однако рядом с ритмическими штудиями отмечены и расположения словоразделов в строках - а это уже не оставляет сомнения в полемичности работы. Поэтому весьма вероятным кажется предположение о сознательном (или невольном) смещении дат, обособляющем работу Томашевского от еще не прочитанного в то время "Символизма" А.Белого, к которому потомки начнут возводить все стиховедение XX века⁸. Как мы увидим далее, противоположение дат приобрело со временем дополнительные смысловые оттенки.

Интересовавшийся в феврале 1910 года обществом "ревнителей Слова" (так у Томашевского)⁹, Томашевский получил в первой половине марта два письма от А.А.Попова и его брата Анат.А.Попова "об Андрее Белом"¹⁰, содержавшие, как нам представляется, изложение доклада о ритме, прочитанного

5. Томашевский Б.В. О стихе.-Л., 1929.- С. 135.

6. Так и поступает Д.Д.Ивлев. См. его работу: Б.В.Томашевский как исследователь пушкинского стиха // Пушкинский сборник. Вып. 2.-Рига, 1974.- С. 59.

7. ОР-ГБЛ. Ф. 645. Карт. 7. Ед. хр. 1, 3-4.

8. Дополнительным подтверждением смещения датировки служит фраза из письма А.А.Попова к Томашевскому от 16 февраля 1941 года: "<...> я был одним из первых, кто видел и читал еще в 1910 году твои первые научные труды" (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 38. Ед. хр. 45. Л. 15). Ср. также Curriculum Vitae Б.В.Томашевского (1924 г.). : "Научной разработкой вопросов теории литературы я занимался еще в 1910 г. <...> Так, в этом году мною начато исследование 4-стопного ямба "Евгения Онегина" (ЦГАЛИЛ. Ф.82. Оп.1. Ед. хр.153. Л.43).

9. ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 14. Л.6 об.

10. Там же. Л. 24. Сами письма, по-видимому, утрачены.

Белым 18 февраля в "Обществе ревнителей художественного слова" в редакции журнала "Аполлон"¹¹. (Видимо, об этом "частном сообщении" говорит Томашевский в первом письме к Брюсову)¹². Начальным объектом анализа стал, очевидно, лермонтовский "Демон": об окончании работы над ним Томашевский сообщал Попову 15 апреля 1910 г.¹³ В августе начинается работа над "Евгением Онегиным"¹⁴. Наконец, в ноябре Томашевский знакомится с рецензией на "Символизм", написанной В.Я.Брюсовым¹⁵, и решительно отмечает свои разногласия с ним: "Брюсов упоминает о детских вещах со специальной целью устыдить Белого, в моих же "исследованиях" имеется основная мысль, очевидно, недоступная Брюсову - мысль о сравнении действительной ритмики и вероятной"¹⁶. Лишь через месяц после этого Томашевский обращается к Попову с просьбой просмотреть "Символизм" Белого и выяснить, "правильно ли его характеризует Брюсов"¹⁷. Тогда же возникает идея написать критические замечания о рецензии Брюсова: "Кстати, м. б., о Брюсове и ритмике я еще напишу, т.к. в его статье имеются пункты, с кот <орыми> я согласиться не могу, а есть так же и то, что требует развития"¹⁸. Учитывая то, что

11. См.: Лавров А.В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества// Андрей Белый. Проблемы творчества.-М., 1988.-С. 784.

12. Письма Б.В.Томашевского В.Я.Брюсову. Публикация Л.С.Флейшмана// Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Т.5.-Тарту. 1975.- С. 533. (Далее ПТБ).

13. ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 15. Л. 10 об.

14. См. письмо Томашевского Попову от 12 августа 1910г. (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 17. Л. 2 об.).

15. В.Я.Брюсов. Об одном вопросе ритма (по поводу книги Андрея Белого "Символизм") // Аполлон.-1910.- №11.- С. 52-60.

16. Письмо к А.А.Попову от 23 ноября 1910 г. (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 18. Л. 2.).

17. ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 18. Л. 31. Возможно, просьба и не была выполнена: о приобретении "Символизма" Попов сообщал Томашевскому лишь 7 марта 1912 г. (Там же, Карт. 38. Ед. хр. 15. Л. 9).

18. Там же.

молодой ученый в это время сознательно удерживал себя от публичных выступлений ("Большая ответственность - выйти в печать: обязанность быть замеченным, обязанность двигаться вперед - нет - слишком опасно"¹⁹), его письма к Брюсову можно считать реализацией именно этого плана.

В свете сказанного, очевидно, не нуждается в комментариях тот факт, что теория стиха Томашевского, изначально призванная проследить "взаимное влияние языка и ритмики"²⁰, с первых шагов активно противостояла и стихологии Белого, и стихологии Брюсова, который, осознав игнорирование словесной ткани стиха как наиболее существенный недостаток "Символизма", не предложил позитивной контрконцепции, и на это немедленно указал его молодой оппонент. Помня о позднейшей критике символистского стиховедения Томашевским²¹, необходимо видеть и ее ранние ростки.

Критическое рассмотрение современных доктрин было продолжено Томашевским в 1915 году, когда он, почувствовав себя готовым к выступлениям в печати²², опубликовал в "Аполлоне" рецензию на две теоретико-стиховые работы.²³

19. ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 20. Ед. хр. 2. Л. 38 об.

20. ПТБ. С. 533.

21. См. Томашевский Б.В. [Рец.:] Валерий Брюсов. Наука о стихе. Метрика и ритмика. - М., 1919; Андрей Белый. О художественной прозе. (Горн. Кн. II-III. М., 1919) // Книга и революция. - 1921. - №10-11. - С. 32-34; Томашевский Б.В. "Наукообразные" (опыты подхода к изучению ритмики художественной речи). Публикация Л.С.Флейшмана // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 422. Труды по знаковым системам. Т. 9.-Тарту, 1979.-С. 115-124.

22. Готовность к устным выступлениям проявилась, очевидно, еще раньше: до нас дошла повестка-приглашение петербургского "Общества поэтов" на доклад Томашевского о "Последней поэме" С.Маллармэ от 20 декабря 1913 г. (ОР ИРЛИ. Р1 - 17. №222. Л. 2).

23. Б.В.Томашевский. [Рец.:] С.Бобров. Новое о стихосложении А.С.Пушкина. / Трехдольный паузник у Пушкина. Сбор статьи В.Я.Брюсова о технике Пушкина / - М., 1915; - Барон Д.Г.Гинцбург. О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова/ Под ред. и с предисл. Г.М.Князева. Пг. 1915 // Аполлон. - 1915. - № 10. - С.72-74. Впрочем, в

Первая из них, написанная с позиций середины XIX века и к тому же не завершенная автором, вызвала у рецензента минимальный интерес: было очевидно, что в новом стиховедении труду Д.Г.Гинцбурга будет отведена роль курьезного недоразумения. Совсем по-иному была оценена книга С.П.Боброва, о научной эволюции которого в 1910-х годах необходимо сказать несколько слов.

Начав свои ритмические занятия в один год с Томашевским в ритмическом кружке Андрия Белого²⁴, к 1914 г. Бобров попытался сформулировать (на базе общепопулярного тогда тезиса о вырождении старого стиха) теоретическую программу модернизации поэзии²⁵. Для поколения молодых исследователей, захваченных новаторскими лозунгами Боброва, его теория была влиятельна и значима: под воздействием "Распевочного единства" Божидара (Б.П.Гордеева), написанного в тесном контакте с Бобровым, начал в 1916 году свое исследование о свободном стихе Г.А.Шенгели²⁶, тогда же

характер работы вмешались, видимо, и внешние обстоятельства: мобилизованный в 1914 г. в войска связи действующей армии, Томашевский был лишен возможности вести планомерную научную работу, читая (и рецензируя) лишь то, что присылалось по почте. "Здесь даже газета - величайшая редкость, и единственная литература та, что осталась от австрийцев на оставленных ими позициях", - писал Томашевский А.Л.Волынскому 27 июля 1914 г. (ЦГАЛИ.Ф.95.Оп.1.Ед. хр.243.Л.2).

24. См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрия Белого // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 515. Труды по знаковым системам. Т. 13.- Тарту, 1981.- С. 101-104. Томашевский не скрывал своего скепсиса по отношению к деятельности ритмического кружка: "Любопытно известие в Аполлоне, что человек 10 в Москве считают по Белому стихи. Ведь если они употребят на это три года каждый, то это будет 30 выброшенных в окно лет", - писал он Попову 8 января 1911 года (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карг. 40. Ед. хр. 19. Л. 2 об).

25. См.: Бобров С. Современный стих // Современник.-1914.-Кн. 13-15.- С. 233-237.

26. См.: Постоутенко К.Ю. Концепция свободного стиха Г.А.Шенгели // Три столетия русской поэзии.-М. (в печати) .

Г.О.Винокур, вступив в переписку с Бобровым, написал подражательную заметку "Ямбический паузник"²⁷. Отмечавшееся ранее балансирование Боброва между авангардом и символизмом²⁸ сказалось и на его научном творчестве : с одной стороны, наследовалась от Белого архаичная "стопная" теория стиха со всеми ее громоздкими атрибутами ; с другой стороны, пропагандировалась замена традиционных стоп (ямб, хорей) нетрадиционными (триоль, квартоль) . Теория стиха Боброва претендовала (отчасти небезосновательно) на то, чтобы стать основой "постсимволистского" стиховедения, поэтому она и привлекла столь пристальное внимание Томашевского²⁹. Наибольшие затруднения вызывали у стиховедов дольниковые стилизации типа "Песен западных славян" или "Сказки о рыбаке и рыбке" - здесь теория Боброва указывала новые пути, и это с удовлетворением отметил Томашевский, которому данная тема была близка. Однако терминологический аппарат Боброва, эклектически смешивавший стиховедческую номенклатуру Белого, рудименты "музыкальной" теории стиха и собственные новообразования, приводил к непоследовательному решению многих ключевых вопросов, что казалось Томашевскому неприемлемым. Его рецензия, однако, вызвала торопливую отповедь, написанную в характерном для Боброва полупублицистическом стиле³⁰. Это, видимо, и побудило Томашевского вступить в научную переписку, не задевавшую

27. ЦГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 32. Лл. 1-2. Ср., однако, рецензию Винокура на "Новое о стихосложении А.С.Пушкина" : Московские мастера. Журнал искусств. М., 1916. С. 93-94.

28. См. : Гельперин Ю.М. Сергей Павлович Бобров // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.1.-М.,1989- С.294.

29. В семинарии по стиху, руководимом Томашевским в 1921-1922 гг. в ГИИИ, теория стиха Боброва удостоилась отдельного студенческого реферата, наряду с аналогичными сообщениями о Тредиаковском, Ломоносове, Востокове, Брюсове и Белом (ЦГАЛИЛ. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 54 об.) .

30. С.Б. [С.П.Бобров] . Критика трехдольного паузника // Второй сборник центрифуги. (Ц. 2)-[М., 1916]. - Стлб. 81-82.

самолюбия оппонента и в большей степени располагавшую к обсуждению накопившихся проблем.

Два письма Б.В.Томашевского к С.П.Боброву, относимые к 1916 г. (ответы на них, по-видимому, утрачены), печатаются по автографам, хранящимся в ЦГАЛИ (Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 66. Лл. 2-7). Курсивом набран текст, подчеркнутый автором.

Г-н Бобров¹

Наука о русском стихосложении настолько юна, что рано ей запутываться в недоразумениях. Вот почему пишу Вам это письмо, в ответ на "Критику трехдольного паузника" (Ц2). Мой упрек о цезурах не в том, что Вы упустили их из виду, а в том, что Вы их *непоследовательно* разметили. Ваши обозначения α , β имеют место только при паузах. Одинаково горизонтальная черта стоит в следующих случаях.

У самого синего моря
Старуха пряла свою пряжу
Дорогой за себя дам откуп.

Вообще внимание Ваше (не вслед ли за А.Белым <?>) направлено на формы *уклонения* от средней схемы (т.е. анапеста)². И в своем ответе Вы молчите о цезурах и анапесте,

1. На письме стоит отметка получателя: "20. У. 916." Это позволяет, с учетом того, что второе письмо находилось в пересылке по аналогичному маршруту пять дней (см. примечание б), датировать текст приблизительно 15-м мая 1916 года.

2. Критикуя метро-ритмическую концепцию А.Белого, понимавшего под метром "соединение стоп, стих и строф между собою", а под ритмом - "симметрию в отступлении от метра, т.е. некоторое сложное единообразие отступлений" (А.Белый. Символизм.- М., 1910.- С. 396), Томашевский прокладывал дорогу принципиально новому пониманию ключевой антиномии стиха, при котором метр и ритм выступают как два уровня описания стиховой материи - структурный и статистический: "Ритмика в плане классификации есть та же метрика, рассматриваемая не в необходимых, а в возможных условиях стиха" (Томашевский Б.В. О стихе.- Л., 1929.- С. 54). В более поздних стиховедческих изысканиях Боброва так же содержится прямая критика постулатов Белого.

признавая "погрешность" лишь для квартолей и квинтолей. Но и здесь правы ли Вы? Квартоль по Вашему ответу (вопреки Вашим же "Объяснительным примечаниям") имеет *только* две формы цезур - " β " и " α ". Но в случае паузы мы имеем только две формы α и β

И верно ли Ваше утверждение? Неужели только два рассечения трех последовательно неударяемых слогов мы знаем? А разве это не живой стих?

Приговаривая: "Братец мой любимый"

.....

На братца поглядывает боком

Ест за четверых

.....

Никогда его не приголубит

А в квинтолях неужели возможна только одна форма цезур, а не пять? Вот у Вас строка 149 в "Сказке" записана $\alpha\beta\zeta$, т.е. $\cup - \cup - \cup\cup\cup\cup - \cup$.

В изд. Анского (вообще почти ничем от Исаковского не отличающемся³) эта строка читается:

В палатах видит свою старуху.

Здесь по-Вашему (Ц2) выходит, что цезура рассекает слово "свою" пополам. Не небрежением ли к живому стиху вызваны Ваши возражения, несколько торопливые?

Итак, повторяю - или одно, или другое - :или отмечайте паузы, или паузы без деления на α и β , или отмечайте форму разделения и при средней стопе, и при увеличенной (квартоль и квинтоль). И в моей рецензии скорее содержится совет не отмечать формы цезур, выделив этот вопрос в самостоятельный труд ("Вторым недостатком..." - прочтите повнимательней эту

Однако, солидаризируясь с Томашевским в общеметодологической посылке, Бобров сохранял непримиримость к традиционной типологии стихотворных размеров, стремясь к установлению более тесной корреляции между метром и ритмом (см. его лекцию по стихосложению, прочитанную 9 декабря 1919 г. на курсах Литературного отдела дворца Искусств: ЦГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 109).

3. "Сказка о рыбаке и рыбке" в издании Я.А.Исакова (СПб., 1868, 1872, 1873, 1879) имела, очевидно, наиболее широкое распространение. Томашевский, как явствует из текста письма, пользовался изданием Ф.И.Анского (М., 1882).

фразу моей рецензии⁴). Безусловно, Вы невнимательно читали мою рецензию, ибо ссылку мою на стр. 11 (что напечатано весьма отчетливо на всех имеющихся у меня оттисках рецензии: Аполлон, 1915, №10, стр. 74, столбец второй, строка 9-ая) заменяете ссылкой на стр. 10, и отвечаете совсем не на то, в чем я Вас упрекаю (страница 30, где говорится о том же, что и на стр. 10, вовсе не играет такой роли). Но стр. 11 заключает в себе в сущности эмбриональное признание неприменимости схемы трехдольного паузника к разобранным Вами примерам ("Песни западных славян"), но об этом сейчас не буду говорить, т.к. мой большой доклад по этому вопросу ждет печати и выйдет не раньше конца 1916 или начала 1917 г. (Краткое изложение - не для обсуждения в печати, а для широкой публики - было в Аполлоне)⁵.

Далее Вы обвинили меня в "жестикюляции" и "явственных пустяках". Возможно, что с Вашей, здоровой московской точки зрения здесь речь идет о пустяках. Иначе этот вопрос стоит у нас. Совершенно искренно признаюсь: и терминология Белого и Ваша мне решительно не нравится. Но об этом в моей рецензии не было ни слова и это Вы интуитивно восприняли. Когда я говорил "какие-то" крыши, то имел не форму, а существо.

Учение о фигурах я считаю слабейшим местом в работе Белого, особенно слаба попытка математически закрепить это учение. Белому, запутавшемуся на стр. 192 "Символизма" в решении уравнения первой степени, вообще не пристало своей математикой напоминать о законе наследственных контрастов. Во всяком случае мне было досадно видеть, что операции с этими фикциями заняли такое видное место в Вашей брошюре. Эту досаду, усугубленную повторением мельчайших особенностей Белого (вроде пэанов), я и излил в столь, по Вашему мнению,

4. Данная фраза звучит у Томашевского следующим образом: "Вторым недостатком является то, что его обозначения пытаются (и при этом непоследовательно) закрепить сразу комбинацию двух явлений - исчезновение слога (паузы) и разделения между словами (цезуры)" (Аполлон.-1915.- №10.-С. 74).

5. Имеется в виду статья "О стихе "Песен западных славян" (Аполлон. 1916. №2.); более полный вариант работы (под названием "Генезис "Песен западных славян") был опубликован лишь через десять лет (Атеней.- Кн. 3.-Л., 1926).

"монументальном тоне". Не спорю - я избрал форму упрека такую, что этот упрек приобрел вид выпада "не по существу". Проще было написать: "Г-н Бобров занимается изучением "чертежей", не проверив вопроса о применимости этих чертежей к разбираемому случаю, и попросту перенося по аналогии неудачную выдумку А.Белого в новую область, где эти чертежи стали еще менее удачными". Можно было сказать еще как-нибудь. Но - ведь все это голословно. Ни в рецензии, ни здесь - обосновывать этого не могу. Может быть, доведется написать и напечатать статью по сему поводу, - да нет, нужно ли? Вернее, что и так, без статьи, без опровержения эти фигуры и чертежи будут забыты и не повредят дальнейшему развитию изучения русского стиха.

Вот и все. Пишу это для Вас, а не для читателей. Пусть для них я останусь посрамленным. Это делу не вредит. При всем расхождении нашем с Вами в приемах и методах изучения русского стиха, позволю пожелать Вам успеха в дальнейшем, и, главное, освобождения от схоластических приемов хотя и гениального, но все же сумбурного Андрея Белого.

Б.Томашевский.

Рв.27.V.16.⁶

Сергей Павлович!

Благодарю Вас за письмо и "Записки"⁷. Постараюсь ответить - с конца, где Вы взываете к совести моей. Признаюсь - петербургская совесть моя молчит и не угрызает, по той простой причине, что никакой абсолютно злобы к Белому не чувствую и даже наоборот, рад лишний раз засвидетельствовать мое удивление перед его гениальностью, перед значительностью этого крупнейшего из триады (Брюсов, Бальмонт, Белый) символиста. Но не в этом дело. Вы сами признаете "ерунду" в теориях Белого. Я должен констатировать у Белого полное отсутствие *математического такта*. Обладая, может быть, и

6. Кроме этой даты, поставленной отправителем, на письме имеется и помета С.П.Боброва: "2.VI. 916".

7. Речь идет о книге С.П.Боброва "Записки стихотворца" (М., 1916).

достаточным запасом сведений по математике, Белый резко обнаружил неумение овладеть математическими приемами исследования⁸. Поэтому наряду с действительно ценным в его работу в значительной степени примешаны совершенно фиктивные понятия (фигуры на 3-х строках, оценка их баллом и т.д.). Конечно, всем современным "стиховедам" придется поневоле исходить из сказанного Белым. Но нельзя отрицать и

8. Замечание Томашевского об отсутствии у Белого "математического такта" органично вписывается в совокупность критических отзывов подобного рода, направленных на "прививку математического мышления в филологии" (выражение Б.М.Эйхенбаума - ЦГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л. 1.). Вспоминая свои первые научные опыты, Томашевский подчеркивал, что задуманы они были "в порядке применения к конкретному материалу методов математической статистики и теории вероятности" (ЦГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1331. Л. 1). Диалектическое взаимодействие математического и гуманитарного начал определило неповторимость его научного мировоззрения. Даже разбирая близкие ему работы, Томашевский настойчиво требует "осторожности и критицизма" в применении статистики (рецензия на "Трактат о русском стихе" Г.А.Шенгели // Книга и революция. - 1923. - №1. - С. 52.), осуждает "произвольное оперирование с математическими соотношениями" (расширенный вариант рецензии на "Мелодику русского лирического стиха" Эйхенбаума - ОР ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 100). Едва ли Томашевский предполагал, что его корреспондент проделает со временем противоположный путь в науке: осознав еще в начале своей филологической карьеры необходимость "выучиться высшей математике и ею обработать данные ритма <...>" (запись в дневнике от 28 декабря 1912 г. - ЦГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л.8.), Бобров столь досконально овладевает предметом, что смог в 1919 г., отталкиваясь от стиховедения, начать профессиональные занятия математической статистикой (см. его "Автобиографию" - ОР ИМЛИ. Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.). По иронии судьбы именно Бобров в статье 1922 г. "Ритмолог" подверг серьезной критике статью Томашевского "Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом "Евгения Онегина", отметив, что полученные в этой работе показатели частоты встречаемости метрических слов не требуют трудоемкого перемножения вероятностей и легко устанавливаются по табличным кривым распределения случайных величин (ЦГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 30). Критически оценивая в позднейших работах вероятностные построения Томашевского, Бобров тем не менее отмечал, что за Томашевским остается "крупная заслуга привлечения теории вероятностей к нелегкой теме строения стиха" (ЦГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 57.).

то, что им сказано и многое такое, из чего исходить не приходится. Книга Белого ни в коем случае не может служить "Эвклидом" стиховедения, хотя несомненно, что этот Эвклид будет руководиться именно А.Белым.

Выскажусь еще точнее : в методе А.Белого надо различать "статику" и "кинематику". Под первым я разумею изучение отдельного стиха как такового, учение о пиррихиях, пеонах и т.д. Здесь А.Белый чрезвычайно близок к истине, хотя и не полон. Безусловно, в этой части требуются поправки, отчасти указанные в свое время В.Брюсовым. Под кинематикой разумею учение о сочетаниях стиха. Здесь - учение Белого о фигурах мне кажется слишком элементарным и грубым. В частном письме не следовало бы затрагивать этих вопросов, но не удержусь, хотя, понятно, и рискую выразить это словами случайными, не точными. Ошибка Белого и всех, повторивших его слова (кажется и я где-то сказал) , в том, что он видит ритм только в отклонениях от метра. Строка метрическая по Белому пустое место, пеан. Меж тем метрическая строка тоже звучит, и часто - мало отлично от строки "ритмической" (т.е. строк с пиррихией) . Напр. строка с пиррихией на 3-ей ст. 4-х ст. ямба едва ли не серее метрической строки. Поэтому фигуры следует видеть в сочетании как строк с пиррихиями, так и строк без пиррихий.

Точнее - *последовательность любых двух строк есть фигура*. Почему в фигуре непременно хотя одна строка должна иметь два пиррихия? (Иначе фигура состоит из трех строк) . Все это - фикция. Если мы имеем "N" строк, распределенных в "m" частей, то число всех фигур равно строго определенному числу (N-m) .

Число же фигур А.Белого всецело зависит от графических обозначений, от способа записи ритма. Чем больше знаков, тем больше фигур. Для примера позвольте уловить Вас : "Записки", стр. 50, примечание. "По этой таблице" читатель может судить, насколько игра разрезами существеннее игры замедлениями. Я этого не вижу. Все замедления - на первой стопе? Правда - 11 замедлений из 28 строк. Но разрезы-то все женские - 12 из 28 строк для первого разреза и 6 из 17 для второго. Очевидно просто - рисунок разрезов сложнее. Очень просто - потому, что в каждой строчке разрезы имеют обозначение, точку, а замедления - не в каждой строчке. А интереснее не то - сколько

смен и сколько повторений разных форм мы встретим с точки зрения замедлений и с точки зрения разрезов. Для *замедлений* - смен 22, повторений 5 (строк 9-10, 13-14, 14-15, 15-16, 26-27) .

При этом в 6 случаях повторения совпадают для обоих разрезов.

Под "игрой" точнее понимать смену ритмов, чем повторение. А при таком понимании ясно, что "игра" преобладает в замедлениях, а не в разрезах. Сложность же графического рисунка зависит исключительно от условностей графической записи, и в очень слабой степени касается самого ритма.

Вот в чем я не следую за Белым. В остальном Ваше письмо обрадовало меня, как полная реабилитация моей рецензии. Вы признали, что сказанное мной о цезурах справедливо. Предвидеть, что Вы сами откажетесь от некоторых особенностей Ваших записей, я не мог. Правда, мне не нравится, что Вы так смело оперируете с трибрахией, который у Вас превращается в служебную фикцию. Ведь сами же Вы констатируете, что "трибрахий явно никакой акклиматизации в русском трехдольнике не поддается". Отсюда один шаг до признания того, что в основе "Песен Зап. Славян" лежит не трех-, а двухсложная стопа (между прочим, никогда не приму Вашего термина трехдольник. Что это за "доли"? Делить стопу можно до бесконечности. *Слог* же нет смысла называть иначе, чем он называется. Амфибрахий, анапест, дактиль - не трехдольные, а трехсложные стопы. Ведь с античной точки зрения и даже с точки зрения иной музыкальной нотации в этих стопах не три, а четыре доли - моры, или $\bar{\nu}$.

Что касается фигур, то Вы сами мне пишете, что фигуры могут существовать *только на двух строках*, а в Вашей брошюре много фигур, на этом протяжении не уместяющихся. Очевидно, и с фигурами у Вас обстояло не все благополучно.

Перейду теперь к определенным утверждениям. Вы иронически спрашиваете меня - "неужели Вы думали, что я не знаю цезур". Нет, не думал, - но Вы этим знанием не воспользовались. Вы знаете, есть два типа ученых - одни много знают - это Хвольсоны - но с их именем ничего в науке не связано. Из своих знаний кроме энциклопедии они ничего сделать не могут. Другие - затрудняюсь назвать, ну напр. Le

Воп (впрочем, сомнительная величина - ну - Фарадей)⁹ - мало знают, но в то же время и умело применяют свои знания. Мне кажется, что по отношению к цезурам Вы в "Новом о стихосложении Пушкина" сыграли скорее роль Хвольсона. Но об этом здесь писать не буду.

О книге Вашей сейчас ничего не скажу. Скажу одно - упрекну в двух пунктах - в торопливости стиля. Книга написана как корреспонденция ПТА - через год Вы сами начнете опровергать. Второе - излишняя "кусательность". Зачем Вы изругали покойника Гинцбурга - ведь книга его по своей незлобивой бессмысленности никому вреда не принесет? И рядом - хвалите Шульговского - этот пошлый вариант Шебуевской "версификации". Зачем уж так ругать Недоброво и Чудовского.¹⁰ В Недоброво много критического такта - свойства,

9. О.Д.Хвольсон (1852-1934) - заслуженный профессор Петербургского университета, член-корреспондент Российской Академии Наук. Обладал огромным естественнонаучным кругозором : многократно переиздававшийся "Курс физики" содержал обширные сведения по всем ее разделам, а бесчисленные популярные брошюры охватывали чрезвычайно широкий круг явлений (от начальных сведений по механике до теории относительности) . Энциклопедическому эклектизму Хвольсона Томашевский противопоставляет строгую простоту научных воззрений Майкла Фарадея и Филиппа Лебона, обогативших науку выдающимися открытиями в области экспериментальной физики. Знакомство Томашевского с "Курсом физики" О.Д.Хвольсона подтверждается одним из писем к В.В.Томашевской с просьбой прислать из Петербурга в Льеж "выписку из Хвольсона по поводу теплоемкости газов" (ОР ГБЛ. Ф. 645. Карт. 40. Ед. хр. 36. Л. 5.) .

10. Имеются в виду статьи "Теория барона Гинцбурга" ("Записки стихотворца", с.69-73) и "Две статьи по ритму" (там же, с.74-80); во второй подвергнуты критике работы Н.В.Недоброво "Ритм, метр и их взаимодействие" (Труды и дни. 1912.- № 2) и В.А.Чудовского "О ритме пушкинской "Русалки" (Аполлон.-1914. № 1-2). Что касается книги Н.Н.Шульговского "Теория и практика поэтического творчества. Т.І. Технические начала стихосложения" (Пг., 1914), то положительная оценка книги в статье "Учебник стихотворства" ("Записки стихотворца", с.39-60) контрастирует с определением, даваемым ниже ("компиляции, самые беззастенчивые, неладно скроенные и некрепко сшитые, как книга г. Шульговского", - там же, с.70). Это обратило на себя внимание Ю.Н. Тынянова, оставившего выразительные пометы на принадлежавшем ему

чрезвычайно необходимого для ритмоведа. Чудовский, согласен, сплошь бестактен и фактически беспомощен. Но его порывы к оригинальности имеют часто результатом действительно оригинальные мысли, которые руганью не обойдешь. В частности, Вы увидите, что с его "фонофорией" и "логометрией" считаться будут. Но главное, в области стиховедения ругаться рано - еще не составлена таблица умножения.

Извиняюсь, что запаздываю с ответом: я на этих днях слег, и еще не вышел из лежачего состояния. Статью мою пришлю при первой возможности, как только встану.

Бор.Вик.Томашевский.

Корректурное дополнение

Уже после того, как основной текст данной работы был набран, публикатор обнаружил письмо Б.В.Томашевского к М.Л. Лозинскому, тогдашнему секретарю редакции журнала "Аполлон". Не внося существенных изменений в концепцию публикации, письмо уточняет ряд суждений, высказанных в основном тексте в гипотетической форме. Ввиду самодостаточности предлагаемого письма мы ограничились лишь кратким комментарием. Текст публикуется по рукописи, хранящейся в Секторе рукописей ГРМ (Ф.97. № 270. Л.6-6 об.).

Пгр 22.IX.15 г.

Глубокоуважаемый Михаил Леонидович!

"Мусагет" и кружок А.Белого выпустил на свет брошюрку С.Боброва "Новое о стихосложении А.С.Пушкина". Брошюрка эта - настолько значительное явление, что даже "Речь" поместила рецензию на эту книгу Н.Лернера. Мне кажется, что "Аполлон" обязан откликнуться на ее появление хотя бы краткой рецензией (т.к. большая статья ввиду узкоспециального характера брошюры уместна в других органах), тем более, "что "Аполлон" не чуждался вопросов ритмики и известная статья Чудовского появилась именно здесь. Как никак

экземпляре книги (хранится в Государственной библиотеке Латвии; тыняновские маргиналии сообщены нам Е.А.Тоддесом).

- а брошюра С.Боброва после статей А.Белого - единственное произведение, дающее что-нибудь безусловно новое о ритме. Смею предложить здесь свою рецензию на эту книжку. В ней около 2100 букв, т.е. она поместится приблизительно на 50-60 строках мелкого шрифта (хроники), т.е. 1 1/4 столбца. Если же рецензия не подойдет, прошу хоть как-нибудь отметить появление этой книги, т.к. для каждого исследователя ритма - а в том числе и для меня - важно, чтобы брошюра С.Боброва получила некоторое распространение и с нею интересующиеся вопросами ритма были бы знакомы (чего не могу сказать про Гинцбурга).

Остаюсь уважающий Вас

Б.Томашевский

Несколькими неделями раньше, 9 августа 1915 г., Томашевский сообщал Лозинскому о получении корректуры рецензии на книгу Д.Г.Гинцбурга (там же, л.2 об.). Следовательно, рецензия на "Новое о стихосложении А.С.Пушкина" была присоединена к уже набранному тексту. В письме упоминаются также рецензии на книгу Н.О.Лернера (Речь. 1915. № 260 (3283), 21 сентября. С.3) и статья В.А.Чудовского (см. примечание № 10 к письмам Томашевского).

Р.М. ЯНГИРОВ

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В.М.ЧЕРНОВА

Документы Русского Заграничного Исторического архива (РЗИА), с 1946 г. хранящиеся в ЦГАОРСС СССР, пусть и не в полном объеме, но с недавних пор стали доступны исследователям. Научно-историческое значение этого архивного собрания переоценить невозможно, но, к сожалению, его сегодняшнее состояние мало способствует продуктивному изучению: перемещение материалов РЗИА из Праги в Москву, при неизбежно сопутствующих этому потерях, было проведено в обход сложившихся норм и правил, с нарушением фондовых

структур и утерей всего научно-справочного аппарата. Последовавшая за этим новая учетная обработка документов РЗИА была проведена формально и неквалифицированно, окончательно разрушив систему первоначального фондообразования. Часть документов была распределена в республиканские и региональные архивохранилища "по принадлежности", часть фондов была раздроблена и слита с другими и т.п.

Основную часть огромного архивного собрания составляют документы несоветских органов власти и учреждений, существовавших в России в 1917-1921 гг., а также различных организаций и институтов русской эмиграции в Европе, - рукописи, всевозможные печатные материалы, фотонегативы и фотографии. Важная часть РЗИА - коллекция мемуаров участников и очевидцев революционной эпохи, комплектовавшаяся по всей русской диаспоре и в своей значительной части опубликованная в "Архиве русской революции", "Голосе минувшего на чужой стороне" и других историко-культурных изданиях эмиграции. В собрании РЗИА хранятся и личные архивы политических деятелей различных течений - В.Шульгина, П.Струве, В.Набокова, С.Прокоповича и др. Среди них - архив Виктора Михайловича Чернова (1873-1952), одного из лидеров революционной России, бессменного главы и теоретика партии социалистов-революционеров, незаурядного публициста и писателя¹. Охватывая период с 1900-

1. См. мемуары Чернова: "Записки социалиста-революционера" (т.1, Берлин, 1923; в том же году переиздано в СССР); "Рождение революционной России" (Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934), "Перед бурей" (Нью-Йорк, 1953). Заслуживает упоминания и то, что политико-социологический прогноз будущего России, изложенный Черновым в книге "Сквозь туман грядущего" (Пгр, 1917), несомненно, послужил одним из полемических источников "крестьянской утопии" Чайанова, работа над которой, по-видимому, была начата в следующем году. См.: Ларионов А. О пользе утопий // Понедельник.-1918.-11(24) июня, № 17.

х по середине 1930-х гг.,² фонд содержит большое количество рукописей политико-экономических сочинений, фрагменты мемуаров, а также рукописи и материалы других лиц, значительное эпистолярное наследие.

В последнем из упомянутых разделов архива обращают на себя внимание материалы, иллюстрирующие участие Чернова в издании журнала "Заветы". Письма Р.Иванова-Разумника 1912-1913 гг. открывают, в частности, интерес адресата к новейшей русской поэзии. Очевидно, вскоре после громкого успеха сборника "Громокипящий кубок" И.Северянина, Чернов, заинтересованный новым именем на литературном небосклоне, получает от своего корреспондента списки 11 стихотворений поэта, написанных в период с мая 1911 по август 1913 гг.³

К этому же времени относится и стихотворение Р. Ивнева, не включавшееся в авторские сборники:

Каждый год проезжаю я мимо
Деревень и полей России.
На лице остатки от грима
И манжеты у меня кружевные.

На станциях выхожу из вагона
И лорнирую неизвестную местность.
И со мной всегдашняя бонна,
Будущая известность.

Ах, как хочется часто запомнить
Водокачку, окно полустанка.
На душе все истомней, истомней
Играет городская шарманка.

2. Часть архива Чернова, включающая в себя и документы более позднего происхождения, хранится в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

3. ЦГАОРСС СССР, ф.5847, оп.1, ед. хр. 97, л. 165.

Каждый год проезжаю я мимо,
Но не знаю, не знаю России.
На лице остатки от грима
И манжеты у меня кружевные.

На полях этого списка оставлен отзыв: "Очень характерно вообще для футуризма"⁴.

В эпистолярном разделе сохранились копии некоторых писем Чернова. Одно из них - открытое письмо Председателю Совета Народных Комиссаров, представленное в виде недатированной черновой машинописи со следами авторской правки.

Вполне понятный пристальный интерес к словам и делам своего политического противника у Чернова был окрашен глубоко личным отношением. Перевод давних отвлеченно-теоретических споров за столиком кафе⁵ в сферу реальной политики сделал невозможной иную форму полемики между ними, кроме как публичную, окрашенную к тому же во взаимно инвективные интонации. Впоследствии, неоднократно анализируя деятельность вождя новой России, автор письма, к тому времени вновь эмигрант, пользовался определением, заимствованным от оценок предшествовавшей эпохи - "кровь и грязь"⁶. Категоричность черновских выводов кажется тем более примечательной, что именно его партия, многие годы занимавшая крайне радикальные позиции, избрала своим политическим оружием террор и насилие и в конце концов потерпела моральное и политическое поражение в связи с делом Азефа.

4. Там же, лл. 255-256.

5. Самый известный из них относится к 1911г. и воспроизведен со слов самого Чернова в кн.: Гуль Р. Жизнь на фукса. М.-Л., 1927, с. 199.

6. Так озаглавлено предисловие Чернова к сборнику документов и материалов о деятельности ВЧК-ГПУ (ЦГАОРСС, там же, ед. хр. 14); см. также его статьи: "Уроки коммунистического опыта (Воля России, 1923, № 17-18), "Разрушение вместо созидания. Полное собрание сочинений В.И. Ленина" (там же, 1924, №1 / 2); "Ленин" (там же, 1924, № 3).

После разгрома вооруженных формирований Комитета Учредительного Собрания Красной Армией и свержения власти Всероссийской Директории адмиралом Колчаком (сентябрь-ноябрь 1918 г.) лидер партии эсеров вернулся в Москву, где нелегально продолжал свою политическую деятельность, совмещая ее с работой над мемуарами. Обращение к Ленину формально было связано с двумя годовщинами революционного календаря⁷. Кроме того, его появлению способствовали, очевидно, и внешнеполитические события, позволяющие датировать документ последними числами января-началом февраля 1919 г. 22 января президент Вильсон от имени стран-участниц Парижской мирной конференции по радио предложил встречу на о.Принкипо всем противоборствовавшим партиям России для консультаций со странами-победительницами о прекращении гражданской войны и избрании полномочного представительства для участия в разработке послевоенного устройства Европы. 4 февраля Ленин дал согласие на участие в этой встрече, намереваясь "использовать ее как международную трибуну для разоблачения интервентов"⁸. Столь быстрая реакция Кремля похоронила вспыхнувшие было надежды в далеко не единодушных между собой рядах сторонников национальной консолидации, не считавших представителей советской России своими законными партнерами.

Мы не располагаем свидетельствами того, что письмо Чернова стало известно адресату или же получило огласку.

7. Чрезвычайно полно фактография событий января 1918г. в Петрограде, о которых идет речь в письме Чернова, представлена в уникальной коллекции литератора А.Е. Зарина, собиравшего ее на протяжении 1917-1921гг. См. "Русская революция 1917г. по газетным сообщениям" - ЦГАЛИ, ф. 208, ед. хр. 232 и др.

8. Ленин В.И., ПСС, т.50, с.468. В секретной телеграмме, посланной Лениным Троцкому в те дни, содержится нетерпеливая просьба ускорить наступление Красной Армии на юге и востоке России для скорейшего устранения из будущих переговоров "лишних" участников. "К Вильсону придется, пожалуй, поехать Вам",- предлагал Ленин. См. там же, с. 247-248.

Политическая ситуация менялась ежедневно; в мае того года Чернов, спасаясь от ареста после смелого выступления в зале московской консерватории, бежал из Москвы в Петроград, а оттуда - в Финляндию.⁹ Весьма вероятно, что его обращение осталось непереписанным набело.

Помимо своей несомненной исторической ценности, публикуемый текст расширяет современные представления о формировании и составе особого эпистолярного жанра в нашей стране. Хотелось бы рассматривать это письмо и как коммеморативный вклад в лениниану. Текст письма воспроизводится по автографу (ЦГАОРСС, ф.5847, оп.1, ед.хр.217, лл.1-3; РЗИА, арх.№ 6546), с незначительными орфографическими исправлениями.

Милостивый государь, Владимир Ильич,
для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения, их нравственный облик не внушает доверия; их поведение некрасиво, их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны говорить, с теми высокими принципами, которые они должны провозглашать, и Вы сами не раз с гадливостью говорили о таких помощниках как о "перекрасившихся" и "примазавшихся", внутренне чуждых тому делу, которому они вызвались служить.

Вы правы. Великого дела нельзя делать грязными руками. Их прикосновение не проходит даром. Оно все искажает, все уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон - удавной петлей, строгая справедливость -

9. См. об этом: "Автобиографический очерк" - ЦГАОРСС, там же, ед. хр. 2; **Резникова Н.** "Мои встречи" // *Russica* - 81. Литературный сборник. Нью-Йорк 1981, с.300; **Абрамович Р.** *Меньшевики и Социалистический Интернационал (1918-1940)* // *Меньшевики*, - Бенсон, 1988, - с. 263-264. Об эволюции взаимоотношений большевиков с партией эсеров см.: *Русский Берлин. 1921-1923*. Париж, 1983, - с. 339-371.

бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу - каторжной работой, правда - ложью.

Но самое Ваше нескрываемое отвращение к недостойным элементам, самые Ваши угрозы разделяться с ними, хотя бы путем расстрелов, ставили Вас высоко над ними. Те или иные Ваши крылатые изречения вроде того, что "когда Вас повесят как фанатика, их будут вешать, как простых воров", облетели всю Россию и к Вашей личности сложилось известное уважение. Кругом неподкупного, добродетельного Робеспьера могли кишеть взяточники, плуты, себялюбцы; тем выше по закону контраста подымался он над ними в представлении толпы.

Вы приобрели такую славу "безупречного Робеспьера". Вы не стяжатель и не чревоугодник. Вы не упиваетесь благами жизни и не набиваете себе тугих кошельков "на черный день", не предаетесь сластолюбию и не покупаете себе под шумок за границей домов и вилл, как иные из Ваших доверенных; Вы ведете сравнительно скромный, плебейский образ жизни; говорят, что в обстановке соблазнов, развративших до мозга костей многих из близких Вам людей, Вы атаковали * себя броней суровой честности.

Я, будучи Вашим идейным противником, не раз отдавал должное Вашим личным качествам. Не раз, в тяжкие для Вас времена, когда Вы своим путешествием через Гогенцоллерновскую Германию навлекли на себя худшее из подозрений, я считал долгом чести защитить Вас перед Петроградскими рабочими от обвинения в политической продажности, в отдаче своих сил на службу немецкому правительству. По отношению к Вам, оклеветанному и несправедливо заподозренному, хотя бы и отчасти по Вашей собственной вине, я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь - другое время. Теперь Вы на вершинах власти почти самодержавной, теперь Вы в апогее Вашей славы, когда Ваши восторженные приверженцы провозгласили Вас вождем всемирной

* По-видимому, описка - вместо "оковали"

революции, а Ваши враги входят с Вами в переговоры, как равные с равными, когда с представителями международного капитала и буржуазными правительствами Европы Вы заключаете всевозможные политические и коммерческие сделки.

И теперь я морально свободен от этой сдержанности. И я бросаю Вам права на имя честного человека.*

О, да, Вы не вор в прямом вульгарном смысле этого слова. Вы не украдете чужого кошелька. Но если и понадобится украсть чужое доверие - и особенно народное доверие - Вы пойдете на все хитрости, на все обманы, на все повороты, которые только для этого потребуются. Вы не подделаете чужого векселя. Но нет такого политического подлога, перед которым Вы отступили бы, если только он окажется нужным для успеха Ваших планов. Говорят, в своей личной частной жизни Вы любите детей, котят, кроликов, все живое. Но Вы одним росчерком пера, одним мановением руки прольете сколько угодно крови и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой бы позавидовал любой выродок из уголовного мира. Вы, конечно, глубоко презираете вульгарных предателей и провокаторов, которых Вы не осятеили бы и не разрешили бы себе и своим единомышленникам. Вы - человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы себе "по совести" разрешили преступить через все преграды, которые знает человеческая совесть. О, здесь Вы - чисто русский тип. История русской церковности, официальной и раскольническо-сектантской, хорошо знает людей этого морального склада, властных основателей старых и новых раскольничьих "церквей", "кораблей" и "согласий", соединяющих в себе изуверско-апостольский фанатизм пустосвята с хитрецей расторопного, всегда "себе на уме" и всегда посмеивающегося себе в кулак мужичка-ярославца. Какой-нибудь изможденный и страстный архимандрит Фотий, этот "полуфанатик-полуплут", по незабываемому определению Пушкина, есть истинно родной брат по духу "святого простеца" Распутина. История революций тоже знает такое же жизне-психологическое противоречие, такую же смесь плутоватости и фанатизма в Нечаевщине. Нечаев с его

* Так в тексте.

революционным иезуитизмом, учивший, что революционер не должен бояться не только крови, но и грязи, и должен уметь обращать на пользу революции ложь и клевету, подлоги и шантаж, убийство и насилие, - двоюродный брат Фотию и Распутину. Вы им духовная родня через Нечаева.

И никогда и ни в чем не сказались с такой яркостью эти Ваши социально-психологические черты, как в двух делах, которые Вам пришлось совершить, чтобы расчистить путь к власти. Эти два темных и грязных дела - расстрел 5-го января 1918 года мирной уличной манифестации петроградских рабочих и разгон Учредительного Собрания.

О, я знаю, что одно из этих дел - разгон Учредительного Собрания Вы наоборот поставите себе в историческую заслугу. И я вовсе не хочу поднимать здесь вопроса о том, можно ли оправдать это Ваше деяние исторически и политически. Я говорю не о том, что Вы сделали, а как Вы сделали. Предположим, даже на минуту, что надо было в интересах страны разогнать Учредительное собрание. Это можно сделать двойко. Можно было выступить против него открыто и мужественно, так, как умеет это делать честный враг. И можно было действовать так, как делал Иуда, "целованием предавший Сына Человеческого", положив в основу всего предприятия ложь и фальшь. Вам, Владимир Ильич, Вам, душе и вдохновителю Центр[ального] Исп[олнительного] Комитета большевистской партии, я напоминаю о воззвании этого Комитета от 30 сентября 1917 года. Там, меньше чем за месяц до октябрьского переворота, Вы обвинили правительство Керенского за то, что при нем создается "законодательный булыгинский предпарламент", призванный по плану* заменить собой Учредительное Собрание. Вы хорошо знали, однако, что тогда никто и ничего Учредительное собрание заменить не отважился и подумать - никто, кроме самого Вас. Вы утверждали в том же обращении, что Учредительное Собрание может быть создано

* Пропуск в тексте.

только вопреки нынешнему коалиционному правительству, которое делает и сделает все, что бы сорвать его.

Вы даже предсказывали: "контрреволюционеры пойдут на все, чтобы сорвать Учредительное собрание". Если понадобится, они откроют для этого фронт немецким войскам. Вы сами знаете, что после этого произошло. Учредительное собрание сорвали Вы и фронт немецким войскам открыли тоже Вы. Вам, Владимир Ильич, конечно, известно, какой незамысловатый, но часто удающийся трюк пускают в ход вульгарные воры, боящиеся быть пойманными. Они бегут, изо всей мочи крича: "Держи вора". Сбитые с толку этими криками, ищут вора повсюду и во всех, кроме настоящего виновника.

Теперь скажите мне, Владимир Ильич, видите ли Вы по совести какую-либо разницу между этим воровским криком и тем политическим приемом, который Вы пустили в ход с Учредительным Собранием?

Ваша фракция, действительно, удаляясь из предпарламента, свое заявление об уходе заканчивала возгласом: "Да здравствует Учредительное Собрание!" Скажите, Владимир Ильич, чем эта здравица Учредительному Собранию отличалась от знаменитого в истории Иудиного поцелуя, этого вечного образца нравственной фальши и лицемерия?

Вы хорошо знаете, Владимир Ильич, какая организация произвела в Петрограде переворот в ночь с 24 на 25 октября. Это был Ваш Военно-Революционный Комитет г. Петрограда. И в самый день 24 октября эта организация заявила во всеуслышание, заявила не правительству - нет, а всему народу: вопреки всяким слухам и толкам Военно-Революционный Комитет заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготавливать и осуществлять захват власти. Скажите, Владимир Ильич, эта публичная ложь, этот заведомый обман народа - чем он отличается от иезуитского - "ложь во спасение"?

Скажите, Владимир Ильич, у Вас не выступает краска стыда на лице, когда Вы теперь вспоминаете, до чего изолгаться приходилось всем Вашим органам, говоря об Учредительном Собрании? От имени Областного Петроградского съезда - первого крестьянского съезда, на котором Вы овладели большинством - 13 октября 1917 г. Вы опубликовали радио, где утверждение, будто съезд Советов сорвет Учредительное собрание, Вы торжественно называли клеветой. Овладев властью, от имени Петроградского Совета в радио от 25 октября 1917 г. Вы обещали "скорейший созыв подлинно демократического Учредительного Собрания". Тогда же от Военно-Революционного Комитета всем армейским комитетам было разослано... * о программе новой власти с "честным созывом Учредительного собрания". Тогда от имени II съезда Советов было обещано, что новая власть "обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания".

И Вы сами, лично Вы, Владимир Ильич, Вы торжественно и всенародно обещались не только созвать Учредительное Собрание, но и признать его той властью, от которой в последней инстанции зависит решение всех основных вопросов. Вы в своем докладе по "декрету о мире" заявили дословно следующее: "Мы рассмотрим всякие условия мира, всякие предложения. Рассмотрим - это не значит еще, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властью решать, что можно и что нельзя уступать."

Вы и в заключительном слове своем по тому же вопросу повторили: "Мы не связываем себя договорами. Мы все предложения о мире внесем на заключение Учредительного Собрания."

В своем докладе по "декрету о земле" Вы опять-таки говорили текстуально и дословно следующее: "как демократическое правительство мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ними не были согласны. И, если даже крестьяне пойдут и дальше за С [оциалистами] -Р [еволюционера]ми, и, если они этой партии

* Пропуск в тексте.

дадут в Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем: "пусть так". Вы и в самом "декрете о земле", говоря о земельных преобразованиях, поставили эти же, ныне обличающие Вас слова: "впредь до окончательного их решения Учредит[ельным] Соб[ранием]".

От Вас не отставали и другие Ваши товарищи, уверявшие весь народ в признании ими высшего авторитета Учредительного Собрания. Так, например, в своем обращении к стране 29 октября 1917 года Народный комиссар по просвещению А.Луначарский столь же торжественно и столь же лживо дал народу заверение: "окончательный порядок государственного руководства просвещением будет, разумеется, установлен Учредительным Собранием."

Мне известно, Владимир Ильич, что впоследствии Вы не раз пытались ссылкою на целый ряд Ваших статей и речей показать, насколько разгон Вами Учредительного Собрания был подготовлен Вашей предыдущей литературной пропагандой. О, да, лично я, как и все, внимательно следившие за Вашими писаниями, этому акту удивиться не мог - напротив, вправе был ожидать его. Вот почему в то самое время, как Вы и Ваши товарищи давали пред лицом всей страны торжественные обещания уважать волю Учредительного Собрания как последней и решающей властной инстанции - мы Вам не верили. Мы были убеждены, что противоречие между Вашими всснародными обещаниями и Вашей собственной предыдущей деятельностью есть лишь доказательство Вашего двуязычия.

Николай II присягал на верность Финляндской Конституции - и нарушил собственную присягу.

За это мы и Вы согласно объявили его избобличенным клятвopеступником. Вы тоже дали, так сказать, свою гражданскую советскую присягу - торжественное обещание подчиниться воле Учредительного Собрания.

После его разгона Вы стали в положение избобличенного лжеца, обманными обещаниями у к р а в ш е г о народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, с в о и

о б е щ а н и я . В ы с а м и л и ш и л и с е б я
п о л и т и ч е с к о й ч е с т и .

Но этого мало. В тот самый день, когда собиралось Учредительное Собрание, - 5 января 1918 года - Вы дали во все газеты сообщение о том, что Совет Народных Комиссаров признал возможным допустить мирную манифестацию в честь Учредительного Собрания на улицах Петрограда. После такого сообщения расстрел мирных демонстрантов я вправе заклеить именем изменнического и п р е д а т е л ь с к о г о , а самое сообщение - величайшей п о л и т и ч е с к о й п р о в о к а ц и е й . Это предательство, эта провокация должна жечь Вам руки. Ничем, никогда Вы ее не смосте, потому что убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью, и эта ужасная смесь несмываема.

Ваша власть взошла, как на дрожжах, на явно обдуманном и злостном обмане.

Я доказал это документально. Отпереться от собственных слов Вы не можете. Написанного пером не вырубить топором. Но когда власть в самом происхождении своем основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготест над ней до конца.

Ваш коммунистический режим есть ложь - он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные каторжные работы внизу. Ваша "советская власть" есть сплошь ложь - плохо прикрытый произвол одной партии, издевающейся над всякими выборами и обращающей их в непристойную комедию. Ваша пресса развращена до мозга костей возможностью лгать и клеветать, потому, что всем остальным зажат рот и можно не бояться никаких опровержений. Ваши комиссары развращены до мозга костей своим всевластием и бесконтрольностью. При таких условиях не кричите о "примазавшихся". Сходное притягивается сходным. Моральное вырождение личного состава коммунистической партии - это логическое последствие того метода, которым добывали ей власть и упрочивали ее. А если это вырождение, это развращение доходит до "последней" черты в практике Ваших Чрезвычайных Комиссий, дополняющих мучительство и издевательство, воскрешающих Азефовщину, насаждающих предательство и

провокацию, не брезгающих и не боящихся ни крови, ни грязи, - то вспомните, что той же смесью крови и грязи, обмана и предательства, измены и провокации было запечатлено самое пришествие Вашей власти в роковые дни, увенчанные 5-ым января 1918 г.

9 января - в траурную годовщину расстрела петроградских рабочих Николаем II были погребены Ваши первые жертвы из рядов таких же мирных, невооруженных рабочих-манифестантов. Они похоронены там же, где похоронены жертвы 5-го января 1905 года.

Русские рабочие не забудут этого траура. В дни 5-го и 9-го января - по новому стилю 18 и 22 января - они будут чувствовать скорбную память своих собратьев по классу, невинных жертв старого и нового деспотизма. И это печальное чувство будет худшим наказанием виновников.

В этот день, Владимир Ильич, яснее, чем когда-либо, будут представлять себе рабочие Вашу внутреннюю сущность, Ваш истинный моральный облик "Торквемады", переплетенного с Нечаевым, этим Распутиным русской революции, - "полуфанатиков - полуплутов", разрешающих себе по совести переступать через все грани совести и открывающих этим глубочайшие бездны политического изуитизма, в которые когда бы то ни было падал человек и революционный деятель. Но какими бы софизмами Вы и Ваши ближайшие не оправдывали Ваших ... * спусками в эти бездны, и какими бы лаврами не увенчивали Вас за них Ваши восторженные поклонники - траурные дни 5-го и 9-го января, я верю, не оставят непоколебленными Вашего душевного равновесия. В эти дни рабочая кровь будет жечь Вам руки, в эти дни воспоминания о многократной публичной лжи перед народом будут вызывать на Ваше лицо краску стыда. Это будет Вашей моральной казнью.

Виктор Чернов

* Пропуск в тексте,

В.Н. Сажин

НЕУДАВШИЙСЯ ПРОРЫВ НЕМОТЫ

(о невышедшем номере

"Литературной газеты" 1921 года)

20 июня 1922 года в дар от М.Л.Лозинского в Российскую Публичную библиотеку поступил корректурный экземпляр "Литературной газеты" ¹. До начала 80-х годов он безвестно простоял на полке в книжном фонде, пока, будучи случайно обнаруженным, не переместился в Отдел рукописей, где в качестве уникального экземпляра невышедшей в свет газеты, хранится ныне ². О подготовке газеты к изданию и о запрещении ее были известия в печати ³. О перипетиях этого события кратко сообщал в своих воспоминаниях Ю.Анненков: "Не зависящими от редакции обстоятельствами явилось постановление ЦК партии, нашедшего содержание первого номера и личный состав редакции "Литературной газеты" не отвечающими требованиям политического момента" ⁴. По свидетельству В.Ходасевича, газета была конфискована "еще в типографии по распоряжению Зиновьева" ⁵. Кроме приведенных, нам неизвестны более детальные сведения о попытке создания в 1921 г. "Литературной газеты". Между тем этот сюжет требует обогащения его новыми данными, поскольку он должен быть органично включен в историю печати послереволюционной России и в историю советской цензуры.

1. Сведениями об этом я обязан П.Л.Вахтиной, которой приношу искреннюю признательность.

2. Ф. 1000, оп. 4, № 31.

3. Дом Искусств.-1921.-№2.-С. 122.

4. Литературная учеба.-1989.-№5.- С. 115-116.

5. Ходасевич В. Некрополь. Paris, 1976. С. 133; см. также: Ходасевич В. Мелочи // Возрождение. - 1927, - 7 сент. Ходасевич раскрывает принадлежность ему заглавной (неподписанной) статьи газеты.

За неимением пока таких данных ограничиваемся постатейным описанием состава "Литературной газеты".

Формат газеты: 450x310 мм. Имеются многочисленные пометы простым, синим и красным карандашом и красными чернилами (в обоих последних случаях не цензорскими, т.к. пометы носят явно корректорский характер).

В заглавии: "Литературная Газета", издаваемая Правлением Всероссийского Союза Писателей, 1921, май, №1, Петербург.

В конце текста газеты повторено наименование издателя (только вместо Правления назван Отдел) и указана редколлегия: А.Волынский, Е.Замятин, Ал.Тихонов, К.Чуковский.

Общий объем - 16 страниц.

Состав газеты следующий:

1. *Ходасевич*. Памяти предка. Историческая справка (с. 1). Рассказ об издании и выходе 1 января 1830 года первого номера "Литературной газеты". Этот исторический сюжет предваряется следующим текстом: "В апреле 1825 года сосланный в Михайловское Пушкин писал А.А.Бестужеву: "О нашей лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе: "Son silence est un calamité publique" (Его молчание - общественное бедствие).

Слова эти можно повторить и обо всей независимой русской литературе: в непроглядной тьме варварства, произвола, насилия, хамства лишь ее голос всегда звучал путеводным зовом. Но слишком часто бывало так, что черная сила наваливалась, душила, давила: сперва слышался только храп, потом затихал и он. И молчание становилось общественным бедствием.

И обратно: это молчание свидетельствовало об общественном бедствии еще большего охвата. Вот закон истории, подобный законам физики: "Молчание литературы всегда отмечает в России эпоху глубоко реакционную".

2. *Евг.Замятин*. Пора (с.2)

Статья продолжает по смыслу предыдущую, являясь как бы мотивировкой появления в настоящее время "Литературной газеты". Говоря о 90% беспартийной России, шедшей до сих пор

не в ногу с правящими 10%, Замятин напоминает по аналогии с этим о шагавшем не в ногу купринском прапорщике: "Теперь прапорщик начинает приспособлять свой шаг к роте. Беспартийные признаны имеющими не только обязанности, но и права. И пора сделать следующий логический шаг: дать девяноста процентам право говорить вслух все то, что они думают, и право читать все, что они захотят, а не только то, что выберет губернёр" 6.

3. А.С. (в оглавлении напечатано: А.Б.). В.Г.Короленко в период революции (по его письмам) (с. 2-3).

Отрывки из писем Короленко из Полтавы в Петербург за период с 14 февраля 1917 по 22 февраля 1919 г.

4. Александр Блок. "Без божества, без вдохновенья" (Цех акмеистов). (Напечатано подвалом на с. 3-7).

Известная статья, написанная специально для этого издания. В собраниях сочинений воспроизводится по черновому автографу, вследствие отсутствия беловика. Надо полагать, что прижизненная публикация статьи в "Литературной газете" готовилась под наблюдением Блока и печаталась с белого автографа, чем и объясняются имеющиеся разночтения с текстом, признававшимся до сих пор каноническим. Настоящий текст, вероятно, должен быть принят за основной.

5. К. Чуковский. Кисяз (с. 3-5).

Загадочное заглавие расшифровывается как "Комиссия по Изучению Современного языка". Чуковский призывает не ругать чудовищные новообразования в языке ("И даже эти склеенные неживые слова, вроде ф а б к о м и в н е ш т о р г, в которых мы привыкаем ощущать бесплодный канцелярский онанизм, мертвую бюрократическую выдумку, что если и их оправдает история, как неизбежное зло на пути к урбанизации захолустного русского слова?"); но и не создавать новой

6. Опул. В.Акимовым в газете "Ленинградский литератор", 1989, №4, 22 декабря.

комиссии, а просто записывать новые слова и сообщать ему по адресу: Моховая, 36 (редакция "Литературной газеты").

6. *Б.Козмин*. Неизданная страница Пушкина (с. 5-6)

Публикация статьи "В зрелой словесности приходит время..."

7. *Б.Пильняк*. "Съезд". Отрывок из повести "Иван-да-Марья". С датой 1921 г. (с.7-8).

Сцена уездного съезда Советов.

8. *И.Одоевцева*. Толченное стекло. Баллада ("Солдат пришел к себе домой...") (с. 9-10).

9. *В.Зоргенфрей*. Над Невой ("Еще скрежетет старый мир...") (с. 10).

10. Без подписи. Петербургский отдел Всероссийского Союза Писателей (с. 8-9; газета неверно сверстана, я указываю нумерацию страниц, располагая при этом материалы так, как они должны были следовать по указанию корректорской правки).

Информация о деятельности отдела, созданного 4 июля 1920 г., и об истории попыток издания своего печатного органа. Из этого материала следует, что "Литературная газета" должна была быть "двухнедельником".

11. Коллективное письмо Правления Петербургского отдела Всероссийского профессионального Союза Писателей в редакцию газеты "Последние новости" (Париж) (с. 10).

Это ответ на "Открытое письмо товарищам по Союзу писателей" Петра Рысса в № 303 "Последних новостей". Опровергается подспудно звучавшее у П.Рысса мнение, что "Союз русских писателей" отступил от традиционной для него "борьбы за свободу духа": "... традиция не только признания, но и защиты свободы печати охраняется нами в тяжелых, мало благоприятствующих этой защите, условиях нашего быта".

12. *Н.И.* Из Москвы. С датой: 24 апреля 1921г. (с. 11-12).

Информация о книжных новинках, лейтмотивом которой является "убыль значительных литературных сил, художественных, критических, историко-литературных".

13. *В.Водовозов*. Книжная выставка в Академии Наук (с. 12-13).

Информация о выставке новых иностранных книг (преимущественно немецких).

14. *А.Г. (А.Г.Горнфельд)*. Роза Люксембург о В.Г.Короленко (с. 13-14).

Рецензия на немецкое издание "Истории моего современника" в переводе и с предисловием Р.Люксембург.

15. Хроника: в России (Петербург, Москва), за границей (эмиграция, Англия, Бельгия и т.д.) (с. 14-15).

В хронике из Петербурга, среди других, следующая заметка: "В дни кронштадтского восстания были арестованы следующие литераторы: А.В.Амфитеатов, В.Я.Ирецкий, Г.В.Иванов, Вс.Рождественский, А.А.Гизетти, Н.А.Рожков, С.В.Познер, И.Мандельштам, И.В.Амфитеатрова. Правлением Союза Писателей были избраны А.А.Блок, А.Л.Вольнский Н.М.Волковьский для переговоров с соответствующими учреждениями об освобождении упомянутых лиц. В начале апреля все были освобождены, за исключением Рожкова и Гизетти. Особенно тяжело положение Гизетти, за несколько дней до ареста сломавшего себе руку".

16. Библиография. Рецензия И.Груздева на книги М.Гершензона "Видение поэта" (1920) и "Мудрость Пушкина" (1919)⁷; рецензии: без подписи на "Прошкино горе" М.Сивачева (1920); Н.Л. (Н.О.Лернера) на книгу Н.Андреева "Древняя Греция" (1920) (с. 16).

17. Письмо в редакцию Р.В.Иванова-Разумника (с. 16). С датой: апрель 1921 г.

7. Рецензия опубл.: Дом Искусств.-1921.-№2.-С. 105-107.

Письмо посвящено появившимся в марте в московских газетах сообщениям о подаче им заявления о желании вступить в РКП(б):

"Ни заявления, ни желания такого у меня не было, нет и не будет"⁸.

Этот заключительный аккорд акцентировал всю тональность газеты, которую нельзя было не услышать: у интеллигенции, приверженной духу свободы, духу сохранения культуры, желания сотрудничать с правящей партией не было, нет и не будет.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ 1920-Х ГОДОВ: МАШИНОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ "ГЕРМЕС"

I.

Мемуарные заметки Б.В. Горнунга

Публикация М.О.Чудаковой и А.Б.Устинова. Вступительная статья М.О.Чудаковой. Примечания А.Б.Устинова

В октябре 1975 года, когда мы с соавтором готовили статью о предпринятой в среде МЛК попытке перевода "Курса общей лингвистики" Ф.де Соссюра (Федоровские чтения. 1978. М., 1981 ; сама эта статья была отроском от комментария к ПИЛК) и вскоре уяснили себе, что в отечественных пределах живет и здравствует лишь один из участников МЛК - Борис

8. Письмо опубликовано: Вестник литературы. - 1921. - № 4-5 (28-29). - С. 17. Концовка цит. фразы здесь: "не было и нет". Однако в тексте "Литературной газеты" имеется следующее предупреждение: "Настоящее письмо было отправлено мною одновременно в редакцию "Литературной газеты" и "Вестника литературы". Но редакция последнего, печатая его, произвела без моего ведома изменения в тексте письма, которое я поэтому не считаю написанным мною".

Владимирович Горнунг, я стала искать с ним встречи. В первом же телефонном разговоре 17 октября 1975 года мы договорились встретиться в тот же день. Бодрый и улыбчивый, он охотно и с подробностями стал рассказывать о самом активном, по-видимому, периоде своей жизни - 1922-1924 гг. Б.В. сразу же сообщил важные сведения по обоим преимущественно интересовавшим меня в то время темам - история МЛК и первые московские годы М.А.Булгакова.

От него первого, по-видимому, я узнала о машинописном журнале "Гермес" и о комплекте всех трех номеров, сохраненном В.М.Жирмунским, о том, что один комплект Б.В. лично передал Г.П.Георгиевскому, заведовавшему в то время Отделом рукописей ГБЛ¹. << Когда потом, в 1930 году я спрашивал его об этом, - он отвечал : "Не помню..." В начале 30-х появился хозрасчет, спецсредства, и Невский (тогдашний директор ГБЛ - М.Ч.) стал спрашивать сотрудников, что бы издать - и получить спецсредства. Тогда Георгиевский сказал : "У меня есть..." У него хранилось незаинвентаризованным музыкальное наследие Скрябина... >> Б.В. сообщил, среди прочего, что рукопись доклада Б.В.Томашевского "Пятистопный ямб Пушкина" (1919) - я упомянула о ней как о единственной ранней в приобретенном ГБЛ архиве Томашевского, в котором сохранились только поздние творческие материалы, - была частью архива МЛК, и Б.В. лично отдал ее Д.Михальчи, "а тот, значит, передал ее И.Н.Медведевой..."

"В 1927 году, - рассказал Б.В., - меня не раз вызывали в ГПУ, расспрашивали о деятельности другого кружка - "Зеленая лампа". Повествуя об этом эпизоде, он с настойчивостью, казавшейся избыточной, подчеркивал, что допрашивающие уже располагали большим запасом сведений о членах кружка. "Я спросил как-то, откуда они это знают, а мне ответили : "Мало ли откуда мы что знаем!"

1. См. о нем : Довгалло Г.И. Из истории Отдела рукописей по материалам архива Г.П.Георгиевского // Записки Отдела рукописей [ГБЛ] - М., 1986.- Вып. 45 ; ТМ-88.- С. 27-29.

Б.В. подробно рассказывал о круге участников тогда мне мало известной московской "Зеленой лампы" (продолжавшей царскосельскую "Зеленую лампу", возрожденную в 1919 г. в Омске Г.В.Масловым)², о чтении Ю.Н.Потехиным "погибшего впоследствии цикла рассказов "Московские ночи" - второй раз Потехин читал этот цикл летом 1924 г. у А.Толстого в Покровском-Стрешневе...", говорил о дореволюционных альманахах - "Альционе", "Зеленом сборнике" ("братья Менжинские издавали его в своем имении Отрадное") и о периоде "промежутка" (Тынянов), когда распались одни кружки и тут же образовывались другие, чтобы вскоре распастся в свою очередь. "Весной 1923 года произошел раскол в Московском Цехе поэтов - рассорились с Городецким. Арсений Альвинг организовал кружок "Кифара" (по Анненскому), просуществовал он несколько месяцев. Второй кружок образовали П.Н. Зайцев, Николай Федорович Бернер, А.И.Ромм и Л.В.Горнунг. Там читал Булгаков свою повесть "Собачье сердце" - в конце 1924-го или начале 1925-го...". Это был кружок поэтов, образовавший впоследствии издательство "Узел" (Л.В.Горнунг рассказывал нам о нем подробно в сентябре 1981 г.³, называя ряд других имен). Все эти литературные кружки быстро привлекали внимание ГПУ и чахли еще и под давлением этого обстоятельства ; московская литературная среда, едва собравшись после рассеяния 1918-1920 гг., вновь рассыпалась ; вместо небольших объединений, связанных чисто литературными интересами, формировались большие группы, нацеленные на борьбу, на подавление противника ("Кузница" и др.). Из частных домов литературное общение переносилось в публичные здания (Всероссийского Союза писателей и т.п.).

2. Эти свидетельства приведены в кн. : Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова.- Изд. 2-е.-М., 1989.- С.219-220.

3. Чудакова М. Указ. соч.-С.288-289 ; см. также фрагменты из воспоминаний П.Н.Зайцева (там же, с.289-296) и материалы об "Узле" в составе статьи : Никольская Т.Л. Творчество С.Я.Парнок // Neue Russische Literatur.- Almanach 2-3:Salzburg, 1979-1980.- С.212-213.

Научные кружки также распались. "МЛК раскололся *фактически* к лету 1922 года - идейно, - рассказывал Б.В. - Но формально перегрызлись из-за издательских дел. Н.К.Пиксанов заведовал в ГИЗе редакционным советом - он хотел открыть серию лингвистических работ. А мы начинали уже серии, подсерии - и все провалилось... Мы, ученики Шпета, настаивали, чтобы он вошел в редколлегию, а другие были против" (подробнее об этом рассказано - по материалам архива МЛК - в указ. статье о неосуществленном переводе Ф.де Соссюра).

От Б.В.Горнунга я узнала, что он в 1972 году передал архив МЛК в Институт русского языка; он же и посоветовал обратиться к ведавшему рукописным отделом Института С.И.Коткову. Местонахождение этого архива за несколько лет не только нигде не было объявлено, но, как оказалось, тщательно скрывалось. Разъяснения, которые я услышала от С.И.Коткова, я тогда же вкратце зафиксировала - читатель увидит, что излагать их своими словами было бы затруднительно: "Ссылки на этот архив давать нельзя : ведь если Jakobson узнает, что архив у нас, он захочет посмотреть. И при нынешнем положении... контактах... будет трудно отказать (на дворе была т.н. разрядка, или детант - само слово теперь почти забыто - М.Ч.). А ведь тут все дело в *освещении*. Вы понимаете? Мы сами сейчас это *специально не печатаем* - вот когда *они* что-нибудь напечатают, мы используем эти материалы для полемики". Добавлю, что архив (к которому с момента его поступления до меня, кажется, не прикасалась рука человеческая) был в очень хорошем состоянии: Б.В.Горнунг сохранял протоколы заседаний МЛК и отчеты о деятельности кружка.

Разумеется, печатая нашу статью (в 1981 году), мы указали местонахождение архива. Впрочем, тремя годами раньше это сделал Л.С.Флейшман - в работе "Томашевский и Московский лингвистический кружок" (Труды по знаковым системам. IX. Тарту, 1977), где были опубликованы некоторые документы МЛК - без имени публикатора, к тому времени эмигрировавшего. Заметим, что нашу статью не удавалось напечатать в тече-

ние пяти лет - публикации по истории науки 1920-х годов, написанные в академическом ключе (да еще "объективистски"), с трудом находили отечественного издателя ⁴.

Наши беседы возбуждали память Б.В., по привычке архивиста я уговаривала его писать о том, о чем он мне рассказывал; он любезно пообещал в первую очередь составить для меня роспись "Гермеса". 7 сентября 1976 года, в первый же день моего появления после летнего отпуска на службе в Отделе рукописей ГБЛ, Б.В. пришел и не без торжественности вручил мне рукопись. Состоящая из нескольких тетрадных листочков, она имела титульный лист с собственноручным же заголовком: "Журнал "Гермес". № 1-4 (1922-1924)" и представляла собой мемуарную записку о журнале; большую часть ее составлял указатель содержания. Особенную ценность представляла роспись первой части "не вышедшего в свет" 4-го номера - с соответствующими пояснениями Б.В. о конце журнала.

Вручив рукопись и подчеркнув, что он дарит мне ее - "для личного пользования", Б.В. в обмен попросил № 1 "Вопросов литературы" за 1976 год с моей статьей о творческой истории "Мастера и Маргариты", который тут же и был ему подарен. Прощаясь, Б.В. повторил свое обещание написать, "лично для вас", воспоминания о Михаиле Кузмине.

Спустя месяц, 7 октября, я узнала, что 2 октября его не стало.

Месяца через полтора мне позвонила его вдова (мы не были знакомы) и сказала, что незадолго до смерти Б.В. написал воспоминания о Кузмине, которые, как ей известно, предназна-

4. Пользуемся случаем восстановить текст, выброшенный "на всякий случай" нашим издательством (редактором издательства "Наука"). На с.240 вместо знака купюры в тексте опубликованных нами заметок А.И.Ромма должно следовать: "Разве не из работ Маркса и Ленина вычитывают теперь ответы на теории, возникающие после их смерти? И разве не сопоставлением их занимается Сталин и всякий другой большой работник? И разве сочинения Маркса и Ленина уже не требуют комментария, ибо обстановка, породившая их, ушла в историю?"

чались мне. Вскоре она, выполняя эту волю покойного, передала их мне.

Это была светло-зеленая школьная тетрадка московской фирмы "Восход" с "законами пионеров Советского Союза" на задней обложке. На первом листе обложки крупно, "печатными" буквами, чуть дрожащим почерком было выведено имя автора и заголовок.

Тетрадь пролежала в моем архиве 13 с лишним лет. Статья Г.Левинтона и А.Устинова (печатаемая далее) заставила обратиться и к мемуарам Б.В., и к его росписи "Гермеса". Указатель содержания вышедших номеров было решено (совместно с авторами статьи и редактором данного тома) сделать заново *de visu*, указатель 4-го номера дать по записи Б.В.Горнунга.

Ту часть мемуарной записки, которая предшествует собственно росписи, мы печатаем (несколько изменив заголовок) вслед за воспоминаниями о Кузmine. Из этой записки в подстрочные примечания составителей к росписи введены (с соответствующей пометой) пояснения Б.В.Горнунга к некоторым статьям и разделам журнала. Исправления описок мемуариста, как правило, не оговариваются. Сохранены некоторые особенности его написаний. Звездочки отсылают к подстрочным примечаниям автора, цифры - к затекстовым примечаниям комментатора.

Б. Горнунг

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МИХ. АЛ. КУЗМИНЕ

До сих пор единственным *опубликованным* документом, касающимся *биографии* М.А.Кузмина, остается статья его родственника Евг. Зноско-Боровского (в свое время известного шахматиста, отчасти и литератора), человека Кузмину очень близкого * (Судьба Зноско-Боровского после революции мне

* Журнал "Аполлон".-1917.- №4-5, апрель - май.- С. 25-44.

неизвестна, но я его не только никогда не видал, но и не слышал о том, чтобы он находился в окружении Кузмина).

Кроме этой статьи можно указать еще статью Г.Г.Шмакова во втором "Блоковском сборнике" * и с приложением 10-ти писем Блока к Кузмину (статью, касающуюся преимущественно *литературных* взаимоотношений обоих поэтов), да мимолетные упоминания в воспоминаниях В.П.Веригиной, связанные с постановкою Мейерхольдом "Балаганчика" Блока, к которому Кузмин написал музыку (изданную в "Лирических драмах" Блока, но не перепечатанную в его "Театре"). Более подробно о Кузмине я читал в рукописных воспоминаниях первой жены Вл.Ходасевича (сестры Г.И.Чулкова), но где находятся эти воспоминания - в каком-либо хранилище или в частных руках - я не знаю. Наконец, подробно *о личности* М.А.Кузмина <говорится> в заграничном издании Марины Цветаевой 1953 г., но там она касается своей *единственной* встречи с Кузминым в конце 1916 года в Петрограде (в очерке "Нездешний вечер") с приведением дальше нескольких писем М.А.Кузмина к ней начала 1920-х годов и одного стихотворения:

Вы так близки мне, так родны,
Что будто бы и не любимы.
Должно быть, также холодны
В раю - друг к другу - серафимы.
И вольно я вздыхаю вновь.
Я детски верю в совершенство.
Быть может, это не любовь,
Но так похоже на блаженство.

Во время моей единственной встречи с Мар.Цветаевой после ее возвращения в СССР (в 1939 году) разговор касался и М.А.Кузмина, но я (как это будет ясно из дальнейшего) почти

* Таргу, 1972.- С. 341-364.

ничего не мог сообщить о последних годах его жизни кроме того, что слышал от других - о полном поглощении его религиозными (притом ортодоксально-православными, но без изуверства, характеризующего последние дни жизни Гоголя) настроениями. Те, кто говорил мне об этом, все сравнивали М.А.Кузмина со старцем Зосимою из "Братьев Карамазовых".

Мое личное общение с М.А.Кузминым было настолько кратковременным, что, казалось бы, у меня нет никаких оснований вспоминать о нем. Но при этой кратковременности оно было настолько "интенсивным", что мои заметки могут не только дополнить Зноско-Боровского (ограниченного дореволюционным периодом), но даже и кое в чем корректировать его, поскольку М.А. не раз делился со мною воспоминаниями о своем прошлом.

Я познакомился с М.А.Кузминым в последних числах июля 1923 года¹, когда я провел свой двухнедельный отпуск в Петрограде*. Я пришел к нему с рекомендательными письмами от А.А.Альвинга (издателя альманахов "Жатва") и его племянника С.А.Ауслендера², которых хорошо знал еще раньше. В первый раз беседа была недолгой, он был один, и я оставил ему два вышедших и один подготовленный, но еще не сброшюванный номера нашего московского машинописного (выходившего в 12-ти экземплярах) журнала "Гермес". О нем М.А. уже слышал, но не видал еще ни одного номера. Оставил ему также десятка полтора собственных стихотворений.

После этого я виделся с М.А.Кузминым в Петрограде, у него, пять или шесть раз - до дня своего отъезда в Москву (11

* В эти же две недели я познакомился с М.Л.Лозинским, О.Э.Мандельштамом, А.А.Ахматовой, О.А.Судейкиной, Н.Н.Пуниным, Ю.Н.Тыняновым, Ю.Н.Верховским, А.Н.Толстым, В.И.Кривичем-Анненским и др. петроградскими литераторами. Знакомство происходило гл. обр. через Б.В.Томашевского и потом через М.Л.Лозинского.

или 12 августа 1923 г.). В день же моего отъезда он и живший вместе с ним Юр.Юркун пригласили меня днем в ресторан "Доминик", а затем оба они провожали меня на вокзал, куда мы приехали заблаговременно и с час еще сидели в вокзальном ресторане.

Всего мои беседы с ним за 12-13 дней (иногда с участием Ю.Н.Верховского, Ор.Тизенгаузена или Анны Радловой) заняли, наверное, 20-25 часов. Один раз мы с ним и Ю.Н.Верховским ездили в Царское Село к В.И.Кривичу (сыну Иннок. Анненского), где застали А.Н.Толстого. Разговор Кузмина с Толстым был очень интересен, но, к сожалению, содержание его сейчас мне не вспоминается (помню только, что затрагивалась позиция журнала "Абракас" в сравнении с нашим "Гермесом" и что Толстой ругал позиции обоих журналов, несмотря на их огромное различие).

Тематикой наших разговоров с М.А.Кузминым у него дома было обсуждение журнала "Гермес" и моих стихотворений, не вошедших в него, которые М.А. беспощадно разругал. Общую же платформу "Гермеса" он полностью одобрил, в частности, считая, что позиции "неоклассицизма" и "акмеизма" вполне совместимы с высокою оценкою Иенского (но не позднейшего) романтизма. В моих же стихах он видел влияние Хлебникова и Пастернака и считал, что они противоречат тому, что я пишу в своих статьях в "Гермесе". Я же, со своей стороны, резко нападаю (особенно в присутствии Радловой и Тизенгаузена) на их "Абракас" и "теорию эмоционализма" также считая, что стихи самого Кузмина (от "Сетей" до "Нездешних вечеров") полностью противоречат этой теории. Говорили также о театре - гл. обр. о Моск. Камерном, о расхождении последнего с Мейерхольдом этих лет, об отходе или "неотходе" Мейерхольда от его журнала "Любовь к трем апельсинам", о студии Вахтангова. Один - два раза М.А. играл по моей просьбе на рояле из "Курантов любви"* (романсов не играл и не пел - см. ниже). Он читал также свои стихи из сборника "Параболы",

* Музыка была не его собственная, а Анат. Александрова³.

только что вышедшего тогда в Берлине (у самого М.А. был только один экземпляр)⁴. Одно стихотворение оттуда он дал в №4 нашего "Гермеса", собственноручно переписав его (автограф хранится у меня).

Вот это необычное для Кузмина (хотя м. б. и близкое в чем-то уже "гностическим" стихам в "Нездешних вечерах") < стихотворение >. (Мы включили его в №4 "Гермеса", хотя дух его был нам довольно чужд):

Зеркальным золотом вращаясь
в пересечении лучей,
(Лицо, лицо, лицо...)

стоит за царскими воротами
невыносимый и ничей.

В осиной талии Сиама
искривленно качнулся Крит.
(Лицо, лицо, лицо...)

В сети сферических сияний
неугасаемо горит.

Если закрыть лицо покрывалом плотным,
прожжется тем же ликом.
Заточить в горницу без дверей и окон,
с вращающимся потолком и черным ладаном,
в тайную и страшную молельню,-
вылезет лицо наружу плесенью,
обугленным и священным знаком.
Со дна моря поднимется невиданной водорослью,
из могилы прорастет анемонами,
лиловым, томным огнем
замреет с бездонных болот.

Турин, Турин,
Блаженный город,
в куске полотна

химическое богословие хранящий,
радуйся ныне и присно.

Турманом голубь "Турин!" кричит,
потоком По - река посреди кипит,
солдатская стоянка окаменела навек,
Я - город и стены, жив человек,
из ризницы тесной хитон несусь,
самого Господа Господом спасу.

Не потопишь,
Не зароешь,
Не запрешь.
Не сожжешь,
Не вырубешь,
Не вымолишь
Своего лица,
бедный царек
как сам изрек.

В бездумные, легкие птичьи дни - выступало,
Когда воли смертельной загорались огни - выступало,
Когда голы мы были, как осенние пни, - выступало,
Когда жалкая воля шептала "Распни!" - выступало.

Отчалил золотой апрель
На чайных парусах чудесных, -
дух травяной, ветровый хмель,
расплавы янтарей небесных,
Ручьи рокоцут веселей,
И сердце бьется и боится -
Все чище, девственной, белей
таинственная плащаница.

Открываю руки,
открываю сердце,
задерживаю дыхание,
глаза перемещаю в грудь,
способность двигаться - в уши,
желанье - в голову,
слух - в ноги,
пугаю небо,
жду чуда,
не дышу...
Еще, еще!..

Кровь запела густо и внятно:
"Увидишь опять вещие пятна".

(Стихотворение помечено "Апрель 1923")⁵.

Нас (в "Гермесе") этот поворот в поэтическом мировоззрении Кузмина очень огорчил, тем более что в разговорах со мною в Петрограде М.А., сообщив мне, что он в последние годы много занимался гностической литературой (читая ее в греческих подлинниках и в переводах с коптского), во-первых, отозвался насмешливо-скептически об "Эстетических фрагментах" Г.Г.Шпета (которые он уже знал), тогда как для нас (при общем нашем несогласии с о т д е л ь н ы м и частными суждениями Шпета о литературных явлениях) <они> были, в своей общетеоретической части, как бы руководящими; во-вторых, М.А.Кузмин решительно не согласился с моим (но общим для всех нас) категорическим осуждением книг Л.П.Карсавина "Saligia" и "Noctes Petropolitanae", изданных им в СССР перед высылкой его за границу, бывших для <М.А.?> "притчею во языцех". Но наше огорчение скоро прошло, когда в последующих двух сборниках ("Новый Гуль" и "Форель

разбивает лед”) мы узнали *прежнего* Кузмина (ср. рецензию Н.В.Волькенау в №4 “Гермеса”).

Около 20 мая 1924 года М.А.Кузмин приехал в Москву⁶ и жил у С.А.Ауслендера не меньше двух недель. У меня, только что демобилизовавшегося из армии и еще не начавшего работать в ГАХН, почти все дни с утра до вечера были свободны, и я виделся с М.А. каждый день по 4-6 часов, ездил с ним по Москве (где он не бывал с 1912 - 13 гг., за исключением мимолетного приезда с Гумилевым для выступления в Б.Аудитории Политехнич. Музея *)⁷ и три раза в подмосковные места: в Троице-Серг. Лавру, в Саввино-Сторожевский монастырь около Звенигорода и в Дубровицы около Подольска (о церкви которых 1690-х годов, более похожей на католическую, чем на православную - со статуями вокруг нее - я ему рассказывал). Все эти поездки мы совершали вдвоем и вели бесконечные разговоры, и только в Дубровицы с нами ездил и С.А.Ауслендер.

В первую же субботу пребывания М.А.Кузмина в Москве (кажется, 24 мая) кружок “Зеленая лампа”⁸ устроил “банкет-чествование” в квартире С.А.Ауслендера (в маленьком деревянном домике, стоявшем на той территории, где теперь станция метро “Краснопресненская”⁹). Присутствовали все тогдашние члены кружка, кроме М.А.Булгакова и Ю.Н.Потехина (причины их отсутствия не помню) * *

* Я не могу простить себе, что был на этом выступлении, дав затаять себя на “Литер. суд над имажинистами” в Б. зале Консерватории, и так и не видел Гумилева, как не видел и Блока, хотя он в мае 1921 г. выступал в Москве, в “Доме Печати”.

* * Точно помню, что присутствовали (кроме самого М.А. и Ауслендера и его сестры) Юр. Слезкин, Викт. Мозалевский, Н.Я.Шестаков, А.И.Венедиктов, Б.П.Денике, Е.И.Шамурин, Е.А.Галати, М.А.Косвен, Е. и Л.Кирияковы, Н.В.Волькенау и я. А.Н.Толстой членом кружка не считался, хотя часто бывал в нем. На этот раз он не пришел, кажется, у них еще до революции были натянутые отношения.

Кузмин сам читал свои последние стихи (но не играл, так как рояля в квартире не было). Читались (Н.Я.Шестаковым, А.И.Венедиктовым, Е.А.Галати и мною) стихи, посвященные М.А.Кузмину. Сидели до 5 час. утра. А на следующий день (по-видимому, 25 мая) такое же "чествование" Кузмина (но без банкета) устроил в квартире бр. Петровских (в Шереметевском переулке) и наш "Гермес" с приглашением некоторых лиц, не участвующих в журнале (С.С.Заяицкий и еще несколько лиц). На этот раз М.А.Кузмин много читал не столько из "Парабол", сколько из старых стихов (начиная с "Сетей"), спел, сопровождая себя, несколько своих романсов (в том числе и "Дитя, не тянися весною за розой") и исполнил свои "Куранты любви" *целиком*.

Очень интересны были разговоры Мих. Ал-ча с Г.Г.Шпетом и М.М.Кенигсбергом о "кларизме", о сущности подлинной романтической эстетики (в частности, в связи с отрицательным отношением М.А. к Роб. Шуману), о сущности "романтической иронии" и ее отсутствии в XVII - XVIII веках, о поэзии Ахматовой (обруганной Шпетом в I-м вып. "Эстетич. фрагментов"¹⁰), а также о *дендизме* в связи со статьей Л.П.Гроссмана "Пушкин и дендизм" (которую М.М.Кенигсберг подверг в "Гермесе" уничтожающей критике¹¹). Разошлись тоже около 6 часов утра, и я пошел провожать Ауслендера кружным путем (по арбатским переулкам), так что пришли на Пресню лишь в 8 часов утра. Разговаривали о многом, но помню мало - только, что некоторые свои старые стихи он нам в эту ночь читал, "как чужие", а "кляризм" и "дендизм" защищал тоже не потому, что они и сейчас ему близки, а только для того, чтобы отмежеваться от "пастернаков" и "маяковских" *.

* Нельзя, однако, не отметить (и я ему это тогда сказал), что стихотворение "Гете" в "Нездешних вечерах" носит явные следы влияния Маяковского. Кузмин ответил, что это "из озорства".

Меньше всего наши беседы с М.А.Кузминым и в 1923, и в 1924 году касались биографии Мих. Ал-ча. О своих отношениях с Г.В.Чичериным, влиянию которого Зноско-Боровский придавал такое большое значение, Кузмин мне никогда ничего не говорил и ни разу не упомянул его имени. Но один раз (еще в Петрограде) он сказал мне : "Если бы я в свое время не сошелся с Дягилевым, Стравинским, Сомовым, Сапуновым, Судейкиным и др., - я, конечно, сейчас не был бы тем, чем я сейчас являюсь". - На мой вопрос : "А кем бы, как вы думаете, М.А., вы бы стали? " он, помолчав, ответил очень задумчиво : "Не знаю. Если бы не покончил с собою, ушел бы рано или поздно в скит и ничего бы не писал, кроме духовных стихов на житийные темы, и ничего бы не сочинял в музыке, кроме новых богослужебных распевов. А, может быть, после Италии и Египта и не вернулся ко всему этому, но во всяком случае был бы кем-то другим". (За точность передачи этих слов я могу поручиться) * .

После 1924 года я с М.А.Кузминым виделся только один раз мельком, в декабре 1933 года, когда я, находясь в командировке в Ленинграде и будучи занят с утра до вечера, мог забежать к нему лишь на 15 - 20 минут. Он очень постарел и жаловался на свое здоровье. Разговор касался исключительно моих стихов 1925-1926 годов, которые я продолжал ему

* Эта раздвоенность Кузмина чувствуется уже в повести "Крылья" 1906 года (ср. жизнь в Петербурге и у старообрядцев на Волге) . В трехтомнике его прозы роман "Мечтатель" резко выделяется среди прочих стилизованных и нестилизованых его новелл. Ср. также диаметрально противоположность его позднейших сборников рассказов и романа "Плавающие и Путешествующие", с одной стороны, и романа "Тихий страж" - с другой.

посылать. Интересовался, почему не вышел в свет альманах "Мнемозина"¹², в который он передал через Бен.К.Лившица два своих стихотворения (см. приложение) * .

Мой сборник 1925 года "Поход времени" (отпечатанный в 50-ти экземплярах) он (не в пример моим ранним стихам) одобрил и, узнав, что я с 1927 года больше не пишу стихов, укорял меня за это и уверял, что "это еще вернется" (но оказался плохим пророком). Я же интересовался, продолжал ли он писать своего "Нового Плутарха" (из которого замечательный "Вергилий" остался в "Абракасе" незаконченным) , но определенного ответа не получил.

Последнее десятилетие своей жизни М.А.Кузмин занимался преимущественно переводами (они все опубликованы и хорошо известны) , которые были его единственным заработком.

О последних днях его жизни (со слов ленинградцев) - см. выше.

1976

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворение (возможно, никогда не опубликованное) , присланное М.А.Кузминым для альманаха "Мнемозина" (см. о нем выше)¹³.

* Этот альманах был подготовлен в 1924 году Н.Ф.Бернером, А.И.Роммом и мною по предложению изд-ва "Земля и фабрика", бывшего тогда маленьким кооперат. изд-вом, возглавлявшемся поэтом Н.Мешковым. Он долго лежал там, а тем временем изд-во стало огромным (превзошедшим лит. отд. Госиздата) и возглавил его В.И.Нарбут, предложивший нам "дополнить" альманах стихами совершенно чуждых нам поэтов. Мы предпочли, чтобы альманах был снят с плана.

ЭФЕССКИЕ СТРОКИ

Флейта, пой! Пещеры своды
Зацвели волшебным мленьем :
Рощи, копыя, города,
Тихо каплет дни и годы
Наговорным усыплением
Голубиная вода.

Мреет сумрак. Свет на воле.
Предначертанные тени
За мерцанием зарниц.
Горстью сыпь на угли соли!
Спины, шеи и колени,
Шелестенье тщетных лиц.

Ток эфира бурей станет,
Буря нежит ток эфира,
Кошка львом и кошкой лев.
Арфы трепет громом ранит.
Полноте внимаешь мира,
Бренный слух преодолев.

Зоркий страж не видит леса,
Тайноведения уроки
Неученый раб принес.
Спим с тобой у врат Эфеса...
Пробужденья скрыты сроки
И не лает чуткий пес.

Михаил Кузмин

Примечания

1. Знакомство Б.В.Горнунга и М.А.Кузмина датируется 11 августа 1923 года на основании дневниковой записи Кузмина. См. с. 202 настоящего тома.

2. Письмо Альвинга публикуется в настоящем томе, с.205. Письмо С.А.Ауслендера нами не найдено.

3. Ошибка автора. Автором музыки "Курантов любви" был Кузмин. Композитор Анатолий Николаевич Александров (1888-1982) написал музыку к семнадцати стихотворениям "Александрийских песен" - четыре тетради под общим заглавием "Из "Александрийских песен" для высокого голоса и фортепиано" (1915-1929). См. : Александров А.Н. Воспоминания, статьи, письма. М., 1979. С.252-256. В списке авторских произведений (Кокушкин В. Анатолий Александров. М., 1987) упомянута также незаконченная опера 1915 г. по рассказу Кузмина "Тень Филлиды" (либретто В.Морица). Ср. также в письме В.В.Руслова к Кузмину от 2 апреля 1924 г. : "...трое певцов, с вещами из "Курантов" и "Александрийских песен", как с Вашей музыкой, так и в переложении молодого композитора Александрова" (Тимофеев А.Г. Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А.Кузмина в мае 1924 г.) .- Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990 (в печати). Пользуемся случаем поблагодарить А.Г.Тимофеева за помощь в работе.

4. Книга "Параболы. Стихотворения 1921-1922" (Б.,1923) почти не дошла до России. Показательна в этом смысле фраза в письме Руслова к Кузмину от 27 мая 1924 г. : "Моя попытка достать их < "Параболы". - А.У. > здесь, в магазине Наркоминдела, успехом не увенчалась" (Тимофеев А.Г. Указ. соч.). Ср. также в письме Б.В.Горнунга Кузмину от 30 марта 1924 г. - наст. том, с.206).

5. Стихотворение в сборник "Параболы" не вошло. В авторском списке произведений в рабочей тетради начала 20-х гг. фигурирует под заглавием "Турин" (ИРЛИ. Ф.172, ед.хр. 319, л.110 об.; указано А.Г.Тимофеевым).

6. Кузмин приехал в Москву 10 мая 1924 г. и выступил на авторском вечере, организованном московским обществом "Антиной" (В.В.Руслов, В.В.Королевич, Н.Н.Захаров-Мэнский, В.Е.Артемьев и др.). Вечер состоялся 12 мая в студии "Синяя птица".

7. "Вечер современной поэзии" с участием Гумилева и Кузмина состоялся 2 ноября 1920 г. См. : Гумилевские чтения. Wien, 1984. С.85 ; а также отчет о вечере: Художественное слово. 1920. №2. С. 73 (указано Р.Д.Тименчиком).

8. 24 мая 1924 г. действительно была суббота. О кружке "Зеленая лампа" и его участниках см. : Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 218-225. Из участников кружка Кузмину был известен, по меньшей мере, В.И.Мозалевский (см. письма Мозалевского к Кузмину к.1911-1912 гг. -ГПБ.Ф.124, ед.хр.2879 ; ИРЛИ. Ф.123, оп.1, ед.хр.547 ; ф.123, оп.2, ед.хр.277). В своем докладе о современной русской прозе, прочитанном в "Бродячей собаке" 13 апреля 1914 г., Кузмин читал фрагменты из повести В.И.Мозалевского (Кузмин был знаком с его прозой : "Утро княжны", "Вивея" ; повесть Мозалевского "Исчезнувшая мечта" была напечатана в альманахе "Альциона" (М., 1914). См. : Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы "Бродячей собаки" .- Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М., 1985. С.233, 256).

9. Дом в Конюшковском переулке, где останавливался Кузмин.

10. "Когда действительность становится иллюзией, существует только пустая форма. Вот откуда наша теперешняя утонченность в поэтической технике, способность даже выковыривать новые формы - для никакого содержания. Никакое, ничтожное содержание в многообещающей форме есть эстетическая лживость (Ахматова, напр.) - знаменование потери восприятия и чувства мира. Бытие космоса в буднях, быть слова не уразумевается, остается мозаика клочков быта, выдаваемая за монолитную действительность" (Шпет Г. Эстетические фрагменты. I. Пб., 1922. С. 64-65).

11. Имеется в виду рецензия М.М.Кенигсберга на книгу Л.Гроссмана "Этюды о Пушкине" (Гермес. 1923. № 3), большая часть которой посвящена критике статьи из этой книги "Пушкин и дэндизм". Варьируя на темы Г.Г.Шпета ("Эстетические фрагменты". Вып. 1. Искусство и жизнь. С.22-25), Кенигсберг определил как основной принцип дэндизма : Vanitas vanitatum-omnia vanitas (с.354).

12. См. также письмо Б.В.Горнунга к М.А.Кузмину от 3 / 5 сентября 1924 г., публикуемое в настоящем томе, с.208. Экземпляр альманаха имеется в архиве Л.В.Горнунга (ГБЛ, ф.697), а также в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

13. Опубликовано Н.А.Богомоловым : Наше наследие. 1988. № 4. С. 77-78.

Б. Горнунг О ЖУРНАЛЕ "ГЕРМЕС"

Содержание номеров 1-4 машинописного журнала "Гермес" (ЕРМНЕ), издававшегося в 1922 - 1924 гг. в Москве "на правах рукописи" в 12-ти экземплярах, но распространявшегося также и в Петрограде (некоторые экземпляры, принадлежавшие членам редколлегии и ближайшим сотрудникам, буквально зачитывались до дыр). В журнале "Корабль" (печатном, но издававшемся москвичами и ленинградцами в Коломне <...>) была рецензия на № 1 "Гермеса"¹.

Содержание № 1 восстановлено по памяти. Листки с полным и точным содержанием №№ 2, 3 и 4а сохранились в моем архиве <...>

Экземпляры №№ 1-3 были переданы мною (лично Г.П.Георгиевскому) в Рукописный отдел Б-ки им. Ленина. За время моей работы в Б-ке (1932-1935) я не проверял у Г.П. наличия журнала, но после войны (уже после смерти

1. Рецензия, напечатанная в калужском журнале "Корабль" (1923.- № 1-2), приводится в статье Г.Левинтона и А.Устинова в наст. изд.

Георгиевского) захотел это сделать. Никаких следов не оказалось - даже в инвентаре. Это для меня малопонятно, как и ряд случаев, обнаруживавшихся во время моего пребывания в должности ученого секретаря Б-ки (1932-1934), - например, <отсутствие> ряда материалов, связанных с П.Я.Чаадаевым (обнаруженное Б.Ф.Поршневым в 1933 г.), отсутствие материалов харьковского бегичевского архива, интересн<ых> для биографии А.С.Грибоедова (обнаруженное мною), и, наконец, отсутствие писем Н.Н.Гончаровой-Пушкиной к мужу (о чем пишут даже в газетах). К этому можно прибавить случайное обнаружение при мне (в 1933 или 1934 г.) музыкального наследия Скрябина, принятого в 1915 г. Г.П.Георгиевским, но не значащегося ни в каких инвентарях. В сравнении с этими случаями пропаша "Гермеса" - конечно, факт пустяковый <...>

По-видимому, ни один из экземпляров, принадлежавших членам редколлегии, не сохранился, но, возможно, что № 3 есть в ЦГАЛИ в фонде В.И.Мозалевского, который был членом редколлегии с № 3-го.

Кроме того, экземпляры журнала были в Ленинграде у М.А.Кузмина, судьба биб<лиоте>ки которого мне неизвестна, а № 3 - у Б.В.Томашевского.

В начале 1924 г. комплект № 1-3 был продан нами на очередном (специально пушкинском) аукционе "Общества друзей русской книги" в ГАХН некоему Гольдбергу (или Гольдману - непману, высланному позже в Нарымский край). Судьба огромной библиотеки его (где были почти все первоиздания Пушкина и поэтов пушкинской поры и много автографов русских поэтов) мне неизвестна.

Состав редколлегии.

№ 1 и № 2 (июль - декабрь 1922 г.) : Б.В.Горнунг (отв. редактор), С.Д.Богдановский, Н.В.Волькенау, Л.В.Горнунг и М.М.Кенигсберг.

№ 3 (сентябрь 1923 г.) : председатель редколлегии - М.М.Кенигсберг, члены - А.А.Буслаев, Н.В.Волькенау, Б.В.Горнунг, Л.В.Горнунг и В.И.Мозалевский.

№ 4 : та же редколлегия без Б.В.Горнунга (вышедшего из ее состава из-за разногласий по некоторым вопросам).

После смерти М.М.Кенигсберга (30. VI. 1924) председателем была Н.В.Волькенау, под руководством которой была закончена *первая часть* № 4 (но не была пущена в широкое обращение), а затем журнал прекратился.

Кроме того, с 1 января 1924 г. был образован Научно-художественный совет под председательством проф. *Г.Г.Шпета* в составе всех членов редколлегии, а также А.Г.Габричевского, Б.В.Шапошникова, Д.С.Усова (секретарь), М.А.Петровского и А.Г.Челпанова.

К весне 1924 г. Научно-художественный совет разработал большой план второй (статейной) части номера 4-го - неосуществленный, хотя почти все статьи были написаны. Статья Г.Г.Шпета о В.Гумбольдте разрослась в целую книгу ("Внутренняя форма слова") и вышла в ГАХН в 1927 г.² Четыре другие статьи (Н.И.Жинкина, М.А.Петровского, И.Н.Волкова и А.А.Губера) составили сборник "Художественная форма" (М., ГАХН, 1927). Другие написанные статьи не были опубликованы, но, возможно, сохранились в архиве ГАХН, которая в 1930 под названием ГАИС переведена в Ленинград и слита с Институтом истории искусств. Где такой архив (равно как и биб-ка ГАХН - около 100 тысяч томов с большой частью

2. Книга Г.Г.Шпета, равно как и труд Г.О.Винокура "Биография и культура" (М., 1927), посвящены "Памяти Максима Максимовича Кенигсберга". Возможно, это связано с предполагавшимся сборником памяти М.М.Кенигсберга, о котором Б.В.Горнунг сообщал М.А.Кузмину (см. с. 209). Вероятно, сборник и должен был стать второй, "статейной", частью 4-го номера.

биб-ки Инн.Анненского с его маргиналиями на полях книг в ее составе) - мне неизвестно.

Все заставки, виньетки и заглавные инициалы статей №№ 1-3 "Гермеса" выполнены Л.В.Горнунгом (под псевдонимом "Эдм <унд> Леезен" - из "Выбора невесты" Гофмана). Для № 4 заставки и виньетки не готовились.

II. УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА "ГЕРМЕС"

Составители : Г.А.Левинтон и А.Б.Устинов

Первые три номера расписаны по экземпляру, принадлежавшему В.М.Жирмунскому. Содержание подготовленной редакцией части 4-го номера указано по записке Б.В.Горнунга, переданной им М.О.Чудаковой и представленной ею для настоящей публикации (см. с.172 ; единственный экземпляр №4, по нашим сведениям, хранится у М.Б.Горнунга). Из того же документа извлечены пояснения к некоторым материалам журнала, помещаемые среди подстрочных примечаний. В росписи помечены (после основных данных каждого опуса, в скобках) номера соответствующих страниц журнала (в №1 страницы не нумерованы, но пагинация указана в оглавлении). Псевдонимы и криптонимы раскрываются при первом употреблении ; недостающие инициалы вводятся при первом упоминании данного автора. Порядок библиографического описания составителями не модернизировался.

№ 1. Июль 1922

Э.Т.А.Гофман (1822-25.VI.-1922). С портретом работы Б.Ф.
< Б.В.Горнунга > (5)

I.

<С.Д.> *Богдановский*. Стихотворение (13) ; *Лев Горнунг*. Шесть стихотворений (14); *В. <Я.> Виленкина*. Fantasia. Рассказ. С рис. Э.Леезена <Л.В.Горнунга> (21) ; *Е.Т.А. Hoffmann*. Die Naimatochare. Перевод и послесловие М.М.Кенигсберга (43).

II. Статьи

Б.Горнунг. Hermes (71)¹ ; *М. <М.> Кенигсберг*. Вырождение слова (К уяснению футуристической поэтики) (82).²

Богдановский. О принципах книжной иллюстрации по поводу новинки издательства "Аквилон" (88) ; *Б.Горнунг*. Некоторые замечания по методологии и методике науки о литературе (поэтике). (По поводу статьи Л.П.Гроссмана "Метод и стиль" в сб. "Лирический круг". М., 1922) (97).

III. Рецензии ³

Л.Горнунг. Г.Адамович. Чистилище. Стихи. Книга вторая. Изд. "Петрополис". П., 1922 (107). ; *Н. <В> Волькенау*. А.Ахматова. Anno Domini. МСМXXI. Изд. "Петрополис". П., 1922 (110). ; *М.Кенигсберг*. Ю.Верховский. Солнце в заточении. Стихотворения. Изд. "Мысль". П., 1922 (114) ; *Л.Горнунг*. Г.Иванов. Лампада. Собрание стихотворений. Кн. I. Изд. "Мысль". П., 1922 (116) ; Ф-ль <Б.В.Горнунг> 1) Маяковский. Люблю. Изд. "Маф". Серия поэтов №1. Изд. "Вхутемас". М., 1922. 2) Маяковский издается. Первая книжица сатиры. Та же серия. № 3. М., 1922 (118) ; *Н.Волькенау*. Ф.Сологуб. Свирель. Русские бергереты. Изд. "Петрополис". П., 1922 (120) ; *Шнюспельпольд*

1. Излагающая платформу и программу журнала. - Прим. Б.В.Горнунга.

2. Полемиическая статья, заглавие которой связано с "Возрождением слова" <т.е. с "Воскрешением слова">. - Сост. > Викт.Шкловского. - Прим. Б.В.Горнунга.

3. Авторы рецензий - все члены редколлегии № 1, кроме С.Д.Богдановского. - Прим.Б.В.Горнунга.

< *Б.В.Горнунг?* > М.Кузмин. Лесок. Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях. Изд. "Неопалимая купина". П., 1922 (123) ; *Богдановский* 1) Марина Цветаева. Конец Казановы. Драматический этюд. Изд. "Созвездие". М., 1922. 2) П.Муратов. Кофейня. Комедия в 4-х действиях. Изд. "Дельфин". М., 1922 (126) ; *М.Кенигсберг*. Н.Гумилев. Тень от пальмы. Рассказы. Изд. "Мысль". П., 1922 (130) ; *Шнюспель-польд*. Э.Т.А.Гофман. Кремонская скрипка. Изд. "Созвездие". М., 1922 (134) ; *М.Кенигсберг*. М.Шагинян. Литературный дневник. Изд. "Парфенон". П., 1922 (134) ; *Н.Л.* < *М.М.Кенигсберг?* > . Ю.Верховский. Барон Дельвиг. Изд. А.Кагана. 1922 (139) ; *Н.Л.* Дельвиг. Неизданные стихотворения. Под ред. М.Л.Гофмана. Труды Пушкинского Дома, при Р.А.Н. П., 1922 (140) ; *М.Кенигсберг*. В.Жирмунский. Поэзия Александра Блока. Из сб. "Об А.Блоке". П., 1921 (141) ; *Л.Горнунг*. Петербургский сборник. 1922. Поэты и беллетристы. Изд. жур. "Летопись Дома Литераторов". П., 1922 (145) ; *Б.Горнунг*. Лирический круг. Страницы поэзии и критики. I. Изд. "Северные дни". М., 1922 (150). ; *Н.Л.* Радуга. Альманах Пушкинского Дома. П., 1922 (157) ; *М.К.* < *енигсберг* > . Записки мечтателей. № 4, 1921 ; № 5, 1922. Изд. "Алконост". П. (158) ; *К* < *енигсберг* > . Мысль и Слово. I, II. Философский ежегодник, изд. под ред. Г.Шпета. М., 1918-21 (160).

IV. Varia

Б.Горнунг. Романтические юбилеи (Фр.Шлегель, Новалис, Гофман, Грильпарцер, Шелли) (163)⁴ ; *Н.* < *С* > . *Романовский*. Об искусстве заглавия (171) ; *Богдановский*. Памяти трех московских книжников (173).

4. В конце статьи говорится : "Подготавливавшаяся специальная заметка о П.-Б.Шелли по не зависящим от редакции обстоятельствам не могла быть помещена в настоящем номере".

V. Хроника 5

Б.Г.-нг <Горнунг> Кружок по изучению ритма и мелодии речи ; Н.В.-ау <Волькенау> Московский лингвистический кружок ; С. <С> Гадзяцкий. Доклад А.А.Буслаева "Лингвистические основы поэтики", прочитанный в Литературном кружке при 1-ом и 2-ом Московских Государственных университетах 10 июня. ; Н.Волькенау. Кружок "Ars Magna". <Дальнейшие материалы не подписаны :> О смерти В.Хлебникова. Третий альманах "Цеха Поэтов". О театре "Романеск". О первом симфоническом ансамбле "без дирижера". От редакции. Просьба присылать в редакцию официальные сообщения о деятельности ученых филологических и философских обществ для публикации в разделе "Хроника" (181-185).

№ 2. Декабрь 1922

Первый выпуск второго номера 6

Портрет Николая Гумилева, раб. худ. Э.Леезена (3).

Август 1921 года (5)⁷

5. В оглавлении журнала отдел хроники не расписан. В настоящем указателе аннотирующие заголовки материалов этого отдела даны составителями.

6. Вклейка перед первым листом :

"Не желая задерживать выход второго номера "Гермеса", но не имея возможности из-за технических затруднений напечатать его своевременно целиком, редакция выпускает пока лишь первую часть его, содержащую отделы оригинальной и переводной поэзии, оригинальной и переводной художественной прозы и статей. Отделы библиографии, рецензий, Varia и хроники составят содержание второго выпуска второго номера. Редакция. Декабрь 1922".

7. Авторы редакционной статьи М.М.Кенигсберг и Б.В.Горнунг. - Прим. Б.В.Горнунга.

1.

Лев Горнунг. Шесть стихотворений из цикла "Памяти Н.С.Гумилева" (19) ; *Арсений Альвинг*. Два стихотворения из цикла "Из позабытого волюма" (26) ; *Б.Белинская*. Мышь. Стихотворение (28) ; *Богдановский*. Стихотворение (29) ; *Владимир Пяст*. 1-е июля 1916 года (Новый вариант). Стихотворение (30) ; *Георгий Шенгели*. Музе. Стихотворение (31) ; *Борис Чорный*. Китайское. Стихотворение (32) ; *Х.-М.Эредиа*. Два сонета. (1. Кентавры и лапиты. 2. Нимфея). Пер. Г.Шенгели (34) ; *Катулл, Вергилий, Марциал и Павел Диакон*. Отрывки и эпиграммы в пер. *Н.Романовского* с примечаниями (37) ; *Богдановский*. Рассказ в шести документах (41) ; *Н.Волькенгау*. Зори. Рассказ (53) ; *Теофиль Готье*. Беседка на воде. Новелла. В пер. Б.Ф. с предисловием переводчика (69) ; *Теофиль Готье*. Предисловие к роману "Фортунио". Пер. "" < *Б.Горнунга?* > с послесловием (97) ; *Эрист Дрем*. Четыре стихотворения в пер. *Влад < имира > Нейштадта*⁸ (105)

II. Статьи

М.Кенигсберг. Искусство и истина (В защиту и против реализма) (III) ; *А.Буслаев*. "Заумники" (По поводу последних книг Ал.Крученыха) (141) ; *М.Кенигсберг*. Новелла как поэтическое произведение (Отрывки) (151) ; *Б.Горнунг*. Мысли П.А.Катенина об эстетике (162) ; *С.Гадзяцкий*. La scienza nuova (По поводу книг проф. Р.Ю.Виппера "Кризис исторической науки" и "Иван Грозный") (171) ; *Я. < Я >.Зутис*. К проблеме единства западно-европейской духовной культуры (По поводу книги А.Г.Вульфуса "Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформация и католическая реформа". Пб., 1922) (183) ; *От редакции* (204)

8. Не вошедшие впоследствии в книгу Нейштадта "Чужая лира". - Прим.
Б.В.Горнунга.

От Пушкина к проблеме современного классицизма (5)⁹ ; Пушкинские фрагменты (с примечаниями *Б.В.Томашевского*) (53)¹⁰ ; К юбилею А.Н.Островского (1822-1922) (63) ;

I.

Арсений Альвинг . Стихи (67) ; *Николай Бернер*. Стихи (69) ; *Лев Горнунг*. Стихи (70) ; *Нина Волькенау*. Стихи (76) ; *Б.Ф.* < *Б.Горнунг* > Стихи (82) ; *Тэа Эс*. Стихи (83) ; *Платон*. Дистих в переводе *Густава Шпета* (89) ; *Алкей* (реконструкция). В его же переводе (90) ; *Горацій*. Четыре оды в переводе *Николая Романовского* (92) ; *Марциал*. Две эпиграммы в его же переводе (96) ; *Амвросианские гимны*. В его же переводе (98) ; *Богдановский*. Опыт окончания драматического отрывка *Пушкина* с прологом (Сочинения и письма А.С.Пушкина под ред. П.О.Морозова - т. V, с. 606-608). Представлено в первый и единственный раз в кружке "Camerata" (в квартире С.Д.Богдановского - Арбат, Калошин пер., в доме № 4, кв. № 18, 12 февраля н.с. 1921 г.) (103)¹¹ ; *Виктор Мозалевский*. Милая елка. Рассказ (119) ; *Вера Виленкина*. Prelude (151) ; *Б.Ф.* Калейдоскоп с цифрами (Этюд по цветному слуху). Памяти В.Я.В < иленкиной >

9. Коллективная статья. - Прим. *Б.В.Горнунга*.

10. В мае 1924 г. на торжественном заседании, посвященном 125-летию со дня рождения А.С.Пушкина, в Большом зале Консерватории М.А.Цявловский во вступительном докладе заявил, что публикация *Б.В.Томашевского* в "Гермесе" (хотя и "на правах рукописи") есть "крупнейшее событие пушкинского юбилейного года". Пушкинский Дом был этим очень недоволен, хотя публикация была "на правах рукописи". Позже эти тексты вошли только в академическое издание 1937 г. - Прим. *Б.В.Горнунга*.

11. Речь идет об отрывке "Через неделю буду в Париже...". Роли исполняли : *Н.В.Волькенау* (пролог, Колетта), *С.Д.Богдановский* (Король, Граф), *В.Я.Виленкина* (Графиня), *Н.С.Романовский* (Дорвиль).

(153) ; Э.Т.А.Гофман. Новейшие судьбы одного любителя приключений. ¹² Перевод и примечания Максима Кенигсберга (157).

II. Статьи

Алексей Буслаев. Северные цветы. I. Запоздавшие воспоминания (173) ; Константин Локс. Заметки о Батюшкове. I-II (188) ; Борис Горнунг. Заметки о Слове и Поэзии. А. После качелей. Б. Пути Логоса (194) ; Максим Кенигсберг. О "Двенадцати" (221) ; Нина Волькенау. "Классицизм" (Об О.Мандельштаме) (256) ; Максим Кенигсберг. Заметки о рифме. (Из стихологических этюдов) (268) ; Борис Горнунг. Некоторые замечания по методологии и методике науки о литературе. II. (По поводу книги О.Вальцеля "Проблема формы в поэзии") (288) ; Дмитрий Усов. "Vita puova" в полном русском переводе (304) ; Дмитрий Дементьев. Последнее слово о Демосфене (По поводу книги С.А.Жебелева "Демосфен" (329).

III. Рецензии

Борис Горнунг. А.С.Пушкин [Соч.]. Гос. изд. М.-П., 1923 (339) ; Алексей Буслаев. Пушкинский сборник. Под ред. Н.В.Яковлева. Гос. изд. 1923 (342) ; Максим Кенигсберг. Л.Гроссман. Этюды о Пушкине. М.-П., 1923. Изд. Френкель (346) ; А.Б. <услаев>. И.Н.Розанов. Пушкинская Плеяда. Изд. "Задруга". М., 1923 (357) ; Борис Горнунг. П.Антокольский. Стихотворения. Гос. изд. М., 1922 (361) ; Лев Горнунг. Н.Гумилев. Посмертный сборник. Кооп. изд. "Мысль". П., 1922. То же. 2-е доп. изд. П., 1923 (364) ; Лев Горнунг. С. Парнок. Лоза. Изд. "Шиповник". М., 1923 (368) ; Максим Кенигсберг. С.Парнок. Розы Пиерии. Изд. "Творчество". М.-П., 1922 (370) ; Лев Горнунг. Н.Тихонов. Орда. Изд. "Островитяне". П., 1922 ; Его же. Брага. Изд. "Круг".

12. В тексте журнала название дано по-немецки : Neueste Schicksale eines abenteuerlichen Mannes.

М.-П., 1922 (373) ; *Лев Горнунг*. В.Ходасевич. Тяжелая лира. М.-П., 1922 (378) ; *Нина Волькенау*. Г.Шенгели. Раковина. М.-П., 1922 (381) ; *Максим Кенигсберг*. В.Мозалевский. Обман. Изд. Гутнова. Берлин, 1923 (388) ; *Михаил Петровский*. П.Муратов. Магические рассказы. Изд-во "Дельфин". М., 1922 (391) ; *Маврикий Фонтанов* < В. Мозалевский >. Б.Садовской. Морозные узоры. Изд. "Время". П., 1922 (400); *Н.Л. М.Бекетова*. Александр Блок. Биографический очерк. Изд. "Алконост". П., 1921 (402) ; *Максим Кенигсберг*. Е.М.Браудо. Э.Т.А. Гофман. Очерк. Изд. "Парфенон". П., 1922 (404); *Борис Горнунг*. О.Шпенглер. Философия лирики. Пер. Вл.Нейштадта. Изд. "Озарь". М., 1923 (409) ; *Шнюспельпольд*. Абракасас. Октябрь 1922 ; ноябрь 1922; февраль 1923 (417) ; *Лев Горнунг*. Город. Сб. первый. П., 1923 (420) ; *Борис Горнунг*. Гостиница для путешественников в прекрасном. № 1, 1922 ; № 2, 1923 (423) ; *Лев Горнунг*. Звучащая раковина. Сб. стихов. П., 1922 (436) ; *Маврикий Фонтанов*. Литературная мысль. Сб. I. 1923. Сб. II, 1923 (440) ; *Б.Г<орнунг>*. Научные известия Акад. Центра Наркомпроса. Сб. II. М., 1922 (445)¹³ ; *От редакции* (450).

Обложка, портреты (Пушкина, Боратынского и Дельвига), цифры и заставки работы художника *Эдмунда Леезена*.

Содержание первой части № 4

Стефан Малларме (к 25-летию со дня смерти). Редакционная статья. ; *Б.В.Горнунг*. Около Малларме. ; Переводы *Д.С.Усова* и *Б.В.Горнунга* из *Малларме*.

13.В оглавлении журнала указана еще одна рецензия : *Б. Ф. Стрелец*. Сб.третий и последний./Под ред. А.Беленсона.-Спб., 1922 - и дано следующее примечание:

"По не зависящим от редакции обстоятельствам рецензия не могла быть напечатана в настоящем номере и будет помещена в следующем. Редакция".

I.

Ник.Бернер. Три стихотворения ; *Вяч.Иванов.* Ио. Стихотворение ; *А.И.Венедиктов.* Три стихотворения ; *Нина Волькенау.* Шесть стихотворений ; *Б.Горнунг.* Четыре стихотворения ; *Лев Горнунг.* Шесть стихотворений ; *С.Иренев.* Два стихотворения ; *М.А.Кузмин.* Стихотворение ; *Д.Усов.* Венок сонетов (15 стихотворений) ; *Н.Я.Шестаков.* Два стихотворения из цикла "Симбирские звери" ; Орфические гимны в пер. *Д.С.Недовича* ; *Sagrina Priarea* в пер. *Д.П.Дементьева* и *С.В.Парского*, с примечаниями ; "Бдение в честь Венеры" в пер. *С.В.Шервинского* ; *Б.И.Ярхо.* Образцы поэзии первого Возрождения (13 стихотворений с вводной статьей) ; *Гете.* Стихотворения в пер. *Д.С.Усова* и *Д.С.Недовича* ; *Гете.* Элиграммы I-XXXI в пер. *Н.С.Романовского* ; *С.Ауслендер.* Морозный поцелуй. Рассказ ; *В.Мозалевский.* Происшествие. Рассказ ; *Р.М.Рильке.* Обыденная жизнь. Пер. *Д.С.Усова.*

II.

19 рецензий.

III. К ИСТОРИИ МАШИНОПИСНЫХ ИЗДАНИЙ 1920-х ГОДОВ

Публикация Г.А.Левинтона и А.Б.Устинова

Здесь публикуются три письма из архива М.А.Кузмина, имеющие отношение к истории машинописного журнала "Гермес", - письма А.Альвинга (псевдоним А.А.Смирнова ; 1885-1942) и Б.В.Горнунга (1899-1976) ¹. Журнал издавался в Москве в 1922-1924 г.г. группой филологов, критиков и поэтов, часть ко-

1. ЦГАЛИЛ (г.Ленинграда). Ф.437, оп.1, ед.хр.162, л.35 (письмо №1); ед.хр.27 (письма № 2 и № 3). Курсивом набран текст, подчеркнутый в оригинале.

торых входила в состав МЛК ². В № 1 и № 2 указано: "Редактор Б.В.Горнунг. Редакционная коллегия : С.Д.Богдановский, Н.В.Волькенау, Л.В.Горнунг, М.М.Кенигсберг". Авторы № 1 за вычетом многочисленных псевдонимов совпадают с составом редколлегии (кроме них в номере выступает только одна В.Я.Виленкина). В № 2 появляется ряд новых авторов, назовем здесь В.А.Пяста, А.Альвинга, В.И.Нейштадта, Г.А.Шенгели, А.А.Буслаева. К № 3 не только расширяется круг авторов (Б.В.Томашевский, Г.Г.Шпет, К.Г.Локс, Д.С.Усов, М.А.Петровский, Н.Ф.Бернер и др.), но изменяется также состав и структура редколлегии : "Редакционная коллегия: А.А.Буслаев, Н.В.Волькенау, Б.В.Горнунг, Л.В.Горнунг, М.М.Кенигсберг (председатель), В.И.Мозалевский". О теоретической и литературной позиции "Гермеса" хорошее представление дает рецензия в журнале "Корабль" (близком к МЛК), подписанная инициалами Г.С. ³ Ее лаконичность и выразительность позволяют привести ее целиком : << С июля

2. На обложке название журнала было написано по-гречески (лаконическим шрифтом без обозначения придыхания) : ΕΡΜΗΝΕ , в тексте журнала (за редкими исключениями, когда оно написано по-русски, кириллицей) название напечатано латинским шрифтом, в частности, в заглавии программной статьи Б.В.Горнунга "Hermes" (№ 1, с.71-81 ; далее все ссылки на "Гермес" даются в тексте, в скобках, с указанием номера и страницы). Любопытно, что в тех письмах Б.В.Горнунга, которые нам известны, он пишет название журнала латиницей, пока остается его участником, но когда начинаются его расхождения с редакцией, переходит на кириллицу. Мы позволим себе для простоты всюду писать "Гермес" по-русски.

3. Г.С. "Гермес". Журнал. № 1. Июль 1922. Москва. 1922. - Корабль. - (Калуга), 1923. - № 1-2 (7-8). - С.45 (указано нам М.Г.Ратгаузом). Инициалы эти могут (в переставленном виде) принадлежать С.С.Гадзяцкому, участнику № 2, который напечатал еще краткую заметку в "Хронике" № 1 (что не делало его формальным автором журнала). Отметим также, что это не единственная рецензия в типографском издании на издание машинописное. См., например, рецензию С.Е.Нельдихена на сборник Леонида Борисова "По солнечной стороне. Стихи (1921 г.)" (Пб.,1922), отпечатанный "М.С.Тираспольской на машинке системы Ундервуд в количестве 55-ти экземпляров, из коих 10 - на особо хорошей бумаге - в продажу не поступают" // Книга и революция. - 1922. - № 6(18). - С.61.

1922 г. кружком московских филологов издается - на правах рукописи - журнал "Гермес", печатаемый в количестве 12-ти экземпляров на машине Иост. Судя по всему, журнал предполагается выпускать раз в четыре месяца.

Основной задачей журнала является - с одной стороны - работа в направлении преодоления наследия всей художественной культуры минувших столетий (работа, ведущая в пределе к созданию классического стиля современности) ; с другой стороны - журнал имеет и теоретические задачи - освещать литературное наследие прошлого с точек зрения философско-эстетической и культурно-исторической.

Из этой задачи неизбежно вытекает полемика с левыми течениями в искусстве и некоторая солидарность журнала с правым флангом современного искусства, например, с петербургскими акмеистами, графикой "мирискусственников" и пр.

Теоретические статьи первого номера направлены против футуристической "эстетики", производственного искусства и "формального метода в поэтике".

Таковы статьи редактора журнала Б.В.Горнунга - "Hermes" и "Некоторые замечания по методологии поэтики", и статья М.Кенигсберга "Вырождение слова", рассматривающая футуризм как явление упадка искусства слова. Вторая из упомянутых статей Б.Горнунга выдвигает взамен формального метода принцип изучения стиля - стилистику.

Возлагаются большие надежды на немецкий экспрессионизм, основывающийся на новейших философских течениях ("чистая логика" Гуссерля). Б.Горнунг склонен считать экспрессионистов предвестниками нового классического искусства, техническими подготовителями которого являются - по его мнению - стилизаторы типа М.Кузмина и акмеистов.

Художественная часть журнала составлена из гладких стихов акмеистического характера, новеллы, стилизующей Э.Т.А.Гофмана (которому по случаю юбилея посвящена и передовая статья), и перевода эпистолярного рассказа Э.Т.А.Гофмана

"Тайматахора" ⁴, до сих пор - как будто не переведенного на русский язык.

Журнал включает в себе до 180 страниц, издан на редкость старательно и чисто и украшен рисунками от руки, исполненными тушью > >.

Термин "классицизм", действительно, является основным в формулировках литературных установок "Гермеса" (при этом авторы кое-где подчеркивают, что их понимание "классицизма" далеко не во всем совпадает с уже сложившейся к тому времени терминологией В.М.Жирмунского). "Классицизм" - в сущности будущая поэзия, по отношению к которой уже существующая поэзия акмеизма (и его предтечи - Анненский и Кузмин) представляет собою только первый подготовительный этап. Пожалуй, полностью "классическим поэтом" большинство авторов журнала признавало только Гумилева (причем позднего) ⁵. По существу верно обозначены в рецензии и теоретические позиции журнала. "Гермес" действительно противопоставил себя "формальному методу", т.е. и петроградскому ОПОЯЗу и старшему поколению МЛК (прежде всего его "первому председателю", как они именовали Р.О.Якобсона). Это обусловлено как философской ориентацией самого "Гермеса" и соответствующей - более широкой - группы в МЛК (все они - ученики Г.Г.Шпета и приверженцы феноменологической философии), так и их литературными вкусами: внутренней связи ОПОЯЗа (по крайней мере раннего) с футуризмом они и противопоставили свою программу "классицизма". Иными словами, их критика ОПОЯЗа отнюдь не означает возврата к "академизму", и к ним вполне применима формули-

4. Опечатка вместо "Гайматахора". В тексте "Гермеса" название дано по-немецки: "Die Haimataochare".

5. На этом фоне выделяется статья Нины Волькенау о Мандельштаме под названием "Классицизм" (№ 3, с.256-267). Ср. также ее рецензию на "Аппо Domini" (№ 1, с.110-114; опубл.: Ахматова А. После всего.-М., 1989.-С.62-63). Характерно, что в ее работах ни разу не упомянут Гумилев, бывший и как теоретик, и как поэт главным мэтром для ядра редакции "Гермеса" (ср. замечание о Льве Горнунге в письме № 3).

ровка Е.А.Тоддеса и М.О.Чудаковой, помещающих взгляды соответствующего крыла МЛК "условно говоря, между воззрениями В.В.Виноградова и М.М.Бахтина - в их полемике с формалистами"⁶. Их ориентация прежде всего на семантику (в число теоретических аргументов входят и ссылки на соссюрскую "двусторонность языкового знака") не только предвосхищает последующее развитие структурной поэтики ⁷, но и - неведомо для молодых москвичей - совпадает с эволюцией нелюбимого ими ОПОЯ-За в те же годы (прежде всего в лице Ю.Н.Тынянова).

"Гермес", таким образом, представляет собой небезынтересное звено в истории русской поэтики, и, в частности, "московских формалистов" (хотя по существу это течение не реализовалось и не имело продолжения) ; ср. последующее участие некоторых авторов журнала в ГАХН, их сближение с Г.О.Винокуром и т.п. Публикуемые письма представляют собой один из немногих документов, освещающих историю издания и, главным образом, прекращения журнала ⁸. После его распада часть авторов объединилась в новом машинописном альманахе "Мнемозина" (1924) и позже - "Гиперборей" (1926), а также типографском сборнике "Чет и нечет" (М., 1925) под редакцией Ф.М.Вермеля и Г.О.Винокура. Значительная часть № 3 "Гермеса" относится по существу уже к этому новому этапу, к образованию "Мнемозины". И сам альманах, и его история совершенно не изучены, поэтому ограничимся пока немногими фактами, относящимися собственно к "Гермесу" и необходимыми для понимания контекста писем, (по понятным причинам нам пришлось отказаться от "формаль-

6. Тоддес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод "Курса общей лингвистики" Ф.де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. - 1978. - М., 1981. - С.242.

7. Там же. С.238.

8. Они, в частности, свидетельствуют о гораздо более широком знакомстве с "Гермесом" в литературных кругах, нежели можно предположить, основываясь на его "тираже" и отсутствии упоминаний о журнале. Так, из писем следует, что с журналом в той или иной мере были знакомы М.А.Кузмин, О.Э.Мандельштам, Ю.Н.Верховский, Вяч.И.Иванов, возможно, А.А.Ахматова.

ного” комментария к тексту писем : при их необычайной насыщенности именами и фактами объем такого комментария превзошел бы всякие издательские возможности).

Знакомство Кузмина и Б.В.Горнунга датируется вполне точно : 11 августа 1923 г., в Петрограде (запись в дневнике Кузмина под этим числом : ”Горнунг - филолог, рассказывал о Москве, Ауслендере и т.п. О Гофмане, моих берлинских книгах”⁹. К этому событию относится и рекомендательное письмо А.Альвинга (№ 1) ¹⁰. По всей видимости Б.Горнунг приехал в Петроград именно как редактор ”Гермеса” ¹¹. Накануне свидания с Кузминым он подписывает экземпляры № 1 и № 2 для В.М.Жирмунского : ”Глубокоуважаемому Виктору Максимовичу Жирмунскому от редакции ”Гермеса”. 10.VIII.1923” ¹². Обращение ”Гермеса” к Кузмину не менее показательно, чем его связь с ”анненскианцами”, - Кузмин в еще большей степени, чем Анненский, рассматривался как предтеча, если не родоначальник ”классицизма” ; во всяком случае, в некоторых формулировках журнала отсчет ”классицизма” ведется от Кузмина, а статья ”О прекрасной ясности” объявляется первым ”классическим” манифе-

9. ЦГАЛИ. Ф.232, оп.1, ед.хр. 61, л.208.

10. Характерно и само участие А.Альвинга в ”Гермесе” (стихи в № 2, с.26-27 и в № 3, с.67-68). ”Классические” установки журнала естественно свели его участников с кругом московских литераторов, в свое время издававших альманах ”Жатва” и культивировавших И.Ф.Анненского (Альвинг стоял в центре этого кружка, а в 1922-1924 г.г. он возглавлял ”анненскианское” объединение ”Кифара”). Из упомянутых выше имен к этому кругу относились еще Д.С.Усов (его статья ”Vita Nuova” в полном русском переводе” напечатана в № 3, с.304-328) и Н.Ф.Бернер (стихи в № 3, с.69), участвовавший и в ”Гиперборее”.

11. По-видимому, в этот приезд Горнунг познакомился с А.А.Ахматовой. О встрече с ней свидетельствует письмо № 3. Возможно, что косвенным подтверждением знакомства Ахматовой с московской группой является эпизод, записанный П.Н.Лукницким (Наше наследие. 1989. № III (9). С.77).

12. Третий номер был подарен ему в Москве 20 января 1924 г. и подписан всеми членами новой редколлегии. Об этом экземпляре идет речь в письме № 2. Экземпляр В.М.Жирмунского - единственный известный нам *de visu*.

стом 13. В то же время позиция Кузмина-”эмоционалиста” москвичей не привлекала : с негативной оценкой этого направления и альманахов ”Абракасас” в письме № 2 перекликается другая дневниковая запись Кузмина (от 13 августа 1923) : ”Пришел Москвич. Не одобряют нового моего курса. Абракасас считают опытами. Поэтикой, а не поэзией. М <ожет> б <уть> это симптоматично. Гумилевская закваска очевидно живет даже в Москве и довольно крепко” 14. Соответствующее место в письме : ”наш отзыв об ”Абракасасах” ...” подразумевает какое-то обсуждение кругом ”Гермеса” и упомянутую выше (см. прим. 13) рецензию, в которой, однако, почти ничего не говорится ни об ”эмоционализме”, ни о Г.Иванове.

Даже со всеми поправками на субъективность автора писем все же из письма № 3 можно заключить, что распад группы ”Гермеса” обусловлен двумя причинами : смертью его нового лидера М.М.Кенигсберга и постепенным отходом Б.В.Горнунга (это заметно уже в изменении структуры редколлегии в № 3). Понять характер углубляющихся расхождений Б.В.Горнунга с бывшими единомышленниками позволяет прежде всего имя А.И.Ромма. Единственный существующий анализ расстановки тео-

13. О роли Кузмина подробно говорится в статье Б.В.Горнунга ”Hermes” (№ 1, с.71-73), в анонимной передовой статье ”От Пушкина к проблеме современного классицизма” (№ 3, с.41-44). Кроме того, в ”Гермесе” отрецензирован ”Лесок” (№ 1, с.123-125. Подпись : Шнюспельпольд ; видимо, псевдоним Б.В.Горнунга) и альманахи ”Абракасас” (№ 3, с.417-420 ; та же подпись). Стихи Кузмина упоминаются в рецензиях Л.В.Горнунга на ”Петербургский сборник. 1922” (№ 1, с.147) и Маврикия Фонтанова (псевдоним В.И.Мозалевского) на ”Литературную мысль” (№ 3, с.440-441) ; а также в статье М.М.Кенигсберга ”Заметки о рифме” (№ 3, с.280). Ср. ссылку на ”кларизм” в его статье ”Искусство и истина” (№ 2, с.124).

14. ЦГАЛИ. Ф.232, оп.1, ед.хр.61, л.208 об. Нужно заметить, что ”эмоционализм” был в эти годы для Кузмина принципиальной позицией. Так, в анкете в Союз Поэтов (от 12 марта 1924 г.), на вопрос, ”к какому направлению в поэзии себя причисляете”, он отвечает : ”эмоционализм”, а на вопрос, ”в какой группе или кружке поэтов состоите” - ”эмоционалисты” (ИРЛИ. Ф.491,д.4, лл. не нумерованы).

ретических позиций в МЛК (в указанной работе Е.А.Тоддеса и М.О.Чудаковой) показывает, что в философии и поэтике Горнунг и Ромм были единомышленниками (это относится и к реакции на ОПОЯЗ, и к пропаганде Соссюра, и к философским установкам обоих). Между тем, как следует из письма, в области литературной они до 1924 г. единомышленниками как раз не были. Сравнивая все, что нам известно о литературных вкусах Ромма (рецензента сборника Пастернака "Сестра моя жизнь" и автора раздела о "Центрифуге" в планировавшемся МЛК труде по "новейшему поэтическому языку" ¹⁵), с оценками "Гермеса", можно с известной уверенностью заключить, что разделял их именно последовательный "антифутуризм" журнала, распространявшийся нередко и на Пастернака ¹⁶.

То, что именно Ромм оказывается первым "союзником" Горнунга после его отхода от "Гермеса", заставляет предположить, что причиной этого отхода был тот же антифутуристический пафос, обусловленный, видимо, (на это, кажется, тоже указывает контекст письма), позицией М.М.Кенигсберга ¹⁷. С этой установкой полемизируют стихи другого нового союзника Горнунга - Ф.М.Вермеля, вошедшие и в "Мнемозину" и в "Чет и нечет" ¹⁸. По существу именно в этом новом подходе зарождалась

15. Можно предполагать, что первый выпуск этого труда "Петербургские классики" должен был писать кто-то из круга "Гермеса".

16. Трудно сказать, связано ли это с расхождениями между авторами "Гермеса" или же с какой-то "эволюцией", но необходимо отметить, что в программной статье Б.В.Горнунга "Негмес" в первом номере журнала футуризму "в чистом его виде" противопоставляется в положительном смысле "внешне примкнувшая к нему школа "Лирика" - "Центрифуга", имеющая значение для русской художественной культуры <...> давшая Б.Пастернака и Н.Асеева" (№ 1, с.74-75). Отметим также, что в № 3 была напечатана статья К.Г.Локса "Заметки о Батюшкове" (№ 3, с. 188-193).

17. См. его статью "Возрождение слова (К выяснению футуристической поэтики)" (№ 1, с.82-87).

18. Ср. Богомолов Н.А. К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // ТТЧ. - С.177. См. также: Мазур С. Третий Тыняновский сборник (обзор статей) // Даугава. - 1990. - № 1. - С.112.

идея единства постсимволистских течений русской поэзии (т.е. "снятие" противопоставления акмеизма и футуризма), теоретически намеченная Б.Горнунгом в "Чете и нечете" и обоснованная в статье, написанной через полвека ¹⁹.

1

Москва
7 / VIII 23 г.

Глубокоуважаемый
Михаил Алексеевич!

Это мое письмо Вам вручит Борис Владимирович Горнунг - один из очень милых мне моих юных приятелей, весьма чтущий Вас. Б.В. принимает живейшее (и редакторское) участие в создании, на мой взгляд, отличных и нужных тетрадей рукописного журнала "Гермес". Перелистайте их пожалуйста и, коли найдете возможным, приласкайте. Буду Вам очень признательным за всякое внимание по отношению к Борису Владимировичу.

Всю жизнь свою (сознательную) я собираюсь сказать Вам, что очень люблю и творчество Ваше и весь Ваш облик, и неуклюже не сумел этого учинить - позвольте сделать это сейчас.

Преданный Вам Ар.Альвинг

19. Горнунг Б.В. Черты русской поэзии 1910-х годов (к постановке вопроса о реакции против поэтического канона символистов) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В.Виноградова. - Л., 1971. - С.262-269.

Отметим, что А.Ромм в "Гиперборее" в рецензии на поэтический сборник Б.Горнунга "Поход времени" (1925) сопоставляет его стихи со стихами Б.Пастернака и Н.Асеева.

Москва, 30 марта 1924 года

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич!

Приехавший недавно из Петербурга Б.П.Денике передал мне, что Вы передавали мне привет и спрашивали о тех Ваших стихах, которые Вы дали мне для Hermes'a. Из этого я решаюсь сделать два вывода : 1)что Вы меня не забыли, 2)что Вы наверно не получили моего письма (от 4 января этого года), в котором я писал Вам о том, что Ваши стихи напечатаны в четвертом номере нашего журнала, выход которого пока задерживается по некоторым техническим причинам. В том письме я послал Вам одно свое стихотворенье, которое мне почему-то очень захотелось посвятить Вам ; если Вы действительно того письма не получили, и если Вас оно интересует, я его опять пошлю. Кроме того, я просил Жирмунского достать у Вас "Параболы", но очевидно их нет даже и у Вас - м.б. Б.П.Денике напишет нам рецензию по памяти. Я просил также Викт < ора > Макс < имови > ча обязательно дать Вам для прочтения третий номер Hermes'a, который он увез из Москвы в январе.

Читали ли Вы первые два? - нас всех очень интересует Ваше мнение.

Я еще раз буду просить В.М. ознакомить Вас с Hermes'ом, и ,если он не оставит у Вас скверного впечатления, мы надеемся, что Вы не откажетесь дать нам что-нибудь из прозы. Так как наш журнал ничем не связывает, м.б. Вы бы нам прислали какие-нибудь отрывки из "Виргилия" или "Римских чудес", а также, если у Вас имеются, какие-нибудь заметки вроде "Чешуи в неводе". Для будущего (пятого) номера мы бы с удовольствием приняли и стихи из "Парабол", раз этот сборник не пропущен в Россию. (Ведь наверно в "Абраксасы" попало не все). М.б. что-нибудь найдется и у Ю.И. < Юркуна > ?

Наш отзыв об "Абраксасах" (оценка общей позиции) довольно суровый. Если помните, я Вам об этом говорил осенью. Мы обвиняем сборники в примате поэтики над поэзией (а наря-

ду с этим приматом - "эмоционализм"). В частности, защищается у нас Георгий Иванов от Вашей несправедливой оценки в "Письме в Пекин".

В четвертый номер мы приняли полный перевод *Carmina Prigrea* (пер. Парского под ред. и с комментариями Д.Н.Дементьева - ученика Зелинского), затем "*Peruigilium Veneris*" в переводе Шервинского (Кстати : дошли ли до Петербурга его "Стихи об Италии" - хорошо бы, если <бы> нам написал на них рецензию кто-нибудь из обитателей Ленинграда), много переводов Гете, переводы орфических гимнов и др. Передовая статья (моя) - "Проблемы эстетики и художественной культуры в последние годы русской жизни".

Я стараюсь пропагандировать поздних французских романтиков, главн. образом Нодье и Бореля. М.б. напечатаем в Москве (уже не кустарным, а типографским способом) сборник романтических новелл. Из немцев в него войдут тогда "Гайматохара", Тик и сказки Брентано (м.б. также Арним). Ведь все эти авторы (кроме Гофмана) в России совсем неизвестны и статьи о них с приложением одной вещи в переводе могут быть русской публике не лишними.

Очень жду от Вас какого-нибудь ответа и непременно Вашего приговора над *Hermes*'ом (О.Э.Мандельштам назвал его НЭП'овским антиквариатом - верно ли это?).

А.А.Альвинг и В.И.Мозалевский шлют Вам свои приветы - последний тоже собирается Вам написать.

Уважающий Вас Бор. Горнунг

Адрес мой : У Чугунного моста, Садовническая набережная, д.1, кв.7. Борису Владимировичу Горнунг

Москва 3 / 5 сентября 1924

Дорогой Михаил Алексеевич!

Так как кроме этого письма я еще подписываю общее письмо руководителей "Мнемозины" (никакой официальной редакции у нас нет), я не буду повторять Вам всего того, что естественно может вызвать получение от Вас стихов до нашего обращения к Вам. Обратиться к Вам, также как и к А.А.Ахматовой, мы намерены были непосредственно после получения ответа от Б.К.Лившица. У нас была твердая надежда, что его ответ будет *таким*, каким он и был на самом деле, но разумеется были опасения, если не обратного, то все-таки иного отклика. Тогда м.б. несколько иными были и те формы, в которые должна отлиться "Мнемозина". Теперь же, когда мы получили право считать Б.К. принадлежащим к ядру группы. это ядро состоит из четырех человек : его, А.И.Ромма, Н.Ф.Бернера и меня, которые все десять лет тому назад, кто в печати, кто в публичных выступлениях, а кто еще только в частных спорах, занимали позицию *тогдашнего* футуризма (в его московской физиономии). Не выступая в печати, мы с А.И.Роммом, начав писать и войдя в литературные круги в том же 1914 году, воспитались в напряженной - до подлинного трагизма доходящей - атмосфере зимы 13-14 года (насколько я знаю, главным образом из разговоров с Сергеем Абрамовичем <Ауслендером> и А.А.Ахматовой, эти два года, 1912-1914, и у Вас в Петербурге и в Царском, были незаурядными, но ничего общего с московскими тонами этого времени не имели). Вот эта-то закваска - "Свободной эстетики", "Гилеи" и танго - и определяла весь наш дальнейший путь, очень сходный у меня и у А.И.Ромма, хотя общение наше в прошлом происходило главным образом на почве университетской науки. Каждый из наших этапов был не случайным, а исторически-необходимым. Не случайно у меня после моего акмеизма 1921-22 годов, те невнятные стихи, которые я читал Вам прошлой осенью, и теперь после них устремления, которые привели меня

к "Мнемозине", где я объединился с еще недавно далекими мне лицами. Конечно, Б.К. для меня один из метров, но я полагаю, что сегодняшняя ситуация русской художественной культуры решает мне считать себя равноправным с ним членом группы, возглавляющей "Мнемозину".

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы этою весной мои давно подготавливавшиеся разногласия с "Гермесом" привели меня к выходу из его состава. В дружеской беседе Г.Г.Шпет также находил необходимым, чтобы я - не разделяющий их позицию, непримиримо-принципиальную и нетерпимую по отношению к многим художественным явлениям, для меня очень значимым, образовал иную группу. В этих своих стремлениях я немедленно же после своего выхода (в июне месяце) столкнулся с такими же стремлениями А.И.Ромма, Н.Ф.Бернера и С.Я.Парнок, которые в течение последней зимы работали в кружке поэтов, куда кроме них входил Пастернак, Юл.Анисимов, Вера Станевич, Г.Шенгели и мног. др., включая Андрея Белого. Так родилась "Мнемозина". Я думал, что наши отношения с "Гермесом", который, как мне казалось, должен был попрежнему существовать и без меня, будут носить характер дружески-полемический. Но 30 июня скоропостижно скончался председатель редакции "Гермеса" М.М.Кенигсберг. Издание заканчивает свое существование, собираясь после 4-го номера выпустить только сборник статей памяти М.М. Сейчас мне в *неофициальном* порядке приходится принимать снова самое близкое участие в их редакционной и ликвидационной работе. Это положение, вызванное печальным обстоятельством смерти Максима Максимовича, позволило примкнуть к "Мнемозине" и части гермесовцев. Так близкими нашими сотрудниками становятся Н.В.Волькенау, которую Вы наверно помните, и даже мой брат, начинающий отходить от своего исключительного пиэтета к покойному Н.С.Гумилеву.

Если Вы видели у Б.К. предисловие к "Мнемозине", Вы наверно обратили внимание на фразу, которой это предисловие кончается : "Мы счастливы, что нам сопутствуют благосклонные к нам учителя - наши старшие современники". Она включена в

надежде на благосклонность этих учителей. Кроме Б.К., находящегося по отношению к нам в особом положении, мы собирались обратиться к Вам, Ахматовой, Верховскому и Вяч. Иванову. Ю.Н.Верховский, бывший первую половину августа в Москве, отнесся к нам очень сочувственно и дал нам стихи из цикла "Од и этюдов", написанных на римские темы. Вместе с ним мы обратились к Вячеславу Иванову, который со времени своего приезда в Москву из Баку был очень благосклонен к "Гермесу" и дал туда свои вещи. В результате моего шестичасового с ним разговора мы резко разошлись. Ощущая ту же разницу - многими не очень улавливаемую - которая отличает "Мнемозину" от "Гермеса", он решительно стал на сторону последнего, а кроме того упрекал нас в несовременности, в отрыве от сегодняшней русской действительности и фронде(?). Мы с большим сожалением вынуждены были признать себя идеологическими врагами автора "По звездам" - книги, руководившей нами при наших детских литературных шагах. Но вместе с тем, это расхождение с Вяч. Ивановым, за которым последовала неожиданная радость, вызванная Вашим сочувствием, еще более укрепила нас в сознании единственной правильности нашей теперешней позиции.

Мы откладывали обращение к Вам еще и по той причине, что с издателем у нас еще не окончательно выяснен точный размер альманаха, а с этим связан вопрос, будет ли в нем проза. Мы напишем Вам, если вопрос этот будет разрешен в положительном смысле, и будем очень счастливы получить от Вас главу из "Римских чудес" или из "Виргилия".

Я посылаю Вам отрывки и < з > начатой мною драматической поэмы "Эндимион" и очень хотел бы знать Ваше мнение о них. Тут же пересылаю Вам письмо и стихи Нины Владимировны Волькенау.

Искренне Вас уважающий
и любящий Борис Горнунг

Адрес : Москва. У Чугунного моста. Садовническая наб. 1, кв.7

Вильям Эджертон

Ю.Г.ОКСМАН, М.И.ЛОПАТТО, Н.М.БАХТИН И ВОПРОС О КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ОМФАЛОС"

/ Переписка и встреча с М.И.Лопатто /

В четырехтомном "Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей" И.Ф.Масанова (М., 1956-1960), без которого не может обойтись ни один специалист по русской литературе, имеется ошибка, за которую я глубоко признателен составителю. Она послужила толчком к моей переписке с М.И.Лопатто в течение последних лет его жизни и привела к нашей памятной встрече 16 августа 1980 года в его доме во Флоренции.

В первом томе Словаря на с.174 можно обнаружить такие строки :

Бутковский, Клементий = Юлиан Григ. Оксман.

Кавалерийские наезды. Пер. 1916. И с т. : сбщ.
П.Н.Берков.

Когда наступившая 15 сентября 1970 г. кончина виднейшего ученого-литературоведа Юлиана Григорьевича Оксмана осталась совершенно неупомянутой в печати на его родине, я считал своей обязанностью и привилегией опубликовать некролог и библиографию его трудов и распространить экземпляры среди его друзей и коллег так широко, как только возможно. Был я знаком с Юлианом Григорьевичем с 1958 года, встретившись с ним тогда в Москве на Четвертом международном конгрессе славистов. Незадолго до смерти он вручил мне экземпляр библиографии своих трудов, доведенной им до 1957 года. После его кончины я имел возможность завершить ее с помощью жены Оксмана, Антонины Петровны, его многочисленных друзей и учеников. Сравнивая библиографическую информацию, полученную от них, с данными Словаря Масанова, я так и не смог нигде обнаружить упомянутых "Кавалерийских наездов". Согласно журналь-

ной рецензии на эту книгу ¹ правильным названием является не "Кавалерийские наезды", а "Кавалерийские победы". Это был сборник стихов, выпущенный издательством "Омфалос" и датированный не 1916, а 1917 годом. Присутствующее же в Словаре сокращение "Пер." оказалось опечаткой и расшифровывалось не как "перевод", а как "Петроград" - место издания книги. Библиография А.К.Тарасенкова "Русские поэты XX века. 1900-1955" (М., 1966) подтверждает эту информацию и, кроме того, указывает, что "Кавалерийские победы" были изданы тиражом всего 300 экземпляров. Насколько мне известно, ни один из этих 300 экземпляров не существует где-либо за пределами Советского Союза.

В ответ на мою просьбу, адресованную литературоведу из ближайшего окружения Юл.Г.Оксмана, его бывшему ученику А.Л.Гришунину помочь мне разрешить загадку "Бутковского", Андрей Леопольдович написал 22 декабря 1971 года письмо, которое настолько интересно и важно, что с разрешения автора я привожу его полностью :

"Глубокоуважаемый Вильям Павлович!

Загадка "Бутковского" оказалась весьма занимательной и трудно-разрешимой. Полной ясности тут у нас нет, хотя многое раз-ыскалось. Антонина Петровна хорошо помнит эту книгу ("Кавалерийские победы"), но никогда не слышала она от Ю.Г., будто он - ее автор. Однако присутствовавшая при нашем разговоре соседка по квартире, знавшая Ю.Г., припомнила, что он ей говорил, будто у него была когда-то книжка юмористических стихов.

А.П. же думает, что Бутковский - псевдоним одного одесита, друга некоего богача и поэта, Михаила Иосифовича Лопатто, тоже из Одессы. С этим Лопатто Ю.Г. учился. Вокруг него образовался кружок и вышло несколько юмористических книг под маркой издательства "Омфалос". Все это было игрой, выдумкой ради смеха, и самое наименование издательства - "Омфалос"

1. Летопись. - 1916. - № 11. - С.313.

- по-гречески означает "пуп". Естественно, что и имена авторов были вымышленными.

Книжка Бутковского нашлась в библиотеке Юлиана Григорьевича. Привожу ее точные выходные данные, списанные мною с самой книги :

Бутковский, Клементий. Кавалерийские победы. Стихи. Книгоиздат. "Омфалос". Пгр. 917.

Дозволено Военной цензурой. Пгр., 2 сентября 1916 года.
Памяти Николая Дмитриевича Поспелова. 46 стр.

В книге две части : 1. Труды. 2. Стихи к Мирре. Рецензия в "Летописи" очень выразительна и покоряет своим нравственным пафосом, но она совершенно неубедительна, неосновательна и написана, вероятно, каким-то маниакальным сверхпатриотом того времени. Все стихи датированы 1915 и 1916 гг. и очень хороши, остроумны, проникнуты (в части 1-й) единым антивоенным настроением. Лирический герой-повествователь с горьким юмором сообщает о кошмарных трудностях, опасностях и невзгодах военной жизни. Ни о каком "боевом духе" в этих условиях не может быть и речи ; герой с удовольствием, например, прячется за куст, чтобы хоть на минуту отключиться от кошмара и передохнуть. Вот Вам - для примера - образчик одного из сарказмов :

И опять земля сырая
Примет щедрые дары...
Умирая, умирая,
Будут воины храбры.

(стр.19)

В тексте, между прочим, герой называет свое имя - "Клементий" (стр.35). Никаких помет от руки на экземпляре Ю.Г. нет.

Мне показалось, что весь юмор книги - в духе Ю.Г. Особенно характерен эпиграф :

Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.

Пшк.

А.П. допускает участие Ю.Г., но автором он вряд ли был, потому что ей он об этом никогда не говорил (а утаивать не было никаких оснований), да и самая тема стихов (о войне) была ему совершенно чужда.

У Ю.Г. нашлись еще две книги издательства "Омфалос" :
Омфалитический Олимп. (Забутые поэты).

"Омфалос", 1918. 15 стр.

На экземпляре этой книжки, представляющей собой сборник стихов нескольких поэтов, в том числе и Клементия Бутковского, есть автографы (подписи имен) всех участников, в том числе и "Клементия Бутковского" (совсем не рукой Ю.Г.!). Но вот что странно : на странице 14, где начинаются стихи Бутковского, означены годы его жизни : "(1891-1917)". А помещенные здесь стихи все взяты из книги его "Кавалерийские победы". Как получилось, что Клементий Бутковский расписался собственноручно на книге, в которой обозначен год его смерти, - ума не приложу! А.П. склонна все объяснять "игрой".

Третья книга :

Михаил Лопатто. Круглый стол. Стихи.

Петроград - Одесса, "Омфалос", 1919. 94 стр.

М.И.Лопатто в 1920 г. уехал из Одессы во Флоренцию. Там в 1959 г. он издал еще книгу стихов (а в Петербурге в 1916 г. издавался его сборник "Избыток"). В 1969 г. кто-то сообщил Юл.Григорьевичу, что Лопатто жив, занимается коммерцией, но пописывает и стихи. Больше о нем ничего не известно. [Подстрочная вставка :] Если он сейчас жив, то он должен знать, кто - "Бутковский".

Вот и все, что удалось выяснить. Участие Ю.Г. в стихах Бутковского возможно, авторство же - сомнительно, но не исключено. Ведь взял же откуда-то это П.Н.Берков! Странно, что Масанов не сослался на самого Ю.Г., - Словарь выходил при его жизни.

Забыл еще одну деталь : на обложке книги М.Лопатто (1919) указано в порядке анонса, что готовится второе издание "Кавалерийских побед" К.Бутковского. Но, по-видимому, оно не вышло.

Антонина Петровна и я весьма удовлетворены известием, что библиография и некролог Ю.Г. появятся в печати. Но все мы заинтересованы в том, чтобы статья была "в рамках". А.П. очень об этом просит. Что же касается библиографии, то это - материал объективный, и он не так беспокоит.

Желаю Вам здоровья и счастья в Новом Году. И, конечно же - мира во всем мире!

Ваш
А.Гришунин

P.S. Михаила Лопатто А.П. лично знала, и на его книге 1919 года есть его дарственная надпись ей. (Ю.Г. тогда не было в Одессе)".

Когда я получил это письмо, некролог Юл.Г.Оксмана и библиография его научных трудов были мною уже закончены и посланы в Голландию для публикации в журнале "Russian Literature".

Прочитав пожелание Андрея Гришунина от имени Антонины Петровны, чтобы некролог был "в рамках", я тут же послал телеграмму голландскому издателю с просьбой подождать с публикацией некролога до тех пор, пока я не заменю в нем два отрывка. Вместо них я дал следующий текст :

"Так как глубокая и обстоятельная биография Юлиана Григорьевича все еще остается делом будущего, этот очерк по необходимости краток и неполон. После десятилетнего перерыва, с конца октября 1936 года, в своей научной деятельности Оксман начал работать на филологическом факультете Саратовского университета, где преподавал вплоть до конца 1957 года". Одновременно я написал Андрею Леопольдовичу следующие успокоительные слова : "По получении Вашего последнего письма я ото-

слал некролог в отшлифованных рамках, так что портрет, мне кажется, и Вам и Антонине Петровне понравится”².

Сейчас, когда гласность сделала возможным заполнить некоторые “белые пятна” в современной русской истории и даже принято решение воздвигнуть памятник жертвам сталинизма, время представляется мне подходящим, чтобы восстановить первоначальный текст некролога Юлиана Григорьевича, приведя здесь два отрывка, исключенные мной в 1972 году :

”Затем, в конце октября 1936 года, Оксман был внезапно арестован. По свидетельству бывшего редактора академического издания Пушкина, ныне живущего за границей, ”этот арест явился полной неожиданностью для Оксмана - настолько, что он посчитал визит агентов ГПУ ”простым недоразумением” и захватил с собой часть корректуры издания, чтобы прочесть ее в тюрьме : он был абсолютно убежден, что это недоразумение вскоре выяснится и он вернется домой через день или два вместе со своей корректурой”³. В действительности же он вернулся из заключения через десять лет. Его сравнительно быстрое освобождение явилось кроме всего прочего результатом усилий, предпринятых его многолетним другом, замечательным специалистом в области русской литературы XVIII века Г.А.Гуковским, бывшим в то время профессором Саратовского университета. Сам Гуковский погиб четыре года спустя, 2 апреля 1950 г. Обстоятельства его гибели объясняются в Краткой литературной энциклопедии (Т.2. 1964. С.438-439) с помощью стандартного эвфемистического клише : ”В связи с нарушениями социалистич. закон-

2. Эта версия некролога ”Юлиан Григорьевич Оксман, 1895-1970” была опубликована в качестве заглавной статьи в : Russian Literature . - (The Hague), 1973. - № 5. - P.5-34.

3. Domherr L.L. The Pushkin Edition of the USSR Academy of Sciences. Research Program on the USSR (East European Fund, Inc.) // Mimeographed series. - New York, 1953. - № 45. - P.48-49. Автор этой 110-страничной книги с 1935 по 1941 г. был членом редакционной коллегии, готовившей академическое полное собрание сочинений Пушкина.

ности в период культа личности Сталина был репрессирован в 1949 ; посмертно реабилитирован”.

В 1946 году Оксман присоединился к Гуковскому на филологическом факультете в Саратове, где и преподавал вплоть до конца 1957. < ... >

Проведя десять лет в “Мертвом доме” в качестве жертвы справедливо осужденных советскими властями “нарушений социалистической законности”, Оксман вышел из этого тяжелого испытания с той внутренней свободой, которая дарована лишь прошедшим через слишком многое, чтобы они могли еще чего-либо бояться. С того времени, как он вернулся в Москву в 1958 году, и до самого конца своей жизни, он поддерживал вполне нормальные по международным меркам контакты с учеными на родине и за рубежом, так же мало тревожась о своей личной безопасности, как будто бы он жил в Париже или в Лондоне. Словно по какому-то странному закону компенсации, его полное презрение к страху, казалось, внушало страх другим, тем, кто занимал в обществе более прочные позиции. С 1965 г. и до начала 1970-го его публикации почти без исключений становились источниками дополнительных сведений для новых изданий Словаря Масанова, а его имя появлялось в печати так редко, что это наводило на мысль об ошибках цензуры”.

Получив письмо А.Л.Гришунина от 22 декабря 1971 г., в котором тот упоминал имя М.И.Лопатто, я вспомнил одну бывшую преподавательницу русского языка в Индианском университете, которая была когда-то замужем за родственником Лопатто. Взяв у нее адрес Михаила Иосифовича, я 19 января 1972 г. написал ему во Флоренцию. Я рассказал о своем знакомстве с Юлианом Григорьевичем и о том, что “получив 16 сентября 1970 г. от Антонины Петровны телеграмму, сообщавшую мне о его смерти, я разослал тяжелое известие всем нашим общим знакомым в США и Канаде. Мое письмо побудило некрологи, опубликованные в нью-йоркских газетах “Новое русское слово” и “Нью-Йорк Таймс” и в парижской газете “Русская мысль”. Затем, упомянув о подготовке к печати библиографии Оксмана, я

спрашивал, может ли он мне что-либо сообщить о настоящем авторе "Кавалерийских побед" (а также предлагал написать статью-ку об "Омфалосе" "для какого-нибудь из эмигрантских журналов - пожалуй, для "Нового журнала").

В своем ответе, который приводится ниже, Лопатто указал, что этот сборник стихов принадлежит не Оксману, а молодому художнику и поэту Виктору (Веньямину) Бабаджану. Наиболее важным здесь, а также в следующем (от 14 июня 1972 г.) письме Лопатто была информация о ранее неизвестном кружке молодых поэтов, занимавшихся сочинением сатирических пародий на модные течения в западноевропейской и русской поэзии конца XIX и начала XX столетий. Их деятельность началась в Вильне, где Лопатто учился в гимназии вместе с Николаем Михайловичем Бахтиным (1894-1950), старшим братом будущего известного литературоведа. Когда Лопатто в 1912 г. и годом позже Н.М.Бахтин были приняты в Петербургский университет, они продолжили свое пародийное стихотворство вместе с присоединившимся к ним Бабаджаном. Лопатто пишет, что трое молодых людей сочиняли свои иронические стихи "для упражнения в совершенствовании техники, как музыканты играют гаммы и этюды". В 1917 году они создали собственное книгоиздательство под пародийным названием "Омфалос" ⁴.

Война и Октябрьская революция привели к распаду "Омфалитического Олимпа". Н.М.Бахтин в 1916 году пошел добровольцем на фронт, затем после революции вступил в Белую армию (о чем, как утверждают, он позднее искренне сожалел). Большую часть 20-х годов он провел в Париже. В 1932 г. обосновался в Англии. После получения в Кэмбридже степени докто-

4. Собственно говоря, один из участников "Омфалитического Олимпа", Н.М.Бахтин, уже возвращен читающей публике. Этим мы обязаны проф. Реджинальду Кристьяну (университет Св.Андрея, Шотландия), который в 1977 г. опубликовал в высшей степени интересную биографическую заметку и 24 стихотворения (отнюдь не пародийных) Бахтина, под общим заголовком "Некоторые неопубликованные стихи Николая Бахтина" в Oxford Slavonic Papers. New Series. - 1977. - Vol.X, откуда я и заимствую основные сведения об этом филологе и поэте.

ра филологии за исследования в области античной литературы, он преподавал древнегреческий язык и лингвистику в университете в Бирмингеме с 1938 по 1950 г. - до самой своей смерти. Лопатто в конце октября 1917 г. уехал из Петрограда в Одессу, где вместе с Бабаджаном продолжил деятельность книгоиздательства "Омфалос" вплоть до самого конца 1919 года. В 1920 г. Лопатто эмигрировал в Италию и обосновался во Флоренции. Согласно его письму от 30 января 1972 г., приводимому ниже, Бабаджан был расстрелян в Крыму в 1922 году.

Как следует из публикуемых здесь писем, после более чем полувековой изоляции от всех своих знакомых, оставленных на родине, Лопатто был глубоко тронут известиями о своем старом друге Юл.Г.Оксмане. "Это - последний из моих друзей юности, настоящих", - написал он. Они с Антониной Петровной были весьма рады тем приветствиям, которыми им удалось обменяться друг с другом посредством моей переписки с А.Л.Гришуниним. 16 февраля 1974 года, когда Лопатто наконец получил экземпляр некролога и библиографии Юлиана Григорьевича, он ответил мне теплым письмом, полным благодарности.

С 1974 года семейные обстоятельства в течение пяти лет мешали мне продолжать нашу переписку. Затем внезапно в пределах восьми дней января 1979 года, по какому-то чуть ли не мистическому совпадению, Михаил Иосифович и я почти одновременно отправили друг другу послания. Получив его письмо, я немедленно затеял планы посещения его в следующем году в связи с поездкой в Италию на международную конференцию по Достоевскому.

Прибыв во Флоренцию 16 августа 1980 года, я посетил его на Виа Лоренцо Беллини и провел с ним шесть часов в беседе на широкий круг тем. Несмотря на преклонный возраст - 88 лет, Лопатто обладал ясным и живым умом, однако его физическое состояние было далеко не лучшим, к тому же он еще не оправился после недавнего серьезного приступа уремии. Он задал мне много вопросов о Юлиане Григорьевиче и Антонине Петровне, а также касательно тех ученых-литературоведов, кото-

рых он хорошо знал и с которыми учился в молодости. Лопатто подарил мне экземпляр своей книги "Стихи", изданной в Париже в 1959 г., а также экземпляр собственного итальянского перевода своего романа "Чертов сын. Россия : 1904-1928", полного загадок и тайн, опубликованного под псевдонимом Ашина (Ascina. Il figlio del diavolo. Russia : 1904-1928. Firenze, 1977). В своем письме от 2 января 1979 г. он охарактеризовал этот роман как первую часть русской трилогии, "своего рода поэму зла", которую он создал как воплощение своей художественной теории, изложенной в изданной еще в России, в "Омфалосе", книге "Введение в теорию прозы" (1918).

Расставшись с Михаилом Иосифовичем и продолжив свое путешествие, я отправил из Милана письмо А.Л.Гришунину, в котором изложил обстоятельства своего визита. Два месяца спустя мною был получен ответ от Андрея Леопольдовича, где тот описывал возбуждение, вызванное моей открыткой в Москве:

"Вашу открытку из Милана я получил 15 сентября - в самый день памяти Юлиана Григорьевича. Вечером у Антонины Петровны собрались друзья, и я прочитал Ваше послание. Как оживилась, как обрадовалась А.П., когда узнала, что жив М.И.Лопатто и что Вы с ним виделись и беседовали! Через несколько дней был у нее Михаил Павлович Алексеев, который безусловно знал Михаила Иосифовича по старой Одессе, и снова они с удовольствием обсуждали сообщенное Вами".

На следующий же день, 24 октября, я отправил длинное послание Михаилу Иосифовичу, в котором цитировал слова Андрея Леопольдовича. К сожалению, я так и не получил ответа - возможно, это был знак того, что болезнь Лопатто усилилась. В начале 1981 года его не стало.

Со времени кончины Лопатто было обнаружено еще одно письмо, содержащее новые детали о взаимоотношениях Михаила Иосифовича с другими молодыми пародистами "Омфалитического Олимпа". Оно было написано Лопатто в 1951 году и адресовано мисс Франческе Уилсон, по-видимому, в ответ на ее просьбу сообщить что-либо о его юношеских, совместных с Бахтиным, поэ-

тических опытах. Мисс Уилсон была англичанкой, работавшей в Квakerском обществе вспомоществования во время Первой мировой войны и гражданской войны в Испании. Она приняла участие в судьбе Бахтина, когда он впервые приехал в Англию в 1928 году, и затем помогла ему получить место преподавателя в университете в Бирмингеме. Часть бумаг Бахтина, в том числе и воспоминания об этом, находятся в архиве проф. Реджинальда Кристьяна. С его любезного разрешения мы приводим здесь русский перевод французского оригинала письма Михаила Иосифовича.

Согласно публикуемым здесь письмам, М.И.Лопатто и его маленький поэтический кружок, организованный вокруг книгоиздательства "Омфалос", столь же презрительно относились к новым декадентским и символистским тенденциям в западноевропейской и русской литературе, как и Толстой, позиция которого по этому вопросу изложена в трактате "Что такое искусство?" После эмиграции в Италию в 1920 г. Михаил Иосифович изолировал себя и от литературных течений на родине, и от литературной жизни русской эмиграции. Конечно, его пренебрежительные замечания относительно таких фигур, как Блок, Мандельштам и Ахматова, не могут поставить под вопрос те позиции, которые они занимают в ряду величайших поэтов нашего века. Публикуемые письма помогают спасти из литературного забвения М.И.Лопатто и двух товарищей его юности. Содержащаяся в этих письмах информация ставит вопрос: не настало ли в 90-х годах XX столетия время для пересмотра места их веселых пародий в истории русской сатирической литературы?

Письма М.И. Лопатто к В.Эджертону

Флоренция, 30 января 1972 г.

Многоуважаемый Вильям Павлович,

Ваше известие о смерти Юлиана Григорьевича Оксмана меня опечалило в моем духовном уединении, хотя я и привык к потерям. Это - последний из моих друзей юности, настоящих. Я имел о нем сведения года два тому от проф. Струве, что он жив, но болен. Конечно, надежды на свидание не могло быть. Я не получаю русских журналов и давно не имею связи (вполне сознательно) с моими соотечественниками, а друзья ушли в тень давно. Но что общего у меня с этими щепками давно прогнившей российской интеллигенции? Охотно сообщу Вам все, что помню о Юл.Григ., но статей не пишу.

Я дружил с Юл.Гр. еще в Петербурге, где в 917 г. мы оба были оставлены при Университете и затем произведены в младшие преподаватели Ун-та. Я встречался с ним и в Пушкинском семинарии С.А.Венгерова. В 917 году осенью я покинул Петербург (увы, навсегда) и взял командировку в Одесский Ун-тет по общему языкознанию. Ю.Г. занимался историей литературы.

Вместе с Н.М.Бахтиным мы еще в Петербурге и почти не печатаясь заняли позицию очень критическую по отношению ко всей нашей лжепоэзии последних десятилетий. Бахтин был грековедом, учился у Ф.Ф.Зелинского, писал удивительные стихи, но уже тогда тайно мучился нашим отъединением и отсутствием почвы для творчества. "Для кого писать?" - говаривал он позже. Я же остался самим собой и до сегодня. В самом деле, в чьих руках была наша литература до окончательного ее разгрома? С одной стороны, были болтуны - сознательные интеллигенты "Речи", а с другой, ломаки, псевдопоэты от Брюсова до Блока, от Мандельштама до дамских рукоделий Ахматовой (как говаривал Кузмин, один из немногих полупоэтов), и все это перло вперед, воспитывало дурной вкус. А мы мечтали о Возрождении, несво-

евременно, явно ощущая близкое уничтожение всех духовных ценностей. Бахтин скончался лет 15 тому профессором греческого в Кембридже.

Ю.Гр. стихов не писал и в Омфалосе не участвовал. В Одессе мы встречались ежедневно. Мы жили для кормления, т.к. в Питере было голодно и холодно. Тем менее он участвовал в Омфалосе.

Книгу "Кавалерийские победы" написал Виктор (Веньямин) Бабаджан, очень молодой художник и поэт, примкнувший к Омфалосу, расстрелянный в 922 г. в Крыму. Его же - серьезная (настоящая) книжечка стихов "Всадник". Точно так же Омфалос издал мою книгу "Круглый стол" (стихи) и "Введение в теорию прозы" - все это на туалетной бумаге. У меня не сохранилось ни одного экземпляра.

В 958 / 9 году я издал в Париже часть моих стихов, но не принадлежа и не желая общаться с российскими щепками (в роде моего давнего приятеля болтуна с претензиями Адамовича или местечкового интеллигента Слонома и т.д.), успеха и распространения моя книга не имела (несмотря на лестный отзыв Терапьяно). Это было мной предсказано в стихах : "...варвары сотрут мои октавы, как заклинания враждебных чар..." Полагаю, что книга эта залежится еще лет на 100, а там летописец Пимен ... начнется Возрождение Духа.

Пока что в погребке у меня лежат 500 экземпляров, с которыми не знаю что делать. Не хотелось бы, чтобы у вас получилось впечатление, что мое унижение паче гордости. Я просто начисто равнодушен ко всякому успеху, стихи я создавал (не писал) не из пустого самоцванства, почти против воли, и, полагаю, достиг подлинной гармонии и совершенства, увы, никому не нужного.

Иронические стихи (см. "Омфалитический Олимп") Бахтин, Бабаджан и я писали для упражнения в совершенствовании техники, как музыканты играют гаммы и этюды. Отдельных стихотворений было множество, десятки вымышленных поэтов паро-

дировали ложную лирику (экзотику, "сознательное направление", ложный пафос, символизм и т.д.) последних десятилетий.

Сведения Гришунина обо мне правильны за исключением только, что богачем я никогда не был. У меня были состоятельные родители (ограбленные, как все), но сам я был беден и бежал как мог из Одессы в 920 г., т.к. меня товарищи расстреляли бы непременно. Впрочем, я давно уже желал поселиться во Флоренции. Проф.Щерба обещал мне командировку для изучения осских и умбрских наречий. Человек предполагает... Мои давние предки хазары торговали пушниной. Видно и мне судьба велела.

Если Вам нужны еще какие сведения о Юл. Гр-че, то я в Вашем распоряжении. В Петербурге я посещал глупейший Цех поэтов (по вине Адамовича) и дружил с Кузминым, Мандельштамом, Гумилевым и другими любопытными стихослагателями.

Жму руку, если будете во Флоренции, не забудьте.

Ваш М.Лопатто

При случае сердечный привет Антонине Петровне. Старых друзей я не забываю.

Очень хотелось бы узнать о Вас лично и каким образом Вы специализировались? По имени Вы не русский, но по слогу - да.

Флоренция, 14 июня 1972 г.

Многоуважаемый Вильям Павлович!

Спасибо за Ваше милое письмо от 16.5.

Вот что я могу Вам сообщить вкратце о моих деяниях в России, прерванных не по моей вине, оставшихся без последствий, но навсегда ли? История гуляет по кривой, как пьяница, сметая не одни плевелы и ощепки.

Буду очень рад Вас узнать и Вы непременно должны меня посетить в октябре или когда возможно.

Традиция иронических стихов в России не нова. Не говоря о родных зубоскалах и свистунах-семинаристах, от Пушкинской Гавриилиады и Руслана через А.Толстого (неумирающий Кузьма Прутков) до пародистов (Саша Черный, Измайлов), нет ни одного поэта, не писавшего шуточных стихотворений.

Омфалос в сущности родился в Вильно, где я и, годом позже, Бахтин кончили гимназию. Уже тогда в Европе пробудился - увы, не надолго - интерес к Возрождению (Бурхард, Мережковский, Ф.Зелинский) в противовес Вырождению т.е. декадентству и его наследнику символизму. "Рождение Трагедии" Ницше было первым толчком и откровением нового созерцания. От эпидермических щекотаний стихотворного самолюбования надо было перейти к подлинному творчеству. Мы пропитывались гуманизмом, философией противоположностей, гармонией созиданий. Но литература, не поэзия, во всей Европе была во власти разлагающих, упадочных словесников, и нам, юношам, нечего было и думать идти против течения. Пока что, все ища свои пути, мы пародировали и расхлебанных пустословов вроде Бальмонта и тупоумных, но ловких ремесленников типа Брюсова с их экзотикой, вымученным пафосом, лжепоэзией.

От виленского периода я смутно помню мои маленькие уморительные трагедии в стихах : "Конец мира", "Вестник смерти", "Призвание князей" и пр. В Петербурге прибавились придуманные лирики :

Онуфрий Чапенко ("Рябиновка") - дитя Бахтина, при моем участии, целая книга лирики : помещик, патриот, наследник Фета.

Бахтин привнес еще циклы лирики : Петр Лыков - экзотика, пародии на Брюсова, Гумилева и подобных ("Ласкали негры самок крокодилов, И отдавались женщины слонам"), Мирра да Скерцо (дамская поэзия, ломания Ахматовой). Прочих сейчас не вспомнить.

Петербургский период кончился в Одессе в 1918 г. перед крушением. С моей стороны вспоминаю циклы разных воображаемых лириков :

Федор Шпунт - купчик, денди, ученик Брюсова.

Потогонов - околоточный надзиратель :

По груди волосатой
Пот каплей тепловатой
Стекает на живот.
А муха точно злится
И все на лоб садится,
Сидишь как идиот.
Вдобавок отгоняя,
Пером в руке махая,
Запачкал я весь стол.
Ну что ж, я пересяду,
Ведь этакому гаду
Не влепишь протокол.

Или его же образчик ненужных стихосложений :

Весь застегнут и неистов
Мне приснился нынче пристав.
Что ж, мне молвил Потогонов,
Вы сегодня без погонов?

О стихах пробужденного к сознательности негра не вспоминаю.

Самуил Шмуклер из Белой Церкви, фармацевт :

Фаршированной шукой субботу
Я привык умиленно встречать.
Пахнет луком. На кухне с заботой
Ворошится вся красная мать.

Потом стихи к Лии.

Генерал Кондрашкин (В.Кн.Константин Константинович) :

Я спросил у беспутного ветра :
Где ты, старый мошенник, летал?
Пролетал я на два сантиметра
От твоей головы, генерал...
И спросил я у Мирры да Скерцо :
Поэтесса, я страха не знал,
От чего же дрожит мое сердце?

От любви, от любви, генерал.
Дьячок Козявка из Вшивого Холма:
Было ночью мне видение
По Господнему велению.
Два столпа узрел я каменных,
Два других поодаль пламенных

и пр.

Какое количество подобных шуток нами было написано, можете себе представить по тому, что за один присест каждый из нас писал почти набело цикл 8-10 стихотворений. Но памяти не удержать, а следов писания у меня не сохранилось, т.к. с собой я писаний не захватил. Среди бумаг Юлиана Григ-ча должен был сохраниться мой короткий роман "Видение Венеры" * , написанный мной на заказ Бахтина в две недели и на его тему прямо в переплетенную книжку. Я подарил ее Юл.Григ-чу еще в Петербурге. Это была пародия на легкость в мыслях и борзописание тогда в ходу (Юркун, Кузмин).

В Петербурге в Бродячей Собаке в одну из осенних ночей 914 года я сидел на ступенке в углу с Мандельштамом. Было время нелепой реторики и ура-патриотизма. Мне уже тогда было видно и поражение и разрушение старого мира (многие так думали, но не осмеливались высказать вслух). Поэмка моя как раз высмеивала пустую реторику о доблести русского солдата.

На границе ради шутки
Охраняли мы две будки.
Жил в одной наш командир,
Был в другой его сортир и т.д.

Бедный Мандельштам выслушал до конца, сжимая себе голову руками не то в ужасе, не то в отчаянии. Вот кто шуток не понимал. Все же мы остались друзьями. Позже он приходил ко мне, когда все давно спали кроме петухов, приходилось одеваться, будить прислугу и ставить самовар. Нельзя было не любить Мандельштама за его кротость, за беспредельную любовь к поэзии и романтическую возвышенность духа, хотя, к сожалению,

* < Приписка: > А также: введение в теорию прозы.

его творческие способности не соответствовали его стремлениям. Поэт в жизни, как это обычно бывает, он не был поэтом создателем. Он мучительно выжимал из себя стихи, эффектно стараясь покрывать внутреннюю неуверенность в себе самом. Однажды в Цехе поэтов он прочел последнее стихотворение, где то тут, то там не хватало стиха и невымученные стихи он заполнял мычанием. Бедный друг! Как и другие из моих тогдашних друзей (Гумилев, Кузмин), ничего не понял в России и слушать не хотел, когда я говорил, что надо уехать и где-нибудь на счастливом острове создать монастырь поэтов нового Возрождения. Все они погибли бессмысленно в стране, уже заклеянной Пушкиным (письмо к жене). С ними провалилась вся вырожденская литература, но до нового Возрождения далеко.

Но приезжайте, будет о чем поговорить, может, вспомню кое-что для Вас интересное, я не очень люблю писать, предпочитаю диалоги.

Гроссман ничего общего с Омфалосом не имел, но, кажется, был со мною вместе в Пушкинском семинарии Венгерова.

Самый искренний привет
М.Лопатто

Флоренция, 16 февраля 1974 г.

Многоуважаемый Вильям Павлович,
только вчера получил Ваш № 5, посвященный некрологу и библиографии милого Юлиана Григорьевича. Такая почта у нас.

Спасибо бесконечное. С волнением прочел все до точки. В моем отшельничестве все говорит о невозвратном и о невысказанном, но я всегда стараюсь побороть уныние. Жив дух!

Этот скромный список работ нашего Друга говорит о долгой героической работе - и в такой пагубной стране! - о любви и терпении, о всех отречениях, о непрерывном преодолении грубой действительности, о жизни для духа. Читаю даты, года и города изданий. Года работ без подписи. Скитания, ссылки...

Но Вы, Вильям Павлович, для меня - таинственный незнакомец, сложная загадка. Я все ждал Вашего посещения Флоренции, все жду. Было бы радостно узнать Вас, а у нас, хотя и беспорядочно, но жить чудесно. Я выбрал Флоренцию еще студентом в Петербурге в начале той войны : Россию я не любил, да не за что было любить. А наш патриотизм с мужичками, солью земли, был напускной. Конечно, не мог угадать, что придется порвать навсегда и со всем. Как бы ни был пессимистичен, история превзошла все опасения нашествия варваров. Но так вышло. и слава Богу.

У меня было много друзей. Бахтин умер давно в Кембридже, где преподавал греческий в колледже. С ним я встречался и здесь и в Англии. Но что случилось с пушкинистами : С.М.Бонди, Бернштейном, Виноградовым? Живы ли они? Знаю о Тыньянове <!> и Масловых, что их нет. Знаете ли Вы о других?

Но, главное, приезжайте! А то хоть я и крепок еще, но мне скоро 82. Не засиделся ли я тут?

Есть так много о чем поговорить на прощанье.

Сердечный привет дорогой Антонине Петровне и Вам

Ваш
М.Лопатто

Флоренция, 2 января 1979

Многоуважаемый Вильям Павлович,

Пять лет пронеслись с последнего моего письма. Надеюсь, что Вы живы и здоровы, как и я. Но я вас ждал, Вы не собрались к нам. Я живу теперь в полной уединенности. Стихов больше не пишу : стихи это - послание. Для кого писать? - говорил друг Ник.Бахтин. Я сделал героическое усилие и продолжал в поисках своего пути и настоящей гармонии в противовес лирическому дурачеству в литературе последних ста лет. Но

мир охвачен паникой вырождения и на настоящую поэзию нет отклика.

Мои стихи я читал только Пушкину и спрашивал : можно? Пушкин отвечает : пиши, живет. Не знаю, читали ли Вы мою книгу?

Увы, новый мир отказывается от книги и от усилия мыслить. Читают еще скандалы и "секси", избегая усилия : на то есть телевизия. Быть может, через много лет дух оживет, обидно, что от моего опыта вряд ли что сохранится по чисто материальным причинам.

В последние годы я писал художественной прозой. Трилогия, своего рода поэма зла, написана по-русски, но одну часть я перевел на итальянский и издал во Флоренции : "Чертов сын". Мне захотелось применить мою старую теорию о художественной прозе : Пушкинская краткость и ясность, все движется и живет без психологического размазывания и лишних слов. Тема прилегает к проблемам, унаследованным от прошлого века, примененная к моему трагическому опыту, в России. Одного рецензента поразила и техника письма и демитизация героев российского разгула. Он мне протелефонировал, спрашивая, личный ли это опыт или фантазия. Я не мог признаться, что все продукт воображения, хотя и правдиво. На то и искусство письма, чтобы все жило своей жизнью. Но кто в этом разбирается?

Кроме того, в книге есть мысль и требует от читателя усилия.

Как филолог, я считаю, что мое творчество как поэта должно быть сохранено. Но мои друзья все поумирали, а я никогда не старался протолкнуться сквозь толпу посредственностей с их нелепым чудачеством. Характерно для периода духовного упадка равнодушие к живому творчеству. Печатное слово оценивается успехом не по качеству.

Если бы я остался в Петербурге, то закончил мою теорию поэзии, принимая за основание критерии наследственности и связи поколений от Псалмов и Саффо до Пушкина и Тютчева в противовес декадентству последних ста лет.

Но о всем этом можно поговорить. Приезжайте, наконец, обещаю, не будете скучать в этой чудесной и такой неразумной стране.

Сердечный привет
Ваш М.Лопатто

Флоренция, 5 июня 1980

Многоуважаемый Вильям Павлович,
спасибо за Ваше письмо от 19.5, пришедшее с опозданием. Я уже было вытащил нашу корреспонденцию и собирался Вам писать.

Теперь мне все трудно. У меня был сильный кризис азотемии и теперь я лечусь на дому. Поэтому дома я всегда и буду рад Вашему приезду. Приедете Вы один или с семьей?

Покажу Вам мои никому ненужные писания.

Поговорим о покойной русской литературе и о Вас, кто пока для меня таинственный незнакомец. Узнаете, каким образом я стал гражданином самого прекрасного города в мире и как спасал его от разгрома.

Простите за краткость, но глаза у меня стали плохи.

С сердечным приветом и до августа
Ваш М. Лопатто

Письмо М.И. Лопатто к Ф. Уилсон

Флоренция, 5 марта 1951

Дорогая мадам Уилсон,
мне тяжело говорить о Бахтине. Не потому что несколько недель назад я узнал о его смерти от моего друга Шапиро из

Лондона, т.к. Бахтин писал мне редко и я привык к его внезапным приступам молчания, связанным, несомненно, с внутренними кризисами. Я лишь упрекал его иногда, что он не приезжает во Флоренцию. Я не слишком волновался, если он мне не отвечал.

Когда-то мне уже сообщали о его трагической смерти - с тех пор прошло много времени, и это тоже один из эпизодов его земного существования. Одесса, 1918 год, разгром и анархия. Вернувшийся с фронта Бахтин, один, без средств к существованию, после долгих месяцев неопределенности получил приглашение от богатых крымских землевладельцев с предложением заняться воспитанием их детей; он согласился и поехал. Месяц спустя я прочитал в одесской газете, что учитель Бекстовых (это была их фамилия) утонул вместе с двумя мальчиками, с которыми он катался на лодке в море.

К счастью, через некоторое время я получил письмо от Бахтина, где он объяснял мне, как было дело: приехав в Ялту, он обнаружил, что место уже занято другим учителем, и, таким образом, утонул не он, а тот. Он писал также, что его ботинки развалились, и он ходил в галошах. Но он никогда не обращал внимания на лишения, на отсутствие одежды - можно сказать, что он не замечал внешнего комфорта, будучи целиком погружен во внутреннюю жизнь.

Б. родился в Орле, но его отец, служащий банка, переехал с семьей в Вильно. Б., как и его младший брат, ходил в лицей <гимназию>, где учился и я, двумя классами старше. Я дружил со своим кузеном Михаилом Робачевским, погибшим в 1919 г. в боях с красными, и через него я познакомился с Б., когда ему было 14 лет. Вскоре он уже был членом нашей маленькой компании в Вильно; он подавал самые блестящие надежды и был одним из самых гениальных людей, которые когда-либо жили на свете. Наша эпоха слишком поглощена политической борьбой и экономическими преобразованиями, чтобы заниматься выращиванием гениев. Наши гении могут быть лишь провозвестниками, а не свершителями.

Эта невозможность осуществления раздражала Бахтина. "Зачем писать стихи, если никто не прочтет их?" - писал он мне в 25 лет. Он ненавидел даже тех, кто смог осуществить себя в предшествующие эпохи. Недавно в Лондоне он напал на Гете, упрекая его в том, что тот был лакеем, - бедного Гете, который вынужден был быть придворным.

В молодости мы были полны жизненных сил и жили напряженной духовной жизнью: нашей целью было познавать и создавать. А узнавать предстояло многое: нас ждали столетия человеческой мысли, тысячи непрочитанных книг. Поэты опередили нас в своем творчестве. Где взять наивную веру в зарождающееся слово? Надо было впитать то, что существовало в прошлом, преодолеть старое и создать новое.

Зарождалось новое слово и в поэзии, и в философии, и анализ, казалось, должен был победить фантазию.

Я познакомился с молодым Бахтиным, когда он был погружен в изучение современной русской поэзии, которую он высоко ценил, что было связано с его поисками новой формы: Брюсов, Сологуб, В.Иванов, Кузмин. Я не принимал манерность декадентов; импрессионисты, символисты и футуристы - все они, казалось, прикрывали различными масками отсутствие поэтического содержания. Настоящая поэзия не нуждается в том, чтобы ее подгоняли под литературные направления. Мое ироническое отношение, отделявшее меня от действительности, вскоре передалось Бахтину, хотя он и настаивал всегда на значении для него первых кумиров.

Порвав с новой традицией, мы всегда оставались чуждыми поэтической игре наших современников, - в дальнейшем это превратилось в своего рода отчуждение, особенно ярко выраженное у Б., что и было основной причиной его оторванности от жизни. Поэты предшествовавшего поколения были все же поэтами, венчающими эпоху, не имевшими учеников, как все виртуозы, оттачивающие свою виртуозность в ущерб поэзии.

Настоящая поэзия была в основе мышления Бахтина. Музыкальное слово, слово озаряющее рождалось в нем - он всегда был погружен в рождение слова. Его лирические стихи были в основном туманны и заведомо лишены композиции, на чистом вдохновении. Это было стремление освободить искусство от искусственности. Вся жизнь этого рыцаря духа была творческим исканием, иногда радостным и легким, иногда тяжелым и мучительным.

Во времена наших первых встреч мы представляли собой компанию (почти все ушли из жизни), - то беззаботную и ликующую, то, чаще всего, погруженную в умственную работу и в свой внутренний мир. Когда было тепло, мы гуляли за городом до рассвета. Гуляя, разговаривали обо всем: о недавно прочитанных книгах, о поэзии, о философии.

Я не разделял ни восторженного отношения Бахтина к Ницше, ни теософских мечтаний В.Соловьева, о которых рассказывал нам наш друг Пумпянский, самый эрудированный из нас. Но это был повод для спора. У русских никогда не было настоящей философской школы, и в их интеллектуальных исканиях всегда не хватало методологии.

Зимой мы проводили вечера у меня или у Пумпянского. Наши беседы помогали нам выбрать свой путь. Все собирались посвятить себя филологии, как называли факультет словесности.

В школе не учили греческому, нас же притягивала античность. "Юлиан-отступник" Мережковского, "Происхождение трагедии" Ницше и другие книги открывали нам соблазнительный мир красоты и культуры. Мы принялись самостоятельно изучать греческий язык.

В Петербургском университете Бахтин продолжил классические штудии, которые я уже оставил тогда, чтобы заняться методологией. Греческую филологию преподавал Зелинский, ученик Вилламовича, - он был знающим и даже обаятельным.

В то же время Бахтина увлекала философия. Я не думаю, что он искал какую-то основополагающую концепцию: у

него был скорее аналитический ум, он увлекался игрой в абстракции. Личность доцента Лосского, человека беспокойного и странного, отслужившего в Иностранном легионе, сильно повлияла на выбор Б. Но философия была для Бахтина лишь непродолжительным опытом - он зашел в тупик неокантианства. Нашел он себя в филологии.

В то время, в начале войны 1914 г., мы виделись часто. Бахтин жил в меблированной комнате на пятом этаже у сестры покойного художника Врубеля, маленькой, милой и скромной старушки. Стены были покрыты картинами этого причудливого и мечтательного художника.

Жизнь была ирреальной. Мы говорили ночи напролет или же писали на уголке стола иронические изящные стихи. Фантазия Бахтина была неистощимой. Мы выдумывали персонажей и сочиняли их стихотворные портреты. Это было нашим вызовом современной поэтике, вычурной упадочности стихотворцев.

Мы ходили в то время в ночное кабаре "Бродячая собака", где собирались модные тогда люди искусства - поэты, художники, актеры, музыканты, но их крикливая посредственность и вульгарность некоторых снобов претила аристократической натуре Бахтина. Он уходил всегда рассерженный и клялся, что ноги его больше не будет в этой забегаловке.

Это добровольное одиночество разразилось кризисом. В 1916 г. он решил искать приключений и записался добровольцем в армию. Я приехал к нему на рождество. Это было в Борисоглебске, маленьком городке, затерянном в заснеженной степи. Бахтин жил у своего командира, гусарского фельдфебеля, в простой деревянной избе. Питались они щами из кислой капусты и черным хлебом. Готовили раз в три дня в огромных котлах, и случилось так, что в день моего приезда щи эти подали с обрывками газеты. В течение трех дней мы ели щи, выплевывая газетную бумагу, которую кто-то бросил в котел. А

ведь Бахтин никогда не читал газет и был совершенно оторван от действительности...

Снег шел все три дня, и мы сидели дома. Утром четвертого дня город был уже засыпан до самых крыш. Все принялись расчищать дороги.

В следующий раз я встретился с Бахтиным через два года в Одессе. Он провел там много месяцев. Во всей стране была разруха, гражданская война была в полном разгаре. Нами овладело странное возбуждение, безразличие к общественной жизни, чувство почти полного освобождения от всякого долга - все это возродило наши жизненные силы. Мы были веселы и остроумны, каждый день мечтали о Европе и писали странные стихи.

В Одессе зародился "Омфалос", кружок бурлескных поэтов, задуманный по образцу санктпетербургского. Бахтин был там основным автором. Главным героем у него был Онуфрий Чапенко, прямой потомок Фета. Мирра была вроде русской Сафо - в то время было много подражательниц Ахматовой. Петр Лыкин, нечто вроде пародии на Гумилева, воспевал негров и экзотику. Был там еще генерал, сентиментальный полицейский, негр, маленький еврей, щеголеватый московский купец и т.д. Держу пари, что стихи были гораздо лучше пародируемых.

Одесский издатель выпустил небольшой сборник "Омфалитический Олимп". Будучи солдатом белой армии, Бахтин удивился, увидев свои стихи в витрине магазина в Елизаветграде. К сожалению, сказал он мне об этом слишком поздно, у меня уже не на что было купить книжку.

После его отъезда из Крыма я потерял его из виду на многие годы и вновь встретил лишь в Саутхэмптоне, где он преподавал в колледже - греческий...

Бахтин относится к тем умам, которые ищут всю жизнь, не останавливаются ни на одном открытии, не пытаются развивать идеи и не удовлетворены собой. Они стеснительны, не приемлют публичный успех. В то время как другие пожинают

плоды своих открытий, такие умы, как Бахтин, не оставляют имени, они оставляют рассеянные повсюду откровения.

Гении - это провозвестники, а свершители следуют за ними. Случаи гениальных свершителей очень редки и бывают в результате счастливого стечения обстоятельств. Наша эпоха, кажется, бедна на новые идеи, но множество зерен брошено в почву человеческого ума, и придет день, когда они созреют. Может быть, какой-нибудь щедрый ум вспомнит тогда о бедных рыцарях Духа, затерявшихся в буре, вспомнит и того, кто всеми силами своего гениального ума стремился проникнуть в тайны рождения Слова.

Вот то небольшое, госпожа Уилсон, что я смог второпях вспомнить. Мои бумаги сейчас в беспорядке, - должны быть еще письма и стихи Бахтина, я буду их искать.

Через два месяца я собираюсь ехать в Лондон и тогда, если Вы позволите, я нанесу Вам визит, чтобы поговорить о нашем друге.

Искренне Ваш М.Лопатто.

Примите извинения за мой французский язык.

X X X

Авторизованный перевод вступительной статьи с английского сделан Я.У.Астафьевым, перевод письма к Ф.Уилсон с французского - Марией А.Чудаковой.

Редакторы

НЕСКОЛЬКО ЦИТАТ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК И МЕМУАРНАЯ РЕПЛИКА НА ПОЛЯХ ПУБЛИКАЦИИ В.ЭДЖЕРТОНА

Работы Вильяма Эджертонна по истории русской литературы XIX в. хорошо известны специалистам, а личность автора - профессора Индианского университета, одного из старейших американских славистов, связанного многолетними профессиональными и дружескими контактами с коллегами в России, - вызывает здесь, можно сказать, особые симпатии. Мы благодарны ему за подготовленную в 1987-88 гг. специально для "Тыняновских сборников" публикацию - экскурс в периферийную область русской поэзии XX в.

Следует отметить, что кружок "Омфалоса" вызвал интерес у наших исследователей примерно тогда же, когда и у В.Эджертонна, - в начале 70-х годов, причем они имели то преимущество, что могли работать *de visu* с раритетными, но сравнительно доступными здесь изданиями "Омфалоса". В ПТЧ (с. 100), указывая на некоторые факты общения Тынянова и М.Лопатто в Венгеровском семинарии и на приведенное В.Эджертонном в библиографии Ю.Г.Оксмана свидетельство Лопатто об авторстве "Кавалерийских побед", мы уже имели возможность сослаться и на работу, в которой были использованы материалы архива В.Бабаджана и выявлена продукция издательства (Лущик С.З. Библиофильское издательство "Омфалос" .-Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1982). Справедливому выводу американского исследователя о необходимости учесть "омфалитическое" стихотворство в общей историко-литературной картине отвечают опубликованные в ТТЧ статьи Р.Тименчика¹

1. Им же разыскан текст доклада Лопатто о "Медном всаднике" в Венгеровском семинарии; см.: Осват А.Л., Тименчик Р.Д. "Печальную повесть сохранить..." М., 1987.-С. 146-147.

(с. 164-168, 171)², а также Н.Богомолова (с. 179-181), который рассматривает лирику Лопатто.

Однако до сих пор не было известно, что в кружке участвовал Н.М.Бахтин - в этом отношении публикуемые письма особенно любопытны. Отметим, что первый и последние из пародийных текстов, приводимых Лопатто в письме от 14 июня 1972 г., имеются в "Омфалитическом Олимпе", второй и третий там отсутствуют.

Стоит обратить внимание на три стихотворения Клементия Бутковского, помещенные в "Омфалитическом Олимпе" под общим заголовком "Из книги "Кавалерийские победы". В самих "Кавалерийских победах" 1917 года их нет. Одно из этих стихотворений (с.15) выделяется и может служить хорошей иллюстрацией к тыняновским идеям об относительности границ между пародийным и непародийным:

В отпуску

Ходить в гости со своим шкафом неудобно.
Мое сердце - большой шкаф.
Мне тесно в маленьких комнатах,
И я топчусь, как медведь.
Душно. Нельзя курить,
Разговаривать только вполголоса,
И непременно, чтоб смешно.
А я слушаю, как бьется мое сердце -
Ужасный грохот! Чужих не слышать слов.
Нет, лучше опять в поля,
Там тихо, гуляет ветер.
Ждет собачья могилка меня...

2. См. здесь, в частности, сведения, сообщенные З.Шишовой, которая опубликовала в "Омфалосе" сборник стихов "Пенаты". Упомянутый ею одесский издатель Натанзон мог бы быть отождествлен с тем непоименованным издателем "Омфалитического Олимпа", о котором говорит Лопатто в письме к Ф.Уилсон. Однако в специальной работе (Лушиц С.З. Указ.соч.) имени Натанзона нет.

Далее, уже в плане биографических реалий, уместно напомнить, что в первом сборнике Лопатто "Избыток" (Пг., 1916) есть стихотворение, посвященное Ю.Г.Оксману ("Чтоб ни случилось, душою не смутись..."); другое озаглавлено "Н.Бахтину" и напрашивается на сравнение с эпистолярными воспоминаниями автора:

Вы помните осенних дней
Ночную жизнь, огни, туманность,
Вдвоем блужданий долгих странность
В жемчужном блеске фонарей,
Когда, подняв воротники,
В кинематограф шли порою
И Асты Нильсен худобою
Пленялись чувству вопреки?

< ... >

Реалии, относящиеся к первым годам эмигрантской жизни Лопатто, обыграны в стихотворении, включенном в его парижский сборник 1959 г., датированном здесь 1924 годом и обращенном к тому же адресату:

Николаю Бахтину
Теперь я больше не поэт,
Забыл печать, молчу в салоне,
Живу на скромной Пьер Капони.
Я не совсем бродяга, нет,
Я с позволения чичероне.

Кормлюсь за мертвых счет веков,
Живыми не пренебрегая.
Все знаю - церковь где какая
И в мир музей ввести готов
За лиры Тиция и Кая.

Я ремеслу такому рад,
Срывая розы на могиле:

Сади знал толк в дорожной пыли,
Как бабка, повивал Сократ,
И чичероне был Виргилий.

Стихи Н.Бахтина, написанные в том же 1924 г.
выдержаны в ином ключе и прямо говорят о пропасти
расколовшей Россию:

Встреча

Нет забвенья отошедшим дням.
Властны годы - буйные, крутые.
Мы служили разным знаменам
На полях потоптанных России.

Кто же нас насмешливо связал,
Свел мечтать под сень одной палатки?
Но врага в тебе я угадал:
Не укроешь вражеской повадки.

И деля с тобой вино и хлеб,
Я слежу упорно за глазами.
Ты почуял. Взор твой тускл и слеп,
Но на дне - глухое тлеет пламя.

И тревожат старые мечты,
Нарастают, глухо беспокоя:
Я рубил бы вновь таких, как ты,
Как бывало - в остром взлете боя.³

3. Oxford Slavonic Papers. 1977. N.S. Vol.X. P.116. Вслед за Р.Кристьяном В.Эджертоном упоминает о том, что Бахтин впоследствии сожалел об участии в белом движении. Более того, согласно биографам его брата, он сблизился в Кэмбридже с левыми (среди которых был и Л.Витгенштейн), а во время войны вступил в компартию и говорил о возвращении в Россию; "he even admired Stalin" (Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin.- Cambridge, Mass. and London, 1984.- P.19), т.е. проделал идейный путь, противоположный взглядам Лопатто, что, как видно, не повлияло на отношения друзей. Впрочем, не совсем ясно,

Мосты над пропастью наводятся уже в наши дни. Публикация В.Эджертона вносит вклад и в этот процесс.

Мы почти ничего не знали о судьбе Лопатто после отъезда из России. Из писем проступает причудливый и трагический облик: стихотворец и филолог, бежавший из "пагубной страны", от ее (говоря словами другого эмигранта, адресата лирики Ахматовой Б.В.Анрепа) "религиозного и политического бреда", потерявший к концу жизни культурную ориентацию, но при этом остающийся и филологом и поэтом, адресующийся непосредственно к Пушкину и вспоминающий "покойную русскую литературу", как вспоминают давно умершего родственника. Он уже пишет фамилию Тынянова с ошибкой, характерной для иностранца (письмо от 16 февр. 1974 г.; с другой стороны, в оригинальном тексте писем часты написания, следующие старой орфографии), а между тем остается верен мыслям, ведущим происхождение от Венгеровского семинария, и пытается воплотить их в романе на итальянском языке... Легко увидеть черты чудака и графомана, а в тотальном отрицании русской поэзии XX века сознательную или бессознательную эсто-идеологическую анахронизацию⁴ -

насколько они были близки в 30-40-х годах и насколько Лопатто был осведомлен об эволюции Бахтина. Вырисовываются несколько биографических и историко-литературных тем: Н.Бахтин в печати - главным образом в "Звене" и "Числах"; его стихи; университетская деятельность; идеологическая эволюция (Clark и Holquist ссылаются, в частности, на его "The Russian Revolution as Seen by a White Guard" в посмертной кн.: Nicolas Bachtin: Lectures and Essays. Birmingham, 1963; кстати, в "Biographical Introduction" к этой кн. Ф.Уилсон использовала некоторые сведения из письма Лопатто, публикуемого теперь В.Эджертоном).

4. Не то же самое, что естественные ошибки памяти и неполнота сведений о давних обстоятельствах. Так, Лопатто ничего не говорит о выпущенных "Омфалосом" книгах, авторы которых не принадлежали к кружку инициаторов. Л.П.Гроссман, упоминаемый в письме от 14 июня 1972 г., выпустил в этом издательстве книгу "Вторник у Каролины". Вызывает сомнения дата гибели Бабаджана (1922), названная в письме от 30 янв. 1972 г.; до сих пор фигурировала другая дата - 1920. Лопатто дважды называет местом смерти Н.Бахтина Кэмбридж - вместо Бирмингема.

собственные его сборники "Избыток" и "Круглый стол" очевидно близки к акмеизму и Кузмину (ср. посвященное Кузмину стихотворение "Андрогин"). Но за всем этим - то, что люди эпохи первой войны и революции называли: кризис культуры.

Е.Годдес

Осенью 1980 года я узнала от А.Л.Гришунина о том, что один из участников знаменитого Венгерского семинария - М.И.Лопатто - жив, что профессор В.Эджертон ездил к нему во Флоренцию и они проговорили пять часов подряд.

Как раз в это время забрезжила и для меня возможность попасть в Италию - по приглашению "Editori Riuniti" (коммунистического издательства, публиковавшего в то время сборники рассказов и фельетонов М.Булгакова).

Меня ожидали в декабре 1980 года. Я стала надеяться на встречу с М.И.Лопатто. Следует пояснить, что это была моя первая попытка "выезда" с весны 1974 года; до этого я была за границей единственный раз - зимой 1970-71 гг., в туристской группе "работников культуры". 3 февраля 1974 года я была вызвана повесткой на Лубянку в качестве одного из многочисленных свидетелей по делу Г.Суперфина, а 20 февраля мне позвонили на службу из КГБ с предложением "встретиться, поговорить"; после моего отказа ("Не вижу предмета для разговора") прямо по телефону цинически пояснили, что предлагают мне исполнить функции осведомителя во время туристской поездки, в которую я вот-вот должна была отправиться: расчет был, по-видимому, на возможную мою подавленность после допроса. Так была отменена уже "оформленная" поездка в Турцию; вслед за тем администрация ГБЛ (где я служила) вычеркнула меня из состава туристской группы для поездки в США - "капстраны" (в отличие от "соцстран" - в ГДР я поехала) для меня закрылись.

В ноябре 1980 года я попробовала начать оформление документов для поездки в Италию. Однако администрация ГБЛ (равным образом и партком, и профком) отказались подписать

мою "характеристику" - инициальный документ любых тогдашних зарубежных поездок. Как я пыталась обойти и обошла необходимость этого документа - история другая. Но месяц, потраченный на поиски выхода, оказался роковым для одной из целей моей поездки - почему я и говорю здесь обо всем этом.

В марте 1981 года я, наконец, вылетела в Рим, и с первого же дня мне стали помогать связаться с М.И.Лопатто. Но телефон его во Флоренции не отвечал. В моем паспорте была виза на Флоренцию, но мне пояснили, что я должна управиться за один день. Я купила железнодорожный билет и рано утром отправилась одна; сойдя с поезда в городе, который не мне описывать, разыскала виа Гвиччардини. Кажется, мне нужен был дом № 18.

Я долго звонила у подъезда. Вышла, наконец, грузная пожилая консьержка и осведомилась, кто мне нужен.

- Синьор Лопатто.

Она покачала головой.

- Его нет дома?

И со скорбью, неожиданно сильной, я услышала:

- E morto!

- Morto?

- Morto, morto...

Она говорила, теперь уже качая головой в знак подтверждения своих слов, с приличествующей случаю суровой и мрачной интонацией. Это случилось, как ей помнилось, в конце января или начале февраля. Синьор Лопатто жил один. Кто забрал его бумаги, она не знает. Квартира, которую занимал синьор, уже сдана какой-то конторе, но пока пустует.

Траурный тон низкого женского голоса запомнился. Профессор В.Эджертон был, видимо, единственным, с кем переписывался Михаил Иосифович Лопатто на закате своих дней по-русски, последним, кто говорил с ним о России.

М.Чудакова

П.М.Нерлер

Ю.Н.ТЫНЯНОВ И С.Б.РУДАКОВ

Публикация писем С.Б.Рудакова к жене¹ ввела в научный оборот большой пласт уникальных свидетельств очевидца воронежской жизни О.Мандельштама. Освоение (и, отчасти, полная публикация) этого материала - дело недалекого будущего, и весьма показательно, что тема "Мандельштам и Тынянов" стала одной из первых, "аукнувшейся" на новые сведения².

Настоящая публикация добавляет некоторые материалы, характеризующие отношения Тынянова с самим Рудаковым. Их знакомство до известной степени стало для Рудакова ключом к дому Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны.

Начать с того, что Тынянов фигурирует в рудаковских письмах и безотносительно к Мандельштаму. Вот несколько выписок³.

24 июля 1935 г. : "...Купил за 2 р. книгу Л.Цырлин "Тынянов-беллетрист". Прочел 20 страничек предисловия - умно и с эрудицией..."

25 июня 1935 г. : "...Помнишь, в 20-е годы любовь к Тынянову? Книга о Тынянове производит гадкое впечатление. Она и умна немножко и бессодержательна очень, бесформенна, а целеустремление где-то вовне ее..." ("ругань" по поводу этой книги продолжилась и 26 июля) .

15 декабря 1935 г. : "Лина, не писал тебе о Тынянове. Это (его записка) - если принесет плоды - : то самое, что

1. См.: Герштейн Э.Г. Новое о Мандельштаме.- Париж. 1986 ; Герштейн Э.Г. Мандельштам в Воронеже // Подъем.- Воронеж, 1988.- № 6-11.

2. Левинтон Г.А. Мандельштам и Тынянов // ТМ-88.-С. 21 - 23.

3. Все цитаты из писем С.Б.Рудакова жене Л.С.Финкельштейн даются по оригиналам (ИРЛИ, ф. 803, оп. 1, ед. хр. 8-12) , с указанием даты письма.

целеустремление где-то вовне ее..." ("ругань" по поводу этой книги продолжилась и 26 июля) .

15 декабря 1935 г. : "Лина, не писал тебе о Тынянове. Это (его записка) - если принесет плоды - : то самое, что нужно. Это покажет дело. В смысле более широком : чудно "ценнейший", но все поставлено "под руководство Тын." - отсюда мое положение "ученика" будет вечно. Ведь мы уже сейчас пишем "совместно с Т. ", а он скромно "под моим руководством". Очень будет трудно вылезти из "текстологов" в гении".

Воздержимся от комментариев этического свойства, настолько все это по-рудаковски. Но приведем текст "записки" - а точнее, характеристики, данной Тыняновым Рудакову и призванной сыграть определенную роль в деле вызволения Рудакова из воронежской ссылки, о чем и он сам, и его жена хлопотали, прибегая ко всем доступным им средствам. В архиве Рудакова эта "записка" сохранилась в виде машинописной копии⁴ :

< < Сергей Борисович Рудаков является талантливым литературоведом-текстологом. Работая под моим руководством по подготовке к печати собрания сочинений Кюхельбекера для "Библиотеки Поэта", он проявил в сборе печатных текстов и в сличении их с рукописями не только исключительную тщательность, уместность и текстологическую подготовленность, но и подлинное чутье материала. Эти качества заставляют предполагать, что если С.Б.Рудаков будет продолжать свои

4. ИРЛИ, ф. 803, оп. 1, ед. хр. 19. В той же единице хранения имеются еще два документа : письмо от 27 марта 1939 г. временно исполняющего обязанности директора Методического кабинета ленинградского ГОРОНО А.А.Лемана директору ИРЛИ с просьбой дать отзыв о тезисах доклада т.Рудакова на тему "В.Маяковский" и справка от 11 марта 1940 г. о том, что редакцией "Временника Пушкинской комиссии" принята для VII тома статья Рудакова "Авторский экземпляр стихотворений Катенина" (справка подписана председателем комиссии Д.П.Якубовичем и ее секретарем Е.С.Гладковой) .

работы по изданию русских классиков, он несомненно будет одним из ценных работников истории русской литературы.

Юр. Тынянов

5 / XII-35 г. > >

Р.Д.Тименчик

ТЫНЯНОВ В СТИХАХ СОВРЕМЕННОЙ

Неопубликованное, по-видимому, стихотворение находится в коллекции Г.П.Струве в Гуверовском институте (Стэнфорд, США) :

ЦЕНТРАРХИВ

Ошибки былого. Зачеркнутый быт.
И только сотрудники - живы.
Здесь - мертвая тишь Централрхива.
Обломы - шкафы. Мышью время бежит.

Архивчиком был он. Внушительный вид
С четвертого принял созыва.
Веками он пух - и теперь он лежит,
Тучнейший наш Архив Архивыч.

Белее колчаковцев есть в нем листы,
И дел полицейских мундиры чисты :
Все в синие папки одеты.

Меж венских двух стульев Тынянов сидит.
Он нужные темы, как ус, теребит.
А я - нумерую сонеты.

1935

Автор стихотворения Лидия Ивановна Аверьянова-Дидерихс, поэтесса, член петроградского Союза поэтов с 1921 года - со своих шестнадцати лет печатавшаяся в "Записках Передвижного театра", "Красном студенте", "Красном журнале для всех" и других ленинградских изданиях, в том числе - в альманахе "Собрание стихотворений" (1926). Занималась художественным переводом. Без упоминания имени описана в "Путешествии в Москву" Ж.Дюамеля (1927 ; ср. об этом эпизоде в книге Р.Я.Райт-Ковалевой "Человек из музея Человека", а также рукопись самой Л.Аверьяновой "Заметки о встречах с Дюамелем и Дюртэном" в ее личном фонде - ИРЛИ, ф. 355, № 4). В 1925 году была дружна с Д.И.Хармсом, позднее познакомилась с Ахматовой. 21 марта 1927 г. поэт В.В.Смиренский писал ей : "Очень хорошо, что ты побывала у Ахматовой. Это большой и хороший человек..." (там же, № 54, л.47об.). 26 мая 1928 г. художница Е.Я.Данько сообщает ей : "Анна Андреевна просила Вам передать, что будет рада Вас видеть, если Вы зайдете" (там же, № 18, л.9). 16 июля 1928 г. сделана надпись на "Белой стае" : "Милой Лидии Ивановне Аверьяновой в знак приязни Ахматова" (Библиотека ГЛМ). 12 августа 1929 г. Е.Я.Данько снова сообщает : "Вчера была у меня Анна Андреевна. <... > Много говорили, вспоминали и Вас" (л.18). В письме к итальянскому слависту Этторе Ло Гатто (письма которого к Аверьяновой за 1929-1934 гг. хранятся в ее фонде - № 33), помеченном "С.Петербург, 9 декабря 37", Аверьянова писала : "Анна Андреевна жива и более или менее здорова. Этим летом и осенью я была очень близко знакома с ее сыном Львом Николаевичем Гумилевым, который мне очень нравится. Он очень хорошо учится (студент-историк), его научная работа куплена Академией Наук <... > Анну Андреевну я не видала давно, т.к. она меня приглашает только, если ей что-нибудь от меня нужно. Но я очень ее люблю, и оттого не хочу больше писать о ней даже Вам, т.к. много невеселого пришлось бы сказать о ней ... Может быть, Бог даст, мы с Вами увидимся и тогда о ней поговорим. Во вся-

ком случае, она теперь ходит пешком, гуляет, а не лежит, как раньше” (коллекция Г.П. Струве).

В этом же письме Аверьянова просила содействовать в издании за рубежом книжки ее стихов о Петербурге “Серебряная рака” (с приложением в виде второй части сонетов из книги “Пряничный солдат”, одним из которых мог быть сонет “Центрархив”) : “...знайте, что я с радостью иду на все тяжелые жертвы ради моей бедной книги <...> не бойтесь за меня и не жалеите : природные данные каждого человека должны иметь свободное развитие, в этом - залог развития культуры. <...> Псевдонима не давайте, пожалуйста, пускай книга идет под моим полным именем, как моя подпись. Один конец!”

Дальнейшая судьба Л.И.Аверьяновой нам неизвестна (умерла, по-видимому, в Ленинграде в 1942 г.).

Сборник ее стихов в свет не вышел. Глеб Струве, которому тексты поэтессы были переданы его ученицей, опубликовал большую часть из них в журнальных подборках (Возрождение. 1949. № 1. 1950. № 7 ; Грани. 1951. № 14. 1954. № 22 ; Новый журнал. 1956. № 45 ; Мосты. 1962. № 9) и в газете “Русская мысль” - иногда без имени автора, иногда под сочиненным им псевдонимом “А.Лисицкая”. Историю рукописи он изложил, не называя подлинного имени, в статье “О стихах А.Лисицкой” (Мосты. 1962. № 9). Стихи эти - любопытное звено в истории поэтической петербургологии, непосредственно продолжающее традиции Бенедикта Лившица.

ИЗ ПИСЕМ Б.М.ЭЙХЕНБАУМА К Г.Л.ЭЙХЛЕРУ

Публикация В.В.Эйдиновой и Б.С.Вайсберга

Вступительная статья В.В.Эйдиновой

Примечания В.В.Эйдиновой и Е.А.Рябоконе

Научная биография Б.М.Эйхенбаума представлена сегодня в целом ряде исследований и публикаций. Особенно серьезно (в работах М.О.Чудаковой и Е.А.Тоддеса) проанализированы 10-е и 20-е годы в творчестве ученого (доопоязовский, опоязовский и постопоязовский периоды его деятельности) ¹. Более бегло рассмотрен период 40-х - 50-х годов, и почти пропущенным оказывается предвоенное десятилетие.

Письма (1935-1941) к Г.Л.Эйхлеру, талантливому редактору, одному из организаторов Детгиза ², расширяют представление об Эйхенбауме 30-х годов, о ситуации, как точно определила ее Л.Я. Гинзбург, поисков личностью "тождества" со временем.

По этому сложному пути (и сохранения своего "я", и возможного для него контакта с разрушительной эпохой) Эйхенбаум шел с большим внутренним напряжением, нередко - с чувством отчаяния, но честно и мужественно - и в научном, и в

1 См. : Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М.Эйхенбаума // Вопр. лит.-1987- № 1.

2 См. о Г.Эйхлере : Разгон Л. Призвание и вдохновенный труд // Дет. лит. 1985- № 10; Генрих Эйхлер. Страницы дневника. Публикация Б.Вайсберга // В мире книг.-1986.- № 10; Цой Е. "Всегда в отчаянной работе" (О письмах Б.М.Эйхенбаума Г.Л.Эйхлеру) // Учитель Казахстана.-1986.-17 апреля; "...С ощущением современности" (Письма Н.С.Тихонова к Г.Л.Эйхлеру). Публикация и вступит. статья Б.Вайсберга. Прим. А.Морщижиной // Лит. обзор.-1986.- № 11; "Ждать, что скажут издатели..." (публикация Б.Вайсберга) // Вопр. лит.-1989.- № 5; **Вайсберг Б.** Слово об учителе // Библиотекарь.-1989.- № 12.

Статьи и выступления Эйхлера печатались главным образом в журнале "Детская литература" : 1935.- № 4.-С.1-6; № 11.- С.12-16; 1936.- № 2.- С.31-36; № 8.- С.33; 1938.- № 11.-С.20-26; 1939.- № 11.-С.6-10; Мурзилка.-1939.- № 10.- С.3-4. Письма Эйхлера к Эйхенбауму: ЦГАЛИ, ф.1527, оп. 1, ед. хр. 675.

нравственном отношении. Его научное сознание неизменно опиралось на доминантную для него идею включенности творчества - в исторический процесс. И хотя содержание понятия "История" не было постоянным в его воззрениях на разных отрезках биографии ³, - сама идея соотносительности искусства (и науки) с историей разрабатывалась постоянно и многообразно. Отсюда - мотив *поступка*, специфичнейший для Эйхенбаума. От ранних формул ("воля к цельности", "чувство жизни")⁴ - к идеям опоязовского периода ("Некрасов был явлением исторически неизбежным и необходимым...Творчество... есть акт осознания себя в потоке истории - оно ответственно" ⁵) - и представлениям второй половины 20-х годов, когда Эйхенбаум чрезвычайно остро ощущает "тоску по поступкам, тоску по биографии".

С осознанием необходимых времени шагов, действий, непосредственных контактов с историей - и в литературе, и в подходе науки к ней - совершилось движение Эйхенбаума от работы *внутри литературы* (формальный метод) - к исследованиям *соотношений* фактов литературных и внелитературных, к явлениям перехода биографии - в творчество, реальности - в искусство. Именно в этом направлении разворачивается историко-литературная работа Эйхенбаума 30-х годов, отражаемая в настоящей публикации. Пафос волнения и подъема, прорывающийся в письмах автора тогда, когда он говорит о самых необходимых ему трудах, свидетельствует о том, что поворот к биографии художника явился результатом внутренней жизни исследователя, оказавшегося способным сделать новый, органичный для него выбор, совершить научный поступок, значение которого еще не в полной мере оценено современной наукой. Эйхенбаум пошел по пути совмещения проблем биографии и проблем поэтики. Уводя теоретическую проблематику (автор биографический и творческий, биография и поэтика, индивидуальное и исторически-закономер-

3 См.: Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // ВТЧ.

4 См.: Чудакова М., Тоддес Е. Указ. соч.- с.130-133.

5 Эйхенбаум Б. О поэзии.- Л., 1969.-С. 38.

ное, эволюция и генезис и т.д.) на глубину историко-литературного анализа творчества художника, Эйхенбаум двигался по пути синтеза истории и теории (поэтики, в частности) литературы, оставив науке примеры работы формального метода на самом широком литературном материале, соотносимом с многообразными сферами реальности.

Представляется, таким образом, что научная переориентация Эйхенбаума (разработка широкого подхода к истории, начавшаяся с середины 20-х годов) была результатом не столько социально-культурных условий предвоенного периода, сколько реализацией его творческой индивидуальности, которой было тесно существовать в пределах собственно литературы (ее компонентов, структуры, эволюции) - без выхода к истории ⁶, понимаемой как взаимодействие составляющих ее специфических рядов.

В то же время публикуемые письма открывают те мучительные поиски способов выживания в тягчайших обстоятельствах 30-х годов, которые постоянно сопровождают жизнь и труд Эйхенбаума этих лет, вынужденного тратить массу сил не на самые дорогие для него работы, а на те, что дают возможность выстоять морально и материально, не предавая свои научные идеи и привязанности. Письма показывают то духовное сопротивление эпохе, на которое - в тех или иных формах - оказывалась способной лучшая часть творческой интеллигенции, в том числе Эйхенбаум, сохранявший - и трудом, и личностью своей - высокие традиции отечественной науки.

Х Х

Х

Публикуются в извлечениях 29 из 43-х писем, хранящихся в архиве Н.Ф.Ходни - вдовы Генриха Леопольдовича Эйхлера; формула обращения Б.М.Эйхенбаума к адресату, одинаковая во всех письмах, опущена нами всюду, за исключением первого из

6 Хотя нажим эпохи на исследователя дает о себе знать, - например, в статье "О противоречиях Льва Толстого", где социальный ряд оказывается излишне выделенным среди других, сопоставляемых с рядом литературным.

них. В нескольких случаях фамилии, а также инициалы упоминаемых общеизвестных лиц введены в текст - в угловых скобках.

21.VII.35.

Дорогой Генрих Леопольдович!

Спасибо Вам за письмо и за деньги, которые я уже получил вчера. Статью¹ я писал именно с расчетом на последние классы и на разработку в школе. Очень рад, что не ошибся. Что касается добавлений, то я кое-что добавил, но очень расширить программу боялся, п.ч. тогда книжка вышла бы больше, чем указано в соглашении. Сейчас трудно добавлять, п.ч. очень занят большим Лермонтовым (детским)².

< ... > Теперь - о дальнейшей работе в серии Классиков. Из того, что Вы пишете, я взял бы охотнее всего не Тургенева, а Толстого. Я буду руководить в Пушкинском Доме новым академическим изданием Тургенева, но сам буду писать о Толстом. "Холстомер", например, у меня сделан для юбилейного (московского) собрания Толстого: сильно исправлен по рукописям текст и написан комментарий. "Война и мир" только что вышла под моей редакцией в здешнем Гослитиздате. Над "Анной Карениной" буду работать с осени (для своего третьего тома)³.

< ... > Крепко жму Вашу руку. Б.Эйхенбаум.

1 Речь идет о вступительной статье к книге: Лермонтов М.Ю. Избранные стихотворения и поэмы.- М., 1935.- С.5-26 (Школьная серия классиков).

2 По-видимому, имеется в виду "Избр. произведения" (М. ; Л. : Детиздат, 1936).

3 Третий том биографии Толстого был закончен в 1939-1940 гг., сверстан, но так и не издан (см. далее письма 1940-1941 гг.) при жизни автора. Книга вышла в свет только в 1960 г.

< ... > хочу написать Вам об иллюстрациях: это вопрос не менее серьезный для такого издания, чем комментарии. Я в некотором ужасе. < ... > Иллюстрировать "в лоб", с персонажами, вообще рискованно, а давать крошку из разных художников - ужасно! Если, как говорит Ильин, фотография "нивелирует" особенности школ и манеры, то тем хуже: зачем же тогда такие обезличенные иллюстрации?

У меня совсем другое предложение, на котором я буду очень настаивать. В Русском Музее в Ленинграде есть замечательное собрание Кавказских рисунков Г.Гагарина. Это рисунки 1839-1841 гг. Там есть, например, прекрасная акварель "Тамань" (к "Тамани"), есть Тифлис, Кисловодск, есть чеченцы, черкешенки, грузинки, есть замок Тамары, Геленджик, есть иллюстрации к "Валерику", есть нижегородский полк и пр. Одним словом, выбор совершенно достаточный и очень интересный. К этому можно прибавить рисунки самого Лермонтова - очень органичное сочетание, п.ч. некоторые вещи Лермонтов рисовал вместе с Гагариным.

Единственное, что, может быть, можно оставить, - это серия Врубеля к "Демону" - и то под вопросом.

...Жму Вашу руку! Б.Эйхенбаум.

20.IX.35

Хочу Вас утешить: биографию Лермонтова я пишу очень энергично, и иду, кажется, не плохо. Половина (1,5 л.) у меня уже написана и готова набело⁴. Это была, пожалуй, самая трудная часть - детство и юность. Хорошо, что я летом бросил: теперь совсем другое дело - мозг отдохнул.

4 Речь идет о биографическом очерке "Жизнь Лермонтова" для "Избр. произв.", 1936 г.

<...> Пишу биографию с большим волнением и интересом. Сейчас мне кажется, что она выходит не плохо. Очень интересуюсь Вашим мнением.

Крепко жму Вашу руку. Б.Эйхенбаум.

26.X.35.

Переделка "школьного Лермонтова" (первое издание которого я, кстати, так и не получил!) оказалось делом очень кропотливым и хлопотным - как всякая переделка. <...> Пришлось все заново расположить и заново написать комментарии. Комментарий к детскому однотомнику пригодился только частично, п.ч. там взят тон, который к этой книжке не подходит⁵.

<...> Что касается биографии Лермонтова, то она поневоле задержалась из-за этой возни с переделкой. <...> Охладило меня немножко письмо Ивана Игнатьевича⁶ - уж очень он охаял ее. Особенно страшно мне слово "скучно". Неужели скучно? Это хуже всего - и я смущен, как никогда. "Веселой" сделать биографию Лермонтова, конечно, нельзя и не нужно, но я думал, что она выходит интересной - как жизнь замечательного, но глубоко несчастного человека.

Ну, ладно! Посмотрим, когда я допишу до конца.

<...> Только что вышел в "Библиотеке поэта" мой Полонский - взгляните. А на днях в здешнем Детгизе выходит "Кавказский пленник" Толстого с моей статьей.

Крепко жму Вашу руку. Б.Эйхенбаум.

⁵ Об этих изданиях см. прим. 1-2.

⁶ И.И.Халтурин - в 30-е годы - один из редакторов изд-ва "Детская литература". Выступал как критик в журнале "Пионер".

12.II.36.

<...> В последний приезд я очень оценил Халтурина - он хороший, прямой человек. И он был прав - теперь биография Лермонтова, при ее недостатках (которые я буду исправлять для отдельного издания), дает то, что статья никак не могла бы дать.

<...> Теперь - о наших Толстовских делах.

Мне приходится ставить классиков в очередь, они занимают весь коридор. На днях я кончаю "Графа Нулина" для Акад. изд. и некоторые вещи Толстого для юбилейного издания (страшно задержал). Следом за этим делаю "Хаджи Мурата" и "Анну Каренину".

<...> спасибо за письмо и за ласковое, дружеское ко мне отношение. Я тоже очень люблю и уважаю Вас.

Вы спрашиваете о Юрии Николаевиче <Тынянове>. Да, ему, бедному, невесело. У него и жена больна, а сам он болен очень серьезно. На днях он уезжает в Париж - есть надежда, что там его вылечат.

Крепко жму Вашу руку.
Б.Эйхенбаум.

26.III.36.

Посылаю Вам "Хаджи Мурата" - текст и статью⁷.
<...> Статья вышла серьезнее, чем была в "Кавказском пленнике", но ведь и книга эта рассчитана, конечно, на старший возраст? <...>

Ваш Б.Эйхенбаум.

P.S. Вчера у нас началась дискуссия в Доме писателя. Пока очень скучно и глубоко провинциально.

7 Для отд. издания повести в Детиздате (М. ; Л., 1936).

< ... > Дискуссия у нас еще не кончилась, но я теперь уже не хожу: "отделался" на втором собрании (28.III) - и, кажется, довольно удачно. В газетах, конечно, сильно извращено ⁸.

< ... > Сажу в отчаянной работе. Сажусь в 9 час. утра и кончаю поздней ночью. Сдаю в Academia последний том Лермонтова, пишу для сборника Пушкинского Дома статью на тему ... "Толстой и Поль де Кок", в которой доказываю связь "Крейцеровой сонаты" с "Рогоносцем" П.де Кока, редактирую Щедрина, Пушкина, читаю лекции и т.д. и т.д.

< ... > Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б.Эйхенбаум.

< ... > Я, как всегда, засыпан работой и волнуюсь. Чувствую себя хорошо, но одолевает бессонница, с которой, при моем образе жизни и при массе тревог, волнений и забот, мудрено справиться. Гулять некогда, воздухом (если это можно назвать воздухом) дышишь полчаса в день. Вообще какая ненормальная вещь - жизнь в городе! Я становлюсь толстовцем.

Сейчас одолевает корректура - кончается издание Лермонтова⁹.

8 См.: Эйхенбаум Б. Жизнь ушла в сторону от формализма. Выступление на дискуссии "Формализм в советском литературоведении и литературе" // Лит. Ленинград. - 1936. - 1 апр. - С.2. См. также: Начало разговора: на собрании писателей Ленинграда. - Лит.газета. 1936. 27 марта. В этой статье выступление Эйхенбаума подверглось тенденциозной критике, в частности, - в ответе ему Л.Цырлина. Эйхенбаум говорил: "Уже в 1926 году литературная теория формалистов оказалась недостаточной для построения нового литературоведения", и поэтому вопрос о формализме - "не актуален".

9 Издание "Academia", о котором говорится также в предыдущем и следующем письмах.

В ближайшие дни буду писать (уже начал) статью о Толстом для Вашего сборника биографий - скажите об этом (вместе с приветом) С.Д.Разумовской ¹⁰.

...Крепко жму Вашу руку. Б.Эйхенбаум.

1.XII.1936.

Уже прошло две недели, как я получил от Вас письмо. Так было густо с работой, что я и не заметил, как прошло время. Пришлось написать срочно статью: "Пушкин и Толстой" для "Лит. современника", а рецензию на письма С.А.Толстой к Толстому для "Лит. обозрения", а сверх того - возился с выходящим V томом Лермонтова, кончил редактировать "Домик в Колосне" для академического Пушкина. Видите, сколько! А еще читал доклад в Доме писателя о своей работе над Толстым целый вечер.

Я окончательно мобилизован на работу по Пушкину - и отказаться, ввиду теперешнего положения, не могу. То, что я не кадровый "пушкинист", оказалось не минусом, а плюсом.

Вот Вам вступление к письму. Прибавьте сюда милого Ираклия < Андроникова >, с которым мы проводим иногда целые ночи в разговорах о Лермонтове - все гадаем, как разгадать разные загадки.

Итак, как же с Детиздатом?

Маленькую биографию Толстого пришлось прервать, но теперь я уже опять вернулся к ней. Начатый вариант не удовлетворил - и я начал заново. Очень трудно то, что при таком размере нужно, чтобы получилось нечто, так сказать, *сюжетное* - иначе неизбежно будет похоже на статью из энциклопедического словаря. А жизнь Толстого и сюжет - это не так просто сделать, п.ч. внешних событий и перемен почти никаких. Я думаю, что надо написать нечто вроде "рассказа о том, как помещик-граф превратился в крестьянина". Это

¹⁰ Софья Дмитриевна Разумовская - в 30-е годы один из редакторов изд-ва "Детская литература".

единственный сюжет, который не уведет в сторону от самого важного и даст право и возможность сцепить все основные факты. Хотелось бы поговорить об этом, да ведь Вас не достанешь! <...>

Хочу написать Вам об одном интересном (и меня очень интересующем) предложении, которое я еще летом делал здешнему Детиздату. Это вопрос об издании "Войны и мира". Я писал <...> официальное заявление, в котором предлагал издать "Войну и мир" не в обычной редакции (которая, в сущности, сделана по инициативе С.А.Толстой), а в той, которую сам Толстой написал в своем собрании сочинений 1875 г. и 1880 г. В этой редакции *весь* французский язык заменен русским, философские отступления вынуты, а рассуждения о войне 1812 г. перенесены в особое приложение под заглавием: "Статьи о кампании 1812 года". В таком виде этот роман читается, конечно, несравненно легче. Я считаю, что Детиздат должен издать его именно в такой редакции, сделанной самим Толстым. Подробности Вы можете прочитать в моем втором томе о Толстом в последней главе.

Как Вы относитесь к этой мысли?

<...> Я здоров, но плохо сплю, п.ч. за день накапливается уж очень много мыслей, впечатлений, забот, труда, вопросов, волнений и пр. И хоть бы толк хороший из этого выходил! А то не всегда и выходит.

<...> Обнимаю Вас!

Ваш Б.Эйхенбаум.

22.1.37.

<...> Пишу каждый день, вырывая для этого время по кускам зубами. Вы не можете себе представить, как меня завалило и как все срочно и ответственно! Я ведь "влез" в Пушкина и пишу и редактирую.

<...> А при этом - Лермонтов, который, как Вы заметили по газетам, очень сейчас выдвигается.

< ... > Кстати, о Лермонтове. "Известия" поступили совершенно по-хамски. По поводу нелепого обвинения Изгоева я написал письмо в редакцию - они не напечатали, хотя перед этим обращались ко мне с просьбой написать им статью "Пушкин и Лермонтов". Я теперь послал письмо в "Правду" - может быть, напечатают. Весь курьез в том, что, как мне сообщила < М.М. > Юнович, статья, в которой Изгоев усмотрел плагиат из Лелевича, принадлежит ...Лелевичу! Подпись не была поставлена, п.ч. фамилия Лелевича была уже неудобна¹¹.

А статья Изгоева ужасна по своей малограмотности!

< ... > Ваш Б.Эйхенбаум.

2.III.37.

Не писал Вам так долго, п.ч. все списывался с Ваней Халтуриным, который меня терроризировал Лермонтовым. А теперь и совсем скис, впал в неврастение и не знаю, что делать. Мне приходится все время скакать от одной работы к другой - и преимущественно делать не то, что мне хочется. Биографию Толстого я писал с интересом, с замыслом: мне хотелось совсем немного - всего печатный лист. Я уже не могу прервать, п.ч. я тогда погублю работу. Нельзя механически оставить, а потом продолжать. А между тем надо спешно увеличивать комментарии к Лермонтову, и не клеится, п.ч. я не люблю эту работу, не умею ее делать (для научного издания - другое дело, хотя тоже терпеть не могу), и голова занята другим. Просто не знаю, как быть! А Вы пишете еще о

¹¹ Н.Изгоев - критик, в 20-е годы публиковался в журнале "На посту", занимал антипопутническую позицию. Однако в 30-е годы выступает уже как "борец" с рапповскими тенденциями в литературной науке. Предвзятыми обвинениями в вульгарном социологизме наполнены и его статьи, написанные по поводу работ Эйхенбаума о Лермонтове. См.: Изгоев Н. На вершинах русской поэзии // Известия. -1937. - 11 января; Изгоев Н. Снова о Лермонтове // Известия. -1937. -16 марта. Г.Лелевич - критик и один из редакторов "На посту". Автор нескольких статей о Лермонтове, в т.ч. в Лит. энциклопедии (1932.- Т.6). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

двухтомнике, с расширенным комментарием¹². Я в совершенной панике.

<...> Я, как видите, совершенно расстроен, т.ч. о других вещах не хочется писать. Нельзя так жить, как я живу последнее время, а как изменить - не знаю. Я работаю сверх сил - и ничего не успеваю, п.ч. количество работы сверхъестественно. Передать работу никому не могу, с помощниками - не умею.

Простите, пожалуйста, за такое гнусное письмо, но я именно в таком положении, когда кричат: караул!

Слышите?

<...> А при этом надо еще иметь в виду одно: я не создан для комментирования. Меня бесит эта работа "мусоления" - я получаю отвращение и к автору и к себе.

Ка-рра-у-у-л!!! Ваш Б.Эйхенбаум.

30.III.37.

<...> Я в скверном состоянии. Зима была, вообще, тяжелая, а последняя история меня совсем с работы сбила. Почти никаких настоящих стимулов к большой работе не остается, а без этого жизнь - не в жизнь. В январе исполнилось 30 лет, как я пишу и работаю. Меня угостил приветом Изгоев, и я даже не могу напечатать в газетах письма в редакцию! Несколько отвел душу на пленуме, но толку получилось мало.

В Пушк. Доме в первых числах апреля предполагается обсуждение статьи Изгоева - с тем, чтобы резолюцию напечатать в московской "Литературной газете". Не знаю, что из этого получится¹³.

<...> Все делаю с усилием - "без божества, без вдохновенья". Очень уж невесело на душе!

Крепко жму Вашу руку и очень жду. Ваш Б.Эйхенбаум.

12 Первый том этого двухтомника "Избр. произведений" Лермонтова вышел в Детиздате в 1938 г., 2-й - в 1940 г.

13 См.: Карпов Л. Снова о Лермонтове // Лит. газета.-1937.-10 апреля.

Очень обрадовался Вашему письму, но, к сожалению, ничем не могу похвастаться. Переживаю такой упадок сил и настроения, какого у меня никогда не было, - по крайней мере так длительно. Я все делаю через силу и быстро устаю. Нужно было бы, конечно, бросить работу и отдохнуть, но этого до июля невозможно сделать - и из-за договора и из-за Пушкинского Дома. Стараюсь пересилить себя, но это очень трудно. Для каждой работы нужен подъем, нужно увлечение, а ничего этого у меня сейчас нет. Такое впечатление, как будто я разучился и думать и писать. Просто мука!

<...> Толстого очень хочу сделать до отъезда в отпуск. Если мое состояние не усилится - постараюсь непременно.

У нас здесь в Союзе пис. тоже много грустного и тяжелого. На днях мне пришлось целый вечер посидеть на собрании критической секции. Переставешь верить людям. Все говорится с расчетом. И покаяния и нападения и разоблачения - во всем какая-то ядовитая страшная фальшь, во всем какие-то звериные инстинкты. На меня это ужасно действует.

<...> Был вчера у Юрия Ник. Он уехал сегодня в Петергоф на месяц. Никакой работы по Пушкину он, конечно, не хочет и не может взять. Просит передать Вам и Нине большой привет и предлагает так: пусть кто-нибудь попробует сделать из его статьи о прозе Пушкина статью для собрания сочинений, а он посмотрит ее. Вот и все!

<...> Простите, дорогой Генрих Леопольдович, за вялое и грустное письмо, но таким сделала меня эта свирепая зима. Вся надежда на Коктебель, на солнце и море.

Ваш Б.Эйхенбаум.

15.V.37.

Ваше отношение ко мне совершенно трогательно - и мне тем более совестно, что я все затягиваю работу. Но, право, вся эта зима такая трудная, что трудно быть бодрым и еще труднее сосредоточиться на проблемах литературоведения. Иногда

думается - проклятое ремесло! Быть бы врачом или уж музыкантом.

<...> Я сейчас в совершенной горячке с Пушкиным - подошли последние сроки, надо сдавать XI том Акад. издания. Это ведь дело серьезное, политическое - уклониться никак невозможно.

<...> От "изгоевщины" я несколько отошел. Биографию Лермонтова, приведенную (по-моему) в окончательный вид для одноклассника, я Ване послал. Теперь осталось еще несколько проклятых комментариев, до которых никак не могу добраться. Но на днях засяду и сделаю.

<...> Ираклий Андроников выступил здесь в Доме писателя с огромным успехом. Зал был битком набит - и его не отпускали. Это, правда, очень свежо, интересно и талантливо.

Ю.Н. уехал в Петергоф. Относительно "Кюхли" я его спрашивал. Что же? Он менять ничего не собирается. Это не то, что мы, грешные: "еже писах, писах" - и только.

<...> Всего хорошего! Ваш Б.Эйхенбаум.

26.VIII.37.

Я уже имел удовольствие читать в "Лит. газете" статью¹⁴, которую Вы мне посылали. Что я могу сказать? В ней все или не верно или глупо. Она продиктована, конечно, какими-то посторонними соображениями и считаться с ней я никак и ни в какой малейшей доле не могу и не хочу. Пусть этот С.Иванов сам пишет биографию - это его дело¹⁵. <...> у меня образовалась мозоль от всех этих статей, клевет, нелепостей, лицемерия и пр. Не предложите ли Вы этот двухтомник кому-нибудь другому? Пусть издательство попробует

14 Речь идет о проработочной рец. С.В.Иванова (Лит. газета. - 1937. - 15 авг.; полностью: Новый мир. - 1937. - №9. - С.232-238) на биографию для детей: Эйхенбаум Б.М., М.Ю.Лермонтов.-М.; Л.-1936. Ср. о работе над биографией в письмах от 20.IX и 26.X. 1935 г. и 12.II. 1936 г.

15 Такая биография и появилась в 1938 году. См. рец. Эйхенбаума: Лит. обозрение.-1939.-№ 22.-С. 45-47.

дать работу по Лермонтову - если не Изгоеву, то Иванову, или Петрову, или Сидорову. Их, по-видимому, много. Но с условием, конечно, чтобы это не было простым пересказом моих комментариев или статей.

<...> Обнимаю Вас! Б.Эйхенбаум.

22.X.37.

<...> Меня очень смущало то, что говорил мне Ираклий - что Вы делаете примечания к Лермонтову и пришлете их мне на "авторизацию". Мне было просто неловко. Но теперь, просмотрев примечания, я успокоился: Вы ввели цитаты из Белинского (против которых я, конечно, не возражаю) и кое-где прибавили несколько слов. На мой взгляд, все достаточно пристойно и благополучно¹⁶.

<...> Теперь относительно биографии к одностомнику. У меня уже образовалась от этого мозоль - или рана. Не понимаю отношения к ней - в том числе и со стороны Викт. Бор. <Шкловского> и Ираклия. Они же очень хвалили ее!

<...> Писать о другом сейчас не могу - устал. Целый день сидел на заседании в Пушк. Доме. Бесконечно много болтовни!

<...> Обнимаю Вас и желаю Вам всего хорошего! Привет Нине Федоровне.

Ваш Б.Эйхенбаум.

27.X.37.

...Статей <о лермонтовских работах Эйхенбаума> не видал. Надоело мне все это! За всеми этими суждениями стоят какие-то посторонние соображения. Бог с ними! А друзьям своим я несколько удивляюсь: уж очень легко и быстро меняют они свои оценки и мнения! Это наводит на мысль, что они особенно не задумывались или что у них нет твердых оценок, а все зыбко. Это грустно. В биографии нельзя и не надо выражать

16 Возможно, речь идет об издании, указ. в прим. 12.

одну (и довольно элементарную) мысль, которую легко высказать в двух строках. Такая биография ломаного гроша не стоит.

Ну простите, я сегодня страшно раздражен, утомлен и нервен.

Биографию Толстого я *кончил*: она переписывается на машинке и переделывается¹⁷. Но я с грустью смотрю на нее: дело трудное, писать плоско и гладко я не умею, а так - опять окажется потом, что "время другое", что надо было не то сказать, а это, и проч. Ведь мы же все-таки не торговцы модным товаром, а писатели! Надо же и честь знать и совесть иметь.

< ... > Простите меня за это взволнованное письмо, но я действительно взволнован всеми этими неурядицами и всем положением Лермонтовских изданий.

Обнимаю Вас и жду известий!
Ваш Б.Эйхенбаум.

21.XI.37.

< ... > Жду от Вас соображений относительно статьи о Толстом. Работаю последнее время бешено: пишу, наконец, свою книгу о Толстом. На это у меня есть только 2-3 часа ранним утром. Потом начинаются дела, суета, телефоны и проч. Сосредоточиться ужасно трудно.

Будьте здоровы! Обнимаю Вас.

Ваш Б.Эйхенбаум.

25.XI.37.

< ... > Я изнемогаю от работы, от требований, от сложности дела и пр. По утрам пишу книгу о Толстом - страшно трудно! Нужно было бы поработать спокойно (целыми

17 Статья (о ней говорится в нескольких предыдущих письмах; см. также 26.XI.37.) предназначалась для планировавшегося Детиздатом однотомника Толстого, но в этом качестве не была опубликована. Ср. напечатанную позднее статью "О противоречиях Льва Толстого" (Лит. современник.- 1939.- № 7-8; то же: Учен. зап. ЛГУ.-1940- №60. Серия "Филол. науки", вып. 6).

днями) и сосредоточенно еще по крайней мере год. А тут Пушкинский Дом с историей литературы в 10 томах, и приближающееся академическое издание Лермонтова (подготовка начнется в 1938 г.), и организация комиссии по изучению Лермонтова, и проч. Ни дня, ни сил, ни головы не хватает. И при этом хочется спокойной сосредоточенной работы, п.ч. многое хочется изучить, продумать, поискать, проверить.

Очень жаль мне, что Мираклий (так я теперь называю Ираклия - скажите ему) печален из-за денег. Ведь, серьезно говоря, это на редкость талантливый человек - по-настоящему, *крупно* талантливый. О нем надо бы позаботиться и что-то с ним придумать.

Юрий Николаевич жалуется - и здоровье его, в самом деле, плохо. Он слабеет, стареет - организм точно высыхает. Он лечится, но не знаю, есть ли толк. Может быть, процесс замедляется, но не ликвидируется. Очень грустная у него сейчас жизнь, несмотря на почет и славу...

< ... > Крепко обнимаю Вас.

Ваш Б.Эйхенбаум.

26.XI.37.

Дорогой Генрих Леопольдович!

Биографию сегодня получил - не волнуйтесь. Как скоро она нужна? И есть ли, вообще, надежда, что после переделок она пойдет? Не хочется даром тратить время. Я готов сделать все, что я могу, - но только то, что я могу, и только то, что можно дать в этом жанре. Упрощать и вульгаризировать не хочу и не могу. Писать барабанно не умею. < ... > Обнимаю Вас! Ваш Б.Эйхенбаум.

7.III.1938.

Дни так быстро бегут, что не поспеваешь за ними. Вот уже прошло много дней, как я получил от Вас письмо. А главная беда, что радость от этих быстротечных дней не испытываешь, п.ч. нет ни настоящего спокойствия, ни

настоящего подъема. Весь день суета и волнения, а по ночам не сплю.

< ... > Юрия Николаевича я давно не видал: мы с ним "разошлись". Он обиделся на меня за то, что я не порвал деловых отношений с одним литературоведом, с которым у него была квартирная ссора. Это - повод, а причина, конечно, глубже. Он стал "литературным аристократом", а я остался чернорабочим. Мы как-то оказались в разных "классах". Ничего не поделаешь!

< ... > Обнимаю Вас!

Ваш Б.Эйхенбаум.

21.XII.1939.

< ... > Очень интересуюсь Вашими замечаниями на статью в "Лит. совр."¹⁸. < ... > Статья эта очень понравилась Юрию Николаевичу. Его здоровье в том же положении, хотя с походкой несколько лучше, чем было весной. Он выходит на улицу (с чужой помощью) и сидит в садике у Казанского собора. Работает он больше над Кюхельбекером, чем над Пушкиным. Был недавно его вечер в Радио - я говорил вступительное слово.

< ... > Книжки Мануйлова и Андроникова¹⁹ читал. Первая - безжизненная, без огонька; вторая интересна, но не совсем приятна по тону.

...Наконец - сенсация, о которой пока не говорите: я дам статью в "Лит. критик"²⁰. В одном журнале 1921 года напечатан отрывок из письма Николая I к жене, весь посвященный Лермонтову и "Герою нашего времени". Это очень важное письмо все прозевали - никто его не цитировал и не указывал. Вот какие бывают поучительные случаи!

< ... > Ваш Б.Эйхенбаум.

18 См. прим. 17.

19 См.: Мануйлов В.А. Лермонтов. Жизнь и творчество.-Л.: Учпедгиз, 1939; Андроников И.Л. Жизнь Лермонтова.-М.; Л.: Детгиздат, 1939.

20 См.: Николай I о Лермонтове // Лит. критик.-1940.-№2.

25.V.1940.

< ... > Лермонтов в "Сов. писателе" еще не вышел - выйдет, вероятно, осенью. Все задерживается и лежит камнем - это очень грустно. Моя книга о Толстом тоже лежит и стареет.

Юрий Николаевич прожил почти 2 месяца в Пушкине (в Доме творчества) и скоро переедет на свою дачу в Луге. Я видел его давно, в апреле. Что сказать о нем? Он работает, но болезнь, конечно, делает свое разрушительное дело. Если сравнивать с прошлым годом - он в худшем состоянии. Очень плохо с ногами.

< ... > Обнимаю Вас! Б.Эйхенбаум.

15.VI.40.

Спасибо Вам за Ваше большое письмо и за трогательное внимание ко мне. Ответ пришлось отложить на несколько дней, п.ч. была очень срочная работа - надо было закончить две статьи: о "Маскараде" для сборника ВТО и о Толстом для БСЭ²¹.

Прежде всего о Вас и Ваших перспективах. Вы никогда мне не говорили о своих научных делах и планах. Я убежден, что в Ленинграде диссертация о поэтике Шевченко или Леси Украинки не встретила бы никаких возражений и вопросов анкетного характера. наших диссертантов всегда упрекают в пренебрежении к "специфике", в неумении анализировать поэтику. В Москве, очевидно, другие нравы! У Вас же царит теперь < Н.Л. > Бродский - это же бред! Может быть, Вам, действительно, взяться за Лермонтова? Жалко только не использовать Ваше знание украинского языка и литературы. Поэтика "Героя нашего времени" меня смущает вот чем: Эта тема требует, в сущности, изучения *всего* Лермонтова - во всяком случае всей его прозы; иначе говоря, эта тема должна

21 См.: Пять редакций "Маскарада" .- "Маскарад" Лермонтова: сб. статей.- М.; Л., 1941. В БСЭ статьи Эйхенбаума нет.

быть озаглавлена "Проза Лермонтова". На эту тему написаны сейчас две работы, которые появятся в "Лит. наследстве": В.Виноградова и Томашевского; первая - с уклоном к поэтике и стилистике, вторая - историко-литературного характера²². Досадно повторять эту тему: Вам следовало бы сделать работу, которую можно было бы издать. Поэтому я бы всячески настаивал на Шевченко. Если же Лермонтов, то, может быть, все-таки другую тему? Например - работа Л-ва в области лирики и его достижения. Давайте спишемся.

<...> Отдыхать не придется - за июль я должен написать главу о Лермонтове для "Истории литературы" (5 листов), а в августе будут другие большие дела. <...> Лето, конечно, получается не очень привлекательное, но что делать! Парижане проводят это лето еще несравненно хуже. Я очень внимательно слежу за войной (по карте) и очень волнуюсь. Развязываются огромные узлы истории, от которых зависит все наше будущее. Это тоже заставляет меня относиться к вопросу о летнем быте несколько равнодушно.

<...> Юрий Николаевич в Луге, на своей даче. Думаю как-нибудь съездить к нему, да погода уж очень непривлекательная и очень много работы. На будущей шестидневке должен выступать на двух диссертациях.

Сборник Ахматовой²³ у меня есть - историческое или, во всяком случае, историко-литературное событие! Мне понравились те же вещи, что и Вам. Второй сборник будет по составу тем же - только с иным расположением.

<...> Будьте здоровы!
Ваш Б.Эйхенбаум.

²² Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Лит. наследство.- М., 1941.- Т.43-44; Томашевский Б.В. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // Там же.

²³ Речь идет об изданном - после длительного перерыва - сборнике стихов А.Ахматовой "Из шести книг" (Л., 1940).

Приветствую Вас - после долгого молчания.

<...> Отдых в Детском (т.е. Пушкине) не удался - дело кончилось бедой: Рая Борисовна заболела дизентерией. Пришлось мчаться на такси в город, а затем - бактериофаг и все прочее. Теперь опасность прошла. Я успел за июль написать статью о Тынянове (для его собрания сочинений)²⁴ и думал в августе отдохнуть и погулять - не удалось. Теперь уже отдыхать некогда, а я устал и нервничаю. Что с Вами?

<...> У нас все видят во сне, как они попадают в тюрьму за опоздание или за прогул. А многие попадают и наяву.

Зима будет, очевидно, трудная. А хочется каких-нибудь радостей. Смотрю с горестью на сверстанный экземпляр III тома о Толстом - лежит в Гослитиздате без движения и стареет быстрее меня. А я, между прочим, тоже старею. Лето без моря и гор, с дизентерией, с перспективами затягивающейся войны на западе - все это не молодит.

Итак, жду от Вас известий и советов.

Обнимаю! Ваш Б.Эйхенбаум.

19.IX.1940.

<...> О беседе Сталина с писателями²⁵ слышал. В Союзе на днях ожидается доклад Л.Соболева об этой беседе. Много по этому поводу волнений и разговоров.

24 Однотомник Тынянова (Л., 1941) вышел в урезанном составе (не были включены "Смерть Вазир-Мухтара" и II часть "Пушкина") и без статьи Эйхенбаума. Эта статья "Творчество Ю.Тынянова" опубликована: Звезда. - 1941. - №1; более полный текст: Эйхенбаум Б. О прозе. - Л., 1969.

25 Беседа Сталина получила в печати косвенное отражение - в информациях и передовых статьях ряда изданий. "В редакции "Лит. газеты" состоялось совещание с активом писателей, посвященное обсуждению очередных задач Союза писателей. Доклад сделал А.Фадеев. Выступили В.Финк, М.Шагинян, Я.Рыкачев, А.Дерман, М.Серебрянский, В.Ермилов, Г.Корабельников, Г.Фиш и О.Колесникова. В центре внимания выступивших был вопрос о современной теме

<...> Юрий Николаевич живет еще в Луге. Говорят, закончил пьесу "Кюхля". Я хлопочу, чтобы ему на зиму отвели комнату в Доме Творчества в Детском Селе; ему там было бы гораздо лучше, чем на городской квартире.

<...> Обнимаю Вас! Ваш Б.Эйхенбаум.

16.XII.1940.

<...> Причины молчания - в страшной, разнообразной и часто увлекательной работе, которая забирает меня всего. За эти последние месяцы я написал большую главу о Лермонтове для "Истории литературы" (около 7 печ. л.), в которой все продумал и изучил заново. На днях кончил; из нее буду делать статью для "Лит. наследства" (Лермонтовский том уже в производстве и будет большим событием)²⁶, а потом, в январе начну писать книгу о Лермонтове листов на 15-17. Мечтаю об этой работе - нужно сказать много совершенно нового. В эти же месяцы (с октября) я прочитал по крайней мере 30 лекций и докладов о Лермонтове и Толстом. Недавно кончил читать целый цикл о Толстом в нашем центральном Лектории Горкома - это было ответственное дело: большой зал, много народа. Прошло с успехом. Прибавьте к этому обычные дела по Институту Литературы и Университету (где у меня 2 больших семинара) - и Вы сами увидите, что моя деятельность далеко превышает норму для 55-летнего человека.

<...> В январе я, может быть, поеду на 5-6 дней в Свердловск - зовут читать лекции. Мне хочется проветриться и увидеть что-то новое.

в советской литературе" (Лит. газета. - 1940. - 22 сент.; См. ряд статей соответствующей направленности: Еще о воспитании литератора // Лит. газета. - 1940. - 6 октября; За идейную большевистскую принципиальность (в работе сов. писателей и критиков) // Лит. критик. - 1940. - №9-10. 2 декабря 1940 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) "О литературной критике и библиографии".

26 Литературная позиция Лермонтова // Лит. наследство. - М., 1941. - Т. 43-44.

<...> Ю.Н. живет в Детском Селе. - и проживет там, вероятно, почти всю зиму. Он кончил пьесу "Кюхля" для Александринского театра - пьеса принята. Но со здоровьем плохо - ухудшение: ноги совсем отказываются действовать. Моя статья о нем появится в "Звезде" - прочитайте. Лермонтов в "Библ. поэта" еще не вышел, но скоро, кажется, выйдет. Увы! Он был сделан летом 1938 г. - и, конечно, уже сильно постарел. А мой третий том о Толстом так и лежит; если выйдет, то совсем стариком! Это ужасно.

Обнимаю Вас! Ваш Б.Эйхенбаум.

6.IV.1941.

<...> Совершенно замучен работой в Институте (нормы! графики!), Университете, лекциями о Лермонтове (уже началось) и пр. Год ужасный - и я еще не знаю, как из него выскочу. Вы, по-видимому, еще не слышали об истории с диссертацией А.Л.Дымшица о Маяковском, которая разыгралась 18 марта и последствия которой до сих пор еще не исчерпаны²⁷. Писать об этом трудно, п.ч. дело очень сложное. Я оказался под ударом - и уже пошли всякие кривотолки; из разных щелей вылезли поседевшие змеи и стали шипеть, что в моей статье о Тынянове (которая Вам понравилась) - формализм, идеализм и пр., что я не раскаялся и т.д. Нервы у меня сейчас в отчаянном состоянии - ничего не хочется делать, противно ходить в Институт, а не могу ни на минутку прервать работу, п.ч. она растет с каждым днем.

<...> Ю.Н. я навещаю, но редко удается: а он - в плохом состоянии. Главное, что живет он не так, как нужно: без воздуха (выходить на улицу с 3-го этажа ему трудно), одиноко. И психика у него стала странная - говорить с ним трудно, п.ч. он многое забывает, многое преувеличивает. Очень тяжело!

27 Эйхенбаум был оппонентом на защите докторской диссертации А.Л.Дымшица "Основные этапы идейно-творческой эволюции В.В.Маяковского" (два других оппонента - Г.А.Гуковский и В.В.Гиппиус).

Вот, дорогой Генрих Леопольдович, как обстоят дела. В письме очень трудно говорить о таких вещах и о жизни вообще. Вчера еще прибавилась война Германии с Юго-Славией и Грецией. Становится все страшнее и серьезнее. На лето мы решили не уезжать далеко, а поселиться на даче в Сестрорецке, чтобы не иметь дела ни с железной дорогой, ни с санаториями и домами отдыха. Мне придется писать то, чего я явно не успею сделать до июля. <...> Третья книга о Толстом лежит в ГИЗ²⁸ без движения. <...>

16.V.41.

<...> Я не болею и даже не очень хандрю, но живу и работаю не по годам и не по силам. Университет и Институт отнимают массу времени и нервов, а кроме этого - бесконечная и трудная, ответственная и волнующая работа: акад. издание Лермонтова, статьи, лекции (много!) и пр. и пр. За эту зиму я написал по крайней мере 15 печ. листов - помимо всей остальной работы.

<...> Вот такая моя жизнь. Это все хорошо, конечно, но трудно - дыхания не хватает, особенно если прибавить лекции. <...> Я не болею, даже не хандрю, но ужасаюсь.

Вы чувствуете после всего сказанного, что написать для "Пионера" я не в состоянии. Перепевать самого себя я не могу - это отвратительно (и то нечто подобное пришлось дать в "Смену"²⁸); я могу писать только то, что меня самого в данный момент интересует и волнует, а для этого нет сейчас ни времени, ни сил.

<...> С Юрием Ник. вышла очень досадная история, которая ужасно огорчила меня. Он думал, что сделал открытие, и уже написал об этом статью для газеты и для "Нового мира". Я уже после того занялся этим вопросом - и пришел к решительному выводу, что эта повесть ("Неведомая") - не Лермонтова. Юрий Ник. уехал в это время в Детское село -

28 См.: Анна Каренина // Смена.-1940.-20 ноября.

пришлось по телефону сообщить ему. Он не сдавался, но статью решил задержать. Не знаю, как дело обстоит сейчас, - думаю, что он не будет печатать статью. Очень досадно, п.ч. это, конечно, расстроит его, а он очень радовался этому открытию. Навел его на это дневник Кюхельбекера - и он, по целому ряду признаков, решил, что эта повесть написана Лермонтовым. Хорошо, однако, что его статья не успела появиться - было бы еще неприятнее: ссть неопровержимые доказательства, что это не Лермонтов ²⁹.

<...> А что мне сделать, чтобы сдвинуть с мертвой точки мою третью книгу о Толстом? Я написал Чагину³⁰ - и даже не получил ответа. Не орденосеи? Не лауреат? Так что с ним церемониться! Ох, уж эти наши издательские нравы!

Обнимаю Вас и благодарю! Ваш Б.Эйхенбаум.

Мой Дима - совсем музыкант. Недавно я был на отчетном концерте их техникума и слушал два его романа: на слова Лермонтова (песня из "Тамани") и Полонского. Работает всерьез. Этим летом ему 19 лет!³¹ <...>

29. О повести "Неведомая" (М., 1829; упоминается в дневнике Кюхельбекера 10 мая 1841 г.) см. в статье Тынянова "Кюхельбекер о Лермонтове" (Лит.современник.- 1941- № 7-8).

30 Петр Ив. Чагин был в 30-х годах директором изд-ва АН, с 1939 г. - директором Гослитиздата.

31 Через полтора года сын Эйхенбаума пропал без вести под Сталинградом.

Л.Ф.Кацис

НАБОКОВ И ТЫНЯНОВ. 1

Тема, вынесенная в заголовок статьи, может вполне обоснованно вызвать сомнения. Для нас такого сомнения не было ¹, но с недавних пор ему просто не стало места. В № 6 "Юности" за 1987 г. появился перевод эссе В.Набокова "Пушкин, или правда и правдоподобие". Эссе это, как указывается в заметке "От переводчика", было впервые напечатано во Франции в 1937 году в "Нувель ревю франсез" к столетию гибели Пушкина. Перепечатано журналом "Магазэн литтерэр" в сентябре 1986 года. Так вернулось это эссе в научный оборот, не очень задев исследователей и читателей на фоне огромного количества набокловских публикаций, куда более актуальных для сегодняшнего дня. Но всмотримся в него повнимательнее.

"Жизнь Пушкина, все ее романтические порывы и озарения, готовят столько же ловушек, сколько искушений сочинителям модных биографий. В последнее время в России их много написано, я видел одну или две достаточно безвкусные. Но помимо этого существует еще и благой бескорыстный труд нескольких избранных умов, которые, копаясь в прошлом, собирая мельчайшие детали, вовсе не озабочены изготовлением мишуры на потребу вульгарного вкуса. И все-таки наступает роковой момент, когда самый целомудренный ученый почти безотчетно принимается создавать роман, и вот литературная ложь уже посели-

1. Первый доклад на эту тему сделан нами в октябре 1986 г. в Харькове на конференции "Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки". Тезисы частично опубликованы : Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников //Языкознание и литературоведение. / Ин-т востоковедения АН. - М., 1987. - Т. II.

лась в этом произведении добросовестного эрудита так же грубо, как в творении беспардонного компилятора”².

Итак, перед нами оценка Набоковым как научного, так и художественного, пусть ограниченного романом “Пушкин”, творчества Ю.Н.Тынянова. Ведь других “кандидатов” на место представителя “нескольких избранных умов”, “добросовестного эрудита” и одновременно автора романа о Пушкине (оцененного, правда, резко отрицательно, в отличие от научного творчества) в литературе 20-30-х годов просто нет.

1.

Тынянов не мог знать Набокова-исследователя. А вот Набоков, при этом не только Набоков-исследователь, но и Набоков-художник, постоянно держал Тынянова в поле своего зрения. В текстах Набокова мы находим многочисленные, хотя и не всегда лежащие на поверхности, свидетельства того, что и художественное, и научное творчество Тынянова глубоко освоено Набоковым и вплетено в причудливую ткань его художественного мира.

Отголоски работ Тынянова и просто ссылки на него находим прежде всего в комментариях к “Евгению Онегину”. Приведем в нашем переводе все эти упоминания :

1. Комментируя 8-ю строку XXXII строфы I главы “Онегина” Набоков указывает : “Юрий Тынянов (“Пушкин и Кюхельбекер”, работа, к которой надо бы относиться with a lick of salt <с сомнением, с подозрением - Л.К.>, в”Литературном наследстве” № 16-18 (1934); с.321-378) предполагает, что Пушкин впервые прочел Грессета в 1815 году, когда мать Кюхельбекера послала два тома этого поэта своему сыну, лицейскому товарищу Пушкина” (Комментарий, т.2, с.119)³.

2. Юность. - 1987. - № 6. - С.91.

3. Цит. по изданию : Eugene Oegin: A novel in verse by Aleksander Pushkin/ Translated from the Russian with a commentary by Vladimir Nabokov.-Princeton University Press. 1981.-Bollingen Series, LXXII, in II volumes.

2. По поводу строк "По имени Владимир Ленской, С душою прямо геттингенской" (гл. II, строфа VI, 5-6) у Набокова читаем: "Забавно отметить, что выдуманный Владимир Ленский - это второй геттингенский студент - друг Онегина: первым был Каверин (гл. I, строфа XVI, строка 6; см.), который, в терминах исторической реальности, окончил свою учебу там, когда Ленскому было семнадцать.

Тынянов (см. комм. к гл. II, строфе VIII, строкам 9 - 14, вар.) увидел в Ленском второй главы портрет Кюхельбекера, который в 1820 году побывал в Германии. Я отношусь к прототипической проблематике как к затемняющей подлинный, всегда атипический метод гения" (т.2, с.229).

В связи с последним замечанием Набокова приведем мнение по тому же поводу акад. В.В.Виноградова: "Но наряду с этими строгими методами Ю.Н.Тынянов пользуется иногда приемом внешних сопоставлений, скорее психологического, чем глубокого художественно-исторического характера. Например, открыв с большим искусством в образе Ленского некоторые черты Кюхельбекера и аналогии с его идеями и поэтическим творчеством, Ю.Н.Тынянов упорно ищет портретного тождества с Кюхельбекером и в изображении вспыльчивости Ленского, приведшей к вызову Онегина на дуэль. Он ссылается на современную Пушкину критику (Московский вестник, 1828, ч. VII, № 4), которая находила вызов Ленского немотивированным и называла "несообразностью" ("Взбалмошный Онегин, на месте Ленского, мог вызвать своего противника на дуэль, а Ленский - никогда"). Таким образом, - заключает Тынянов, - характеристика Ленского: "Дух пылкий и довольно странный" и его обидчивость в начале III главы оказались недостаточно сильными мотивировками внезапной дуэли". И отсюда почти невероятный, во всяком случае необидительный вывод: "По-видимому, ее мотивировали портретные черты прототипа, оставшиеся вне поэмы" 4.

4. ПиЕС, предисловие В.В.Виноградова, с.12.

Заметим, что "портретные черты прототипа, оставшиеся вне поэмы", но которые в ней что-то мотивируют, больше подходят к творчеству Набокова, чем кого-либо иного. И все же Набоков обратил внимание читателя комментария на, видимо, одно из самых спорных мест всего научного творчества Тынянова. Место, к которому и советские пушкинисты относятся с сомнением.

В то же время Набоков не повторил оценки творчества Тынянова из своей статьи 1937 года (т.е. статьи, написанной позже упоминаемой работы Тынянова о Кюхельбекере, безусловно известной Набокову к 1937 году). Кроме всего прочего, комментарий написан по-английски, а статья - по-французски, и не Набоковым, а еще Сириным. Все это заставляет думать, что не слишком большое количество читателей комментария знали или помнили статью Набокова почти четвертьвековой давности. И так, по какой-то причине Набокову шестидесятих было важно подчеркнуть свое отрицательное отношение к творчеству Тынянова в целом, не отсылая английских читателей к его работам, могущим вызвать другие ощущения - вроде тех, что испытывал сам Набоков в 1937 году (см. цитированный в начале нашей статьи отрывок).

3. Третья ссылка на Тынянова сделана по поводу варианта к гл. II. "В действительности, как показал Тынянов (1934), отрывок представляет собой тонкий намек на очень шиллерлеанское стихотворение Кюхельбекера ("Поэты", 1820), на мистическую природу <сущность> поэтов" (т.2, с.234).

4. "Согласно Тынянову (Лит. наследство, 1934), любимой книгой молодого Кюхельбекера была работа швейцарского последователя Руссо Франсуа Рудольфа (Франца Рудольфа) Вейсса "Принципы философские, политические и моральные" (1785), на которых Кюхельбекер в Лицее основал рукописную энциклопедию для личного пользования" (т.2, с.252).

5. Пятое упоминание имени Тынянова находим в примечаниях к комментарию к главе IV строфе XXXII, где речь идет об опровержении сведений Бартенева о якобы бывшей в действи-

тельности дуэли между Пушкиным и Кюхельбекером в 1818 году. Ссылка выглядит следующим образом : < < "Русский архив", 1910, разбор : Юрий Тынянов, "Пушкин и Кюхельбекер" - Лит. наследство № 16-18 (1934), с.321-378 > > (т.2, с.446). Заметим, что указанные Набоковым страницы относятся ко всему тексту статьи, без уничижительной оценки, которую мы видели выше.

б. Шестое и последнее упоминание Тынянова находим в комментарии к варианту XXXIV строфы IV главы : "Другой (согласно Тынянову - Лит. наследство. № 16-18 (1934), с.369-370) пушкинский "bete noire" граф Воронцов, которому современники приписывали успех в битве при Леоне 9 марта" (ст.3, с.56).

Бросается в глаза крайняя скупость Набокова при цитировании Тынянова. Цитируется только одна статья с уничижительной оценкой всего ее текста, в то время как речь идет лишь о единственном положении этой работы, не удовлетворяющей комментатора. Набоков делает все, чтобы читатель не обратился к другим работам Тынянова. Зияющим провалом выглядит отсутствие в библиографии комментария книги Тынянова "Архаисты и новаторы", в то время как само слово "архаисты" в комментарии присутствует. Заметим, что в комментарии можно найти целый ряд пренебрежительных оценок Набоковым тех или иных работ. Но работы эти либо цитируются ради конкретных мелких фактов, в них содержащихся, либо как пример заведомо ошибочного подхода. Людей класса Тынянова среди авторов такого рода работ нет. И здесь неизбежно возникает вопрос : что же произошло между 1937 и 1964 годами, когда появилось первое издание комментария Набокова? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к текстам Набокова и попытаться сформулировать ответ на еще один вопрос : почему из всех художественных произведений Тынянова именно роман "Пушкин" так задел Набокова, а "Кюхля" и "Смерть Вазир-Мухтара" остались за пределами "рецензии" Набокова?

II.

Сам Набоков был вовсе не чужд биографического жанра. Рассмотрение набоковских биографий Чернышевского и Гоголя,

при всей относительности применения к ним этого определения, и есть тот единственный путь, который позволяет понять причины крайне отрицательного отношения Набокова к самой идее художественной биографии Пушкина, чему и посвящена вся статья "Пушкин, или правда и правдоподобие".

Книги о Чернышевском в самостоятельном виде Набоков никогда не писал. Написал ее, как известно, герой "Дара" Ф.К.Годунов-Чердынцев. Поэтому, естественно, нам придется рассматривать эту книгу в контексте романа. И все же, начнем мы с нее, несколько искусственно выделив "Жизнь Чернышевского" из "Дара". Это тем более позволительно, что первоначально и "Дар" вышел без главы о Чернышевском⁵. Да и Годунов-Чердынцев собирался опубликовать и опубликовал "Жизнь Чернышевского" отдельной книгой, на которую даже поступили рецензии (см. "Дар").

Сразу скажем, что Чернышевский у Набокова тот, который нужен ему для решения сугубо специальных и личных художественных задач. Это легко увидеть, сопоставив даже высказывания самого Набокова о Чернышевском в разных местах и по разным поводам. Важно отметить, что любые высказывания о Чернышевском в "Даре" имеют отношение именно к "Дару" и ни к чему другому. Поэтому обратимся сначала к другим текстам, где упоминается Чернышевский. Так, в комментарии к главе X, строфе XVI, строкам 9-14 "Евгения Онегина" Набоков упоминает арест "радикального публициста Николая Чернышевского", а в "Николае Гоголе" называет Чернышевского "радикалом и заговорщиком". В то же время в "Даре" мы регулярно встречаем сомнения и в радикальности взглядов Чернышевского, и в том, что тот был заговорщиком. Все это относится, по Ф.К.Годунову-Чердынцеву, к "мифу" Чернышевского.

5. См. : Из архива В.В.Набокова. Публикация В.Аллой // Минувшее. - Париж, 1989. - № 8. - С.274-281.

Кроме того, для Набокова неприемлема уже сама идея, согласно которой литература предназначена для "обслуживания" какой-либо общественной и тем более экономической концепции. Вообще - идея "пользы", приносимой литературой. Отсюда следует неминуемый вывод о том, что Чернышевский вообще не писатель. Доказательству этого служит и длинный перечень художественных просчетов автора "Что делать?". Впрочем, для Набокова уже сам ответ на подобный вопрос не есть литература.

Как же строится в "Даре" "биография" Чернышевского? Это не праздный вопрос, ведь в том же 1937 году, когда вышел "Дар", сам Набоков в цитированной уже статье о Пушкине издевался над повествованиями о жизни великих, вроде биографии одного известного немецкого поэта, где от начала до конца пересказывалось содержание его поэмы "Мечта", представленное как воспроизведение истинных мечтаний поэта. Но каждый читавший "Дар" знает, что в "Жизни Чернышевского" Набоков совершил именно то, что сам высмеивал в другом месте, практически в то же время. Он пошел от противного в "Жизни Чернышевского" для того, чтобы показать, как убивается литература, когда она пересказывает реальную жизнь или вся направлена на высказывание какой-то одной социально-политической идеи. И, естественно, (по Набокову) невозможно написать биографию *писателя*, если его творчество лишь копирует жизнь. В такой биографии нет необходимости. Она написана самим автором в его собственных сочинениях, т.е. автор и герой - одно и то же лицо. Таким образом, Набоков в "Жизни Чернышевского" показывает нам образцового и слегка утрированного не-писателя. Следовательно, для Чернышевского (не-писателя) можно использовать то, что нельзя для немецкого поэта.

Но и это не все. Обращают на себя внимание источники, которыми пользуется Ф.К.Годунов-Чердынцев. С одной стороны, это книга реального биографа Чернышевского Ю.М. Стеклова, автора сильно засоциологизированной биографии русского революционного демократа, т.е. никак не биографии художника для Набокова. Тем более, что у набоковского Чернышевского такой

биографии и быть не может. С другой стороны, в "Даре" упоминается (хотя и не называется) книга некоего биографа Чернышевского - Страннолюбского ; имя его бесполезно искать в библиографии работ о Чернышевском. Пародийность выдает уже фамилия (ср. Страннолюбский - Добролюбов). Итак, Чернышевский-художник реального биографа не имеет. Ведь ему нечего здесь делать. Все, что угодно, можно найти в книгах самого автора "Что делать?" и "Пролога". Но все же Чернышевский остался в памяти потомков, имя его не забыто. Что же (по Набокову) позволило такой фигуре остаться в истории, даже в истории литературы? Чернышевскому как писателю и человеку ничто и не могло помочь в этом деле. Остался в истории "миф Чернышевского". Истории его создания и уделяет основное место Набоков. Он показывает, как случайности, совпадения, обстоятельства, менее всего зависящие от самого героя мифа, формировали "образ Чернышевского".

Таким образом, в случае Чернышевского мы имеем дело с реальной личностью, миф которой создан вне художественного мира (за неимением такового, по мнению Набокова), а отсюда и непереносимое желание и Набокова, и Годунова-Чердынцева разрушить этот миф. Правда, сделать это не так легко, что заметил и Набоков, указав, что "подкладкой" мифа был образ Христа. В этой ситуации прямолинейные обвинения Набокова-Сирина (автора романа, в котором сочиняется "Жизнь Чернышевского") в кощунстве над Чернышевским, впрочем, осмеянные уже в "Даре", окажутся лишь элементами большой набоковской игры. В игру оказывается включенным и скандал вокруг "Жизни Чернышевского" и в жизни и в романе. Уже найдя издателя, герой романа идет к Зине, которая ему небезразлична, и в диалоге с ней раскрывает что-то набоковское, сокровенное :

" - Ну что? - спросила она, быстро войдя.

- Нет, не берет, - сказал Федор Константинович, с наслаждением следя за угасанием ее лица, играя своей властью над ним, предвкушая восхитительный свет, который он сейчас вызовет".

Итак, набоковский Чернышевский биограф в набоковском смысле не получил. Вот и книга о нем то ли есть, то ли нет. По крайней мере, часть читателей осталась без нее. Достался же Чернышевскому выдуманный Страннолюбский. А "Жизнь Чернышевского", извлеченная из его художественных текстов, писем, дневников, т.е. составленная по принципам, прямо противоположным набоковским, прямо напрашивается на сопоставление с "Николаем Гоголем". Напрашивается уже хотя бы потому, что автор "Жизни Чернышевского" написал ее, почти по случайному стечению обстоятельств не осуществив в романе своей главной мечты - книги о Гоголе. Мы вправе такое сопоставление сделать еще и потому, что сам Набоков в одном из писем в "Современные записки" признавался, что писал "Жизнь Чернышевского" четыре к тому моменту последних года вместе с Годуновым-Чердынцевым. В этой шутке есть существенная доля правды. Итак, обратимся к книге о Гоголе одного из соавторов "Жизни Чернышевского".

Обращает на себя внимание уже само название эссе - "Николай Гоголь", отсутствие в нем слова "жизнь", в отличие от предыдущей биографии. И это не случайно. В последнем абзаце "Николая Гоголя" читаем: "Большинство фактов, приведенных мною, взято из прелестной биографии Гоголя, написанной Вересаевым (1933). Выводы мои собственные" ⁶. Отсутствующее слово, которое, как кажется на первый взгляд, могло бы стоять и в названии второй набоковской биографии, стоит в названии "прелестной" книги Вересаева "Гоголь в жизни". Polemичность заглавия набоковского эссе видна далеко не сразу, тем более, когда имя и фамилия написаны латинскими буквами, а книга предназначена англоязычным студентам. С чем же связана столь высокая оценка Набоковым книги, написанной тем самым способом, который был столь неприемлем в статье "Пушкин, или правда и правдоподобие"? Ср.: "Как это делается, хорошо известно. Сначала берут письма знаменитого человека, их отбирают,

6. Новый мир. - 1987. - № 4. - С.227.

вырезают, расклеивают, чтобы сделать для него красивую бумажную одежду, затем пролистывают его сочинения, отыскивая в них его собственные черты (ср. с оценкой Набоковым тыняновской идеи о прототипе Ленского и прототипах вообще. - Л.К.). И, черт возьми, не стесняются". Гоголь, как и Пушкин, понятно, для Набокова писатель иного класса, чем Чернышевский. Таким образом, само слово *жизнь* в названии книги о Чернышевском - именно о не-художнике - выдает набоковское отношение к другой книге Вересаева "Пушкин в жизни", не заслужившей названия "прелестной".

Даже исходя из сказанного, можно понять, что в книге "Николай Гоголь" мы встретимся с прямой противоположностью "Жизни Чернышевского". А его никому не известный биограф Страннолюбский, вернее истинный хозяин фамилии-прототипа Добролюбов, возглавляет список "основополагающих" для Набокова работ о Гоголе: "Беда в том, что если я стану перечислять эти работы, я непременно попытаюсь развеять скуку, включая в список выдуманные названия и воображаемых авторов, и вы никогда толком не будете знать, в самом ли деле Добролюбов (воистину! - Л.К.), или Иванов-Разумник, или Овсянко-Кули..." Но на самом деле в списке ничего выдуманного нет, кроме разве что легкого сокращения фамилии Овсянко-Куликовского.

Что же противопоставляется "Жизни Чернышевского" в "Николае Гоголе"? Нетрудно предположить, что полному отсутствию художественного мира противопоставляется полное поглощение художественным миром реального автора и его реальной биографии. Вот как это формулирует сам Набоков: "Эпиграфом к пьесе поставлена русская пословица: "На зеркало неча пенять, коли рожа крива". Гоголь, конечно, никогда не рисовал портретов (ср. отказ Набокова поместить портрет Гоголя в "Николае Гоголе" - Л.К.), он пользовался зеркалами и, как писатель, жил в своем зеркальном мире. А каким было лицо читателя - пугалом или идеалом красоты, - не имело ни малейшего значения, ибо не только зеркало было сотворено Гоголем, со

своим особым способом отражения, но и читатель, к которому обращена поговорка, вышел из того же гоголевского мира гусеподобных, свиноподобных, вареникоподобных, ни на что не похожих образин. Даже в худших своих произведениях Гоголь отлично создавал своего читателя, а это дано лишь великим писателям. Так возникает замкнутый круг, я бы сказал - тесный семейный круг. *Он не открывается в мир*" (выделено нами. - Л.К.).

На первый взгляд кажется, что перед нами раскрылась уже одна из граней набоковского мира, но, как и всегда у Набокова, так, да не так. Быть может, созданный писателем читатель и не замечает несуразностей ни в письмах Гоголя матери, ни в объяснениях на разные темы. Но Набоков непреклонен : "Он позволил себе худшее, что может позволить себе писатель в подобных обстоятельствах : попытался объяснить в печати те места своей пьесы, которые критики либо не заметили, либо превратно истолковали". Здесь Гоголь оказался почти уравнен с Чернышевским : вспомним попытки последнего (в "Даре") разъяснять мотивы своих поступков из Петропавловской крепости. Таким образом, можно сделать вывод, что абсолютно замкнутый мир при столкновении с реальностью неизбежно разрушает создаваемый миф ⁷, ведь герой мифа должен добиться соответствия своего образа в реальной жизни и образа, им же созданного в литературе. Неудачи же Гоголя были связаны с тем, что современники Гоголя общались, переписывались, спорили все же с реальным человеком, а не с тенью.

При всей иронии Набокова по отношению к Чернышевскому, полная слитность петропавловского узника со своим, пусть и нехудожественным, текстом, слитность реального, а не теневого Чернышевского оказывается немаловажным, если не основным условием создания мифа, разумеется, не гарантирующим создание художественного мира. И при любой иронии Чернышев-

7. Термины "мир" и "миф" употребляются нами в отличие от терминов Тынянова ("литературная личность" и т.п.) и Набокова ("легенда" и т.п.). Мы употребляем эти понятия как синонимы "художественного мира писателя" и "биографического мифа личности".

ский остается для Набокова примером удачного построения или самосоздания мифа, которому суждена долгая жизнь.

Заметим, что почти полная противоположность "Жизни Чернышевского" и "Николая Гоголя" не мешает этим книгам быть фактически вложенными друг в друга. Другими словами, быть взаимодополняющими элементами некоего единства. И хотя подробное исследование этой особенности двух книг уместнее проводить в специальных работах о Набокове, на одном случае мы остановимся подробнее. Здесь будет совершенно ясно видно, как Набоков создает свой замкнутый мир и выходит из него в мир реальный. Мир, в котором живет и сам писатель.

"А между тем ... некий политический эмигрант захотел, чтобы Карл Маркс (чей "Капитал" он переводил в Лондоне) познакомился с Чернышевским - знаменитым радикалом и заговорщиком, сосланным в Сибирь в шестидесятые годы (он был одним из критиков, кто настойчиво предрекал гоголевский период русской литературы, понимая под этим иносказанием, которое привело бы Гоголя в ужас, долг романистов работать исключительно ради улучшения социальных и политических условий жизни народа). Чтобы выкрасть сибирского узника, политэмигрант нелегально вернулся в Россию и, выдавая себя за члена Географического общества (занятный штрих), добрался до далекой Якутии ; замысел его потерпел неудачу только потому, что на этом тернистом пути его чем дальше, тем чаще принимали за ревизора, путешествующего инкогнито, - совершенно как в пьесе Гоголя. Такое подлое подражание художественному вымыслу со стороны жизни почему-то радует больше, чем обратный процесс" ("Николай Гоголь"). Эту историю связывает с Гоголем прозрачное следование сюжету "Ревизора", впервые показанного за 40 лет до того, а маленькое замечание, что эмигрант выдавал себя за члена Географического общества, указывает на некоторое касательство эмигранта к отцу Ф.К.Годунова-Чердынцева. Видимо, Набокову не удалось найти реального касательства истории своих предков к судьбе Гоголя, поэтому понадобился несколько искусственный ход, впрочем, для Набокова обычный. Во всех же случаях,

когда хоть косвенная связь прослеживается, Набоков не забывает об этом сказать, будь то в романе, статье или другом тексте : "Министр юстиции Набоков сделал соответствующий доклад ... Государь соизволил перемещение Чернышевского в Астрахань" ("Дар").

Тень Годунова-Чердынцева (старшего) понадобилась для того, чтобы замкнуть кольцо на уровне реальности (пусть частично и домысленной), связав, кроме того, и "Николая Гоголя" с "Даром". Ведь в соответствующем месте романа находится тот же рассказ об освободителе Чернышевского, но названо его реальное имя (знакомое русскому читателю "Дара" в отличие от английского читателя "Николая Гоголя") - Г.Лопатин. В названии имени Лопатина в "Даре" не было ничего странного, ведь "Дар" связан с судьбой Набокова очевидным образом. И присочинять (если этого не было) или упоминать (если это действительно так) членство похитителя в Географическом обществе не было никакой необходимости.

Этот пример ясно показывает, как происходит существование Набокова одновременно в двух мирах : реальном и литературном.

Как мы видели, обе биографии, созданные Набоковым, построены по "отрицательному" признаку : Чернышевскому не хватает одного , Гоголю - другого. Но, кому хватает и того и другого в нужной пропорции? Кстати, в какой? Об этом сказал сам Набоков в несколько неожиданном месте - в рассказе "Истребление тиранов" : "Легенда не ахти какая, но это все-таки легенда, ... легенда замкнутая и обособленная (т.е. готовая зажить своей, островной, жизнью), и заменить ее настоящей правдой уже невозможно, хотя герой ее еще жив ; невозможно, ибо он единственный, кто правду мог бы знать ...но если бы ему было богами предложено образовать себя из своих воспоминаний, с тем что составленному образу будет даровано бессмертие, получился бы недоносок, муть, слепой и глухой карла, неспособный ни на какое бессмертие".

III.

На бессмертие по Набокову все же оказывается неспособна легенда тирана (не художника) "не ахти какая". А как это происходит у художников?

Единственным деятелем русской культуры, которому удалось создать и мир, и миф был, конечно, А.С.Пушкин. И здесь самое время вспомнить, что писал по этому поводу Тынянов. В статье "Пушкин и Тютчев" (ПиЕС, с.166) читаем : "Рядом с Пушкиным, не отходя от него ни на шаг, живет и развивается его двойник, его тень - "Пушкин в веках". (Мы до времени воздержимся от слишком сильных утверждений о возможной генетической связи текстов Набокова и Тынянова на одну и ту же тему, но все же скажем, что "Истребление тиранов" написано по-русски и до войны, т.е. написано В.Сириным, принимавшим и высоко ценившим Тынянова-ученого.)

Через много лет, продолжая и развивая тыняновскую мысль, Ю.М.Лотман писал по тому же вопросу : "...поэтическое явление Пушкина было воспринято литературой и читателем начала 1820-х гг. как нечто небывалое и новаторское. Освоение этого явления потребовало создания в читательском сознании "образа Пушкина". Образ этот стал в дальнейшем самостоятельным фактом литературы. Находясь между Пушкиным как реальным и динамическим литературным явлением и читательским сознанием, он играл двойную роль : истолковывал и "переводил" мир Пушкина, т.е. способствовал пониманию и упрощал, снимая все новое, динамическое и в него не укладывающееся, т.е. порождал непонимание. Этот "двойник" Пушкина не был статичен : реальное творчество и жизненное поведение поэта его постоянно, хотя он этому и сопротивлялся, трансформировали. Но и он влиял на поведение и творчество реального Пушкина, заставляя его часто вести себя "как Пушкин". После смерти поэта этот

образ проявил чудовищную способность к росту и выдающуюся культурную активность” (выделено нами - Л.К.) 8.

В дальнейшем мы также будем прибегать к достаточно обширным цитатам из работ пушкинистов. Мы стремимся избежать подозрения в искусственной подгонке фактов под нашу концепцию. Работы пушкинистов тяняновской школы позволяют, с одной стороны, хотя бы отчасти эксплицировать взгляды Набокова на жизнь и творчество Пушкина, а с другой - увидеть, что взгляды писателя (при всей их оригинальности) восходят к работам формалистов. И поэтому не приходится удивляться пристальному вниманию Набокова к работам Тынянова, и даже некоторой ревности по отношению к ним.

Как видим, в тех или иных терминах исследователи говорят об одном и том же. Но у Тынянова мы найдем и более конкретные указания на то, каким образом должен строиться тот динамический образ автора, который получил свое наиболее яркое выражение в Пушкине. “Биография и даже “родословная” у поэтов не только существует, но “вызывается” и даже меняется в итоге смены лирического героя : освещается часть биографии, важная в этом смысле (ср. “Дар” и “Другие берега” - Л.К.). Так Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генсалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме. Смена идиллического “Макарова” “дальней Африкой” была, конечно, того же типа. Это было и новым речевым рупором, новым лирическим героем и новой темой, “литературную личность” одновременно. И герой-рупор, и герой-тема в течение позднейшей деятельности Пушкина варьировались и меняли функцию” (ПиЕС, с. 129) 9.

Думается, что уже сейчас мы начинаем понимать природу огромного интереса Набокова к Тынянову. Тем более что Тынянов не только описывал пушкинский миф, но и пытался определить условия создания или, наоборот, отсутствия того, что он в своих терминах называл “литературной личностью” : “Речевая

8. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Уч. зап. ТГУ. - Тарту, 1983. - № 646. - С.107.

9. Цит. статья (“Пушкин”) входила в “Архаистов и новаторов”.

функция должна быть принята во внимание и в вопросе об обратной экспансии литературы в быт. "Литературная личность", "авторская личность", "герой" в разное время является речевой установкой литературы и оттуда идет в быт. Таковы лирические герои Байрона, соотносившиеся с его "литературной личностью" - с той личностью, которая оживала у читателей из стихов, и переходившие в быт. Такова "литературная личность" Гейне, далекая от биографического подлинного Гейне. Биография в известные периоды оказывается устной, апокрифической литературой. Это совершается закономерно, в связи с речевой установкой данной системы : Пушкин, Толстой, Блок, Маяковский, Есенин - ср. с отсутствием литературной личности Лескова, Тургенева, Фета, Майкова, Гумилева и др., связанным с отсутствием речевой установки на "литературную личность" (ПИЛК, с.279 ; выделено нами. - Л.К.) 10.

На фоне всех этих рассуждений есть смысл сравнить биографические пары двух авторов : "Гоголь - Чернышевский" Набокова и "Грибоедов - Кюхельбекер" Тынянова.

О первых двух речь шла раньше. Теперь посмотрим на тыняновских героев. Чтобы не усложнять изложение, обратимся снова к свидетельству. В.Каверин пишет о "Смерти Вазир-Мухтара" : "Горе от ума" - призма, через которую смотрят на Грибоедова друзья и враги. Оно всегда с ним, оно преследует его, оно мишень для одних, подвиг для других, измена для третьих. Повод для клеветы, приводящей к доносу"¹¹. Таким образом, Грибоедов стал "жертвой" собственного произведения, "поглотившего" личность реального автора (по Тынянову). Это один из вариантов того, что произошло с набоковским Гоголем. Произведение вобрало в себя личность, не открывшись в мир. Оно само создало "литературную личность" автора. Разумеется, это (по Набокову) ситуация неприслемая.

10. Цит. статья ("О литературной эволюции") входила в "Арханстов и новаторов".

11. Каверин В. Философский роман / Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. - М., 1988. - С.439.

То же касается и "Кюхли". Но с прямо противоположной стороны, поскольку до работ и публикаций Тынянова Кюхельбекер был почти тем же, чем Чернышевский в глазах Набокова. Вот что писал о Кюхельбекере Л.Толстой в (цит.Тыняновым) письме Страхову 16.03.1878 г. : "Кюхельбекер трогателен, как и все люди его типа - не поэты, но убежденные, что они поэты, и страстно преданные этому мнимому призванию. Кроме того, 15 лет заключения..."

Книги Тынянова были написаны достаточно задолго до того, чтобы Набоков не только обратил на них внимание, но и оценил их опыт при построении своего "мира-мифа". Этому посвящено и одно рассуждение в "Даре" : "А почему вам явилась такая дикая мысль? - вмешалась Александра Яковлевна. - Ну, написали бы, - я не знаю, - ну жизнь Батюшкова или Дельвига, - вообще что-нибудь около Пушкина, - но причем тут Чернышевский?" Заметим, что Александра Яковлевна не предлагает писать собственно биографию Пушкина - лишь что-то около того. В чем же разница между "Батюшковым или Дельвигом" и "Гоголем и Чернышевским"? Разница та же, что и между набоковской парой и "Грибоедовым-Кюхельбекером".

Х Х Х

Мы уже неоднократно упоминали, что набоковский идеал - Пушкин - всегда открывает нам какую-либо сторону набоковского мира. Но увидеть Пушкина глазами Набокова - задача не из легких. И здесь нам на помощь снова приходят пушкинисты. "...Впрочем он (Пушкин. - Л.К.), следуя капризу времени, любил наряжаться цыганом, казаком или английским денди. Не будем забывать, что любовь к маскараду действительно характерная черта поэта" - это сам Набоков ("Пушкин, или правда и правдоподобие"). А вот как понимают это М.Л.Гаспаров и В.М.Смирин : "Сюжет, взятый для "Домика в Коломне", пародичен, потому что главный его мотив - маска, а это - один из

важнейших аспектов образа Онегина. Онегин - первый образ в русской литературе, представленный не законченным, а принципиально меняющимся : от воспитания, от читаемых книг, от обстоятельств поведения. В байронической хандре он один, в отповеди Татьяне - другой, в дуэли - третий, в путешествии - четвертый. У читателя напрашивается вопрос : "каков же он на самом деле?", а на этот вопрос напрашивается наивный ответ : у него-де и нет лица, а только сменяющиеся маски, за которыми в лучшем случае - некий автопортрет сочинителя.

К концу романа тема маски выступает все прямее : в VII главе Татьяна задумывается, "Уж не пародия ли он?" ... Заодно и автопортрет сочинителя ... подменяется серией метаморфоз его Музы в начале последней главы. Теперь этот мотив маски, мотив игры писателя с читателем и героев друг с другом, вырывается из общей структуры и в "Домике в Коломне" преподносится читателю в изолированном, обнаженном и упрощенном виде : маска писателя - это безнадежная анонимность автора поэмы ("Когда б никто меня под легкой маской (По крайней мере долго) не узнал!"), маска героя - безуспешное переодевание Парашиноного любовника ("...Да ну бежать, закрыв себе лицо")¹².

Но это лишь одна сторона дела. Какова же цель всей этой игры? И на этот вопрос дают ответ авторы указанной статьи, подробно описывая нападки на Пушкина со стороны Надеждина и Булгарина и связывая с этим самопародийную стихию Пушкина : "Если "Онегин" - самопародия южных поэм, то "Нулин" - первая самопародия "Онегина", предшественник "Домика в Коломне". "Нулин" был написан в 1825 году, напечатан в 1828 году, сокрушительную критику Н.Надеждина вызвал в 1829 году - мы, таким образом, уже оказываемся на подступах к написанию "Домика в Коломне"¹³ . Именно здесь можно уже усмотреть истоки той системы "самозащиты", которую разрабаты-

12. Гаспаров М.Л., Смирин В.М. "Евгений Онегин" и "Домик в Коломне" : пародия и самопародия у Пушкина // ВТЧ. - С.259-260.

13. Там же.-С.256.

вал Набоков в других условиях для себя. Вслед за процитированными словами авторы делают принципиально важный для нас вывод : "Онегин" был начат как роман о современности, а современность успела измениться. В "Онегине" эта современность - или столичная светская, или провинциальная поместная ; в "Домике" появляется современность мещанская. ... Расчет с ... прошлым мог быть мягким ... или жестким. Мягким стала самоумиляющаяся концовка VIII главы, жестким - самопародирующий "Домик в Коломне", этот корректирующий конспект первоначального онегинского замысла, отсечение тех ветвей, в которые пошел первоначальный ствол"¹⁴.

Думаем, достаточно ясно : написать роман о Пушкине Набоков не мог принципиально.

Что же касается Ю.Тынянова, то, сопоставив даты, мы поймем, что до определенного момента, до 1935 года, когда появился "Пушкин", Тынянов вел себя точно по задуманной Набоковым схеме. И вдруг - измена, для Набокова тем более болезненная, что свой мир он строил по тыняновской теории, как мы пытались показать. Надо заметить, что современники видели эту проОПОЯЗовскую позицию писателя : "Жизнь художника и жизнь присма в сознании художника - вот тема Сирина ...Тут мы имеем дело с приемом, впрочем, весьма обычным. Формалисты зовут его остранением" (В.Ходасевич. "О Сиринах")¹⁵.

14. Там же.- С.263-264.

15. Возрождение.-1937.-13 февр.

III.

ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: АВТОПОЛЕМИКА

Едучи в поезде Москва-Рига на Четвертые Тыняновские чтения, которые должны были проходить в кардинально иной общественной обстановке, чем все предыдущие, коллеги заговорили о месте интеллектуала в нынешней ситуации. Позиции на удивление быстро поляризовались - одни отстаивали право на "неучастие", "созерцание" и "выжидание", другие (среди которых назову лишь М.Л.Гаспарова) решительно это отвергали, настаивая на тех или иных формах активности.

На обратном пути тема возникла вновь, теперь уже концентрируясь вокруг сегодняшнего самоощущения гуманитария-профессионала. Прозвучал, как ни странно, тезис: "Теперь только хуже стало" - и последовали разъяснения: "Наши ценности пошли по рукам", "Стало непонятно как работать - в каждой отрасли знания обнаружились провалы". Понятно, что высказана была и противоположная, казалось бы, само собой разумеющаяся точка зрения: "Только теперь наконец стало можно свободно работать, не думая ни о чем, кроме предмета исследования". Водораздел пролегал и по конкретной профессиональной задаче: "Сейчас можно писать наконец "историю русской литературы XIX-XX вв." - "Нет, сейчас это совершенно не нужно и невозможно делать".

В Москве я пересказала разговоры последней "русской ночи" Л.Д.Гудкову. Оказалось, что те участники Чтений, кто ехали в предыдущем поезде Рига-Москва, говорили примерно о том же - о нынешнем состоянии гуманитарной науки. Мы долго все это обсуждали. Я предложила Л.Д. Гудкову досказать свои мысли на бумаге - хотя бы в виде письма. И он, и Б.В.Дубин

вскоре прислали мне письма. Пришла мысль об их публикации. Для печати авторы несколько отредактировали текст, сохранив уже сложившуюся эпистолярную форму. Их письма читала редколлегия и несколько коллег. М.Л.Гаспаров высказал свои соображения - в той же форме. Редколлегия "Тыняновских сборников" предлагает эту переписку вниманию коллег - решив оставить ее односторонней.

М.О.Чудакова

Дорогая М.О., как всегда на Тыняновских, сами чтения начинаются задолго до их календарного начала, а после завершения оставляют многодневное эхо, возвращаясь воспоминаниями, мысленными спорами, выяснением сегодняшней ситуации, итогами и прогнозами. Так и с четвертой встречей, и есть желание кое-что для себя уточнить и наметить, а этим - поделиться.

Общее ощущение - рубежа, и перемены даже в организации дела кажутся не случайными знаками переходности. Ощутимо меняется контекст чтений, вся система резонаторов, без которой высказываний не бывает, сколь ни мало ощутима она в обычное время. Резкое и массовое по масштабам сокращение "расстояний", мучительное одоление которых мыслилось делом одиночек с итогами далеко отложенными и смутно различимыми, дает иную, по-другому насыщаемую, почву, трансформирует общественный климат в литературе и вокруг нее.

Предоставленность читателям "разом" результатов растянувшегося на десятилетия труда требует, конечно же, отдельного разговора, специального анализа, пока что он смят. идет в беглом, полуоформленном виде параллельно с собственно предметной активностью, да и не каждому интересен. Но следствия этих перемен для самих предметных разработок ощутимы, их уже трудно друг от друга оторвать, хотя до "естественности" воздействия обстановки на литературу и науку о ней еще куда как

далеко. Чувствуется некоторый надрыв, судорога, порой - натуга. Особенно это явно в литературной критике : "события прочтения" того, что сейчас определяет "современность", состоялись давно, те же, кто сейчас впервые открывает для себя "вторую" поэзию и прозу 20-70-х гг., практически не обращаются к критике, их ведет общественный авторитет журнального канала. Но ситуация, думаю, бросает вызов и литературоведению фундаментальному - истории литературы, теоретической поэтике. Но это - на будущее. Пока же - о Четвертых чтениях.

Для меня на них с какой-то новой рельефностью прорисовался эмпирически осязаемый и пока еще специально не от-refлексированный мировоззренчески-тематический комплекс - направление работы, "заход", что ли. Это - путь к истории общества через литературу, понятую как культура (оставляем сейчас в стороне генезис такого видения). Высоту здесь для меня задают "анатомические" мемуарные эссе Л.Я. Гинзбург, воспоминания и переписка Ю.Г.Оксмана и некоторые еще публикации, где общество, культура, литература захвачены в переходных и кризисных точках, пропущены "поколением на переломе" сквозь себя, через биографию и работу. Весь узел проблем общественного самоопределения культуротворческих групп - т.е. места их работы в истории, резонаторов и подхватов их личных поисков и достижений, равно как и истоков их интереса, форматоров направленности их внимания - оказался, как и в опоязовской ситуации "начала", а потом - "промежутка", поставлен вновь. В совокупности это толкнуло к таким ходам, которые раньше не проводились, пожалуй, столь последовательно и резко. Скажем, тема воздействия литературы на "литературную жизнь" (Пастернак для Булгакова), равно как и сращение общества (истории) и литературы в таких узлах, формах и связях, когда социальный типаж (к примеру, институтка) задает формообразование в литературе, а та - возвращается в поведение, так что биографию надлежит прослеживать как историю (культуру), историю же - обнаруживать вот в таких литературных матрицах или "заготовках". С другой стороны, реконструируется групповой контекст

индивидуальной писательской работы как принципиальный источник динамики литературного развития (но и воспроизводства его устойчивости в общих, анонимных образах, конструкциях, построениях). Вошел как ключевая тема другой специфический регулятор отечественной литературной жизни - уровень предельной общности, воплощенный в фигуре верховного источника благ и кар, а отсюда - проблематика социального заказа, власти в литературе и над литературой, а отсюда уже, в свою очередь, тема путей и двигателей истории, спектра ее возможностей, включая дороги, ведущие никуда.

Если очень грубо обобщить, эта акцентировка внимания - начальная, по-моему, фаза перехода, быть может, прорыва к новой работе - ведет к двум принципиальным вопросам, завязанным друг на друге : что же в итоге этих путей получилось ("внешний" и потому наиболее всеобщий образ признанной литературы, ее нормативный до последнего времени корпус) и что осталось за пределами - в т.ч. для кого-то (кого?), до поры (какой, чьими силами приближаемой?).

Все более ошутим как самостоятельный - комплекс проблем "другой истории", истории потерь, по Мандельштаму, или даже пробелов : не востребовавшего, непродолженного и вовсе не свершенного. Понятно, что просто публикацией в журналах эти проблемы не закрыть, вдвинув несколько имен и произведений на некое полагающееся им место в парадной шеренге и не проблематизировав самой системы координат, принципов построения литературы как системы, ее истории и т.д. Сюда же, видимо, войдет и область "тупикового", губительного, бесплодного - отступлений и ходов, приведших к перманентному, поколение за поколением, оползанию культурной почвы, кризисам и катастрофам литературного климата. Помимо собственно предметных (исторических, биографических, локально-национальных и т.д.) разработок здесь, конечно же, необходимо было бы методологически отразить сами различия в принципах построения таких различных литературных перспектив, включая проективные, гипотетические, частично реализованные. История возможного - ре-

альность иная, нежели летопись триумфов и анналы победителей. Ей требуется своя "теория литературной относительности", реляционные координаты и понятия, иная логика работы.

С другой стороны, предстоит, видимо, полностью всерьез принять и осознать, что же образовало упомянутые "анналы", кем, как и в расчете на кого они создавались, какова цена этой деятельности для истории культуры, динамики общества. И здесь, вероятно, уместен комплекс более общих теоретико-методологических разработок на тему о том, как создаются и функционируют такого рода всеобщие и единоуравнивающие образования (типа "единоспасающего метода"), какова их роль в истории культуры, логика появления и исчезновения, внутренняя систематика, общественный и "человеческий" субстрат. В историко-культурном (литературном) аспекте перед нами встанет, вероятно, история эпигонства, каковым, собственно, и являются все признанные вехи, которыми отмечены маршруты побед такого рода "единоспасающих" образований. Сюда же, вероятно, войдет проблематика роли и функций классики в разных "историях" литературы, включая победительскую - создание и работа этой системы во времени, на разных этажах литературы от актуальной критики до средней школы. Видимо, рядом окажется и область таких социально-переходных образований, как детская литература, словесность всякого рода переделок (для радио, сцены и т.п.).

Важно, чтобы новые предметные разработки и систематические построения типа обзрений, курсов и т.д. сопровождалось бы специальным анализом соответствующей исследовательской оптики, которой предопределен такой именно тип структуры такой именно истории, а далее - тип теории, системы доказательств и средств убеждения, включая более широкие смысловые фонды, различные формы и каналы коммуникации мнений, поддержку тех или иных точек зрения. Ввод таких различных по оптической силе перспектив, открываемые ими особые и потому частичные возможности, включая то, что в мировой исследовательской практике уже наработано, - задача из актуальнейших.

Понятно, что затронутая тематика кажется вроде бы шире, чем область внимания собственно тыняновского сообщества. Но это так лишь отчасти, и есть здесь (возвращаясь к началу) многие заделы. За четыре встречи накоплен значительный фонд разработок по различным проблемам тыняновского научного и литературного наследия. Отчасти это касается деятельности его соратников - прежде всего Эйхенбаума. Сюда примыкают как бы увиденные "глазами" ОПОЯЗа проблемы истории отечественной литературы отдельных периодов (скажем, пушкинского, постсимволистского, двадцатых годов). Систематизированы ряд идей и подходов, близких к опоязовским или параллельно им проведенных на другом материале (фольклор), нередко - с существенным обогащением исходных постулатов и расширением границ исследуемого материала (стихovedение). Продолжает расти публикационный "раздел" работы.

Может быть, в нынешней ситуации окажется не бесполезным промежуточное, предельно предварительное и обобщенное, конечно же, "возвращение" к началу с учетом сделанного и для оценки сделанного. Речь о том, чтобы представить на обсуждение тыняновского сообщества (может быть, даже с предварительным ознакомлением, назначением оппонентов, отзывами и т.д.) развернутые тезисы по четырем комплексам проблем, связанных с ОПОЯЗом и конкретизирующих некоторые моменты из сказанного чуть выше :

1. Социальное положение группы, ее ресурсы, инстанции поддержки, оппоненты, противники. Особое значение здесь приобретают вопросы обобщения научных и литературных достижений группы (эдиционная база и возможности, в том числе), удержания и развития накопленного опыта, воспроизводства сообщества во времени и пространстве (например, подготовка учеников).

2. Проблемы и проблемные области, привлечшие внимание опоязовцев : образ литературы, закрепленный в их исследовательской и писательской работе. Здесь в общем виде предстоит выделить зоны литературной истории ; значимые символические

имена, круг и динамику их значений ; типы поэтики, проблематизированные ОПояЗом ; формы интерпретации материала, задающую их исследовательскую аксиоматику.

3. Образ (отечественной) культуры в работах группы : ее доминантные темы и символы, выявляемые направления и формы динамики. Зоны, оставленные без внимания : сферы (резервы) отождествления конкурирующих групп, их образы культуры и типы научной работы.

4. Образ ОПояЗа : ситуация 20-х гг. и последнее двадцатилетие. Направления и типы оценки групповой работы. Формы ее истолкования, адаптации и развития.

В принципе подобная - дополнительная по отношению к уже ведущейся - работа может быть в порядке обсуждения подготовлена теми или иными участниками ТЧ по отдельности. Но можно и разработать своего рода проект опросника, по канве которого предложить высказаться членам сообщества, а затем обобщить полученные материалы (сохраняющие, понятно, самостоятельное значение) и вынести полученный экстракт в форме тезисов, предварительных материалов, какого-то из сообщений на суд участников ТЧ, полагая его, по желанию слушателей, в основу возможной дискуссии.

Это, конечно, лишь одно частное предложение, и подчинено оно тому кругу задач, которые здесь кратко и предварительно сформулированы. И то, и другое - лишь затравка и повод для обсуждения, если в нем есть потребность.

С сердечным уважением
Ваш Б.Дубин

июнь / декабрь 1988 г.

Простите за жуткую машинку.

Дорогая М.О.,

неудовлетворенный нашими беглыми разговорами на Чтениях и обменом впечатлений от выступлений, а также - не скрою - задетый Вашим упреком в "потребительском отношении" к филологам, собрался написать Вам. Желание объясниться еще больше усилилось после разговоров с Мишей Ямпольским в поезде на обратном пути. И пока не порастряслись ощущения этих трех дней, пока не затянули московские дела, тороплюсь изложить Вам свои резоны.

Я, как и Миша (да, наверное, и многие другие), считаю, что наивысший момент у конференции был на Вторых чтениях. И тематически, и представительски это был пик. После этого не то чтобы спад, а так - достигнут известный уровень и дальше он не меняется. Почему, собственно, он должен меняться? Во-первых, хотя бы потому, что есть наука, а ей полагается иметь новые идеи, теории, методы и т.п. Во-вторых, "перестройка", общий тон разговоров о нынешнем времени, когда у одних из нас "отнимают слова". Я не отношусь к числу тех, кто полагает, что сейчас работать стало легче или свободней, или даже - что здесь нечто изменилось. Не думаю, что это так. Область изменений - печать, общественное мнение, некоторая свобода языков в обсуждении уродства нашей жизни. Уходит страх. Для обсуждения условий серьезной работы время еще не пришло, да и не скоро, видимо, придет, поскольку ценности академической науки, свободного и независимого познания, находящего награду в себе самом, никогда особенно высоко не котируются в нашей истории и сознании общества. Но мне трудно принять точку зрения тех, кто считает, что "обновленцы" истрепали слова, что обесценилось значение важнейших понятий, которыми жили серьезные люди. Мне кажется это бессмысленным, во-первых, потому что таков обычный нормальный порядок передачи культуры - ее невозможно передать другой группе, не теряя при этом в качестве, в адекватности интерпретаций, в смысле и проч., а во-вторых, если даже и задаться целью соблюсти дистанцию по отношению к профанам и чужим, то "хранить" не значит - "охранять", не

допуская других к "сокровищам". Сохранять культуру, видимо, можно только наращивая интерпретации, внося собственные толкования, понимая ее как задачу, проблему, а не как сумму полученных знаний, в этом смысле - идя дальше, обретая "другие слова". Поэтому смущение, которое охватило наших коллег с наступлением иных времен, в общем-то понятно, хотя разделить их чувства я не могу. Думаю, что это не надолго и вскоре все опять прояснится.

Здесь я полностью на Вашей стороне и полагаю, что "выбираться из экологических ниш" надо. Теперь о Чтениях. Ощущение от них - повтор, воспроизводство одних и тех же подходов, тем и способов работы, понимания своих задач. За некоторыми исключениями, конечно. От первых и вторых чтений остался очень сильный заряд энергии, представление о многообразии и остроумии ведущихся разработок, эрудиции, вызывающей зависть и подстегивающей собственную работу. От последних - впечатление пуантилизма и кружковости, филологической руды, отказа или нежелания думать и самодовольства. Вполне возможно даже и заслуженного - налицо масса историко-литературного материала, добытого честным трудом. И тем не менее. Взятая нота - мы собираем материал, мы устраним лакуны, - многократно повторенная, невольно создает картину цеховой бедности и однообразия. Вы говорите, что я подхожу к выступлениям как "потребитель". Ну, конечно, и не могу иначе в своем качестве участника и слушателя других, а не выступающего. Для этого я, собственно, и приехал, чтобы набраться каких-то идей, представлений о характере работы других. Как может быть иначе? Плохо, по-моему, не это, а то, что в отличие от записных книжек других, моя тетрадка почти чистая. И дело, как кажется, не совсем во мне.

В каком-то смысле оно серьезнее и печальнее. Мне представляется, что близок или наметился конец одной фазы или типа российской филологии, а начало другой (или другого), намечаемой чрезвычайно малочисленными и редко встречающимися исследованиями, не воспринимается или вызывает раздражение.

Позиция держателей и хранителей литературной культуры (особенно той, что была связана с арестом, эмиграцией и цензурой), еще вчера вполне осмысленная и достойная во всех отношениях, укреплялась не только полудиссидентским этосом противостояния, этикой сопротивления, но и ясным сознанием качества своей работы, ничего общего не имеющей с обычным рутинно-преподавательским советским литературоведением или имлишной наукой. Впрочем, таково было и положение любого серьезного исследователя. Результаты подобной работы, этой реконструкции и передачи культуры, продолженные не только усилиями всей тартуско-ленинградской школы, Вашими и некоторых других исследователей, но и отчасти уже и последующим поколением, стали фактом истории науки.

Но нельзя же жить этим двадцать лет и больше. (А ведь именно столько продолжается эта "фаза хранения"?)

Из самих задач хранения следует и простота и нерелфлексивность методов исторического изучения. Собственно, если не считать господствующего простого накопления материала вполне "академическими", дотыняновскими средствами, остается только структурализм, отвечающий условиям консервации культуры, поскольку вся литература, вся культура при этом рассматривается вне времени и пространства, как статичная и "готовая", так, как изучают фольклор. Для инновации и динамики в структуралистической картине мира места нет : есть только совокупность текстов и их комбинаторика - метатекст, интертекст и т.п. (Мотивация самого исследователя или интерпретатора в данном случае не включается в собственно теоретический аппарат анализа и историографии). Удивительная бедность этой процедуры мало кем осознается - посмотрите на круг идей "Петербургского мифа". Если чуть отвлечься от группового самогипноза, то нельзя не видеть, что рассматриваются и разбираются два-три семантических элемента. Какой-то мотив берется то как тема, то как средство объяснения, формула действия и пошло-поехало. Никаких критериев адекватности или надежности интерпретаций, никаких отрефлексированных правил объяснения не дается - полная

импровизация в выборе элементов объяснения, своего рода гессевская игра в бисер. И иной такая филология быть не может - она утратила отчасти свой исследовательский характер, превращаясь в род литературоведческой орнаменталистики, затейливое шитье канителью. На мой взгляд, один из докладов, вызвавших восторги присутствующих, и был таким номером филологической эстрады, демонстрацией интерпретационных фокусов, виртуозным умением соединять и "прочитывать" разнокультурные, разновременные филологические тексты, что называется, "вдоль и поперек". Может быть, именно на таких примерах лучше, чем на чем-то ином, видно, чего стоит остановка мысли, цена, которую приходится платить культуре за насилие. Ладно, когда слабые затихают, но и сильные умы начинают крутиться вхолостую.

За образец во всех случаях берется зарубежная славистика, свободная от убожества социалистического литературоведения. При подобных ее достоинствах все же стоило бы помнить, что она конституирована совершенно другими задачами и целями. Понятный и неизбежный ее разрыв с продуктивным потенциалом культуры (повседневной причастностью к движению самой литературы - вспомните, насколько это было важным для Тынянова или Эйхенбаума), взгляд извне, естественный и непреодолимый для зарубежного интерпретатора и университетского *преподавателя*, вынужденного рассматривать литературу как объективное, обозримое целое, озабоченного проблемами связности, полноты и систематичности преподаваемого предмета, в общем-то вполне оправдывает структуралистские методы, поскольку для тамошнего слависта история литературы в каком-то отношении закончена и подлежит лишь пере- и истолкованию. Случай Р.Якобсона, как мне кажется (хотя я недостаточно знаю его работы), несколько особый, поскольку это было временем подъема структуралистской парадигмы в целом, метод еще не обнаружил пределов своего употребления. Тем более, для исследователя, оказавшегося в среде чужой культуры, чужих проблем и познавательных, и прагматических.

Следование способам работы славистов как образцовым здешними исследователями только потому, что тамошние методы свободны от идеологической трухи, на мой взгляд, неизбежно ведет к эпигонству, поскольку сама славистика - периферийна к западной науке, к тамошней филологии и философии литературы, культуры, истории, языка и проч. Она пользуется готовыми методами, отработанными к настоящему времени. И положение не может быть иным. То, что составляет сегодня (последние, скажем, 10 лет) ядро проблематики наук о литературе и культуре ("наук о духе", если воспользоваться старым немецким само-названием их) - проблемы смыслообразования, онтологические тематизмы языка, прагматика в актах мышления и говорения, культурологические, гносеологические и социальные структуры литературы, социально-историческая тематика динамики культуры, история идей и понятий и проч. - все это, насколько я могу судить, остается вне поля внимания славистики. Так что здешний структурализм невольно, т.е. по чисто социальным обстоятельствам, становится пассивным отражением тамошней рутины. (Разумеется, только в методическом или теоретическом плане, в отношении к возможностям и способам осмысления материала; понятно, и вряд ли надо об этом говорить особо, что владение материалом первоклассно.) Причудливым образом, центр и периферия науки, здесь и там, меняются местами в соперничестве оставшихся и уехавших, или там живущих. А раз так, то тема маргинала во всей этой двойственности, тема "неучастия", о котором говорил Саша Осповат в поезде, "созерцателя сверху" обретает особый смысл. То, что "волей обстоятельств", т.е. волей всякой сволочи, в эту роль загоняют, а не выбирают ее, понятно и так, хотя от этого не легче. В этом можно, конечно, при особом желании найти и свои плюсы - консолидация маргинальных по положению исследователей в условиях последних 20-25 лет позволила удержать высокий стандарт культуры, но ее консервация блокирует возможности теоретической рационализации, поскольку сами хранимые и собираемые ценности и исторические свидетельства, т.е. содержание, материал, а не методы ра-

боты, не идеи, как в нормальной ситуации развития науки - выступают основаниями для групповой солидарности. *Что* мы изучаем, а не *как* - становится средством отделить себя от всех других. Интересно, что престиж и признание ценности этой работы выражается не в обычных формах академического ритуала, а в том, что подобных исследователей сегодня пробуют потихоньку оттеснить, слегка подвинуть. На их материале (в новых ситуациях) пробуют подняться академические вертухаи и писательские бонзы.

Но из самого этого положения следует и то, что "взгляд сверху" или "неучастие" позволяет сохранять прежние методы работы, а также установку на культуру как законченный текст, в принципе статичный и готовый, обозримый.

Сегодняшнее литературоведение (я имею в виду, разумеется, то лучшее, о чем вообще только и имеет смысл говорить) у нас в определенном смысле все еще до-опоязовское. Но это "до", - это неприятие собственно не идей ОПОЯЗа, а необходимости синтеза с наработанным западной наукой (равно как и философией, историей, науковедением, социологией и т.п., а не только славистикой). ОПОЯЗ так или иначе жил этим, или и этим тоже, поскольку тогдашнее университетское образование (мы говорили как-то с Вами об этом) в отличие от нашего псевдоуниверситетского обеспечивало взаимопроникновение идей и знаний между факультетами и, естественно, между разными областями науки. Наше же обучение, равно как и наука, всячески удерживает перегородки между разными сферами интеллектуальной работы. Там (тогда) - универсум, здесь (сейчас) - сумма школьных знаний по предмету.

Поэтому я думаю, что необходимо расширение спектра теоретических и методических идей теми, кто еще может что-то делать, расширение за счет использования опыта философии культуры и дисциплин, связанных с изучением культуры (пусть, скажем, М.Ямпольского), либо (точнее, не "либо", а "плюс") изучение литературы как сферы русской культуры, ее основных структур, ее силовых линий, устройства. Просто заимствование

западного понятийного аппарата ничего не даст, поскольку он разработан под другие вещи, под другие смысловые образования. Надо создавать свой инструментарий для изучения весьма своеобразной, глубоко фрустрированной, невротической, релятивистской культуры периферийного и подражательного общества, с его пластами двуязычий, фантомными болями, вызванными "несуществованием" абсолютов, культуры театральной, временами заигрывающей настолько, что она начинает верить в то, что она живет, а не изображает жизнь других. Где здесь "естественное", "изначальное", где и в чем священное, моральное и т.п., если нет связей и понимания, языка или языков между разными частями общества, а все словно перевод с "иностранный", но не известно, с какого? Именно с этим многосмыслием и лукавостью должна была бы быть связана необходимость разработки теорий особого рода - нестатичных культур, противоречивых, косноязычных, агрессивных и т.п. Нужен новый понятийный язык для описания и выражения устойчивости систем, лишенных трансцендентного, лишенных традиций, с их идолопоклонничеством перед властью и всеми комплексами власти. Короче, нужны свои собственные разработки, а их нет, и даже не "хочется".

Вы правы, диалога у нас не выходит. В этом отличие от ситуации на Западе. Возможности общей заинтересованной работы лежат только там, где затрагиваются вопросы устройства культуры, ее динамики, техники ее истолкования. Социолог не может начинать с сырого эмпирического материала, нарабатываемого сейчас историками литературы. Поэтому я не могу принять частые упреки в "абстрактности" социологии, в том, что она не занимается сбором данных и фактографией. Социологии культуры или чего-то схожего у нас нет, ее "тут не ночевало". Отсюда - обращение к другим дисциплинам, могущим дать близкий материал. Социолог здесь в таком же положении, что и любой смежник - будь то искусствовед или историк. Речь идет не о "неинформированности" или перепаде в информированности, как Вы говорили в своем заключительном выступлении, а о том, что сам по себе литературный материал не представляет ценности

или интереса для других специалистов. Он должен быть предварительно обработан, пусть даже литературоведчески, в нем должны проступить структурные темы культуры, выявиться общий интерпретационный каркас, конструкции русского общества, истории или человека, только тогда становится возможным подключение других исследователей. Сам факт что обсуждать, он условно нейтрален; только когда он связывается с ценностями исследователя, с его отношением к реальности, с особенностями понимания ее, можно говорить о фактах, обсуждать значимость объяснения, соглашаться или не соглашаться с предложенными вариантами, продолжать разрабатывать какие-то концепции или опираться на них как на надежные и обеспеченные чем-то для совершенно иных целей.

Диалог и взаимодействие возможны только на уже произведенных генерализациях, а не на развалах исторического или эмпирического материала, никак не осмысленного. Нужны общие рамки координат, системы концептуальных переходов, чтобы были подхвачены и далее развиваемы результаты литературоведческих изысканий. В противном случае сами рамки внутридисциплинарной работы застывают или костенеют, как панцирь у моллюсков. Кроме того, только такого рода рамки соотнесения или интерпретации дают возможность и проверки выдвинутых положений, и дальнейшего движения, наращивания, в противном случае все остается лишь личным неповторимым достижением отдельного исследователя. Необходимый этап в научной работе - состояние банальности, достижение некоторой тривиальности результатов, возможности повторения достигнутого другими. Но этому противоречит литературоведческая поза и остаточный характер литературности, требующий выразительности, оригинальности, "художественности" или "изящества", очень часто приводящей к тому, что литературоведение не подымается выше своего рода ученой беллетристики.

Без новых идей, методов (под методами я понимаю те же идеи, только очищенные до алгебраической, процедурной формульности, идеи, позволяющие как-то относиться к истории,

поскольку осмысление всегда в такой же мере внесение смысла в поток происходящего и культуру, сколько и интерпретация их) даже от кропотливой и результативной работы остается ощущение скуки и знаточества.

Образцом научного междисциплинарного сотрудничества для меня остаются немецкие симпозиумы "Поэтика и герменевтика", идущие с 1962 г. с такой же регулярностью, что и наши Чтения. Это общие дискуссии философов, филологов, историков, социологов, но тон там задают теоретики и историки литературы. Основные темы - проблемы культуры, причем на одну заявленную тему даются разные в соответствии с профессиональным видением изложения: "Фикциональность", "Пограничные феномены эстетического", "История, событие и повествование" и проч. Поражает и волнует зрелость научного сообщества, готового обсуждать и анализировать общие проблемы, стало быть - развитость всех дисциплин, наличие ядра общей проблематики, какой угодно - теоретической, методологической, содержательной.

Мы же, как звери в зоопарке, рассажены по клеткам и гордо занимаемся только своим "высоким". В итоге - эмпирическая безграмотность у одних (например, у меня), теоретическая и методическая дремучесть, нетронутость - у других. При всем удовольствии, полученном от докладов искренне уважаемых мною выступавших, докладов, содержащих многие наблюдения и интуиции, все-таки удивительным было, что обсуждение методологических вопросов ведется так, как будто еще не написаны сотни работ по философии науки, по эмпирическому индуктивизму, как будто вопросы конвенционализма, структуры парадигмы и фаз ее развития, а также проблемы тематического анализа еще никем не разбирались или не ставились.

Филология - не искусство, но наука, по ряду социальных обстоятельств чрезвычайно консервативная в теоретическом и методологическом смысле. И как бы ни обстояли дела с растущим богатством историографического материала, может быть, справедливо становящимся поводом для филологического самовосхваления (хотя это немножко смешно), - разрыв между эмпирическим ма-

териалом и его осмыслением (а стало быть между самосознанием культуры), на мой взгляд, усиливается, препятствуя подключению других наук и их кооперации.

Нужда в соответствующих литературоведческих разработках, культурологических препаратах велика, но их нет, нет идей и концепций. Наверное, отсюда же - филологические амбиции, конкуренция за авторитет и престиж, взаимное непонимание, усиленное жесткостью позиций различных участников, нелюбопытством, некультивированностью почвы науки у нас (я имею в виду не только и не столько социологию, сколько взаимопонимание любых различных специалистов. В этом отношении весьма любопытен и характерен эпизод непонимания, бывший между М.Б.Мейлахом и Ю.А.Молоком : один говорил об историографии, другой о мифологии и структуре культуры).

Мне кажется, что время анклавчиков может кончиться довольно внезапно. Круги, школы, направления, конечно, останутся, как останутся и разногласия. И слава Богу. Поэтому хотелось бы большей открытости. Хотя, конечно, видимо, это все разговоры в пользу бедных до тех пор, пока в соответствующих дисциплинах не вызреет понимание соответствующей проблематики. Извне это не приходит, не прививается.

Как бы там ни было, мне хочется засвидетельствовать Вам и всем, кто готовит Чтения и Тыняновские сборники, свое глубокое почтение и поблагодарить за возможность участия в них.

Л.Гудков
14.06.1988 г.

Дорогая М.О.,

Тыняновские чтения с самого начала были пучком разнонаправленных исканий - пучком, а не перекрестком. Во-первых, исследование сочинений самого Тынянова (в среднем по одному интересному докладу на чтение) ; во-вторых, исследование литератур

ных явлений современной ему эпохи или изучавшихся им эпох (диапазон немалый!) ; в-третьих, демонстрация методов, притязающих быть продолжателями или наследниками тыняновских, опозовских. Повязан этот пучок был (как справедливо сказано Л.Гудковым) личным маргинальным положением большинства участников на обочине официозного литературоведения ; по современной терминологии, ученые, связанные с русским формализмом, оказались в роли неформалов.

Разброд при таком положении естественен : это видно из того, как трудно бывает уминать темы статей в рубрики оглавления сборников Чтений. Важно лишь, чтобы эта разнонаправленность оборачивалась полезной диалектикой, а не столкновением взаимонепониманий.

Опозовский формализм родился в силовом поле между двумя полюсами - академической наукой Венгеровского семинария и авангардной практикой литературы от "Аполлона" до Хлебникова. Современные филологические искания тоже родились в силовом поле между теми же полюсами, только поменявшимися знаками, - академической наукой яacobсоновского (и иного) структурализма и казенной практикой литературы застоя. Это обнадеживает, но меняет ориентиры.

Интересно, как на протяжении жизни одного человека - Яacobсона - направление, участником которого он был, стало из авангардного академическим. Это не осуждение : это значит, что оно стало из искусства наукой, - эксперименты, удававшиеся только талантам, стали методикой, доступной для каждого. Искусством, а не наукой является, например, критика. Любопытно, что такие темы, как "Тынянов как критик" и даже (напрашивающаяся и огромная) "Шкловский как критик", ни разу, кажется, не поднимались ни на Чтениях, ни вне их. А рассмотрение их сильно помогло бы пониманию генезиса русского формализма.

Яacobсону самому было жаль расставаться с формализмом как искусством, и он оставил себе от науки игровой уголок : разборы грамматических и фонетических симметрий в стихах на четырнадцати языках, тренировка остроты филологического зре-

ния, но вряд ли больше. Чем-то подобным для Соссюра были анаграммы - и как неинтересны стали они в руках тех, кто отнесся к ним как к науке! Чем-то подобным сейчас является искусство поисков подтекстов в стихах - когда оно формализуется в науку, от него останутся только перечни параллелей, какие давно печатаются в аппарате изданий латинских послеклассиков. Чем-то подобным является и то выслеживание семантических ореолов метра, которым занимаюсь я.

Иногда кажется, что это филологическое искусство рождено эпохой застоя, как формализм эпохой революции : тогда оказывалось, что неуважаемые явления литературы прошлого на самом деле достойны уважения, теперь оказывается, что Мандельштам в такой-то строчке был наследником сразу Пушкина, Данта и графа Комаровского. Может быть, к духу ОПОЯЗа ближе та "наука", которая опирается на современный авангард - за границей открытый, у нас до последнего времени подпольный, - постструктуралистическая, от Ж.Деррида до Б.Останина. Но я уже слишком академически близорук, чтобы проникнуть взглядом сквозь кавычки ее эпатажа. Западникам здесь легче, чем русистам.

Тыняновским чтениям, однако, обойтись без этого искусства ловли подтекстов, источников и параллелей никак не возможно : вся поэтика тыняновской исторической прозы опирается на их трактовку, и они - главная часть комментария к Тынянову, который необходим и которого нет. Г.А.Левинтон на одном из заседаний призвал сносить все наблюдения на этот счет к нему ; но нашло ли это отклик?

Если комментарий к романам и повестям - наш долг перед Тыняновым-писателем, то наш долг перед Тыняновым-исследователем - это проверка его теории литературной динамики на исчерпывающем историческом материале. Насколько я знаю, единственным, кто попробовал проследить смену окостеневающих эпигонств и разнонаправленных реакций на них со стороны "младших линий" на всем протяжении русской литературы (хотя бы только за XVIII и первую половину XIX в. и хотя бы толь-

ко в поэзии), был Н.Трубецкой в посмертно изданном венском курсе, - но эта немецкая книга на удивление мало популярна среди русистов. Переходя от роли хранителей к роли исследователей наследия, не естественно ли нам хотя бы провести взглядом Тынянова вдоль этого наследия - вплоть до самых наших дней? (Вероятно, при этом тыняновскую концепцию можно сделать логичнее и четче, переводя ее на язык куновской теории смены культурных парадигм, но суть ее от этого не изменится). Может быть, тогда мы лучше поймем и самих себя и наше теперешнее место. Право, не стоит говорить, будто эпоха социалистического реализма так уж исключительна по части опустошающих культуру канонов. И канон классиков, которых почитают, но не читают, и вне-каноны массовой беллетристики, которую, не почитая, читают, и противоканоны элиты, предпочитающей Гесиода Гомеру, а Пастернака Маяковскому, были во все века.

Но область канонов - это уже шаг из формалистической поэтики в социологическую поэтику. Готовы ли мы к нему? Один американский сборник статей по социологии русской литературы начинается приблизительно так: "Напрасно говорят, будто советский режим задушил формальный метод: он его не задушил. Кто был задушен, так это социологический метод". Помоему, единственной социологической историей русской литературы так и осталась недописанная сакулинская. Понятие "вкуса" (разумеется, социально-исторического, а не абсолютного) или, что то же, "спроса" из всего арсенала формального метода так и остается невостребованным: я могу вспомнить только один, хоть и блестящий, доклад об официозном вкусовом каноне нашего времени. А пока мы не разработаем на литературном материале собственной подходящей к нему системы понятий, диалог с профессиональными социологами бесплоден: такую систему напрокат не возьмешь.

Тем более не возьмешь напрокат философскую или культурологическую систему. До "гайстесвиссеншафт", до уровня "Поэтики и герменевтики" нам далеко. Кстати, от чего энергичнее всего отстранялся ОПояЗ, формируясь между Венгерским

семинарием и литературным авангардом, так это от философских концепций ; во вред или на пользу формализму было то, что Тынянову и Шкловскому Потебня был интересен всем, кроме философских основ, а Ярхо называл философский подход к литературе "глоссолоалией"? Нам предстоит путь не от общего представления о культуре к конкретным ее проявлениям в литературе, а от литературных явлений к общекультурным. Опязовцы (уже после ОПОЯЗа) говорили о "литературном быте", Ярхо говорил о "литературной экологии" - от отдельного памятника, через отдельного писателя, через реальную среду знакомых людей (трубадуры, скальды, двор Людовика XIV, пушкинский Петербург) к культурной среде все более широкой и все менее определенной. Дать общекультурную характеристику (литература, искусство, театр, философия, политика, быт...), скажем, круга декабристов, или петербургского "Цеха поэтов", или московских обломков дореволюционной интеллигенции в 1920-е гг. уже сейчас может или Ю.М.Лотман, или Р.Д.Тименчик, или Вы, Мариэтта Омаровна. Я знаю образцовую работу такого рода о римской культуре круга Цицерона, - ей уже 60 лет. И обсуждая предмет на таком уровне, филолог, философ и киновед скорее найдут общий язык, чем заранее столковываясь о принципах. Поэтому я бы не согласился, что нам важнее "как изучать", чем "что изучать". Материал сам поможет нащупать метод.

С искренним извинением за свои позитивистические пред-
рассудки,

весь Ваш М.Гаспаров

Что такое "онтологический тематизм", я не знаю. Что опыт современности толкает к изучению социальной проблемы "культура и диктат власти", - конечно, я согласен ; сравнительный материал, от Николая I до Августа и до "диктата либерализма", на который жаловались казенные писатели 1880-х гг., огромен. Четыре комплекса проблем, связанных с ОПОЯЗом, сформулирова-

ны Б.Дубининым, по-моему, образцово. А что литературоведы должны сами довести свой материал до обобщений, прежде чем идти на методологическую сверку с другими науками, - в этом, по-моему, я единокорен с Л.Гудковым.

Нижеследующие соображения по поводу адресованных мне писем коллег были уже написаны, когда редколлегия пришла к решению все же не помещать в сборнике мнения кого-либо из ее членов: мы хотели оставить свободный коридор к дискуссии на Пярых чтениях.

Теперь, когда "Автополемика", напечатанная в первом тираже "Тезисов", уже сыграла свою роль, вызвав острую дискуссию по методологическим вопросам (в ней приняли участие К.Ю.Постоутенко, М.Б.Ямпольский, Л.Ф.Кацис, Г.А.Левинтон, А.Л.Осповат, К.Ю.Рогов, Р.Д.Тименчик, М.Б.Мейлах, А.С.Немзер, Л.Д.Гудков, М.О.Чудакова, Б.В.Дубин, В.В.Эйдинова, В.А.Сапогов), я могу включить в нее свой текст (частично прочитанный на заседании), начав его с той части выступления, которая была откликом на услышанное.

...Мне близки слова М.Б.Ямпольского о том, что постепенно оказалось редуцированной опоязовская проблематика - заумь, глоссолалия стала восприниматься как первая стадия существования поэтического языка, и только; что размылось представление о введенном Опоязом понятии материала - об этапе вслушивания, в том числе и в заумную речь. Первоначальное вслушивание, погружение в материал - да, эта стадия почти исчезла. Никто не успел оглянуться, как текст - пропал. На глазах происходило размывание границ - скажем, между явлениями творческой истории и уже состоявшимся искусством - текстом. Помню разговор с одним из будущих участников Тыняновских чтений - в 1970-м году. Речь шла о моей первой книге. Прочитав ее, он сделал единственное замечание: "У вас в книге сказано: "Прото-

тип - это явление творческой истории произведения"¹. Конечно, это не так: прототип - одно из самых важных явлений текста - например, в поэзии XX века..."

Уже в начале 70-х, вскоре после расцвета разборов стихотворных текстов, - этот жанр стал терять свою динамику, окаменевать. Разборы могли становиться все подробнее - но притом на целостном восприятии текста все меньше задерживались - через него перескакивали, как, по меткой аналогии Шкловского, неумелый кавалерист, сядя на лошадь, перемахивает через нее; как бы минуя текст, проходили к прототипам, подтекстам. Тонкое разделение "цитаты" и "источника", еще на студенческой конференции проведенное Левинтоном, теряло свое значение - исчезала граница между тем, что имело "объяснительную силу" внутри самого текста, и тем, что принадлежало стадии генезиса в смысле Тынянова. Лингвисты, переходя к литературным анализам, вместо точности приносили туда видимость точности. Помню, с каким чувством я впервые читала в 1975 году еще машинописные тексты работ Д.Сегала о Мандельштаме... Мне все казалось, что автор на какой-то странице скажет: "Ну, это я так, а теперь перейдем..." Я написала тогда ему большое письмо и отдала лично; писала, помнится, о своем удивлении перед зрелищем того, как строгого лингвиста и фольклориста будто отпускает, когда он выходит на каток литературного текста - начинается свободное скольжение... Будто предшествующая школа строгого анализа заранее освобождала от строгости в работе с литературным материалом.

1. Среди прочего, я писала тогда, что проблема прототипа вообще давно приобрела "гипертрофированные очертания в массовом читательском сознании, и значение ее все более и более раздувается в наиболее читаемой литературе о писателях" (Чудакова М. Эффенди Капиев. М., 1970, с.160-161). Я писала о массовом, вузовском "литературоведении", но как раз в начале 70-х к этой проблеме обратилась и элитарная, маргинальная филология - тонко зафиксировав важность раскрытия прототипов для ряда "закрытых" стихотворных текстов XX-го века, дальше она двигалась в этом направлении уже почти без необходимой методологической оглядки.

Чтобы понять, что происходило и произошло с филологической наукой в 70-е - 80-е, стоит сопоставить ее тогдашнее положение с положением Опояза и структурализма (отечественного) - по отношению:

- а) к предшествующей (и окружающей) традиции,
- б) к своему объекту,
- в) к идеологическому контексту,
- г) к явлениям современного литературного процесса.

а) Опояз как авангардное научное течение адресовался ко всей российской историко-литературной традиции, ее в целом имел в виду ("По отношению к архаистам в истории русской литературы учинена несправедливость..."), с ней полемизировал и ее с энергией отвергал.

Структурализм современной ему официальной традицией эпатажно пренебрегал, создавая другой мир с другим объектом (изучая, скажем, "малые надписи" города - на спичечных коробках и проч. - вместо захватанных официальным "литературоведением" романов Л.Толстого или Л.Леонова).

Тому течению, которое можно было бы назвать филологией "третьей фазы" (где слились постопоязовские и постструктуралистические тенденции), опровергать было уже некого, да и эпатировать - тоже. (Нельзя не заметить, что время и место уже не благоприятствовало научному эпатажу - по сравнению с Россией и первых пореволюционных лет, и хрущевского десятилетия). Полемичность же по отношению к тем, кто были не только предшественниками, но в немалой мере учителями, была бы неуместной. Молодая филология (история литературы, литературоведение) 70-х - начала 80-х была занята размышлением над всей традицией сразу - в первую очередь над Опоязом и структурализмом. В этом научном поколении очевидно было стремление в первую очередь оградить себя от слабости школ - и собственной школы, не повторять ошибок - к тому времени уже осознанных. Слово "осторожная" может повести к дурным социопси-

хологическим ассоциациям; я назвала бы филологию третьей фазы рефлектирующей.

Следует специально подчеркнуть, что в кругу этой филологии сформировались замечательные исследователи, люди широких и солидных знаний, вошедшие сегодня в лучшую часть нашей гуманитарной науки. Они создали целые направления в мировой филологической традиции (история акмеизма). Речь, таким образом, пойдет далее не о "критике" этих личностей в науке, а о фазе самой науки в ее движении.

б) Объектом Опояза была главным образом русская литература. Создатели Опояза чувствовали себя настоящими хозяевами, умеющими распорядиться великим наследием - по аналогии с самочувствием тех немногих образованных, с художественным вкусом эмиссаров новой власти, которые обживали в первые революционные годы имения под музеи (ср. Эртус из "Ханского огня" Булгакова).

К 80-м годам на общий корпус дореволюционной русской литературы выросла огромная, многослойная, ничьим аналитическим инструментом не расчлененная и неупорядоченная масса, - с драгоценными вкраплениями, не всегда, впрочем, различимыми невооруженным глазом.

Подобно тому, как, по свидетельству Н.Андреева, на славистских симпозиумах до определенного времени "никогда, никто, нигде даже не помышлял поставить вопрос о русских авторах, даже о Набокове. Каждый раз устроители говорили: да вы знаете, это эмигрантское, это несущественное, нет, нет, мы должны рассматривать громадную советскую продукцию и в ней разобраться" (Одна или две русские литературы? Париж, 1981, с. 80-81), - так почти никто не помышлял "у нас" заняться всерьез изучением "советской продукции".

Можно, пожалуй, констатировать, что к 80-м годам отечественный литературный процесс не существовал для филологии "третьей фазы" в качестве объекта изучения: его игнорировали - как квази-объект официальной традиции. Делали как раз то, что

было в свое время отвергнуто и в немалой степени преодолено Опяюзом - с понятными предосторожностями выбирали из навозной кучи жемчужные зерна и подносили их близко к глазам для внимательного разглядывания. Представление о процессе, столь важное для Опяюза, распадалось.

Позволим себе заметить, что Тын्यानские сборники были призваны, среди прочего, обеспечить свободную трибуну для первых хотя бы нестесненных наметок общей картины литературного процесса, в который включены были так или иначе и Мандельштам, и Ахматова, и Пастернак. Возможности, предоставленные в весьма малой степени цензуруемым страницами сборников, для этих именно целей использованы практически не были.

в) Напомним, что у Опяюза в качестве оппонента была весьма авторитетная и солидная российская история и теория литературы. Однако и авторитет ее и солидность были сильно подточены российским катаклизмом 1917 года. Обрушивать здание старой научной традиции Опяюзу помогала новая идеология - при том, что в своем отношении к литературе эта идеология, конечно, была ближе к прежнему "общественническому" подходу (что и обнаруживалось в полемиках о формальном методе). Спор красных идеологов с Опяюзом происходил все-таки на плоту, плывущем по течению. Вектор политических воззрений опяюзовцев, не совпадая с идеологией большевизма, все-таки совпадал с вектором коренного переустройства России, начатого в 1917 году, что давало подкладку их пафосу. В то же время этот пафос, питавшийся более всего сознанием принесенной Опяюзом новой методологии, подогревался и движением наперерез и наперекор официозу: в интенсивно идеологизируемом обществе опяюзовцы деидеологизировали и литературу, и историю литературы.

Этот сложный клубок отношений с "политикой" и властью отличил "людей Опяюза" от их наследников.

Пафос структурализма был близок первооткрывательству, авангардизму Опяюза. Мало того - взлет московско-тартуской школы был также связан с тогдашним курсом власти на обновление общества - вектор политических надежд людей науки ка-

кое-то время тоже был направлен в одну сторону с движением государственной политической жизни. Вскоре общественные надежды рухнули; после 1965 года развитие событий полностью отвратило интеллигенцию от господствующей идеологии (полнота этого разрыва – движение наперерез, как у Опояза, – также питала на первых порах и научный пафос); единственной формой связи с властью стали письма протеста (против судебных процессов, вторжения в Чехословакию и т.д.). Постепенно вектор политической ориентации гуманитариев повернулся – на Запад. Отечественный социум стал “комнатами с небилью”, помещением, снятым на постой. Аудитории летних школ в Эстонии стали чем-то вроде накопителя в аэропорте – перед отлетом из России или Эстонии, как думалось тогда, навсегда.

Эти упростившиеся и уплощившиеся отношения со “страной проживания” отечественный структурализм передал младшему поколению – что, по нашей мысли, имело последствия для характера его научной динамики. У филологии третьей фазы не было периода политических иллюзий (она расталась с ними еще в студенческие годы), но не было и научного пафоса, а вместе с ним и теоретического запала (впрочем, это было и реакцией на предшественников, как бы заполнивших все мыслимое пространство теоретической рефлексии).

г) Для Опояза окружающая его современная литература, литературная жизнь была постоянным полем наблюдения и рефлексии, прямо отражавшейся в их печатных выступлениях. Формалистов интересовали все современные литераторы – от Пастернака до Вересаева и Серафимовича; они постоянно подвергали анализу и оценке текущий литературный процесс – и в то же время участвовали в нем своими сочинениями. Для структуралистов живая литературная современность еще существовала. Конечно, не для всех, для этих “не всех” – по-разному, но живые текущие литературные факты были в поле зрения, скажем (сужу по личным впечатлениям), Вяч.Вс.Иванова или Ю.М.Лотмана. Правда, нередко у структуралистов в оценках литературной современности проявлялся не взгляд аналитика, а – казалось бы,

неожиданно - именно спаянный с политическим предпочтением вкус шестидесятника. Для других же "людей школы" это был уже по большей части китч - нечто единое в своей низкопробной "современности", что можно в лучшем случае со смехом повесить на стену в туалете. Не расчленять текущий литературный процесс, не копаться в нем, а отвергать в целом, вместе с идеологией и вообще "домашним" социумом, - это стало, по моим впечатлениям, чертой данной научной общности.

С большой уверенностью можно говорить о том, что эта черта была "целиком и полностью" унаследована учениками структурализма - третьей фазой. Литературная современность, зафиксированная в отечественной печати, для них не существовала.

Осенью 1970-го года я писала статью о литературном процессе последнего десятилетия (напечатана под названием "Заметки о языке современной прозы", Новый мир, 1972, № 1). И как-то возникло словопрение на эту тему с одним из будущих участников Тыняновских чтений (до их учреждения оставалось более десяти лет). Мой собеседник, узнав о замысле, старался меня уверить, что невозможно писать о том, чего нет. "А что вы читали?" - "Как же читать современную литературу, если ее нет?" - отвечал он (как бы эхом словам Мастера, обращенным к Ивану Бездомному). Знание было доопытным. Единственным из современников, кто выделен был моим собеседником к четырем утра из общего потока печатного небытия, оказался Виктор Голявкин. Домбровский, Распутин, Шукшин, о которых я писала, попадали в тот год в мертвую зону. Филологи задавали тон, близкая околonaучная среда усваивала "профессиональные" оценки - способствуя тем самым их отверждению. Люди из этой среды с непониманием поглядывали на тех, кто занимался странным делом - описанием нового платья короля. Всего через несколько лет эти же люди могли заинтересоваться Распутинным - вторичным путем, услышав о нем, скорей, как о независимом человеке - от каких-то знакомых; любитель Виктора Голявкина чуть ли не плакал над над "Калиной красной" (фильмом того самого

Шукшина, о котором я писала совсем без сантиментов). А еще через несколько лет уже с пиететом произносилось имя Домбровского - вышла за рубежом вторая часть его "Хранителя древностей", который оставался не замеченным "третьей фазой" начиная с 1964 года (первая отечественная публикация) вплоть до 1978 года (выход "Факультета ненужных вещей"): это произошло за несколько месяцев до смерти писателя, около двадцати лет остававшегося живым участником текущего литературного процесса...

Восприятие "текущей литературы" складывалось не из живых ее оценок участниками параллельно текущего филологического процесса, а вторичным путем - оно было по большей части делом моды, снобизма (напечатанное за границей, рукописное), бытовых обстоятельств (личное знакомство и т.п.).

Таким образом, отечественная печатная литература не существовала. Существовал тамиздат и самиздат - от ровесницы Ольги Седаковой до умершего в 1954 году Егора Оболюева. Но никаких значимых работ о них, насколько могу судить, участниками третьей фазы написано не было.

У Опояза были мощные резонаторы:

старая наука в лице колоссов Веселовского и Потемнина и солидных многознающих Пыпина или даже и Иванова-Разумника;

современные оппоненты в лице идеологов не последнего разбора (Троцкий) и коллег весьма высокой филологической культуры (имена общеизвестны - от Жирмунского до Шпета и Бахтина);

современная литература.

Филология третьей фазы работала уже в звенящей тишине - звук глухнул в мягкой, не резонирующей обивке (резонатор зарубежной науки не компенсировал ущербности отечественной ситуации). Еще в период расцвета структурализма место Троцкого занял Ильичев, - а Метченко и Палиевский, несмотря на разницу образовательного ценза, в равной степени не могли быть

научными оппонентами - ни основателям школы, ни их ученикам.

Если отсутствие первых резонаторов - обстоятельство целиком объективное, то взаимоотношение с современным третьей фазе литературным (и общекультурным) процессом - явление более сложное.

Работа "под собою не чуя страны", хотя и почти целиком обусловленная обстоятельствами, не могла пройти даром, без тяжелых последствий. Отъединение Ахматовой или Мандельштама от той постоянно движущейся ряби, которую всегда представляет собою литературная современность, какая бы она ни была, эта современность, - ряби, которую поэты ежедневно наблюдали и которая не могла не давать "рефлексов", не колебать их собственное слово, - было одним из следствий равнодушия к задаче построения общей рамы литературного процесса.

Живая эмпирика раритетнейшего материала русской словесности начала XX века, и шире - русской культуры нескольких веков, ставшая заметной чертой работы участников третьей фазы, была связана среди прочего, и с внутренним протестом против "простого переписывания имеющихся сведений на униформный язык семиотического описания" (Б.М.Гаспаров) у эпигонов - явившихся, впрочем, уже в момент пики структурализма.

В то же время эта суперфактологичность (особенно необычная и ценная на фоне многолетней традиции "школьного литературоведения", обходившегося вовсе без фактов) была ответом на спрос - комментарии, а также публикации разнообразных архивных и раритетно-газетных материалов в петитных отделах журналов были единственной целью, приоткрытой для исследователей в машине отечественного издательского дела - книги, статьи, "предисловия" до самого последнего времени писали дилетанты.

Расширение области подтекстов (сопровождавшееся некоторым охлаждением к тексту, к взглядыванию в него; жанр разборов, как уже говорилось, усыхал) становилось постепенно делом домашним, воплощением неосознанного стремления знатока к ил-

люзии обладания. Мстилось, что знание о совокупности источников станет полным знанием о тексте и о его порождении, размывалось осознание исследователем собственной позиции по отношению к тексту.

Равнодушие к литературной современности сказалось в отсутствии у людей третьей фазы своего Ю.Ван-Везена. Случись иначе, часть ежедневно, ежечасно фиксируемых параллелей и подтекстов могла бы найти свое место в вольном пространстве литературного фельетона - живого агента современности. Жанровая гомогенность (характерная для всей печатной продукции эпохи "застоя") вела к "уоднообразиванию" (В.В.Виноградов) и осерьезниванию всего - каждая параллель шла напрямик в строго научный текст, каждое наблюдение оказывалось равноценным любому другому, все приобретало слишком серьезную мину.

Третья фаза филологии совпала с пиком российского литературоцентризма.

С начала 70-х произведение словесности, которое удавалось напечатать, приобретало значение события, как бы замещавшего в сознании широких образовательных слоев отсутствие положительных социальных сдвигов. Это значение получали не только литературные сочинения, не только написанные современными авторами - и, наконец, не столько они. Модус сверхценности приобрело "культурное наследство" - тексты, относящиеся к прошлому, в том числе и историко-литературные. Имеющий гуманитарное значение документ (особенно относящийся к первым десятилетиям XX века) сопровождался год от году все более обширным комментарием (в узкую воронку жанра комментария, как уже неоднократно было говорено, вливался под все увеличивающимся напором мощный поток историко-литературного фактологического знания, не находящего более нигде печатного выхода). Документ, старая ("забытая") историко-литературная статья (недаром не перепечатававшаяся с 20-х годов) и комментарий к ним оценивались высоко - как прикосновенные к литературе. Научно-филологические тексты (от комментария к статье до свода подтекстов к стихотворению) стали играть эту же роль собы-

тия - для самих авторов, для их коллег и для немалого (непредставимого в другой стране) круга читателей. Люди негуманитарных профессий приохотились к чтению насыщенных фактами, сухим, информативным языком написанных, петитом набранных комментариев. Физики и химики потянулись к дремучей филологии, во-первых, как к слову о литературе, во-вторых, как к недемагогическому, адекватному слову (редкому и ценному в том печатном море словесной неадекватности) - и, наконец, ввиду отсутствия в отечественной печати чтения более близкого их запросам - социологического, политического, экономического, добросовестной мемуаристики. Свои интеллектуально-общественные интересы эти читатели удовлетворяли косвенно, кружным путем через филологию - радуясь приобщению к чему-то оппозиционно-престижному.

На пятом году нового исторического периода обозначилось, как нам представляется, одно из наиболее неповерхностных следствий произошедших перемен - русское общество перестает быть литературоцентричным.

Одним из первых признаков этого совсем нового для нашей страны явления стало изменение статуса публикаций литературных или окололитературных текстов - мы все свидетели того, как они лишаются неразрывно, казалось, связавшегося с ними в предшествующие годы дополнительного значения удачи, достижения публикаторов и издателей. Они становятся, напротив того, условием успешного функционирования периодического издания или издательства.

Филологи третьей фазы оказались в принципиально иной ситуации в сравнении с той, в которой они еще недавно плодотворно работали.

До поры до времени они знали (хотя вряд ли когда-либо рассуждали об этом), что занимаются весьма престижным в нашей стране делом - литературой; мало того - занимаются гонимой ее частью (для Опояза этих оттенков еще не существовало). И, наконец, - золотым фондом этой части.

Неверным было бы сказать, что "победы" (публикации в более или менее неурезанном виде) или "поражения" (от резко срезанного объема до рассыпанного набора) в этой сфере были видимостью борьбы: это была действительная борьба - за сохранность культурной традиции, за шкалу ценностей, как бы вынесенную за ограду текущей литературной и общественной жизни с ее очередными идеологическими совещаниями, с встречами в Останкине с Проскуриным или Чаковским. Люди третьей фазы эти ценности не только сохранили, но оказались в состоянии предъявить по первому требованию.

Далее они столкнулись с серьезными социопсихологическими затруднениями.

Перед поколением, из которого рекрутировалась филология третьей фазы, во второй половине 60-х годов встал выбор - и определился в начале 70-х. Одни отправились в эмиграцию, другие - в диссиденты (откуда - в заключение или / и в ту же эмиграцию), третьи, отсекавшие оба эти варианта, сосредоточились на уединенной профессиональной работе, заняв в остальном статичное положение безмолвной оппозиции.

Резкое тиражирование в самом начале обновления их ценностей, разрыв их специфических связей со своим читателем, потеря маргинального, но обжитого и в вышеописанном смысле престижного места в обществе сопровождалось и резким светом, направленным на состояние самой науки и обнаружившим среди прочего слабости ее методологии, ее тезауруса.

Захвативший все общество пересмотр ценностей распространяется и на филологию - она не рассматривается уже сквозь уважительную дымку, а получает обычный статус науки - для нее именно в нашей стране непривычный, а потому не очень удобный.

На человека науки уже не распространяются свойства объекта ("Он занимается Цветаевой! Мандельштамом!") - он сам отвечает за себя и за уровень своей науки.

Одновременно к этому человеку протягиваются сегодня самые разные социальные нити - политика, экономика, обще-

ственная жизнь в прямом, не метафорическом смысле слова ждет от него социальной реакции - и не довольствуется привычным "нет": однозначное отрицание стало плоскостью или чудаковатостью старого джентельмена.

Филолог слышит обращенный к нему усложнившейся общественной (а отчасти уже и научной!) динамикой вопрос - "Кто ты?" - вопрос, на который он отвечать не приучен, не хочет и, может быть, не может.

Потеснив литературу, выдвинулась на время вперед историческая фактология, но вот уже и она на наших глазах хоть и медленно, но перемещается из центра на свое естественное, специализированное место. Утвердились в печати законные жанры экономической, политической статьи, мемуарного (не беллетризованного в цензурных целях) повествования.

Со скрежетом двинулась наука о литературе - вслед за самой литературой и даже, пожалуй, опережая ее в этом движении - куда-то вниз, на непрестижное, но "правильное" место.

За годы советской власти она особенно привыкла быть наукой о чем-то центральном. "Отравлено" в какой-то степени литературоцентризмом и идущее на смену третьей фазе поколение сегодняшних 30 - 35-летних; выступавшие в предшествующие годы разве что в ротاپринтных университетских сборниках, а в лучшем случае - на страницах "Известий ОЛЯ", сегодня они, вместо того, чтобы, облегченно вздохнув, углубиться в честный, никем более не стесняемый академизм, нервозно ищут своего места, устремляясь нередко на страницы литературно-художественных журналов. Человеческое, слишком человеческое желание получить разом все недополученное за десятилетие сознательной научной жизни деформирует еще даже не установившийся научный язык - без нужды, в сущности, приспособлявая его (как в предшествующие годы!) ко вкусу массового читателя. Но уже следующее за этим поколение сегодняшних аспирантов будет, кажется, избавлено от этих соблазнов и этих комплексов.

Так или иначе, уход литературы из центра российской жизни затронет всех числящих себя в научной традиции. Кроме

прочего, нужно будет заново социализироваться - профессионально записаться по цеху науки, а политически - по одному из иных каких-то списков - или же поставить аккуратный прочерк - и так далее. А кто-то заново встанет (и уже встал) перед выбором начала 70-х.

Как любили выражаться большевики, отсидеться не удастся никому.

М.О.Чудакова

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ НАТАЛИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РОСКИНОЙ

(1927-1989)

Наталья Роскина была дочерью известного в 30-е годы критика, литературоведа, театроведа А.И.Роскина (р. в 1898 г., погиб в московском ополчении в 1941 г.), главные интересы которого лежали в области изучения Чехова. (Основные его работы она потом переиздаст: А.П.Чехов. Статьи и очерки. М., 1959; Статьи о литературе и театре. М., 1959).

Предметом научных занятий и любовью всей жизни Н.Роскиной тоже был Чехов, которого она знала глубоко и многосторонне.

Много лет она отдала знаменитому чеховскому тому "Литературного наследства" (т.68, М., 1960), была среди пионеров и активнейших вкладчиков главного культурного дела, связанного с именем Чехова, - Академического собрания его сочинений в 30 томах. Она впервые прокомментировала работу Чехова "Врачебное дело в России" (т.XVI), сделала значительную часть комментария ко II, IV, V, VIII томам писем. Это трудный жанр, не всем удающийся. Ее комментарии, изящны, узнаваемы. Последней ее работой была подготовка "Дневника" А.С.Суворина - задача исключительной текстологической сложности.

Она была прирожденным литератором - в интересах, вкусах, в замечательном старомосковском разговоре, эпистолярной манере; она знала московских и ленинградских писателей и уче-

ных нескольких поколений. Среди ее друзей, приятелей, знакомых, корреспондентов были К.И.Чуковский и В.Н.Муромцева-Бунина, Г.А.Бялый и Э.Г.Герштейн, Л.З.Копелев и Р.Д.Орлова, Б.Ф.Егоров и Е.Г.Эткинд, И.И.Халтурин и А.И.Галич, С.А.Макашин и Л.М.Розенблюм, К.П.Богатырев, Ф.А.Вигдорова, Н.И.Ильина, И.Грекова, Юджин Рабинович и Томас Виннер. Она была остра в беседе, обаятельна, красива. Ей посвящал стихи большой поэт.

Наталья Роскина была из тех, кто не боялись. Это не значит, что ничего и никогда. С обычной редкостной откровенностью она пишет в мемуарах, что временами испытывала "тошнотворный страх". Но она была свободна от "ужаса, который сокрушил целое поколение". По поводу стихов Ахматовой "Ничего бояться не надо" она пишет: "Я рано, к счастью, узнала эти стихи, они были всю жизнь одной из моих личных молитв".

Она не совершала никаких политических акций. Она просто не скрывала своих взглядов - не искаженных временем взглядов русского интеллигента-литератора, и обо всем говорила открыто ("пусть слушают, пусть знают"), не признавая в телефонных разговорах детской нашей конспирации. Будущее свободное общество оценит роль таких людей в поддержании тлеющего огня.

Она написала прекрасную книгу "Четыре главы". Из литературных воспоминаний" (Париж, Утса-Press, 1980), в которой четыре героя: Ахматова, Заболоцкий, В.Гроссман и Н.Берковский (глава об Ахматовой опубл. также в "Звезде" (1989, № 6), а о Берковском будет напечатана в ближайших номерах этого журнала). Эта небольшая книжка, замечательная точностью фактов, ощущением эпохи, широтой взгляда и трезвостью - при всей любви - отношения к своим героям, - один из немногих образцов правдивой мемуаристики 70-х годов; книжка, которая останется, потому что была создана человеком, сумевшим сохранить и передать чувство внутренней независимости и свободы.

А.Чудаков

**ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА
ГИНЗБУРГ
(1902 - 1990)**

”Никогда не видел человека с более обманчивым обликом”, - сказал коллега на Первых Тыняновских чтениях (Резекне, 1982). Мы смотрели, как с осторожностью движется Лидия Яковлевна к трибуне, неторопливо раскрывает папку, и знали наперед, как преобразится она, едва заговорит. Сила мысли и точность облекающего ее слова захватывали слушателя при первых же звуках ее глуховатого голоса, ее медлительной интонации. Если интеллект имеет власть - она властвовала над нами. Когда в 1987 году собравшиеся в Ленинграде, в Белом зале, встали, чтобы приветствовать Лидию Яковлевну, - возникла ситуация, редко сопутствующая столь почтенным юбилеям: аплодируя, все более и более сознавали, что и сегодня - не когда-либо в давние годы! - эта восьмидесятипятилетняя женщина превосходит мощью и ясностью интеллекта, пожалуй, любого из собравшихся в ее честь... А были там люди не последнего разбора.

Свой жизненный выбор сделала она давно - в середине 20-х годов. Когда ее учитель Б.М.Эйхенбаум писал Шкловскому о своей ”тоске по поступкам, тоске по биографии”, - ”младоопозовка” Лидия Гинзбург ушла от поступков и от биографии, поняв, по-видимому, раньше многих, что надо готовиться к долгой, быть может, пожизненной осаде. Куда именно она ушла, стало известно лишь много лет спустя. Уделом ее стали не поступки, а непрекращающаяся мысль, вернее же - непрекращение мысли.

Только в конце 70-х появились в печати первые ее дневниковые записи 1920-х - 30-х годов. До этого знали о них только самые близкие ей люди. Настаиваю на том, что эти словесно отточенные образцы мысли и наблюдательности, заставлявшие вспомнить самых прославленных авторов афоризмов и максим, появились в годы, которые с большим правом, чем любой другой отрезок жизни страны после 1917 года, могут быть названы временем торжествующей и наглой глупости. Куда бы вы не приходили по делу - вы встречали в кабинете глупца. Там, где мало-мальски значащее в культуре, в издательской жизни место занимал еще более или менее знающий или думающий человек - его спешили заменить невеждой. Это входило в телеологию времени, не место писать о ней здесь подробно.

И вот в отечественной печати появился человек, все прошедшие и текущие годы предававшийся, оказывается, забытому занятию, - "остро и глубоко мыслящий, думец, доходящий умом до заключений отвлеченных", - так определяет "мыслителя" и "мыслительницу" словарь Даля. И казалось, что, читая теперь время от времени на журнальных страницах высказывания мыслителя в точном смысле слова, авторы доморощенных "миниа-тюр" и "мгновений" будут забирать, краснея, из редакционных портфелей свои рукописи...

В конце 50-х годов ее старший современник И.Эренбург опубликовал свое - кажется, двадцатью годами ранее написанное - стихотворение: "Додумать не дай, оборви, молю, этот голос, Чтоб память распалась, чтоб та тоска расколослась..."; его лирический герой взывал: "Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость, Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось". Л.Я.Гинзбург поставила перед собой противоположную жизненную задачу - додумать, непременно додумать все мысли до конца - и самостоятельно понять, что случилось с людьми ее страны, ее эпохи.

Почему она и стоит особняком среди людей своего поколения - привычка думать и додумывать помогли ей не поддаться жестоким обольщениям времени.

Иронии и скепсису, долгие годы замещавшим в среде советских интеллектуалов подлинное усилие интеллекта, Лидия Яковлевна Гинзбург, совсем не лишенная ни иронии, ни скепсиса, ни язвительного остроумия, противоположила глубоко серьезную мысль, умело вытесненное из нашего существования (в том числе и при помощи вполне оппозиционных сатирических жанров) размышление о самом существенном - о бытии, любви, о жизни и смерти.

За последние 10-15 лет она собственными руками, личными усилиями подняла уровень отечественной духовной жизни.

Книги ее заняли место в первом ряду русской гуманитарной мысли XX века.

Как-то она написала, что "легкость смерти нашего времени, к несчастью, вовсе не в отсутствии смертной муки", а "в той бесследности и простоте, с которой индивид изымается из общих связей".

Смерть ее - не бесследна.

М.Ч.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПИЛК - Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- ПиеС - Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
- ТЖЗЛ - Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. (Серия ЖЗЛ). М., 1966.
- ПТЧ - Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984.
- ВТЧ - Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986.
- ТТЧ - Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.
- ТМ-88 - Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988.

Корректурное добавление к с.244: по сведениям муниципалитета Флоренции, М.Лопатто умер 26 января 1981 года; благодарим коллегу Stefano Garzonio, сообщившего нам об этом письмом от 3 августа 1990 г.

М.Ч.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.	3
-------------------------	---

I. Тезисы и заметки

Ильин-Томич А.А. Из маргиналий к "Медному всаднику"	7
Козлов С.Л. К генезису "Записок сумасшедшего".	12
Осват А.Л. Тютчев – переводчик Людвига I Баварского.	15
Тоддес Е.А. Вокруг Кюхельбекера	20
Ронен О. Из наблюдений над стихами эпохи "промежутка"	23
Постоутенко К.Ю. Анализ одного подтекста ("Онегинский" пласт в "Блистательном Санкт-Петербурге" Николая Агнивцева)	26
Никольская Т.Л. Рецепция идей ОПОЯЗа в Грузии	31
Мейлах М.Б. Mythopoeisis oberiutiana. Заметки к построению обэриутской (мифо)- поэтики	36
Эйдинова В.В. О стиле Тьяянова ("Подпоручик Киже")	39
Чудакова М.О., Лебедушкина О.П. Последнее письмо Б.Л. Пастернака к Ф.А. Степуно	40
Каргашин И.А. О современных формах сказа.	42
Марков В. А. Текст как социокультурный феномен.	45

II. Материалы

Поляк З.Н. О ненаписанном рассказе Тьяянова "Пастушок Сифил"	51
Тоддес Е.А. Еще о замысле "Пастушка"	65
Рогов К.Ю. Из материалов к биографии и характеристике взглядов А.А. Шаховского	69
Панов С.И. Литературные "мелочи" Остафьевского архива. I "Зане"	90
Богомолов Н.А. К семантике слова "декадент" у молодого Брюсова	100
Мец А. Г. Эпизод из истории акмеизма	111
Тименчик Р.Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам	130
Письма Б.В. Томашевского к С.П. Боброву. Публикация, вступительная статья и примечания К.Ю. Постоутенко	133
Янгиров Р.М. Из эпистолярного наследия В.М. Чернова.	148
Сажин В.Н. Неудавшийся прорыв немоты (о невыведшем номере "Литературной газеты" 1921 г.)	162
Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал "Гермес"	167

I. Мемуарные заметки Б.В. Горнунга. Публикация М.О. Чудаковой и	
А.Б. Устинова. Вступительная статья М.О. Чудаковой. Примечания	
А.Б. Устинова	167
Б. Горнунг. Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине	172
Б. Горнунг. О журнале "Гермес"	186
II. Указатель содержания журнала "Гермес". Составители:	
Левинтон Г.А. и Устинов А.Б.	189
III. К истории машинописных изданий 1920-х годов. Публикация	
Г.А. Левинтона и А.Б. Устинова	197
Эджертон В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздатель-	
стве "Омфалос"	211
Редакторы. Несколько цитат, библиографических заметок и мемуарная реплика	
на полях публикации В. Эджертона	238
Нерлер П.М. Ю.Н. Тынянов и С.Б. Рудаков	245
Тименчик Р.Д. Тынянов в стихах современницы	247
Из писем Б.М. Эйхенбаума к Г.Л. Эйхлеру. Публикация В.В. Эйдиновой и	
Б.С. Вайсберга. Вступительная статья В.В. Эйдиновой. Примечания.	
В.В. Эйдиновой и Е.А. Рябоконт	259
Кацис Л.Ф. Набоков и Тынянов. I	275

III. Тыняновские чтения: автополемика

Чудакова М.О.	294
Лубин Б.В.	295
Гудков Л.Д.	301
Гаспаров М.Л.	310
Чудакова М.О.	315

In memoriam

Памяти Наталии Александровны Роскиной. (Чудаков А.П.)	329
Лидия Яковлевна Гинзбург. (М. Ч.)	331
Список сокращений.	333

ПЯТЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тезисы докладов и материалы для обсуждения

Редактор *И. Боже*. Художественный редактор *Г. Крутой*.
Технический редактор *Л. Демидова*.

Подписано в печать 23.08.90. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. 21 физ. печ. л.; 19,53 усл. печ. л.; 18,83 усл. кр.-отт.; 16,22 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ № 240. Цена 7 руб. Заказное. Издательство „Зинатне”, 226530 ГСП Рига, ул. Тургенева, 19. Отпечатано на Экспериментальном заводе Института органического синтеза ЛатвАН, 226065 Рига, ул. Крустпилс, 53

Первый тираж в количестве 4 неумерованных экземпляров отпечатан 18 июня 1990 года. Тираж сброшюрован и переплетен Л. М. Турчинским 19 июня 1990 года за 2 часа 37 минут до отъезда участников Чтений в Резекне.

7 p.